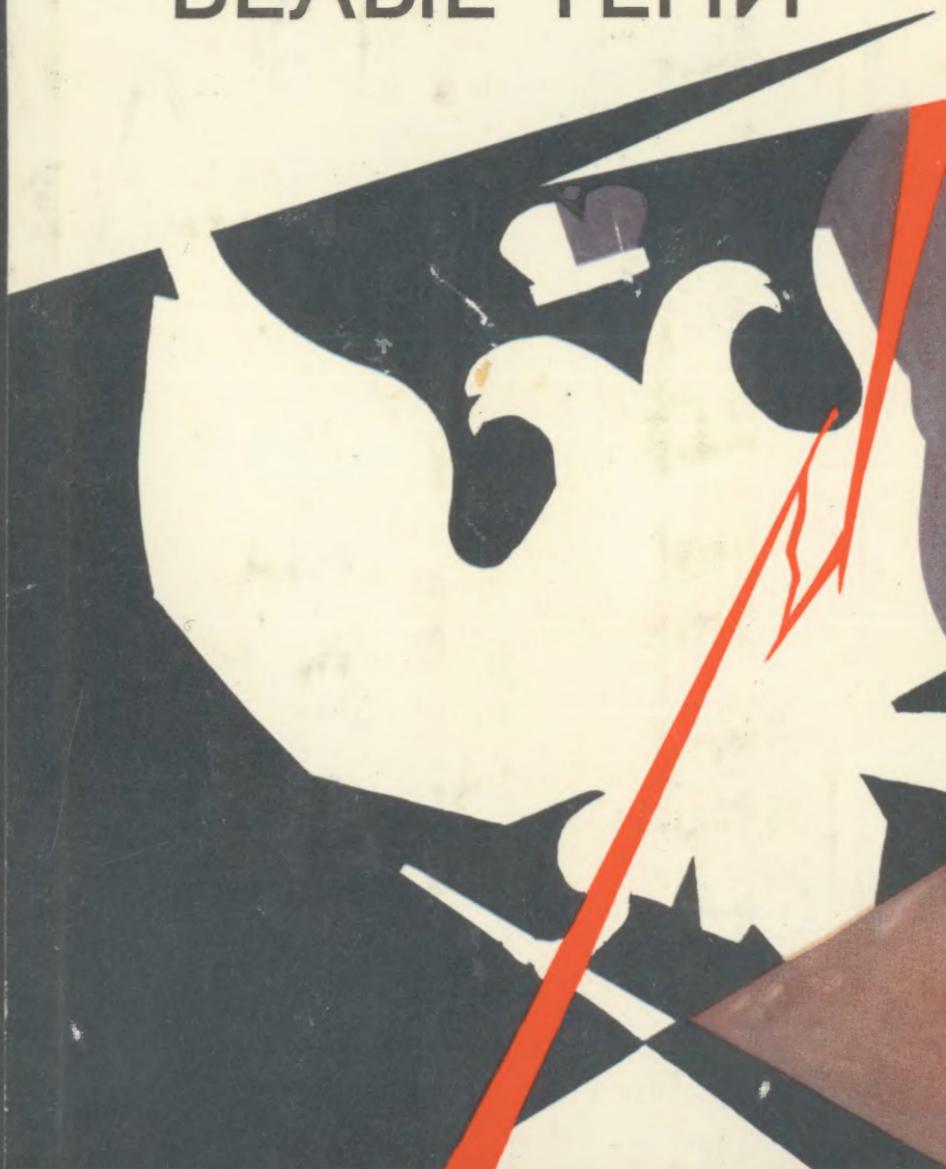

ИВАН ДОРБА

БЕЛЫЕ ТЕНИ

ИВАН ДОРБА

БЕЛЫЕ ТЕНИ

РОМАН

МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1981

84 P7
Д 68

Дорба И. В.

Д 68 Белые тени: Роман (Предисл. С. Сартакова. — М.: Мол. гвардия, 1981. — 336 с., ил. — (Стрела). В пер.: 1 р. 40 к., 100 000 экз.

Действие романа происходит на Балканах в 20—30-х годах, где после Великой Октябрьской революции сосредоточилось много русских белоэмигрантов. Автор показывает внутреннюю острую борьбу и расслоение двух поколений эмигрантов, стремление империалистических разведок использовать их в своих целях. Герой романа — советский разведчик, проникший в среду белоэмиграции и выполняющий особое задание Советского правительства.

**ББК 84P7
P2**

Д $\frac{70302-037}{078(02)-81}$ 140—81. 4702010200

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Давно знаю Ивана Дорбу. Знаю как превосходного переводчика с украинского и сербскохорватского языков. Он открыл русскому, а тем самым, через русский язык, и нашему многонациональному читателю страницы неумирающих произведений классиков украинской литературы Михайлы Коцюбинского, Панаса Мирного, Леси Украинки; крупнейших писателей Украины — Юрия Яновского, Петра Панча, Семена Скляренка.

Иван Дорба одним из первых мастеров перевода познакомил советского читателя и с лучшими произведениями югославских классиков: Стевана Сремца, Ива Чипико, Милаша Црнянского, Михаила Лалича, Мирослава Крлежи.

Особенность творческого почерка Дорбы такова, что, выделяя очень тонко, свято храня стилевое и художническое своеобразие того или иного переводимого писателя, он всюду остается и самим собою — приверженцем точности и добросовестности в работе. Ему довериться можно. Прежде чем на чистый лист бумаги начнут ложиться первые строки художественного перевода определенной книги, он изучит все, что относится к жизни, к личности ее автора и к тем событиям, что описаны в книге. Он, Дорба, становится правдивым свидетелем, а порой и как бы непосредственным участником этих событий, добрым знакомым автора. Книг, отделенных от личности писателя, для переводчика Ивана Дорбы не существует, как не вызовет у него желания взяться за перевод и та книга, к событийной ткани которой он равнодушен.

И вот передо мною «Белые тени», роман. Первая не переводческая, а собственная, авторская, писательская работа, роман, отмеченный теми же, органично присущими переводчику Дорбе свойствами и достоинствами — глубинным знанием материала, основательной работой, сделанной по исследованию первоисточников.

Книга построена на реальной основе. Дорба в своем романе приоткрывает читателю завесу над жизнью и политической возней той части белоэмигрантской «публики», которая выпестовала в своих недрах мрачноизвестный НТС («Народно-трудовой союз») — яро антисоветскую и антикоммунистическую организацию.

В художественной литературе тема, разработанная мало. И это не детектив для легкого чтения (хотя роман читается и легко), это очень серьезно.

Не вдаюсь в исторический анализ событий, изображенных в романе, — здесь преимущества историка на стороне Дорбы, — а о литературном воплощении конкретного материала хочу сказать. Написано рукой умелой и уверенной. Как и подобает автору, прошедшему великолепную школу жизни. И школу художественного перевода.

И как и подобает писателю, который не рассказать о том, что переполняет и теснит душу, уже не может, который убежден, что рассказанное им узнать читателю будет полезно. И интересно.

Сергей Сартаков

Пролог

В кабинете начальника КРО * ОГПУ шло заседание. На повестке стоял вопрос о засылке в Донской кадетский корпус сотрудника ОГПУ Алексея Хованского.

— Стало быть, вы, Сергей Васильевич, считаете целесообразным направить в СХС ** именно Хованского? — расхаживая по просторному кабинету и поглядывая на снежные узоры на окнах, спросил Артузов.

Пузицкий, раскрывая у себя на коленях объемистую папку, только кивнул головой, но, увидев, что начальник на него не смотрит, буркнул:

— Да, конечно!

— И убеждены в том, что список английских агентов, орудовавших в двадцатом году в юго-восточной Украине, находится у казацкого белогвардейского генерала Кучерова?

— Таковы данные, Артур Христофорович! — Пузицкий поднял с колен папку, словно призывая ее в свидетели. — Как я уже докладывал, Кучеров, по словам воевавшего с ним казака-возвращенца Степана Чепиги, хранит эти документы, представляющие для нас особый интерес, и не видит другого выхода, как передать их нам.

— В чем же дело? Почему он их не передал?

— Это не так просто. Кроме того, Чепига побывал в своей станице только в этом году и там встретился с сестрой Кучерова — Еленой Михайловной. Та показала ему письма брата. В одном из них он передает привет Чепиге, называя его по кличке Рыжим Чертом, и намекает о табакерке, вероятно, в ней-то документы и спрятаны.

— С двойным дном? — спросил Артузов.

— Совершенно точно. То, что документы находятся еще у Кучерова, подтверждает акция польской Двуйки***, которая недавно направила в Билечу — это городок, где находится кадетский корпус, — двух своих агентов. Мужчину и женщину. Как мужа и жену. Он, знакомая нам птичка, некий Очеретко, прошлой осенью бежал с группой заключенных из лагеря, перешел границу и в

* КРО — контрразведывательный отдел.

** Так до 6 января 1929 года называлось королевство сербов, хорватов, словенцев — Югославия.

*** Второй отдел разведки в буржуазной Польше.

ноябре появился в Польше один. Но самое интересное, что в это же время у нас, недалеко от границы, был обнаружен труп бежавшего с ним дружка...

— Того самого, которого я захватил шесть лет тому назад возле станицы Марьянской, бывшего логова английского резидента Блаудиса? — хмуρο вставил заведующий Особым отделом.

— Именно! — Пузицкий оглядел присутствующих и продолжал: — С Очеретко-Скачковым — сейчас он Скачков — поехала в Билечу дочь мелкопоместного херсонского помещика Ирен Жабоклицкая. Весьма привлекательная, даже красивая женщина. Она вдова сотрудника Двуйки — Сосновского... Того самого, который ранил нашего пограничника, был сам тяжело ранен и умер у нас в больнице.

— Помню, в сентябре прошлого года, — кивнул головой Артузов.

— Да, двадцать пятый год был урожайный на шпионов, — заметил как бы про себя старший оперуполномоченный Федоров.

— А пока ее муженек вояжировал и лежал в больнице, она развлекалась с сотрудником Интеллидженс сервис...

— Наверняка тот вербовал Жабоклицкую, — снова перебил Пузицкого заведующий Особым отделом. — Значит, тут и английское масло. А куда англичанин сунет нос — жди провокации. Потому не проще ли, Сергей Васильевич, склонить Блаудиса к даче правдивых показаний. Он сидит у нас в тюрьме...

— Заставить заговорить эту прожженную бестию просто невозможно. Молчит. Зачем ему усугублять свою вину? Английская же разведка, если наши предположения верны, очень заинтересована в списках, которые у Кучерова. И мы, полагаю, должны ей помочь получить эти списки, имея, разумеется, их фотокопии.

— Шито белыми нитками! — снова не выдержал Артур Христофорович.

— Почему? Хитрый Альбион, разумеется, будет проверять. Тут многое зависит от Кучерова и дальнейшего его поведения. Потому я и рекомендую послать Хованского. Англичанам же мы предоставим возможность выкрасть эти документы.

— И ехать Хованскому надо под своей фамилией, — вмешался в разговор молчавший до сих пор старший оперуполномоченный Федоров.

... — Биография у него вполне подходящая, капитан третьего ранга, служил всю войну* в подводном флоте. Большевик-подпольщик. С начала революции секретарь судового комитета. Воевал с белыми. Награжден орденом Красного Знамени. Но об этом мало кто знает. Он работал в подполье в Елисаветграде, в Таганроге, в Севастополе. Знаком с повадками белых... Отец его старый революционер... отбывал каторгу...

Потрогав бородку, Артузов обратился к Федорову:

— Это не тот ли Хованский, что взорвал в Севастополе водокачку во время врангелевской эвакуации?

— Он самый, Артур Христофорович! А орден получил за то, что вырвал из-под расстрела добрую сотню товарищей, которых захватили в Елисаветграде головырезы батьки Григорьева.

— Выдвигая кандидатуру Хованского, — заговорил Пузицкий, — я учитывал все это. Должен добавить, что он смел, находчив, умен, достаточно образован и, наконец, что немаловажно, холост. Знает языки. Специалист-электрик, что весьма существенно, поскольку в кадетском корпусе этой весной собираются налаживать гидростанцию и мы рассчитываем, что ему удастся там устроиться.

— А если не удастся? — спросил Артузов.

— Есть еще варианты. Что касается легенды, она детально разработана, проста и, думается, не должна вызывать подозрения. — Пузицкий вытащил из верхнего кармана френча папиросу, закурил и нерешительно продолжал: — А документы, по которым он будет проживать в Югославии, ему лучше получить на месте, в самом Белграде...

Артузов вопросительно поднял брови.

— Многие русские беженцы, не говоря уж о военных, вовсе не имели документов, и потому сейчас за границей неразбериха страшнейшая. Свидетельства выдают в так называемом русском посольстве: посол — штатским, военный агент — военным. С этими справками идут к уполномоченному по делам русских беженцев, и он выдает нансеновские паспорта. Эдакую зеленоватую бумажку, в которой на нескольких языках занесено: имя-рек, родился там-то и тогда-то, прозывается так-то и является русским беженцем; по-сербски звучит здорово: «избеглица»! С этой бумажкой идут в полицию. У юго-

* Речь идет о первой мировой войне.

славов в русских делах тоже сплошная путаница. — Пузицкий заглянул в папку, перелистал с конца несколько страниц и сказал: — А теперь разрешите прочесть, выборочно конечно, легенду.

Артузов кивнул головой.

— «Алексей Алексеевич Хованский родился в тысяча восемьсот восемьдесят восьмом году в городе Воронеже. Учился в реальном, а затем мореходном Севастопольском училищах. Службу нес на подлодке «Буревестник» как второй помощник капитана, в чине капитана третьего ранга. После аварии как специалист-электрик направлен в Николаевскую верфь». — Пузицкий оторвал взгляд от бумаг и улыбнулся. — До сих пор все соответствует действительности, дальше идет легенда: «Служил в частях Добровольческой армии генерала Деникина и русской армии генерала Врангеля. В двадцатом году тяжело контужен... Страдает выпадением памяти... Эвакуировался из Евпатории вместе с донским резервом... Попал в Сан-стефанский лагерь... В феврале двадцать первого года подписал контракт на три, а потом еще на три года с англо-бразильской кофейной фирмой «Мигуэль и К°» и уехал на плантации в штат Мату-Гросу, что на реке Аринус, недалеко от города Позу-Алегри... — Пузицкий откашлялся, положил папку на стол и продолжал рассказ: — Ну а дальше, не выдержав тяжелых, фактически рабских условий труда, совершает побег, добирается, где пешком, где на попутных машинах, до порта Сантус, устраивается матросом на шведском лайнере «Стелла поларис» и, когда «Стелла» заходит в югославский порт Сплит, берет расчет и едет в Белград. Знакомых Хованский пока никого не встретил, из документов у него остался только офицерский послужной список царского времени. Все это он доложит военному агенту — подробности я упускаю, — попросит выдать удостоверение, денежную помощь и устроить на работу... Хованский отлично знает географию Южной Америки и сбить себя не даст, к тому же я подготовил ему материал. — И Пузицкий похлопал ладонью по толстой папке.

Артузов задумчиво поглаживал бородку. Все молчали.

— И как долго вы собираетесь держать там Хованского? — спросил он наконец.

Пузицкий пожал плечами.

— Право, не знаю! Если операция пройдет удачно,

ему придется задержаться на два-три месяца и еще два-три месяца потребуется на подготовку. Всего полгода. Но хотелось бы, и он полностью согласен...

— С чем согласен? Что хотелось бы? — быстро спросил Артузов.

— Была думка оставить его на более продолжительный срок. Хованский считает, что среди нового поколения эмиграции найдется немало юношей, лояльно настроенных к Советскому Союзу, и таких следует склонять на свою сторону, вовлечь в работу на нас. Пусть послужат на благо покинутой ими Родины!..

— Яблоко от яблоньки недалеко падает, — заметил угрюмо Федоров, и глаза его недобро блеснули. — В этом вы, Сергей Васильевич, заблуждаетесь...

— Эмиграция сейчас деморализована и не представляет серьезной силы, более того — она продажна, беспринципна и осуждена на медленное вымирание, — вмешался в спор Артузов, он поднял предостерегающе палец: — Пожалуй, Сергей Васильевич прав. Белая эмиграция может в случае войны сыграть ту или иную роль. И какова будет эта роль, зависит в некоторой степени от нас, большевиков. Не забывайте, что во время гражданской войны многие нынешние эмигранты остались по ту сторону баррикад случайно, не каждый дворянин, князь или граф является обязательно врагом советского строя. Что касается молодежи, то подрастающее поколение белой эмиграции через десяток лет станет единственной колыбелью, где наши враги будут пестовать своих птенцов, единственным очагом заразы, осиным гнездом, если хотите. Этого забывать нам не следует. И пренебрегать этим тоже не следует! Поэтому я считаю целесообразным, если операция, пусть она идет под кодом «Чепига», пройдет гладко, оставить Хованского там на длительный срок, дать ему возможность ближе познакомиться с российской эмиграцией и поработать с молодой порослью.

Артузов умолк и задумчиво поглядел в окно, потом окинул взглядом присутствующих.

Все согласно закивали головами. Пузицкий широко улыбнулся и крякнул.

— Разрешите тогда готовить Хованского? — спросил он.

— Разумеется! Надеюсь, месяца вам хватит. А каков план его переброски?

— Сначала выедет в Варшаву под чужой фамилией.

Из Варшавы направится в Бухарест с тем, чтобы в начале апреля нелегально перейти границу у небольшого городка Бела-Црква. — Сергей Васильевич подошел к висящей на стене большой карте и ткнул в нее пальцем. — Вот тут, Артур Христофорович! В этом городе полно русских: Крымский кадетский корпус, Донской женский институт, немало тут и офицеров, оставшихся после расформирования Николаевского кавалерийского училища. Думаю, никто не обратит внимание на появление еще одного русского капитана-морьяка.

Федоров одобительно хлопнул в ладоши:

— Это точно!

— Хованский проживет недели две или три на частной квартире. Никаких трудностей это не представит. В Бела-Цркве на каждом шагу висят объявления о сдаче комнаты.

— Стан за самца! — произнес Федоров, фыркнул и тут же виновато улыбнулся.

Артузов посмотрел на него удивленно:

— Почему за самца?

— «Стан за самца» — на сербском языке означает: квартира для одинокого. Вероятно, происходит от слова «сам», — объяснил Федоров.

— Мы считаем, — продолжал Пузицкий, — прежде чем встретиться с русским военным агентом, Хованский должен осмотреться, пожить в провинции, посидеть за стаканом вина с живыми белогвардейцами, уточнить и отшлифовать свою легенду. Пусть узнает, чем живет в данный момент эмиграция, ознакомится с историей Крымского и Донского кадетских корпусов, а потом уже едет в Белград. Там мы устроим ему свидание с Иваном Абросимовичем, а Иван выпустит его в широкие воды. Вот, собственно, и все! — Пузицкий отошел от карты и уселся в кресло.

— У кого-нибудь есть замечания? — Артузов осмотрел присутствующих. — Нет! Хорошо. Сергей Васильевич, пришлите ко мне Хованского перед отъездом.

На том заседание закончилось.

Алексей Хованский вошел в залитый апрельским солнцем кабинет начальника КРО ОГПУ и остановился у двери. Артузов поднялся из-за стола, поздоровался.

— Ну как, Алексей Алексеевич, подготовились к операции? К долгому пребыванию на чужбине?

В это время большие часы в углу заговорщически шикнули и весело отзвонили одиннадцать. Артузов, чуть склонив голову, считал удары.

— Подготовился, Артур Христофорович, ко всему подготовился. И постараюсь оправдать доверие. — Хованский вытянулся, щелкнул каблуками.

Артузов внимательно оглядел Алексея. Ему понравились его серые глаза, нерусский, с горбинкой, нос, левая нижняя челюсть, сильное, складное тело и какая-то внутренняя уверенность, которая всегда присуща сильным людям.

— Ну, хватит щелкать каблуками, садитесь, — он указал рукой на кресло.

— Я ведь кадровый офицер. Тянул лямку с двенадцати лет, — улыбнулся Алексей, осмотревшись, сел в кресло возле стола.

— Трудная перед вами стоит задача, дорогой товарищ, — сказал Артузов, выходя из-за стола и занимая кресло рядом с Хованским. — Много ума и воли надо приложить разведчику, чтобы добиться своего. Много такта, умения и, если хотите, веры, фанатичной веры в наше правое дело... Да вы закуривайте!

— Не курю, Артур Христофорович! Не позволяет спорт.

— Отлично, отлично... — добродушно сказал Артузов и задумался, видимо, собираясь с мыслями. — Едете в чужой, враждебный нам мир, будете жить бок о бок с эмигрантами, с белой сволочью. Мы здесь смеемся над беляками и твердим, что они-де ничему не научились и ничего не забыли. А вам с ними жить. Их новое поколение в отличие от отцов уже приспособливается к новым жизненным условиям. Лет через десять в мире зазвучат новые песни и каковы они будут, зависит во многом от нас, а в какой-то, пусть ничтожной, степени и от этих самых беляков. В Европе идет разжигание ненависти против нас и вражды между нациями. В надвигающемся экономическом мировом кризисе, который грозит безработицей и разорением мелкого буржуа, западные пророки видят «призрак коммунизма». Белая эмиграция, а вслед за ней мировая печать, радио, кино, за небольшим исключением, представляют большевиков грабителями и убийцами. С ножами в зубах видит нас перепуганный обыватель... Уже накапливаются против нас серьезные силы, вынашивается новая идеология. В Португалии и в Италии утвердился фашизм. Умы не-

мецких бургеров тревожат бредовые идеи Ницше, национал-социализм и расизм. Людей белой дурманит проповедь культа силы, иррационализм и мечта о реванше.

Артузов встал, подошел к окну и распахнул его. В кабинет вместе с шумом машин ворвалась свежая струя воздуха.

Алексею показалось, будто начальнику стало душно от сказанных слов. И вопрос, готовый сорваться с языка, остался незадачным. Артузов, словно уловив мысль Хованского, вернулся на место:

— Сталкиваясь с враждебными нам философскими течениями, мы отмечаем лишь их уязвимые стороны, так сказать, обвиняем без защитника и последнего слова подсудимого. Мы оберегаем наших людей от тлетворного влияния псевдонаучного философствования. Наши враги поступают примерно так же. Но для того чтобы успешно бороться с врагом, необходимо знать в первую голову его сильные стороны. Знать его историю. Вы едете в Донской кадетский корпус. Спросите себя, что вам о нем известно? «Наша обязанность — вскрывать классовые корни всех партий, которые выступают на историческую сцену», — учит нас Владимир Ильич. Трудное дело увлечь за собой бывших лютых врагов.

Артузов встал, протянул Алексею руку и с теплотой в голосе сказал:

— В добрый час, Алексей Алексеевич! И помни: мы с тобой и в беде и в радости! До свидания! Не до скорого, но до свидания!

Алексей крепко пожал Артузову руку, пожал как доброму другу, и в этом пожатии и взгляде, которым они обменялись, было сказано больше, чем за время всего свидания.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава первая
«Рука Москвы»

1

Алексей Хованский знал, что небольшой придунайский городок Югославии Бела-Црква славится виноделием, шелкопрядством, торговлей хлебом и... карнавалами; знал, что, по данным статистики 1918 года, в нем насчитывалось 9239 граждан, из коих сербов 2670, румын 627, словенцев 33, немцев 5194, венгров 370, чехов 345; знал и то, что в 1921 году население городка вдруг увеличилось на две тысячи. И хотя эти люди не имели гражданства, они изменили лицо города и размеренный ток жизни. Обосновавшись в казармах бывшего кавалерийского полка бывшей Австро-Венгерской империи, эти русские гусары, уланы и кирасиры за неимением лошадей разгуливали, позвякивая шпорами, по пыльным улицам, строили куры дебелим немкам и любвеобильным венгеркам, пьянствовали, затевали драки и нарушали ночной покой мирных граждан. Но затем училище закрыли, и в городе стало тише.

Спустя два года прибыл Крымский кадетский корпус и Донской Марининский институт. Город — эта разноплеменная община, которую сербы называли Бела-Црква, венгры — Фехтемплом, немцы — Вейскирхен — снова зажил веселее.

Русские эмигранты называли город Белой Церковью. «И неудивительно», — думал Алексей Хованский, — родной язык звучит в ушах всегда приятней!» — он не мог выговорить «Белая Церковь» иначе, чем через букву «е». Однако об этом его новые знакомые не догадывались и охотно делились, сидя за стаканом вина, всем тем, что наболело на сердце, тревожило ум и не давало спать.

В первые же дни Алексей убедился, что Белая Церковь прежде всего — море вина. Легкого, приятного на вкус. Оно льется здесь без удержу, стоит гроши, продается почти в любом из двух тысяч девятистот домов, насчитывающихся в городе. Оно веселит душу и развязывает язык. Потому, вероятно, жители городка веселые, приятные люди. Пьют здесь и стар и мал.

Пьют и русские эмигранты, жадно заливают внутренний огонь, словно состязаются, кто выпьет больше. Алексей узнал, что в чемпионах ходит огромный пузатый епископ Гавриил. Остальным до него далеко, в том числе и директору кадетского корпуса Римскому-Корсакову, хотя по своей корпуленции генерал-лейтенант почти не уступает его преосвященству.

Пьют кадеты первой роты. И хотя это запрещено, начальство смотрит на их загулы сквозь пальцы.

Алексею нетрудно в такой обстановке заводить знакомства, особенно с состоящими на службе у Бахуса. Он несколько раз заходил в русский кабачок. Но эти знакомства для него малоинтересны. А вот сегодня ему повезло. Едва он вошел в небольшой зал пообедать, как тут же появились двое: высокий, статный гвардейский полковник с «владимиром» на груди и коренастый, войсковой старшина в серой черкеске. Первый, тараша серовато-водянистые глаза на портрет Врангеля в красном углу, промаршировал к соседнему от Алексея столику; второй, напоминавший своей бородой, приплюснутым носом, безвольным ртом Деникина, любезно поприветствовал стоящую за стойкой хозяйку и, легко ступая в своих мягких чуваках, последовал за полковником, оглядывая по дороге немногочисленных гостей.

Ответив на поклон Алексея, они уселись, заказали

подошедшей официантке графин вина, марципан и продолжили, видимо, давно уже начатую беседу.

Из отрывочных фраз, многозначительных недомолвок и далеко не тонких намеков Алексей понял, что познакомились они недавно, что оба еще прощупывают друг друга, что низенький, Николай Александрович, после какого-то скандала в Донском кадетском корпусе был вызван в Белград и сейчас заехал в Белую Церковь за полковником Иваном Ивановичем по поручению какого-то Александра Павловича. По тому, как войсковой старшина внушительно произносил: «Александр Павлович лично вас просил! Александр Павлович надеется, что вы не откажете заняться Петром Михайловичем», Алексей сразу же понял, что речь идет о каких-то больших чинах.

«Похоже, они оба связаны с разведкой, — заключил Алексей. — То, что мне и нужно. Они меня, конечно, заметили. Черт побери! Как мы встретимся в Билече?»

Тем временем войсковой старшина завел речь о новом директоре и смене персонала в Донском кадетском корпусе.

Когда был заказан новый графин, беседа стала шумнее, лица собеседников покраснели, Алексей поднялся, подошел к их столику, щелкнул каблуками:

— Простите великодушно, господа, за вторжение! Невольно услышал, что вы из Донского кадетского корпуса. Я собираюсь в Билечу, слышал, там требуется инженер-электрик налаживать гидростанцию. Разрешите представиться: капитан третьего ранга Хованский, — отчеканил Алексей.

— Павский! — поднимаясь и вытягиваясь, процедил сквозь зубы Иван Иванович и уставился своими рыбьими глазами на Алексея.

— Очень приятно! Николай Александрович Мальцев. Садитесь, князь! Как прикажете вас величать? — спросил второй собеседник.

— Алексеем, и батюшка мой Алексей. Но мы не...

— Садитесь! Нам нужно электричество. Карбидными лампами освещаемся. Отрава! Ищем толкового инженера, — развязно продолжал Мальцев.

— Сначала выправить документы нужно, потом как-то оформиться у военного агента, полковника Базаревича. От него многое зависит, — посетовал Хованский, не торопясь садиться за стол.

— Вы из Бизерты, что ли? — покосился Павский.

— Нет! Из Бразилии. Бежал с кофейных плантаций!

— Ха-ха-ха! Князь Хованский попался на удочку! Меня на Лемносе в Перу вербовали. Да садитесь же вы! — и Мальцев жестом указал на стул. — Выпейте с нами стакан вина.

— С удовольствием. Но прежде всего — я не князь. Мы воронежские дворяне.

— А-а-а! — разочарованно скорчил гримасу Мальцев.

— Хованские — славный дворянский род. Служил один в моем Измайловском полку. — И Павский одобрительно закивал головой. — Но были в старину бунтарями.

— Ха-ха-ха! Только вы, Алексей Алексеевич, в Донском корпусе не бунтуйте. — Мальцев погрозил пальцем и, нахмурясь, снова деланно засмеялся. — Тут идет наше разложение. Недавно кадет усмиряли. Одни за самостийную Казакию ратуют, другие... от других попахивает большевистским душком... Третьи тянут черт знает куда!...

— Николай Александрович, все станет на свои места, это попросту бурлит молодая кровь и у донских кадет, и у крымских. Смешанный состав, великовозрастность и время. Мы и сами порой не знаем, куда податься. В Крымском корпусе тоже неблагополучно...

Алексей уже знал, что Крымский корпус представлял собой весьма противоестественное соединение двух кадетских корпусов — Полтавского и Владикавказского. В 1918 году старшие классы пошли воевать против большевиков. Кто был убит, кто ранен, кто изувечен. Оставшихся после разгрома Врангеля погрузили на пароход и эвакуировали сначала в Константинополь, потом в Королевство СХС, в старый австрийский лагерь для русских военнопленных Стернице при Птуе, близ железнодорожной станции со звучным названием «Свет Ловренс на Дравском полю». Обосновавшись кое-как в обитых толем дощатых бараках, они принялись за учение. Однако его наладить было не так просто, тем более установить дисциплину. Головы кадет и преподавателей были заняты другим. Все ждали, что вот-вот, через день, через месяц падет Советская власть и они вернутся домой.

— Тут неблагополучно, — вздохнул Павский и пьяно посмотрел на Алексея.

— Я ничего не знаю о судьбе наших кадетских корпусов, — признался Хованский.

— Донской кадетский корпус, верней его младшие классы, был эвакуирован в девятнадцатом году из Новочеркаска в Новороссийск. Не в обиду вам будет сказано, Николай Александрович, — Павский поклонился в сторону Мальцева, — но ваши казаки отступали столь стремительно, что едва не позабыли о своих кадрах. Кадетиков посадили на пароход, уходящих в Турцию, в последний момент, а оттуда англичане вывезли их в Каир...

— В Александрию, — поправил его Мальцев. — Верней, под Александрию, в палаточный городок. И собрали туда всех ребят: и отроков и юношей. И называли сие смешение Донским Александра Третьего кадетским корпусом! Хе-хе! Чудненько! А? То-то! Корпусом, куда принимали в отличие от прочих корпусов, не только детей потомственных дворян, но и простых казаков. Поэтому можно себе представить, как там ладил, скажем, Санжа Цуглинов, сын калмыцких степей, с лощеным чадом основателя Московского лицея Иваном Катковым или с изнеженным отпрыском славного рода графов Кановницких, когда после изнурительного дневного зноя им приходилось всю ночь дежурить под завывание шакалов у денежного ящика. Они даже песенку сочинили. — Мальцев наклонился к Алексею и тихонько фальцетом запел:

В добрый час... В добрый час...
Спите, бо-о-ог не спит за вас...

Потом отхлебнул вина и начал свертывать сигарку.

— А что было со старшими кадетами? — спросил Алексей.

— Их эвакуировали из Евпатории и после долгих мытарств направили в Словению, в бывший австрийский лагерь для русских военнопленных Стернице. По соседству с крымцами. И сделали глупо.

— Почему? — удивился Алексей, подливая войсковому старшине вина.

— Начались раздоры! Полтавцы впитали в себя все отвратительные обычаи школы гвардейских кавалерийских, я подчеркиваю, Иван Иванович, кавалерийских юнкеров, переименованной потом в Николаевское кавалерийское училище. Они видели себя эдакими лихими гусарскими корнетами, которым все нипочем, все трнтрава! Они, начиная с директора и кончая последним воспитателем, были искренно убеждены, что «Зверия-

да» — это собрание куплетов о «зверях ада», что она дошла до стих такой, какой написал ее Лермонтов*. И переняли роняющий человеческое достоинство «цук», в силу которого младший кадет, то есть «сугубый», должен беспрекословно подчиняться выпускнику — «корнету». «Сугубого» можно заставить ходить гусиным шагом или вертеться волчком. «Сугубому» можно в виде наказания дать «на честное слово» сто приседаний, приказать являться с дурацким рапортом каждые четыре часа. Несогласные, видимо, с творцом «Полтавы», что «В одну телегу впрячь неможно коня и трепетную лань», полтавцы, которых было большинство, старались навязать «цук» владикавказцам — этим вольным казакам, привыкшим относиться к «ингородским» пренебрежительно. Возникали драки, переходившие в настоящие побоища. Вот в чем был раздор!

— А при чем же тут донцы? — спросил Алексей.

— Донцы? — вытаращился полковник. — Это они подзуживали и поддерживали владикавказцев. Стоило начаться драке, как они, не заставляя себя долго ждать и запыхавшись от стремительного бега, набрасывались с дикой злобой на «полтавских галушек».

— И «полтавский бой» заканчивался в их пользу, не так ли? Ну а фонари под глазами, распухшие губы и носы и выбитые зубы в расчет принимались? Вроде кулачных боев? — пошутил Алексей, вовлекаясь в беседу, про себя успевая отмечать: «Вы деретесь между собой от злобы к нам, большевикам, вас терзает тоска, что никогда уже не будет согласия между желаемым и действительным, прошлым и настоящим».

— Да, большие беспорядки, — продолжал Мальцев. — По вечерам становилось опасным пересечь написанную границу между корпусами. Все чаще разливиный подголосок хора донских кадет или берущая за душу украинская песня звучали под аккомпанемент жужжащих и визжащих железок, пущенных из пращей, или под глухие удары камней о дощатые стены барраков.

Павский, слушая, налил себе полный стакан вина, выпил его залпом и уставился в окно. В небе догорала вечерняя заря.

«Он пьян», — отметил Алексей.

— Дальше пошло хуже, — заговорил хмельно Пав-

* Ходили легенды, что «Звериаду» написал М. Ю. Лермонтов.

ский. — Последовала серия самоубийств. Следствие каждый раз заходило в тупик. Застрелившийся оставлял после себя записку: «В смерти прошу никого не винить. Причина — тоска по Родине». Наконец, по оставленному кадетом письму выяснилось, что среди полтавцев действует группа, именующая себя «Клубом самоубийц», которая вербует неустойчивых юношей. Члены клуба регулярно собираются и тянут жребий, кому пришел черед... Кадет в душераздирающем послании обращался к корпусному начальству и к товарищам: «Честь, — писал он, — не позволяет мне остаться в живых, не позволяет и выдать членов клуба, но я хочу предупредить, что через десять дней будет новая жертва». Все вокруг заволновалось. Надо было принимать экстренные меры. Из Белграда приехала комиссия. Выяснилось, в конце концов, что группа кадет сначала «щекотала себе нервы»: каждый из членов клуба, чтобы доказать свое бесстрашие, должен был вставить в наган патрон, повернуть, не глядя, барабан и, приставив дуло к виску, спустить курок. Потом показалось этого мало и они решили перейти к самоубийствам. Комиссия и следственные органы ничего толком не выяснили. Мнения разделились, одни утверждали: «Дело рук Москвы!»; другие: «У кадет из-за вечных драк сдали нервы»; третьи: «Пошатнулась вера в вождей, обещавших скорое возвращение на родину!» — и так далее. Я полагаю, что тут скорей всего тяжкие условия жизни, неудовлетворенность, неопределенное будущее и попустительство... — Полковник посмотрел на войскового старшину, который сидел с закрытыми глазами, но настороженно слушал рассказ, в такт его словам ударяя указательным пальцем по кромке стола.

От открыл глаза, улыбнулся Алексею и, словно только и ждал, подхватил последнее слово Павского:

— ...попустительство корпусного начальства! Хе-хе! Не правда ли, Иван Иванович? Потому-то комиссия и сменила воспитательский состав. И пошла писать губерния! Решили вывезти корпуса из Стернища в разные города, улучшить питание, одеть и обуть. Донцам предложили обмундирование бывшего австро-венгерского кадетского корпуса в Мариборе, повезли их туда, в древний штирийский город у подножия Альп, который славится яблоками и красивыми девушками. И когда великовозрастные, широкоплечие и мосластые сыны Дона стали натягивать на себя куцые мундирчики и узкие

брючки, сшитые на шуплых и худосочных отпрысков австро-венгерской знати, те трещали по всем швам! Черные же лакированные каскетки с большими золотыми орлами и белым плюмажем наши черти, хе-хе, употребили в виде разовых ночных, простите, «генералов».

Павский, сдерживая смех, выговорил:

— И поставили этих «генералов» перед дверями воспитателей, командиров сотен и директора! И перед вашими тоже.

— Точно! Я бы на их месте тоже так сделал. Ха-ха-ха! — И Мальцев принялся наливать всем вина. Отпив немного, он продолжал: — Кое-как одели вторую и третью сотни, а первая так и осталась голая и босая. Только и слышишь во время переключки: «Агеев?» — «Без ботинок!» — «Губарев?» — «Болен!» — «Журавлев?» — «Без ботинок!» — «Карпов?» — «Сдал в починку обмундирование!» Чудненько, а? В двадцать третьем году Стернице опустело. Крымцы уехали в Белую Церковь первыми. Туда же переводили и Донской Мариинский институт, эвакуировавшийся в 1919 году в полном составе во главе с директрисой, вдовой застрелившегося атамана Каледина. А обиженных до глубины души донцов отвезли в юго-восточную Герцеговину, в бывшую австрийскую крепость, неподалеку от границы с Черногорией, близ населенного турками городка Билечи!

«Надоела их болтовня, — отметил про себя Алексей. — Ни слова не говорят при мне о генерале Кучерове».

— Извините, Николай Александрович! Должен вас прервать. Было очень интересно! Но мне пора, — и Павский, поднимаясь, постучал пальцем по циферблату наручных часов. — Надо отдать последние визиты. А вы беседуйте. Вы мои гости. Наденька, — обратился он нетрезво к близстоящей официантке, — они мои гости! Принесите им еще вина. Честь имею! До завтра, Николай Александрович, а с вами, Алексей Алексеевич, увидимся, наверное, в Билече. — Чопорно поклонившись, он звякнул шпорами и, стараясь твердо печатать шаг, направился к выходу.

— Мне полковник показался несколько суховатым, даже холодным и, пожалуй, высокомерным, — сказал Хованский; теперь его уже занимало: кто такой Александр Павлович, который послал за Павским этого сидящего перед ним за столом войскового старшину.

— Я мало с ним знаком. Иван Иванович был адъютантом Корнилова, работал в ОСВАГе *, подвизался без успеха не то у Гаевского, не то у Богнара. Ну-с... Там, дорогой князь, бишь, Алексей Алексеевич, работают люди с железными нервами и живым умом, а Иван Иванович... Это не то... Он возглавил комиссию по расследованию «Клуба самоубийц» и тут окончательно потерпел фиаско и был назначен воспитателем в Крымский кадетский корпус. Теперь его переводят в Донской, преподавать французский язык в младших классах. Чудненько, а? — В словах Мальцева звучала досада. — Связи у человека в верхах...

— А кто это, Богнар и Ганевский? — спросил Алексей, хотя отлично знал, что полковники Богнар и Гаевский ведали врангелевской контрразведкой и разведкой. «Для чего он все это мне рассказывает? Уж не думает ли вербовать? Или просто не привык к этому банатскому вину, которое развязывает язык?»

— Не Ганевский, а Гаевский! Богнар и Гаевский, собственно, задлечных дел мастера, «охранка» Врангеля, если хотите, «Тайная канцелярия». Страшные люди, не к ночи будь помянуты! — и Мальцев засмеялся. Потом с сожалением посмотрел на опустевший графин, нерешительно взглянул на официантку, махнул рукой, взял стакан, небольшими глотками выпил вино до дна, вытер усы и встал:

— Ну-с, молодой человек, не довольно ли? Это чертово вино действует...

— Как «рука Москвы», — подмигнул Алексей.

— Да, нагнали страху на нас большевики после дела Савинкова **! Все в штаны наклади! — Мальцев неверными шагами двинулся к выходу.

Алексей понял, что сам войсковой старшина вряд ли доберется до гостиницы, взял его под руку.

2

На другой день Алексей просидел добрых два часа в городском саду, обдумывая дальнейший план своих действий, и все более приходил к убеждению, что из Белой Церкви ему срочно надо ехать в Белград. Вчерашний разговор полковника Павского с Мальцевым страшно его заинтриговал. Конечно, поверить в то, что случайно

* ОСВАГ — Осведомительное агентство денкинской разведки.

** Савинков — известный эсер, террорист.

сразу напал на след готовившейся операции, связанной с документами, находящимися у Кучерова, он не мог. Мальцев был сильно пьян, Алексей проводил его до гостиницы, намереваясь еще и там продолжить беседу, но Николай Александрович умел держать язык за зубами. И все-таки на вопрос: «Будет ли Александр Павлович в Белграде?» — Мальцев, ничего не заподозрив, ответил: «Нет, генерал Кутепов выехал в Париж». И Хованский даже вздрогнул: Кутепов — это же начальник разведки РОВСа*. А ведь Петром Михайловичем зовут Кучерова! Затем Мальцев сказался занятым, признался, что его скоро в гостинице навестит Павский, с которым они поедут в Белград.

В Белой Церкви у Хованского возникло удивительное чувство: городок напомнил ему родной Воронеж, детство, юность... Вот за воротами сада проходит парами класс институток в белых пелеринах с чопорной классной дамой в какой-то невероятной шляпе. Институтки исподтишка бросают на него любопытные взгляды с лукавинкой. «Что за офицер сидит на скамейке?» Проходит в черной рясе монах, смиренно опустив долу глаза. Продефилировали две дамы, эдакие «старые барыни на вате». Одна из них бесцеремонно оглядела его в лорнет.

Сегодня воскресенье, и в городе много кадет. Они разгуливают по улицам группами и парами. Вот по аллее сада идут три кадета. Они увлечены разговором. Один из них, среднего роста, с «георгием» на груди, сутулый шатен, его узкое, похожее на щучью морду лицо, вытянутый нос с горбинкой и колючие зеленоватые глазки до боли напоминают кого-то из далекой юности. Алексей мучительно напрягает память. Тем временем один из кадет хлопает «щучью морду» по плечу и говорит:

— Пошли выпьем по стаканчику, тряхни мошной!

— И в самом деле, Околов, не будь сквалыгой! — берет его под руку другой.

— Нету монеты! — блеет тот, как козел, и тут же, заметив сидящего на скамейке офицера в морской форме, показывает глазами на него товарищам. И они, поправив нояса и одернув рубахи, лихо откозырнув, проходят мимо.

* «Русский общевойсковой союз». Основан Врангелем в 1921 году с центром в Париже. Имел пять отделов.

«Черт! Каким образом? Да, несомненно, сын Околова, жандармского ротмистра Сергея Околова! Человека из той страшной ночи...» Хованский смотрит вслед удаляющимся трем кадетам, а перед глазами живо встают картины из далекой юности.

...Снежная, на редкость лютая зима 1905/06 года. Сугробы в Воронеже достигали крыш. Свиристые бураны выли как волки, крутили мелкий снег. Серые дни сменялись беспросветными сумерками, а за ними полз мрак. В городе шли аресты. Реакция торжествовала.

Алексей, в ту пору Лешка, приехал домой на каникулы. В новенькой форме. Неуклюжий подросток, ученик Севастопольского мореходного училища. Старался говорить басом, хоть и часто давал петуха, выставлял вперед грудь, разворачивал плечи, задирает нос и щеголял, иногда не попадая, морскими терминами.

На богоявление впервые за много дней проглянуло в морозной утренней дымке зимнее солнышко. Низовок сдуло за ночь со скованной льдом реки снег. И с высоты Хазарских урочищ река казалась среди белой долины ультрамариновой лентой, а сверкающие всеми цветами радуги ледяные кресты и голубцы у Иорданской черной проруби напоминали большую агатовую брошь в алмазной оправе.

Дождавшись конца службы, Лешка пошел домой, как вдруг увидел отца. Тот подавал рукой знак какому-то высокому мужчине в суконном кафтане, смазных сапогах и теплом картузе. Получив ответный знак, отец повернулся и быстро зашагал прочь.

Лешка растерялся. Отец, преподаватель словесности воронежской гимназии, в бога не верил и никогда в церковь не ходил, а тут явился на водосвятие. И потом этот явный признак волнения — вытянутая шея отца. А мужчина в суконном кафтане, с виду рабочий, потоптавшись с минутку на месте, двинулся вслед за отцом. Здоровенный мордастый парень поглядел воровато вслед рабочему и вдруг подморгнул стоящему в пяти шагах от него еще одному человеку, кивнул головою в сторону шедшего отца и направился следом. И мордастый парень, и его приятель были одеты одинаково. Оба в длинных пальто с мерлушковым воротом и таких же шапках. И даже лица, верней, их выражения, были такие же. Оба напоминали ищеек. Их цепкие взгляды, словно приносящиеся к чему-то носы, настоженные уши вызвали в Лешке чувство гадливости, он угадал, что они

следят за отцом и опасны для него. Это и заставило его пойти за ними.

Так они и шли: впереди — Хованский-старший, за ним рабочий, потом два шпики, а следом незаметно продвигается Лешка.

У ворот Митрофановского кладбища рабочий свернул в сторону, за ним последовал один из шпииков, а отец, второй шпик и он, Лешка, вошли в ворота на территорию кладбища.

Отец остановился у могилы Кольцова. Лешка как-то приходил сюда летом. Тогда было зелено, пели птицы. На цоколе из серого мрамора лежал небольшой венок из красных маков и васильков.

Теперь кругом бело и голо. Тишину нарушал лишь перезвон монастырских колоколов да скрип снега под ногами.

У памятника Кольцову отец прислонился к стволу плакучей березы. Мордастый спрятался шагах в пятидесяти за можжевельниковый куст. Лешка тоже остановился и присел за оградой, и вдруг отчетливо понял: «Надо выручать отца!» И когда за поворотом показался мужчина в шубе, он выбежал на середину дороги и громко крикнул прячущемуся за кустом шпику:

— Эй, дядя, чего там делаешь? Сейчас сторожа позову! — И, сложив рупором ладони, повернулся и заорал во все горло: — Дядя Андрей! Тут вор прячется! — и кинулся в сторону домика кладбищенского сторожа.

Человек в шубе с поднятым воротником и в надвинутой на глаза меховой шапке резко повернулся и зашагал прочь, все ускоряя шаг...

Радостный и возбужденный Лешка побежал домой. Вскоре пришел отец. Раздевшись, он обнял сына и повел в кабинет.

— Ты спас это! — Отец вынул из кармана пакет и положил в ночной столик...

В тот вечер Лешка долго лежал в постели, не смыкая глаз прислушивался, как завывает в трубе ветер и хлещет ветками ивы по стеклам окна, как залиристо с хрипотцой лает собака. Во сне ему не давал покоя мордастый шпик. И вдруг его будто кто-то толкнул. Он в тот же миг проснулся и сел. Была глухая ночь. Ник злобно лаял у крыльца. Тревога охватило все существо Лешки, перерождаясь в липкий, отвратительный страх. Лешка не выдержал и тихо позвал мать. Никто не от-

кликнулся. Тогда он вскочил, босиком, в одной рубашке кинулся в спальню матери. Кровать была пуста.

«Что-то случилось! Не трусь! Возьми себя в руки!» И Лешка неторопливо, осторожно направился к спальне отца. Его тоже не было. Из-под закрытой двери в кабинет пробивалась полоска света. Лешка подошел, взялся за ручку и услышал чей-то неприятный блеющий голос:

— Ну вот, милостивый государь, доказательства налицо! Как только вам не стыдно. Почтенный отец семейства, бывший офицер, преподаватель гимназии и занимаетесь такой мерзостью!.. В революцию играете! Марксистом заделались... Позор!

— Мне, господин Околов, быть марксистом и, как вы изволили выразиться, играть в революцию не стыдно. Увы, не сгорают от стыда и душители этой революции...

— Погодите-ка меня пропагандировать, господин Хованский! Эй! — позвал он кого-то из другой комнаты.

— Что прикажете, ваше благородие? — рявкнул зычный голос из гостиной.

— Возьми двух понятых и обыщи остальные помещения.

Лешку словно жаром обдало: «Пакет! Большой полотняный конверт лежит в мочном столике!» Он кинулся к столику, схватил конверт, сунул его под рубаху и побежал к себе, юркнул под одеяло. Сердце учащенно билось, отдавая в виски. Леша закрыл глаза и постарался успокоиться.

Вскоре он услышал шаги, разговор в отцовской спальне. Еще несколько томительных минут, и голоса переместились в комнату матери.

— Если вы настаиваете на обыске комнаты сына, то я разбужу Алешу, — сказала мать.

— Таков наш тяжелый долг. Благодарите мужа. А мальчика можно и не будить. Мы тихо...

Они вошли на цыпочках. Кто-то, тяжело ступая, приблизился к его кровати и грубо сорвал одеяло. Лешка невольно вскрикнул и сел, и тут же, ослепленный фонарем, прикрыл рукою глаза.

— Как вы смеете его пугать! — гневно крикнула мать и, оттолкнув жандарма, заслонила Лешу своим телом. — Вставай, Алеша, к нам пришли не разбойники, а просто невежливые люди. Они что-то ищут. Оденься, сядь в сторонку и не отвечай на их вопросы...

— Помолчите, мадам, не то я прикажу вас вывести, — проблеял, входя в спальню, жандармский ротмистр.

«Как козел! — подумал Лешка, натягивая кальсоны. Пакет под рубашкой сполз на живот и пришлось его спрятать за пояс. — Если заметят, выгонят из училища, или посадят в тюрьму для малолетних, или отправят в Вольский корпус».

Тем временем в комнатах дома шел обыск. Бесцеремонно выбрасывали из шкафа вени. Заглянули в тумбочку. Разрыли постель. Обстучали стены.

В форме ученика мореходного училища Леша стоял перед жандармским ротмистром. Тот оглядел его с ног до головы:

— Вы Алексей Хованский?

— Так точно! — рявкнул Лешка, тараша на ротмистра глаза.

— Потрудитесь точно ответить на мои вопросы!

— Есть ответить на вопросы!

Мать удивленно посмотрела на сына. В ее глазах проглянула грусть.

— Кто бывал в последнее время у вас в доме?

— Не могу знать!

— Вы не видели отца в обществе человека с крючковатым носом, карими глазами и черными усами? — спросил Околов.

— Не могу знать! — гаркнул Лешка, догадываясь, что его спрашивают о рабочем, которого он видел на кладбище.

— А что вы знаете? — заорал, в свою очередь, Околов.

— Не могу знать! — в тон ему проравел Лешка.

— Довольно... Можете идти в гостиную. И вы, мадам, тоже. — Ротмистр отвернулся и позвал своих помощников.

— Эй, Стоянков, Мокрятин, и вы, понятые, проходите в следующую комнату.

Взяв под руку мать, Лешка направился с ней в гостиную. Там в кресле сидел отец. Взглянув на сына, он невесело улыбнулся.

Лешка приблизился к нему, поцеловал в щеку и прощентал на ухо:

— Пакет у меня под рубахой. Что с ним делать?

Хованский-старший удивленно посмотрел на сына, и в глазах его вспыхнула радость.

— Сожги его, Лешенька, и позабудь...

...Хованский поднялся со скамьи. Голоса веселых парней удалились за деревья. «Околов... Околов... Неужели здесь, в Белой Церкви, находится тот самый жандармский ротмистр, по вине которого преждевременно погиб отец? Пока судьба свела меня здесь только с его сыном».

Алексей медленно двинулся по аллее сада к выходу на улицу. Там по тротуару шли неторопливо люди. Если остаться в городке, то можно встретить и еще кого-нибудь из старых знакомых, а то и нарваться на неприятность. Мальцев по поручению Кутепова приехал за Павским. Они оба разведчики. Но что заставило интересоваться Кучеровым? Значит, генерал на подозрении. И вполне вероятно, что действия английской разведки уже замечены «внутренней линией» белоэмигрантской армии. Мысль перекинулась на Ирен Жабоклицкую и Скачкова. Скорее всего, охотясь за документами Кучерова, эта парочка действовала неосторожно. Надо спешить! Случай — великий комедиант!

Размышляя на ходу, он направился по главной улице, свернул в проулок и зашагал к небольшому одноэтажному домику за палисадом, чтобы распрощаться с хозяйкой, у которой пробыл всего лишь неделю. Алексей знал, что поезд на Белград отходит вечером.

3

В Белград Алексей приехал рано утром. Весь день он знакомился с городом, и вот к вечеру поднялся на западную стену древней, некогда грозной крепости — Калемегдан. Здесь согласно инструкции он должен встретиться с товарищем Иваном на последней или предпоследней скамье. Сегодня двадцатое апреля, первый день, когда на встречу выйдет товарищ Иван. Он должен быть в плаще, на голове у него будет тирольская шляпа с пером. Алексей узнает его по суковатой трости с серебряным набалдашником.

Алексей пришел сюда на час раньше, хоть делать этого нельзя: запрещено инструкцией. Огненно-красное заходящее солнце нависло над самой Савой, ее мутные воды смешиваются с темной синькой Дуная, чуть тронутой золотом у правого берега. Но вот все медленно блекнет, чтобы наконец слиться с наступающими с востока сумерками. Далеко за излучиной Дуная краснеют черепичные крыши Земуна.

Алексей стоит у парапета. Кругом ни души. И вдруг его ухо улавливает ритмичное позвякивание железа. Кто-то идет, ударяя наконечником трости о камни. Скоро к нему приближается человек небольшого роста, худощавый, на лбу шрам... — точно такой, каким должен быть по приметам «товарищ Иван».

— Вы позволите? — Он приподнимает шляпу с широкими полями и занимает место на скамейке.

— Пожалуйста! Дунаем и Савой можно любоваться и днем и ночью, — говорит Алексей слова пароля.

— Ночью ничего не увидишь! — отвечает незнакомец и протягивает для пожатия руку. — Будем знакомы... Я товарищ Иван.

— А, Иван Абросимович!

— Ну а теперь рассказывай! — говорит товарищ Иван.

— О чем? — удивляется Алексей.

— О чем хочешь! Все для меня интересно. Я здесь не первый год, изголодался по новостям с Родины...

Просидели они часа два. Никто не мешал их беседе. И чего только не коснулись в разговоре!

Алексей подробно изложил, как в кафе Белой Церкви невзначай подслушал беседу Павского с Мальцевым, и высказал Ивану Абросимовичу свое предположение:

— Мне кажется, Павский охотится за списками генерала Кучерова...

Иван задумался.

— Случая упускать нельзя, — проговорил он тихо. — Придется тебе немедленно ехать в Билечу вслед за Павским... Подробности твоего поведения еще обсудим.

— Генерал Кучеров там? — поинтересовался Хованский.

— Должен быть...

— Значит так, — резюмировал товарищ Иван, — завтра утром идешь к военному агенту, расскажешь свою легенду. Сошлешься на свое знакомство в Белой Церкви с полковником Павским, от которого ты узнал о том, что в Донском кадетском корпусе собираются налаживать старую австро-венгерскую гидростанцию, попросишь направить тебя в Билечу. А теперь пойдём. — Он посмотрел на часы. — Покажу тебе ночной Белград.

Была теплая весенняя ночь. Иван Абросимович снял плащ.

На улице Князя Михайла корсо было людно. Они двинулись с потоком гуляющих в сторону Теразии и очутились на площади возле оперного театра. Здесь шумно и весело. Часть площади занята столиками. Бегают как угорелые официанты, разносят лимонад, бозу, халву. Тут много учащейся молодежи, потому что близко университет.

— А рядом «Албания» — знаменитая кафана-ресторан, — рассказывает Иван Абросимович, — место, куда приходят писатели, купцы-тузы. Тут все чинно, спокойно. Но иногда кто-нибудь из толстосумов кутит с приятелями...

Алексей с любопытством смотрит на нарядных гуляющих. В ярко освещенных витринах ресторашов, кафе, кабачков выставлены огромные лангусты и омары в окружении салатов, в окна видно, как жарят на вертелех поросят, ягнят; прямо на улице на мангалах потрескивают над рдеющими углями чеванпчичи и ражннич. В просторных залах плачут надрывно скрипки венгерских и цыганских капелл, гремят тарелки, ухают барабаны оркестров, и под этот грохот на подмостках завывают полуголые певички. На улицу из открытых дверей и окон вылетают пьяные выкрики, веселый смех и громкая перебранка.

— Вон гостиница «Москва», — Абросимович кивает в сторону высокого шестизэтажного здания, облицованного зеленым и желтым кафелем и крытого какой-то необычной черепицей, — это излюбленное место «мышинных жеребчиков», то есть приезжих коммерсантов, в ресторане собираются шпики и шпионы всех мастей. Они не горланят, не напиваются и не объедаются, а спокойно сидят за кружкой пива или за чашкой кофе и поглядывают на проходящих по улице женщин, тихо перекидываясь словами. Одни сидят, точно на вокзале, и ждут, другие прислушиваются к разговору соседей, третьи будто за кем-то следят...

Миновали «Москву». Толпа поредела. Абросимович берет Алексея под руку:

— Если завтра военный агент даст тебе удостоверение и рекомендацию в Донской кадетский корпус, тотчас пойдешь к уполномоченному по русским делам, а от него в полицию, к Губареву: он ведает русским отделом. Завтра же вечером уедешь в Билечу, с тем чтобы в субботу быть в Требинье. Дело в том, что в Билече есть небольшая, но активная коммунистическая организация,

ее возглавляет черногорец Весо Хранич. Я никогда его не видел. Говорят, большой чудак, отпрыск древнего рода. Мать у него русская, из семьи декабриста. Он может тебе пригодиться, поскольку дружит с каким-то грузином-генералом, которого в кадетском корпусе очень уважают. В пятницу и субботу у них конференция: готовятся к Первому мая, к маевкам или демонстрации..

— Ясно! А где я его найду? И каков он собой?

— Завтра я все уточню, а сейчас смотри: налево, где у будки стоит гвардеец-часовой, королевский дворец, а напротив, в этом сером одноэтажном здании, живет бывший царский посол Штрандман и военный агент, полковник Базаревич.

Серый обшарпанный дом с высокими темными окнами; над старинным парадным крыльцом на флагштоке полощется трехцветный флаг русской империи, которой уже нет. За высокими решетчатыми воротами, среди мрачного сада, спускающегося вниз, виднеется небольшой флигелек.

— В этом флигеле резиденция четвертого отдела РОВСа, так называемого русского общевоинского союза. Его начальник — генерал Барбович, а секретарь ротмистр Комаровский. Запомнил? Придется все изучать!

— Запомнил! Память у меня неплохая.

— В Югославии зарегистрировано в полиции сто тридцать шесть белоэмигрантских организаций. Ясно? Сто тридцать шесть «вождей»! Сто тридцать шесть рецептов, гарантирующих свержение советского строя! Нас, большевиков! Так-то.

— И как только мы до сих пор уцелели? — расхохотался Алексей. — Сто тридцать шесть?!

— Не бойся, ты будешь иметь дело не со всеми. После дела Кучерова займешься молодежью. Мы поможем тебе найти друзей, но ты и сам отыщешь их среди здешних рабочих и крестьян! Запомни это крепко.

На другой день, закончив успешно все дела, Алексей Хованский с новеньким нансеновским паспортом и рекомендацией военного агента директору Донского кадетского корпуса отбыл вечерним поездом в Билечу.

Глава вторая
Донской императора Александра III
кадетский корпус

1

Черный, закоптелый паровозик притащил по узкоколейке пять вагончиков до маленькой, освещенной фонарями станции, затормозил, выбросил из высокой трубы в темную ночь сноп кроваво-красных змеек, запыхтел, как страдающий одышкой старичок, и под звон и скрежет буферов остановился. Пассажиры поспешно высыпали на перрон и тут же растворились в темноте. Выйдя из вагона, Алексей двинулся к небольшому зданию вокзала, но, подумав, вернулся к вагону и спросил у кондуктора, как ему пройти в центр. Кондуктор что-то невнятно буркнул, махнул влево фонарем и отвернулся.

«Не очень-то здесь любят «братьев русов», — отметил Алексей, выходя на тускло освещенную привокзальную площадь и сворачивая на мощенную крупным булыжником безлюдную улицу.

После душного, прокуренного вагона свежий воздух южной ночи вливался в легкие, и Алексей вскоре почувствовал себя совсем бодро, хотя и был в пути трое суток, и слонялся на пересадках в ожидании поезда сначала по Сараеву, потом по Мостару, и, наконец, проторчал несколько часов в Хуме.

Он шел, с любопытством осматривая при слабом свете фонарей то крытый черепицей дом с высоко поднятыми над землей зарешеченными окнами, то стрельчатую каменную башенку, напоминающую минарет, то дворик, обнесенный невысокой стеной с чернеющей в ней узкой, кованной железом калиткой.

Темные узкие улочки одной стороны, где всходила луна, казалось, круто поднимаются к небу, а с другой стороны проваливаются в черную бездну. Шаги гулко отдавались в тишине. Городок словно вымер. Нигде ни души. Не слышно даже собачьего лая. Пройдя несколько кварталов и заметив полосу света в конце ступенчатого переуллка, Алексей зашагал вверх по склону.

Из распахнутых дверей, откуда вырывался яркий сноп света, на крыльцо вышла веселая и шумная компания молодых людей, за ними солидный господин в феске и, наконец, огромного роста черногорец в национальном костюме и с большим револьвером за широким цветным поясом. Потом дверь захлопнулась, переулок

погрузился в темноту, и только теперь Алексей увидел тусклый свет красного фонаря над дверью дома.

«Вот черт! — выругался он про себя. — Хороша гостиница. Эх куда меня занесло! Такие заведения бывают только на окраинах». — И подошел к черногорцу.

Черногорец на весьма сносном русском языке сказал, что брат рус забрел не туда, что ходить здесь по ночам одному небезопасно и, поскольку ему по пути, он проводит его до самого отеля.

— Не подумайте, что я тут развлекался, — продолжал черногорец уже на ходу. — Гостил неподалеку, в Ластве, потому и пришел в Требинье, думал, застану дома, а он как в воду канул. Такая нынче пошла молодежь! Все злачные места обошел, заглянул и сюда! Будь он неладен! Это я про племянника своего, приказчиком в магазине служит. Убей его бог и святой Василий! Шалопай! — И с силой ударил железным наконечником тяжелой трости по мостовой. — А вы в Билечу, наверно?

— В Билечу, — согласился Алексей.

— Так чего вам ждать? Караван пойдет завтра вечером. Вещей у вас немного. Вы, наверное, здесь впервые?

— Да. Какой караван? — заинтересовался Хованский.

— По воскресеньям и четвергам из Требинье в Билечу выходит караван, обоз, десять-двадцать турецких подвод. Тут комиты * шалют. А три года тому назад, в двадцать третьем, что тут было! Вас-то не тронут: православная вера! И меня, конечно, — черногорец приосанился. — Мы из древнего рода Храничей. Вся округа знает. А кличут меня чика Васо.

«Вот так-так, — подумал Алексей. — Сразу я попал на жоака партийной организации».

— Меня Алексеем Алексеевичем Хованским! — представился Алексей, но про себя решил: «Хоть он и внушает доверие, но открываться нельзя». — До Билечи далеко?

— Часа три, — черногорец оценивающе взглянул на Алексея, — а то и четыре ходу. А до крепости на полчаса меньше.

Тем временем они вышли на широкую улицу, судя

* Комитет, комита — православный повстанец. В данном случае — разбойник.

по названию — Краля Петра — главную. «Раньше она, вероятно, называлась улицей Франца-Иосифа, еще раньше Абдул-Гамида, и никто не знает, как она будет называться через двадцать или пятьдесят лет», — думал Алексей.

— Ну вот и отель, — Хранич остановился, кивнул Алексею. — Зайдем выпьем по чашечке кофе? Просил меня кум встретить приезжего инженера, электростанцию будет налаживать. Поджидаю его.

— По чашечке кофе выпьем, а приезжего инженера вы уже встретили! — смеясь, сказал Алексей.

— Очень рад! — весело отозвался Хранич.

Не прошло и получаса, как они очутились за городом и зашагали по шоссе. Яркая луна своим бледным сиянием заливала долину и склоны гор. Вскоре серебром засверкала река и зачернели арки моста.

— Мост Арсланагича, гордость Требинье, — сказал чика Васо. — Построен при Мехмед-паше Соколовиче, в шестнадцатом веке. Три моста в ту пору было создано, три красавца — в Вишеграде на Дрине, в Мостаре на Неретве и этот на Требишнице, и в каждом, как говорит предание, замурован человек.

Мост в призрачном лунном свете казался суровым, величественным и, подобно многим монументам, вписывался единым целым в общий ландшафт. А высокий седовласый черногорец, который, остановившись, смотрел на него, откинув чуть назад голову, как бы с орлиной высоты, напоминал атамана разбойников из XVI века.

За мостом белело шоссе, лента его, поднимаясь и опускаясь, подбегала к реке и удалялась от нее, вилась и петляла по пустынной, поросшей чахлым кустарником гористой местности до самого Гацко.

Чика Васо шагал легко и быстро и, видимо, мог бы идти еще быстрее. С гор, особенно на перевалах, прямо в лицо дул свирепый весенний «северац». Шли молча. Каждый погрузился в свои мысли.

— Скажите, — стараясь перекричать завывание ветра, спросил Алексей, — приехал ли полковник Павский? Высокий такой...

— С рыбьими глазами? — Хранич остановился и повернулся спиной к ветру. — Извините, если это ваш друг!

— Нет, я познакомился с ним в Белой Церкви. А глаза, точно, рыбы!

— Приехал! Говорят, он был адъютантом у Корнилова. Я познакомился с ним у генерала Гатуа. Не понравился мне этот Павский. Станный он какой-то. Кадеты его Семимесячным прозвали. — И, пытливо поглядев на Алексея, снова зашагал по шоссе, которое спускалось почти к самой реке.

За поворотом стояли ряды тополей, метавшие под ветром высокие кроны; потом показался черный сад и на его фоне белый дом под черепицей. И Алексею показалось, что он спешит на пасхальные каникулы к матери, шагая по пыльному тракту в Симферополь.

Часа через два они вышли на плоскогорье. Луна ярко освещала белые стены большого караван-сарая, закрытые ставни окон, массивную, окованную железом дверь, глухие высокие ворота и обнесенные каменной оградой приземистые пристройки.

Кругом, казалось, все вымерло, только пучок сена, привязанный к шесту у ворот, шевелился на ветру как живой.

Поднявшись на крыльцо, чика Васо забарабанил в дверь. Первыми отозвались во дворе собаки, с бешеным лаем подбежавшие к воротам, потом начались переговоры через дверь со слугой, и наконец разбуженный хозяин, узнав, что пришел свояк, выругав слугу, впустил озябших путников в дом.

Зевая, и почесываясь, и перебрасываясь короткими фразами со свояком, хозяин, прихрамывая, зашел за стойку, налил из бутылки три шкалика, проворчав «живели!», первый опрокинул можжевелевую водку себе в рот и жестом пригласил гостей последовать его примеру. Потом он налил в большой графин густого красного вина и выставил на стол, принес на тарелке кусок домашнего сыра и пучок зеленого лука, на другой посудине — круглую лепешку и ломоть кукурузного хлеба; поставив все это перед гостями, направился к очагу. Он достал длинной кочергой из дымохода копченую баранью ногу, настрогал целую миску пахнущих дымком, тонких красноватых полосок мяса и хриплым голосом сказал:

— Ешьте. Что понадобится, кликните. Прости, чика Васо, устал я нынче, поздно лег! — Он ушел за дверь, закрыл ее за собою.

— Вы на Драгутина не обижайтесь, — отпив глоток вина и причмокнув от удовольствия, проговорил Хра-

нич. — Не любит он русских белоэмигрантов. Мы с ним в коммунистической партии состояли, пока власти ее не разогнали. А Драгутин еще в России воевал на стороне красных. Далматинец он. — Хранич опять долил в стаканы вина и продолжал:

— А я тут с вашими генералами воюю!

— Что у вас с ними за сражения? — не понял Хованский, про себя думая, как бы ему хоть что-то узнать о Кучерове.

— Ох, воюю! — продолжал Хранич. — Но есть у меня среди них и союзники.

— Белые генералы, что ли? — рассмеялся Алексей. — Такого, чика Васо, я еще не слышал. Да чего на свете не бывает...

— Тут есть один грузин, генерал-лейтенант Гатуа, умный человек, философ в своем роде, здраво смотрит на вещи и во многом со мной согласен. Вы, белоэмигранты, слепые, ненависть ваша слепа...

— У меня, чика Васо, ни к нашему народу, ни к большевикам ненависти нет, — сказал Алексей, — потому, хоть я и не генерал, но, наверно, буду вашим союзником. Белые сами во всем виноваты!

— Вот и генерал Кучеров называет белое движение роковой ошибкой. Пошли, дескать, против народа, разорили страну, довели до разрухи, до голода, а теперь на судьбу сетуем! А кто тут виноват? Одним судьба досталась черная — каракиismet ее у нас называют, другим — белая, бияз-киismet... Вот так!

— У коммунистов, насколько я знаю, иной взгляд, — заметил Алексей, — это Ганди и Толстой учили, что в мире нет виноватых. А о судьбе есть и другая пословица: «Человек — кузнец своего счастья». Но дело не только в личном счастье.

Хранич встал, подошел к очагу, раздул пепел, взял пальцами тлеющий уголек, раскурил трубку на длинном чубуке и, усевшись, заговорил:

— Отец мой участвовал в Герцеговинском восстании против турок в тысяча восемьсот семьдесят пятом году. Тогда и женился на русской, потому я наполовину русский. Он научил меня песне декабристов: «По чувствам — братья мы с тобою...» Он вместе с гарибальдийцами кричал когда-то: «Вива ла коммуна!»

Хранич посмотрел на погасшую трубку и задумался. Наступила пауза. Слышно было, как за перегородкой похрапывает трактирщик да ветер завывает в трубе.

Взяв в руки стакан, он утер платком пышные усы и причмокнул:

— Славное вино, наше далматинское, пятилетнее! — и поднял палец. — Нашел и я свое место среди коммунистов... — Он вскинул гордо голову и потеревил ус. — Вызвал меня как-то наш новый начальник полиции и говорит: «Как же так, чика Васо, вы — потомок такой благородной семьи, племич * — и вдруг красным заделались! Да ведь если они придут к власти, то вам первому голову снимут! И добро отберут». А я ему отвечаю: «Мне не снимут, а у тебя, хоть ты и крестьянского рода, могут снять. Без нас, дворян, и в России ни одного дела не затевалось. Были и декабристы, были и Герцен, Плеханов, Бакунин. А сколько дворян билось на стороне Красной Армии, сколько их среди советских дипломатов!

Хранич по-молодому, с хитринкой улыбнулся.

— Тут в кадетском корпусе есть у меня знакомый преподаватель, моряк, капитан первого ранга, из немцев, должно быть, фон Берендс. Рассказывал он, как на Балтике и Черноморье матросы своих офицеров топили. Привяжут к ногам камень или железину — и бац в воду. Спускали как-то в Севастопольской бухте водолаза, не успел он в воду уйти, как уже сигналит: «Наверх скорей!» Подняли, видят — человек не в себе, слова сказать не может. Оказалось, под водой попал он в компанию офицеров, которые, стоя на «мертвом якоре», покачивались, размахивали руками и кивали головами, словно о чем-то спорили. А генерал Кучеров на это сказал: «И здесь все мы стоим на мертвом якоре и только руками размахиваем да из стороны в сторону покачиваемся».

— А кто такой генерал Кучеров? — как бы невзначай полюбопытствовал Алексей.

Хранич опять раскурил свою трубку, не торопясь с ответом.

— Мудрый человек, — раздумчиво заметил Хранич, — но большой скептик. Он тут к Требишнице каждое утро ходит.

— До утра немного осталось, — засмеялся Хованский. — Кстати, у нас вино не допито.

— Вы же к нему приехали? — в свою очередь, тоже засмеялся чика Васо. — Вот я вам протекцию и ставлю.

* Дворянин (серб.-хорв.).

Генерал Кучеров вставал рано и в любую погоду отправлялся на прогулку по шоссе в сторону Требинье. Пройдя быстрым шагом километра три, он спускался к реке и уже неторопливо возвращался по берегу обратно.

Утро выдалось на редкость погожее. На северо-востоке поблескивала покрытая снегом скалистая вершина Троглава. Купался в солнечных лучах и могучий ее сосед Братош. Весенний воздух был чист и прозрачен. Высоко в голубом небе парили орлы, а внизу, низвергаясь с десятиметровой высоты, ревела чудо-река Требишница.

И вдруг неподалеку от обочины шоссе заворковал, забил перепел. Генерал остановился, долго стоял настожившись, как охотник, слушал, улыбаясь, и, казалось, впитывал всем существом красоту мира. Высокий, подтянутый кареглазый брюнет, с небольшой бородкой, прикрывающей шрам на шее, одетый с той особой щеголеватостью, что отличает всегда казаков среднего Дона, он и в самом деле походил на серба из Кучева, как утверждал чика Васо. Впрочем, сам Кучеров был иного мнения. Мать его была из Зимовеской станицы, из семейства Дураковых — так по указу императрицы Екатерины II велено было назвать Пугачевых, а отец — простой казак Потемкинской станицы, «павший за веру, царя и отечество» под Лаояном, кавалер четырех Георгиевских крестов и четырех медалей, посмертно произведенный в подхорунжий.

Увидав у плотины знакомую фигуру рыбака в брезентовом плаще, Кучеров помахал рукой и быстро зашагал по шоссе.

С германской войны он вернулся есаулом, командиром разведки полка и как всякий разведчик был суверен. Его смущали приметы, он твердо верил в вещи сны. Старая народная примета говорила, что его ждет нечаянность. И этой ночью ему опять приснилось, будто его хочет ужалить змея, ужалить в шею. Этот сон снился ему часто. Он объяснял это тем, что болит старая рана. Как он ее получил, генерал не любил вспоминать, а когда его спрашивали, только сердито отмахивался. На этот раз во сне от змей его защищала собака. «Змея — враг, собака — друг, — усмехнулся про себя Кучеров. — Но кто же они — друг и враг?»

Прошел добрый час, пока из-за поворота снова не показалась плотина.

У воды с удочкой в руке стоял генерал-лейтенант Гатуа, бывший командир экспедиционного кавалерийского корпуса во Франции, кавалер многих орденов, в том числе и рыцарского ордена Почетного Легиона. Получая от французского правительства приличную пенсию, он жил в Билече ради учившегося в кадетском корпусе сына, единственного и любимого. Худой и прямой как жердь, почти саженного роста, этот необычайно вспыльчивый, на вид суровый человек на самом деле был добрейшим. При знакомстве всех более всего поражали темно-оливковый огромный нос и большие, почти черные от загара заскорузлые руки генерал-лейтенанта. Переняв у французов терпимость к чужому мнению, этот веселый и умный кутаисский грузин был интересным собеседником, внимательным слушателем и гостеприимным хозяином. Он объехал весь мир, встречался с разными людьми и за свою долгую жизнь научился не задавать лишних вопросов, да и себя не ставить в такое положение, чтобы кто-нибудь мог задать их ему. К скороспелым врангелевским генералам он относился весьма скептически, но Кучеров ему нравился, а его резкие, оснащенные железной логикой, порой даже «красные» взгляды приводили Гатуа в восторг.

Кучеров хотел было незаметно подойти из-за кустов жимолости к всецело поглощенному рыбной ловлей старому генералу Гатуа, как вдруг увидел, что по крутой тропинке к электростанции идут чика Васо Хранич и еще какой-то человек в дорожном плаще.

Было около семи утра. Солнце уже оторвалось от снежных скал и щедро осыпало лучами живописные извилистые берега Требишницы.

Кучерову не хотелось встречаться ни с кем — он любил уединенные прогулки, но Васо Хранич уже здоровался с Гатуа, знакомил его со своим ладно скроенным спутником, который хотя и был в штатском, но имел военную выправку.

— Вот гость приехал к нам налаживать электростанцию! — громко говорил Васо Хранич, обращаясь к Александру Георгиевичу Гатуа.

Это не могло не заинтересовать Кучерова, и он тоже подошел к собеседникам.

— Здравствуйте! — поздоровался, протягивая руку Гатуа, затем Храничу.

— Привел к вам, Петр Михайлович, из Требинье

инженера, — весело заговорил Васо, показывая рукой на Хованского. — Говорит, сумеет наладить станцию и дать электричество...

— Честь имею, — по-военному представился Алексей. — Приехал по рекомендации полковника Базаревича. В Белой Церкви Иван Иванович Павский рассказал о вашей электростанции.

— Не из князей ли Хованских? — громко вмешался в разговор Гатуа. — Не ваш ли батюшка Алексей Георгиевич — синий кирасир?

— Нет, мы воронежские. Отец у меня педагог.

— А откуда вы с инженерным делом знакомы? — испытующе глядел Кучеров. — У нас на Руси-матушке одна-единственная гидростанция в Новом Афоне. Монахи построили.

— Ходил на подводной лодке, а ведь там все на электричестве! — сказал сдержанно Алексей, преданно глядя на Кучерова.

— Документы у вас в порядке? — Кучеров как-то подозрительно рассматривал Алексея, и, когда Хованский сунул было руку в запольный карман пиджака, чтобы показать полученные в Белграде удостоверение и рекомендацию в Донской кадетский корпус, генерал поморщился, махнул рукой: — Пойдемте, если не очень устали в дороге, посмотрим электростанцию.

Петр Михайлович резко повернулся в сторону реки.

— Александр Георгиевич, извините, — бросил он Гатуа и пошел по тропинке.

Старый грузин молча кивнул Кучерову, похлопал по плечу чика Васо, и, увидев, что поплавок под берегом утонул, торопливо дернул удилище. На крючке трепыхалась рыбина.

Тем временем Кучеров показывал Хованскому каменную постройку электростанции, вполне годную еще турбину; зашли в комнату, где был пульт управления, потом в кабинет и в спальню.

— Здесь вы и устраивайтесь, — Кучеров показал рукой так, как если бы предлагал Хованскому не одну спальню, а всю станцию. — В лагере вам тоже отведем комнату. Пожалуй, это будет комната номер восемь... Ну, какое у вас впечатление от осмотренного хозяйства?

— Работы тут много. Раньше, чем через два-три месяца, света не дать. Особенно плохо с аккумуляторами. Я ведь не специалист по гидростанциям. Все запущено

со времен Австрии. И где их взять, этих спецов, не из Швейцарии же приглашать?

— Надеюсь на вас, — сказал Кучеров.

— Что ж, желание — отец мысли, — проговорил весело Алексей, — а у меня желание есть починить эту станцию.

— Да вы философ! — Кучеров рассмеялся.

— Нет, я офицер...

— Разные сюда приезжают офицеры, — вдруг посерьезнел Кучеров. — На днях был тут некий Бастунич. Книгу свою распространял об иудо-масонстве.

— В этом я не разбираюсь, — осторожно заметил Алексей.

— Ну и ладно, — усмехнулся генерал, поглаживая шею ладонью. — Однако пойдемте, Алексей Алексеевич, в лагерь, я представлю вас директору, и вам придется доложить ему свои соображения. И еще, — продолжал Кучеров, оглядев старенький костюм Хованского, остановившись взглядом на порыжевших худых ботинках, — у вас есть во что переодеться?

— Директору придется меня извинить, господин генерал! — сухо, с обидой в голосе сказал Алексей.

— Меня зовут Петр Михайлович! Ладно, что-нибудь придумаем. Подгоним, а потом уж сошьем, — и улыбнулся, увидев протестующий жест Алексея.

На тропинке они увидели Хранича, попрощавшись с ним, стали подниматься вверх, на шоссе, к лагерю-крепости...

— Нас вышвырнули из России, мы, во многом ограниченные, храним в памяти только то, что опалило душу огнем страдания, — продолжал Кучеров. — И эта боль тянет в прошлое, сушит, делает жестокими и злыми. Судьба рассеяла русскую эмиграцию по всем континентам и невольно заставила принять участие в культурной и политической жизни мира. Но увы, среди нас слишком много лжепророков! Подобно Бастуничу, мы проповедуем каждый свое, грыземся, как псы. И все такое прочее.

— Отцы эмиграции должны сберегать свои кадры, лжепророков слушают, а пророков побивают камнями, — сказал Алексей, а про себя подумал: «Как же подбраться к спискам, которые он где-то прячет?»

— О, вы славно рассуждаете! — совсем подобрел Кучеров.

Молодой новоприбывший капитан понравился Петру Михайловичу открытым взглядом смелых глаз и даже непривычным для слуха акающим говорком.

Они уже входили в ворота крепости.

Ощетинившаяся колючими проволочными заграждениями и обнесенная стенами, фортами и редутами крепость Билеча занимает площадь в добрых два квадратных километра. Она разделена на две части: верхнюю, где солдатские казармы, и нижнюю — цитадель с фортами, складами, хозяйственными постройками и помещением для господ офицеров. Кадет, разумеется, поселили в верхней части. Каждой сотне была отведена большая казарма с полуподвальным помещением, фортификационными пристройками и бассейнами для питьевой воды. На первом этаже были оборудованы классы, в середине, вдоль коридора, поселились в небольших комнатах воспитатели. Второй этаж отвели под дортуары кадетам и службы: комнату дежурного офицера, дежурного по сотне кадет, цейхгауз, карцер и тому подобное.

— Вы москвич? — поинтересовался Кучеров.

— Не совсем... — поспешно произнес Алексей.

— Сразу видать: «С Масквы, с пасада, с авашнова ряда».

Алексея так и обдало жаром: «На чем можно пойтаться!»

— У меня мать москвичка и няня. Всю жизнь надо мной посмеиваются, Масквой прозвали. Но я из Воронежа.

— Эмиграция, как вам известно, состоит преимущественно из интеллигенции, из украинцев и казаков. Конечно, немало беженцев из Сибири, Туркестана, Архангельска, Петрограда, просачивались они, разумеется, из Центральной России, но язык быстро нивелируется, появляется жаргон. В какой же коробочке сохранили вы свой язык?

— В стальной, Петр Михайлович! На подводной лодке «Буревестник», под командой капитана первого ранга Синельникова... Ну а потом... Перу... После эвакуации из Крыма. «И все такое прочее», как говорит, простите, один мой начальник!

Кучеров расхохотался.

Миновав двое ворот, обойдя длинное трехэтажное здание, они вошли опять же через ворота в небольшой дворик со службами, мастерскими и кухней.

Спустя часа два капитан третьего ранга Хованский, подстриженный и побритый, в новенькой форме зеленого сукна предстал перед директором.

Генерал Перрет встретил его любезно, сидя за большим столом в кабинете, задал несколько ничего не значащих вопросов, поинтересовался состоянием электростанции и, наконец, выразил надежду, что они останутся друг другом довольны, а обо всем прочем попросил договориться с генералом Кучеровым.

— Прошу, Петр Михайлович, ввести капитана в курс дела, — обратился директор к Кучерову, поднимаясь и подавая руку на прощание.

На том аудиенция кончилась.

3

Обосновавшись в лагере-крепости Билеча в 1923 году, кадетский корпус начал размеренную жизнь. В шесть утра трубач играл утреннюю зорю. Кадеты вставали, мылись, одевались, заправляли постели, по сигналу трубы строились на переключку, пели молитву, строем шли в столовую и завтракали. Тем временем дежурный офицер обходил дортуары, проверял, как заправлены койки, и вылавливал проспавших. В семь двадцать садились за утренние занятия; в восемь трубили сбор — и сотня выходила на плац для строевых занятий. В девять начинались уроки в классах. Четыре урока по сорок минут с девятиминутными переменами до обеда и два после обеда. В четыре кадеты полдничали и, наконец, до семи были свободны, но и то не всегда, поскольку дважды в неделю каждый кадет с четвертого класса должен был изучать ремесло — столярное, сапожное, переплетное, монтерное — либо шел на спевку, сыровку или репетицию. В корпусе были свой хор, струнный и духовой оркестры и театр.

В семь строились на ужин. Потом готовили уроки, чтобы в девять опять построиться на переключку. Трубачи играли вечернюю зорю, кадеты пели «Отче наш» и «Спаси, господи» и расходились по дортуарам. Без пяти десять, опять по сигналу, ложились спать. До одиннадцати еще шли тихие разговоры. Порой, особенно в весенние лунные ночи, слышался звон гитары и трели мандолины, потом все засыпало. Бодрствовать оставались лишь дневальный в коридоре и дежурный офицер в своей дежурке.

После выпускных экзаменов или в начале учебного

года совет воспитателей и преподавателей корпуса выбирал среди будущих выпускников вице-вахмистра, который фактически выполнял функции полкового вахмистра. Он имел официальное право приказать что-либо кадету и даже его наказать, дать два наряда вне очереди. Вице-вахмистр строил сотню или корпус, назначал дежурных и дневальных, командовал во время строевых занятий, прогулок, парадов. Сложность назначения вице-вахмистра заключалась в том, что он не только должен был отвечать всем требованиям педагогов, а именно — быть представительным, неглупым, хорошо развитым, способным учеником, отличным строевиком, обладать зычным голосом, но и, самое главное — пользоваться авторитетом у кадет, состоять в «круге» и родиться казаком. Всех выпускников, у кого средний балл был выше девяти, производили в вице-урядники. В корпусах была двенадцатибалльная система.

За проступки их наказывали. Самое строгое наказание — десять суток строгого ареста — мог дать только корпусной совет. Директор и командиры сотен — по шесть суток, воспитатель — двое суток строгого ареста, то есть когда кадет не выпускали из карцера на занятия. Но к такой мере прибегали в исключительных случаях. Обычно наказывали либо нестрогим арестом, либо двумя-четырьмя нарядами вне очереди, дежурством по кухне, а чаще всего оставляли без отпуска или сажали на сутки под арест. К тяжким проступкам относилось: невыполнение приказа, грубые пререкания с воспитателями и преподавателями, пьянство, драка и т. п., но даже и в таких случаях начальство, о котором в старших классах говорили, что ему виднее и пути его мышления неисповедимы и что кадет не может сметь свое суждение иметь, все-таки принимало во внимание великовозрастность своих воспитанников и старалось на все смотреть сквозь пальцы. Жили под прессом мысли — в поход, скоро в поход!

Одни — сыновья казаков, бывших еще недавно опорой трону и оплотом империи, унаследовали «проклятье первородного греха» гонителей и душителей свободы; другие, вместе с отцами подхваченные водоворотом революции и подогреваемые ненавистью, случайно очутились на другой стороне и теперь мучительно искали выхода и усыпляли совесть паллиативами; у третьих просто бродила хмельная кровь старой вольницы Стеньки Разина, Емельяна Пугачева, Кондратия Булавина... чет-

вертые, пятые, десятые... У каждого была своя сложная и почти всегда трагическая судьба, каждый нес в сердце боль утраты близких, каждого грызла тоска по родине и неизвестность будущего.

В 1925 году в Донском кадетском корпусе училось еще 26 георгиевских кавалеров, участников Ледового похода, Мамонтовского или Улагаевского рейдов, битвы под Касторной и т. д. Тут был дважды георгиевский кавалер, безрукий инвалид, сын павшего героя — командира Донского казачьего полка; тут находился Александр Колков, на глазах у которого в жаркой схватке с буденновцами был зарублен отец, командир кубанского полка Георгий Колков; тут учились и изломанный наркотиками и войной кадет-поручик, подросток-эпилептик, на глазах у которого махновцы расстреляли отца и брата и истерзали мать и сестер. Это были почти мальчишки, а за их спинами в тылу отцы занимались интригами и спекуляцией. Именно они вдохновляли этих, тогда еще почти совсем детей, подставлять грудь под пули, в то время как сами, самодовольные, сытые и пьяные, разгуливали в алых чикчирах и голубых доломанах, в белых черкесках или шароварах с красными лампасами, позвякивая шпорами, волоча по тротуарам сабли или гордо держась за кинжал с серебряной чеканкой, под руку с дамами и девицами вдали от фронта.

Молодых людей готовили для «восстановления власти» в России, хотя теперь там уже была новая власть, которая с каждым годом все более укреплялась.

Подавлено Кронштадтское восстание, разгромлены антоновщина и басмачи, утих голод, нэп сменил эпоху военного коммунизма, но вопреки рассудку эмигрантская печать по-прежнему истерически, взалхлеб кричала о близком крушении власти большевиков. Здесь, в классах кадетского корпуса, молодым людям твердили — предсказывали полную разруху транспорта в России, называя астрономическое количество подлежащих замене шпал, говорили о гибели индустрии, смеялись над докладами Сталина, а в России проводилась социалистическая индустриализация, Советский Союз из аграрной страны превращался в индустриальную державу. Белоэмиграция жила своими страстями, мало понимая, что делается на их родине. Аверченко написал свои «Дюжина ножей в спину революции», атаман Краснов — «От двуглавого орла к красному знамени», «Понять — простить» и «За чертополохом», Сирин-На-

боков своих «Тухачевского», «Блюхера», «Генерала Бо»; злобствовали Амфитеатров, Гиппиус, Мережковский. Не могли понять Советскую власть Репин, Коровин, Рахманинов и Стравинский, Шаляпин и Анна Павлова, братья Кедровы, уехал в Америку из Югославии Сикорский. Мировая слава Ивана Мозжухина, донского хора Жарова, широко известные скандальные дебоши Зубкова, любовника сестры Вильгельма II, или появление очередной Анастасии Романовой, или провал Савинкова — все это как бы создавало самостоятельную, отдельную от Большой России атмосферу жизни малой, белоэмигрантской России.

Но кое у кого все-таки возникали вопросы.

Прав ли ты? Не следует ли внимательней прислушаться к тому, что делается там, на родине? Да, сведений оттуда все меньше. Эмиграция не поняла своего народа, народ захлопнул перед ней свои двери. Но белая эмиграция мечтала о реванше и готовила свою молодежь для борьбы с Советами.

4

Начальником полиции города Билечи был Вуйкович Славко, переведенный сюда из Сараева в 1921 году после декрета о роспуске коммунистической партии, чтобы, по его словам, навести порядок в этом красном срезе*. Но попал он сюда уже с подмоченной репутацией.

В Белграде вышли на демонстрацию студенты. Вуйкович с нарядом жандармов стоял у одного из перекрестков. Его задача заключалась в том, чтобы не дать соединиться двум потокам демонстрантов. В самый ответственный момент, когда он лично схватил своей могучей рукой одного из вожаков и уже замахнулся резиновой дубинкой, чтобы сшибить его с ног, студент с молниеносной быстротой ударил его по носу. «Классический удар боксера тяжелого веса», — определил, ухмыляясь себе в ус, старый врач больницы, куда срочно доставили Славка.

Нос зажил, но, несмотря на все старания медицины, год от года приобретал все более пурпурно-фиолетовый оттенок. Беда была в том, что этот проклятый нос Славко не стал нравиться начальству. И хотя Славко в то время почти ничего не пил, вышестоящие старались как

* Срез — уезд, район (серб.-хорв.).

можно скорей, от греха подальше, спровадить его куда-нибудь. Так он и попал, наконец, в Билечу.

О волнениях в кадетском корпусе говорил весь город, но толком никто ничего не знал. Вуйковичу было известно кое-что из доклада своего пока лишь единственного информатора Мальцева, который утверждал, будто кадеты, подстрекаемые темными элементами, выкрикивают непристойности в адрес директора и воспитателей. И надо полагать, что среди них орудует подпольная организация.

— «Рука Москвы», не иначе, — уверял войсковой старшина Вуйковича.

И вот один из «громил и зачинщиков» предстал перед начальником полиции. Войсковой старшина Мальцев положил на стол комиссара увесистый булыжник: вот, мол, этот камень влетел в кабинет через окно...

— Фамилия? — угрожающе зарычал Вуйкович, глядя на кадета-преступника.

— Чегодов...

— Ты почему бил стекла у полковника?

— Я уже объяснял войсковому старшине, что никаких стекол не бил. Он прибежал с сыновьями к нашей сотне и почему-то накинулся на меня. Они повели меня, я думал, к директору, на нижний двор, а оказалось — к вам. Я ничего не знаю!

— Врешь! — зарычал Мальцев.

— А мы с вами коз вместе не пасли! — огрызнулся Чегодов.

— Я тебе покажу, большевистская сволочь! Щенок! На «вы» его величать! Говори, с кем бил стекла!

Чегодов молчал. Он был обижен до глубины души. Стекол Мальцеву он не бил, а в «бенефисе» участвовал, как и все прочие кадеты.

— Кто бил стекла? — заговорил сердито Вуйкович.

Чегодов молчал и сверлил взглядом начальника полиции.

— Крста! — позвал начальник полиции.

Вошел широкоплечий приземистый жандарм с небольшими черными усиками, совсем как у короля Александра, он согласно уставу вытянулся и, щелкнув каблуками, рявкнул:

— Чего изволите?

— Наручники!

— Слушаюсь! — повернулся и вышел.

— Ты у меня сейчас заговоришь! — угрожающе загремел Вуйкович.

— То, что вы собираетесь делать, насилие и оскорбление погон, которые я ношу, оскорбление русской армии! — тихо предупредил Чегодов.

Мальцев что-то шепнул начальнику полиции. Тот, видимо, поняв, что зашел слишком далеко, прошелся по комнате, потом остановился у полки, вытащил папку, извлек из нее какую-то бумагу и положил на стол. Вид у него был величественный, его огромная голова с львиной гривой покоилась на туловище Голиафа, рыжие усы топорщились, руки, покрытые веснушками, сжимались в кулаки.

«Пришибет, чего доброго, — думал, глядя на него, Чегодов, — придется что-то говорить. В корпусе небось меня хватились. Идет шум. Но я буду молчать!»

Вошел жандарм и стал у двери. Он знал своего начальника. Впрочем, стоило любому опытному человеку приглядеться к Славке, и он заметил бы, что этого великана гложет какой-то тайный недуг. Мешки под глазами, мутный взгляд, обвислые щеки, желтая дряблая кожа и только пурпурно-фиолетовый нос сбивал с толку и наводил на мысль, что перед ним пьяница.

Вуйкович уселся за стол, взял в руки перо и сказал:

— Итак, прошу вас, кадет Чегодов, перечислить зачинщиков бунта!

— Абрамов, Агеев, Андросов, Анисимов... — начал было шпарить Чегодов по алфавиту, как вахмистр на переключке, и вдруг замолчал. Следующим шел Басов, безрукий инвалид Басов. «Нет, его нельзя, вот Женьку — можно!», и он продолжал:

— Богаевский...

Присутствующий при допросе Мальцев протестующе поднял руку и хотел что-то возразить, но Вуйкович остановил его и буркнул:

— Благодарю вас, полковник, и желаю всего доброго.

Мальцеву ничего не оставалось, как встать и уйти.

Чегодов, идя по алфавиту, назвал пятнадцать кадет. Последним в это число попал «атаман» Дубенцев. Семеро из пятнадцати были на другое же утро арестованы, вместе с ними и Дубенцев. И если до сих пор волновалась только первая сотня, то теперь беспорядки расширились на весь корпус. Возмущенные кадеты отказались идти на занятия.

В числе арестованных оказался кадет Гусельщиков, сын известного донского генерала, который со своими еще не расформированными до конца частями находился в Болгарии, был правой рукой начальника РОВСа и представителем донского атамана Богаевского.

Полетели телеграммы.

Разразился скандал. Корпусное начальство растерялось. Тут только Вуйкович понял, что сделал глупость, вмешавшись в эти проклятые русские дела. Окончательно его сбил с панталыку допрос Дубенцева, который, уловив тактику Чегодова, на вопрос, кто является зачинщиком бунта, продолжил по алфавиту:

— Дураков, Духонин, Дьяков...

Вуйкович, услышав слово «Дураков», принял это на свой счет и решил, что над ним издеваются, — по-русски он знал несколько десятков слов. Не зная, что делать, он отправил Дубенцева в камеру, заявив, что будет держать его в «буваре» * до тех пор, пока не выведет наружу всю большевистскую банду, а покуда пусть читает и изучает «Обзнану» **. Потом, проклиная себя, Мальцева, который втравил его в эту историю, Чегодова, кадет и всю эмиграцию до седьмого колена, Вуйкович уселся писать рапорт начальству, доказывая, что ему удалось нащупать тайную организацию русских коммунистов, связанных, вероятно, с Москвой. Но не в силах свести концы с концами, посадил на свое место знакомого жандармского унтера Крсту Костица и, буркнув: «Иду по делу», отправился на пирушку к местному богачу Пановичу. В последнее время Вуйковича все чаще можно было видеть в веселой компании. И тут, как назло, позвонили из Белграда. Из доклада Костица на другое утро Вуйкович с похмелья понял только, что ему звонил из Белграда какой-то начальник.

Родился Крста Костиц в горном голодном краю Проклетье, о котором черногорцы говорят: «Упаси бог и во сне увидеть!» Юного Косту устроил в жандармскую унтер-офицерскую школу далекий его родич — чика Васо Хранич, и не без задней мысли: «Нам жандармы-коммунисты тоже нужны». И точно в воду глядел.

* «Блошинный мешок», карцер (*серб.-хорв.*).

** Постановление правительства королевства СХС (сербов, хорватов, словенцев), направленное против Коммунистической партии Югославии, инспирированное белоэмигрантскими кругами, близкими ко двору.

А через два дня разразилась гроза. Вуйкович едва усидел на месте начальника полиции. Сидевших в «буваре» кадет выпустили. Но зато не удержался директор корпуса. Отстранялся от воспитательской деятельности Мальцев. Героем дня стал хитро обманувший начальника полиции кадет Чегодов. А сыновей войскового старшины изрядно поколотили. Теперь они вместе с другими «благоразумными» кадетами сами оказались на «красном положении». Бойкот испокон века почему-то назывался у кадет «красным положением», на него «ставили» по решению «круга», то есть выпускного класса, всякого рода фискалов, изменивших кадетским традициям, воров до их исключения из корпуса и всех тех, кто в понимании «круга» уронил честь кадета. Выражался бойкот в том, что с кадетом никто не общался, еду он получал последним, суп жидким, второе не полностью, а о третьем и говорить нечего. Жаловаться он не смел, на его протесты никто не обращал внимания, а разгуливающий по столовой дежурный офицер делал вид, что ничего не замечает. В такие дела начальство не вмешивалось.

Прибыл новый директор — генерал Перрет. После блестящего красавца генерала генерального штаба Бабкина этот уже пожилой и обрюзгший, с изрядным брюшком артиллерист показался кадетам уродливым и антипатичным. Внушали уважение только его два Георгиевских креста. Всякий знал, что получить офицерский Георгиевский крест третьей степени не так просто.

Кадетам срочно сшили новую форму, улучшили питание, закупили духовые и струнные инструменты, гимнастические снаряды, рапиры, эспадроны, перчатки для бокса, устроили фотолабораторию, значительно увеличили библиотеку, оборудовали и декорировали театр.

А вслед за этим прибыл атаман всевеликого Войска Донского Африкан Богаевский. Встреча была торжественной, состоялся парад. Стало известно, что вывезенный в Египет Донской корпус расформирован и кое-кто из кадет приедет в Билечу.

Перед строем было объявлено, что отныне 2-й Донской кадетский корпус переименовывается в Донской императора Александра III кадетский корпус, а 1-я сотня — в Атаманскую.

Кадеты ликовали. Атаман под крики «ура» уехал, и все вошло в свою колею.

Вскоре приехало около двух десятков кадет из

Каира. Их полные экзотики рассказы были интересны и порой даже увлекательны, но больше всего потрясла легенда, живущая среди диких и воинственных племен кочевников-бедуинов, легенда о том, что скоро, скоро с севера придет белый русский царь и освободит их от английского рабства. Кадеты уже слышали подобную легенду. Рассказывал ее казачий войсковой старшина, кто знает, какими судьбами попавший в Билечу из далекой Кушки. Маленький, перетянутый как оса узким кавказским поясом, в серой черкеске с серебряными газырями, он, расхаживая взад и вперед, часами рассказывал древнее сказание о «Хождении за три моря» Афанасия Никитина в индийском варианте.

Со времен Иоанна III Россия, держава, не имеющая колоний, вела особую политику: «Бороться за освобождение малых и великих народов от иноземного ига», будь то индусы, афганцы, маньчжуры, корейцы на Дальнем или арабы, армяне, курды — на Ближнем Востоке; сербы, хорваты, словенцы, молдаване — на Балканах; поляки, русины, украинцы — в центре Европы; финны или чукчи на Севере, — всех хотел взять под свою высокую руку самодержец всероссийский. Эта идея тоже была колонизаторской, но выдавалась она как бы под другим соусом.

Зимой в корпус в качестве законоучителя приехал епископ Вениамин, приехал с иеромонахом-схимником. Вначале кадеты заинтересовались схимником, он носил необыкновенную рясу, под ней якобы власяницу и вериги и спал в гробу. Но покорила епископ всех не этим, а тактом, внутренней силой, необычайным голосом и, может быть, даже какой-то экзальтированностью. О нем говорили, будто во время врангелевской эпопеи он хотел пойти на большевиков крестным ходом с иконами и хоругвями, а не с винтовками и пулеметами: «Русский против бога не пойдет». Иерей начинал лекцию популярным языком, потом увлекался и, казалось, спорил с кем-то невидимым, и то цитировал труды духовных и светских философов-идеалистов, то материалистов. Сложные, отвлеченные, псевдонаучно сформулированные высказывания епископа казались бы для кадет скучными. Но каждый свой тезис он подкреплял неожиданной аллегорией. Останавливаясь, скажем, на том, как внутреннее существо человека отражается на его внешности, он говорил: «Возьмите головные уборы, которые носят армии разных стран, разве поднятые с обеих сто-

рон околыши немецких фуражек не говорят о кичливости их хозяев? Наша фуражка с поднятым впереди и опущенным сзади околышем говорит о скромности, благородстве и уверенности в своей силе».

Преподавательский состав был довольно пестрый. Из старых не осталось почти никого, а новые в большинстве случаев были ученые, профессора университетов, академий, институтов и люди — правда, так их было мало! — никакого отношения к науке, которая называется педагогикой, не имевшие.

Каждый, разумеется, получил у кадет свою кличку. Так, например, Панихидой прозвали преподавателя анатомии и физиологии, одного из любимых учеников Мечникова, профессора Строева. Этот похожий на аскета ученый, лязгая вставными челюстями, рассказывал, шепелявя и присвистывая, скажем, о дыхательных путях и вдруг начинал лекцию о вреде или пользе (он мог доказать и то и другое) курения или об эмбриологии скорпионов.

Если это было интересно, кадеты его слушали, нет — занимались своими делами. Урок отвечали, стоя за партой и заглядывая в книгу. Когда кадет умолкал, задумавшийся о чем-то Панихида обычно спрашивал:

— Что самое твердое в теле человека?

— Эмаль! — хором кричал весь класс.

— Очень хорошо! — шамкал Панихида и выводил в журнале 10 или 11.

Он никогда не повышал голоса и снисходительно улыбался даже плоским шуткам. Кадеты его любили и уважали, но предмет знали плохо.

Новый директор (это было уже в конце учебного года), увидев, что самый высокий средний балл у профессора Строева, открыто заявил на преподавательском собрании, что профессор слишком либерален и это он докажет на экзаменах.

Строев, разволновавшись, заявил, что отвечает за кадет, что они отлично знают предмет и если экзамены покажут, что он ошибается, то он покинет свое преподавательское место.

Стычка между директором и профессором дошла до кадет. «Круг» решил выручить Панихиду и натянуть нос Борову. Сели за зубрежку. И теперь даже в столовой можно было слышать:

— Как называется второй позвонок?

— Эпистрофей!

— А это что?

— Вороний отросток лопатки!

На экзамене средний балл поднялся. Прощаясь с выпуском, Панихида плакал.

И все же самым уважаемым, но далеко не любимым среди кадет был преподаватель истории Ну-с. Он был строг и требователен. В отличие от Панихиды на его уроках царила тишина. С затаенным дыханием слушали кадеты повесть о том, как «бледный и трепещущий Медина Сидония вошел к Филиппу II, чтобы сообщить о гибели Великой Армады...», и каждый по-своему представлял себе маленького Сидония и мрачного, жестокого Филиппа, который, сидя в своем темном кабинете, говорит скрепя сердце: «Я посылая мой флот против людей, а не против моря и бурь. Такова воля божья!»

И вот, пользуясь своей популярностью, Ну-с исподволь повел агитацию в пользу сепаративного движения казачества.

Появилась и заходила по рукам литература «самостийников». Заинтересовались «Историей Украины» Грушевского, «Историей Дона» Быкадорова. Начались обсуждения, споры, доходившие до ссор. Часть кубанцев, почувствовав себя ущемленными, отделилась, ушла из «круга» и образовала «кош» — «Вельможный запорожский кош», избрав в кошевые лихого кубанского казака Георгия Беломестного, георгиевского кавалера и «героя Лемноса», прибывшего в начале года из «Кубанской дивизии». «Войсковым писарем» и вдохновителем идеологическим стал примкнувший к ним донской казак Павел Поляков по прозвищу Пашка Косой, который и начал на этом свое политическое поприще.

Из скандала в корпусе и в полции Чегодов вышел морально окрепшим. Кратковременное тюремное заключение, грубость распоясавшегося полицейского и чувство своей незащитности оставили в душе Чегодова неизгладимую травму. Сын высокообразованного, склонного к философскому мышлению сибарита и кадетствующего крупного помещика, с младенчества выпестованный боннами-немками, воспитанный в детстве гувернером-швейцарцем и отданный на учение в Московский лицей, Олег Чегодов рос своевольным и ершистым мальчиком.

Однажды Чегодов случайно услышал разговор генерала Гатуа с Храничем. Речь шла о зверском отноше-

нии полиции к коммунистам, брошенным в тюрьмы после так называемого закона «О защите государства». В связи с этим Гатуа рассказал о расстреле французами русских солдат экспедиционного корпуса, расположенного во Франции, не пожелавших после революции воевать и требовавших возврата на родину. Группу русских солдат отправили в Одессу, и чика Васо, слушая Гатуа, пришел в восторг. Чегодов после этого постарался подружиться с Храничем. И спустя несколько месяцев Хранич уже снабжал своего молодого друга литературой.

Так через Олега Чегодова в ряды кадет стали проникать идеи, которые очень будоражили умы молодежи. И только неожиданное прибытие в Билечу из Шанхая Омского и Хабаровского кадетских корпусов пригасило на какое-то время возникшие страсти и споры среди учащих.

Настороженно выстроились друг перед другом хозяева и гости. Первый взвод Атаманской сотни с высоты своего едва ли не саженого роста поглядывал презрительно на мелюзгу первого взвода хабаровцев. Когда после приветственной речи Борова и ответных речей старших офицеров Хабаровского и Омского корпусов была подана команда «На месте вольно!», Светик Татаркин, сын известного донского генерала, любимец кадет, озорник и балагур, вдруг громко, на весь плац крикнул:

— Братцы! Нам ходей привезли. Огороды будем разводить.

Все расхохотались. Воспитатель погрозил Татаркину пальцем. А низкорослый «генерал» Хабаровского корпуса Георгий Пафнутьев, чтобы не остаться в долгу, не менее громко ответил:

— Разведем! А на здоровых лошаках будем воду возить.

— Отставить разговоры! — прозвучала команда.

Сибирь, Приморский край, Хабаровск, Омск, Оренбург, Владивосток, Русский остров, Шанхай, Гонконг, Сингапур. Верховный правитель Колчак, чехословацкие легионы, Иртыш и резиденция степного генерал-губернатора, предательство англичан, выдача большевикам Колчака французским генералом Жаненом, атаман Дутов, генералы Унгерн, Семенов, японцы, новый далекий, неведомый мир — все эти рассказы заполняли головы молодых людей. Отроки и юноши выросли не оттого, что

пили вино, курили табак и знали женщин, а оттого, что новое поколение было сыновьями бурного и кровавого века, и никакими крепостями нельзя было отделить кадет от тех истин, которые шли из Советского Союза, с их родины...

Вот в какую среду попал разведчик Алексей Хованский, среду, в которой ему предстояло работать.

5

То, что Хованского познакомил с генералами Кучеровым и Гатуа чика Васо в непринужденной обстановке, на берегу реки, то, что сам Хранич был хорошо знаком с обоими генералами, сыграло свою роль. И Гатуа и Кучеров приняли Алексея за «своего», что, разумеется, было бы невозможно, явись он в кадетский корпус по официально установленным правилам. Алексей, конечно, понимал, что за ним следят, что его будут тщательно проверять, и потому старался не лезть на глаза начальству. С утра он уходил на гидростанцию, переодевался в рабочий халат и работал до обеда, затем, пообедав в офицерской столовой корпуса, опять возвращался на станцию. Ее следовало починить к началу учебного года, то есть через четыре месяца, а это требовало ежедневных усилий. Без помощников Алексею не обойтись, но пока он не обращался ни к кому за помощью.

Неделя прошла незаметно. Старый грузин Гатуа, приходя по утрам на берег рыбачить, заглядывал на станцию, интересовался, как у молодого капитана продвигаются дела. И однажды неожиданно пригласил Алексея к себе в дом на вечер. Этим он оказал большую честь Хованскому. Жил Гатуа в небольшом доме, в крепости, в которой располагался корпус. Когда Алексей прибыл к нему на квартиру, там уже были и гвардейский полковник Павский, и низкорослый крепыш Мальцев, а вскоре неторопливо вошел в квартиру тихий, мягко выговаривающий слова преподаватель немецкого языка, капитан первого ранга Людвиг Оскарович фон Берендс. С первых же слов беседы между господами офицерами стало понятно: Мальцев — убежденный монархист-черносотенец, а фон Берендс — по внешнему виду простоватый и застенчивый, на самом деле — человек с железной волей, любимец корпусного персонала и кадет. Его необычайная физическая сила, знание джиу-джитсу, богатая приключениями жизнь и эпи-

курейский взгляд на вещи, его намеренная отстраненность от политики вызывали всеобщее уважение.

Пока генерал Гатуа возился на кухне — а он сам жарил форель, сам, облачась в халат, подавал на стол вино, — гости «перемалывали» новости и вспоминали свои заслуги перед отечеством. Алексей узнал из этих разговоров, что Гатуа не был в России во время революции и о большевиках знал только понаслышке; узнал любопытные подробности из биографии Людвиг Оskarовича фон Берендса. Русская разведка послала его в Вену в 1910 году, и он имел какое-то отношение к знаменитому делу Редля, начальника восточного отдела разведки в Австро-Венгрии. В начале первой мировой войны Берендс был направлен в Берлин. Однако германская разведывательная служба получила сведения, что в первых числах ноября в Берлин кёнигсбергским скорым поездом прибудет русский шпион. И хотя примет у них никаких не было и Берендс походил на немца и говорил на чистейшем берлинском диалекте — его арестовали на перроне вокзала. Выдали его галоши фирмы «Треугольник». Берендс редко кому рассказывал, как его допрашивал начальник секретной службы на Вильгельмштрассе Николаи и чем кончился этот допрос. Вскоре Берендса обменяли, а спустя несколько месяцев он уже был в Стамбуле.

Но вот в дверях появился корпусной капельмейстер, есаул Скачков со своей женой. Старик Гатуа удивился, что в его компанию пожилых серьезных людей без приглашения пожаловала молодая пара, но потом по игривым огонькам, мелькавшим в глубоких зеленых глазах Ирен, когда она разговаривала с генералом Кучеровым, догадался: «тайный роман». Сели за стол. Есаул много пил и не сводил с жены тяжелого взгляда, а она, как назло, кокетничала, строила глазки Петру Михайловичу и хохотала. Но ее чары, как заметил Хованский, не действовали на Кучерова, он оставался холоден и подчеркнуто вежлив.

Засиделись допоздна. И вдруг произошла короткая, но неприятная стычка между Мальцевым, Скачковым и Кучеровым. Войсковой старшина принялся разглагольствовать о том, что революция в России произошла случайно, не говоря уж о приходе к власти большевиков.

— Николай II, — говорил Мальцев, — был слишком доверчив и благороден. Нельзя было гуманничать. Людей надо держать в страхе. При Александре III никто

и пикнуть не смел. Трепов недаром грозил: «Пол-России перевешаю, зато другая половина будет верноподданной». А наш государь запретил Третьему отделению вмешиваться в жизнь армии: «У меня не может быть политики в армии!» Потому социалистические идейки и проповедовались почти в открытую. Спасая Францию, он загубил гвардию в Пинских болотах, а с ней и себя, и Российскую империю. Наполеон берег гвардию как зеницу ока, потому она и умирала за своего императора. Николай запретил солдатам выдавать водку, держал в Питере более ста тысяч распропагандированных новобранцев! С ума сойти! Уехал из столицы на станцию Дно. Можно ли еще что-нибудь хуже придумать! Вот и говорили: «Царь на дне, а царица с Распутиным!» Великого князя Николая Николаевича снял с главковерха... А ведь это был настоящий главковерх, жестокий и к генералу и к солдату... Думаете, Суворов не был жесток? Или Александр Македонский? В марте намечалось генеральное наступление наших и союзных войск, и мы разгромили бы немцев. А после победы какая уж там революция! И стала бы Россия Великой, Единой и Неделимой, с проливами в Средиземное море и Константинополем. Третий Рим!

Войсковой старшина отпил из фужера вина и поперхнулся.

Есаул Скачков, которому надоело уже в десятый раз все это слушать, ядовито заметил:

— Конечно, конечно, но все это совсем не так. Не только интеллигенция, но и знать и гвардия приветствовали Февраль, никто не хотел умирать за своего императора. Даже нынешний ваш, — есаул подчеркнул это слово — «ваш», — блюститель императорского престола, Кирилл Владимирович, надев красный бант, выступил во главе гвардейского экипажа против своего августейшего кузена Николая. Что же касается Великой, Единой и Неделимой, то она разноплеменная и лоскутная; Австрия во времена Франца-Иосифа занимала 625 тысяч квадратных километров, а сейчас — 83 тысячи, и все довольны: венгры, чехи, словаки, хорваты, боснийцы и герцеговинцы; впрочем, хорваты, кажется, не очень довольны! И я отлично знаю, что казаки, украинцы, белорусы, народы Кавказа, финские и тюркские племена жаждут освободиться от ярма лапотной и вшивой Руси. И уверен, что если бы большевики не разогнали Учредительное собрание, оно закрепило бы это освобож-

дение народов. Впрочем, сейчас это сделают разруха и голод.

Алексей тихо сидел в левом углу стола, не без интереса слушая многословные речи, которые, видимо, повторялись здесь каждый раз, как только собиралось более двух собеседников.

— Русскому народу чужд шовинизм, — вдруг вступил в разговор Кучеров. — Наш народ исповедует святой закон жизни, он никогда не приносил в жертву своей корысти свободу какого-либо другого народа.

— Это рассуждения гнилой интеллигенции, — перебил его неожиданно Мальцев. — Именно она проповедует гуманизм, свободу, равенство и братство, она последние сто лет кормилась сомнительными идеями иудеев...

— Что же касается «идеек», которыми кормилась наша интеллигенция, то не будем ее судить так строго, вы ими тоже кормитесь. Врачу, исцелился сам! — нахмурился Кучеров.

— То есть как! Прошу вас, генерал, объясниться! — Мальцев встал, глаза его разгорелись гневом.

— Разве вы не верите в учение Христа? — улыбнулся Кучеров.

— Ах, вот что! — протянул Мальцев, криво усмехнувшись, и сел.

Все засмеялась.

— А вы знаете, Ульянов-Ленин дворянин и интеллигент, — продолжал с усмешкой Кучеров. — Говорят, в России ему в церквах пудовые свечи перед иконами ставили, молебны, когда он болел, во здравие заказывали. И смерть его народ оплакивал...

— Вы Ленина идеализируете...

— Извините, есаул, я еще не кончил. Теперь России придется проснуться от долголетней спячки... Ленин был поворотным пунктом в истории России и человечества, и мы, русские, должны гордиться, что среди нас родился такой человек.

— Ну, так, Петр Михайлович, вы далеко зайдете в своих выводах, — с ядовитой ухмылкой заметил Мальцев. — И грузином Сталиным мы тоже будем гордиться?

— А что... Он тоже недюжинный человек, — продолжал Кучеров, мельком бросив взгляд на грузина Гатуа. — Доказательства — его борьба с ферментом разложения, который несет Троцкий и иже с ним.

Лицо Мальцева налилось кровью, он резко встал, оттолкнул стул, на котором сидел, и, сделав общий поклон, произнес:

— Прошу прощения, дорогой хозяин, господин генерал, мадам и вы, господа, но мне не пристало слушать подобное, да еще от генерала Добровольческой армии. До свидания! — И, еще раз поклонившись, он вышел из-за стола и покинул комнату.

За ним поднялся было и начал прощаться Скачков, но Ирен бросила сердитый взгляд на мужа, потом молитвенно сложила руки на груди и проворковала:

— Ах, господа, господа, умоляю вас, ни слова больше о политике. Как не стыдно! Среди вас дама, а вы ссоритесь из-за пустяков. Миша, сядь! А теперь все вместе выпьем за здоровье нашего милого хозяина, который огорчен, как и я, вашими пререканиями.

Гатуа вовсе не был огорчен. Ему интересно было следить за спором, хотя тема жевалась уже много раз.

Хованский внимательно наблюдал за собравшимися. По выражению их лиц можно было понять, что дело было вовсе не в политических разногласиях, а в чем-то ином, затаенном. «Все внимание обращено на Кучерова. Они явно его провоцируют! — подумал он. — И почему так по-глупому откровенно лезет Ирен Скачкова к генералу со своими любезностями?»

Глава третья На мертвом якорь

1

Вечером на электростанцию зашел Хранич, у него не было к Хованскому никакого дела; его привело любопытство — как же русский моряк чинит турбину. Алексей уже собирался идти в крепость, но с удовольствием задержался, показал чика Васо пульт управления. Однако ничего не значащая беседа вдруг встревожила Хованского.

— Приемный сын генерала Кучерова, кадет Атаманской сотни Аркадий Попов, дружит с Чегодовым, — сказал чика Васо.

— С кем? — переспросил Алексей, как бы не услышав фамилии.

— С кадетом Чегодовым, — повторил Хранич. Алексей замер, затаив беспечность.

— А как звать Чегодова?

— Олег...

«Да, это тот самый Олег Чегодов!» — пронеслось в голове Хованского, и он всем существом понял, какую опасность представляет для него случайная встреча с Олегом Чегодовым. Они знакомы давно, беда в том, что Олег знает Хованского совсем под другой фамилией и теперь может выдать его. Угроза провала нависла над всей операцией.

«Что же делать?»

Ничего не сказав Храничу, пожал ему на прощание руку, Алексей решил найти Чегодова и встретиться с ним. Но как это сделать, не привлекая внимания других кадет?

Алексей переоделся в военную форму и пошел в крепость.

Весна царила в долинах и на пригорках, таяли снега и на далеких вершинах. Небо бороздили стрижи. В саду у лазарета уже цвела сирень, зеленели нежной акварелью филигранные листики акации, инжир налился в добрую сливу.

Через два дня пасха. Ныне она приходилась на 2 мая. Вчера был снят бойкот с «благоразумных», помирились и донцы с кубанцами, и омичи с хабаровцами, и конвойцы с кошем, и даже среди «зверей» установился какой-то мир. Прошло шесть томительных недель великого поста, наступила страстная с ее необычайной, за душу берущей мистикой — «страстей господних».

Алексей уже знал, что в понедельник неожиданно-негаданно прибыл митрополит Антоний со знаменитым протодьяконом Вербицким, а в среду — еще более знаменитый хор Жарова; Хованский уже побывал один раз в церкви. Былолюдно. Начиная со страстного четверга в зале пел хор и два дьякона — один из них настоящий артист. Перед каждым выходом протодьякон выпивал рюмку водки, и под конец службы голос его гремел и переливался по-шалаяпински. Хованский слышал, как протодьякон хвастался, что после почившего протодьякона московского Розова, который сорвал голос, когда провозглашал многолетие государю-императору, стал первым певцом всей православной церкви. Поразили Алексея и вдохновенный, сильный тенор епископа Вениамина, и то, как схимник, совсем высохший во время поста (говорили, будто в день ел лишь одну просфору,

а в страстную пил только воду), устремив горящие глаза к иконе Спасителя, легко падал ниц, словно мячик, вскакивал и снова падал. И сейчас, проходя мимо церкви, Алексей увидел гурьбу священников, иеромонахов и монахов, приехавших почтить главу русской церкви.

По одну сторону храма стояли в строю кадеты, они переминались с ноги на ногу, тихо перешептывались и позевывали; по другую — персонал, их семьи и гости.

Алексей хотел пройти в церковь, но в то же время опасался — вдруг встретит Чегодова. Сложность заключалась в том, что Хованский боялся сразу его не узнать, знакомы они по Елисаветграду.

«Не будем предрешать событий! — решил Алексей. — Приду чуть позже и стану подальше, где потемнее, а завтра постараюсь встретиться с Чегодовым».

2

В начале марта 1918 года Алексей Хованский во главе красногвардейского отряда сражался с немцами на Западном фронте, с 21 марта он был оставлен в оккупированном немцами Елисаветграде, чтобы под руководством подпольного ревкома сколачивать повстанческие отряды из рабочих и деревенской бедноты. Там он провел семь долгих и трудных месяцев. Наконец зойска Красной Армии, взаимодействуя с отрядами повстанцев, освободили Елисаветград. Увы, ненадолго! В конце октября город захватили банды Петлюры. Начались грабеж, убийства, расправы с коммунистами и профсоюзными деятелями.

Ревком ушел в подполье и начал готовиться к вооруженному выступлению. 2 февраля был выбит из города галицкий «Курень смерти».

Когда с товарной станции выбивали «Курень смерти», Алексей был ранен. Рана оказалась легкой, но Алексею приходилось отлеживаться в реквизированных для него и его товарища комнатах богатого особняка на Успенской улице, принадлежавшего вдове помещика Чегодова. Хозяйка сначала опасливо на него поглядывала, но потом стала считать его своим гостем, неизменно приглашала утром на завтрак, возилась с Алексеем: сама перевязывала ему рану, готовила что-нибудь «вкусненькое»; делилась с ним своими заботами, сетовала на отсутствие порядка, дороговизну, общую распущенность, на лентяев мужиков, махровый национализм украинской «сомнительной интеллигенции» и бы-

ла глубоко убеждена, что Советская власть рано или поздно кончит со всей этой безалаберщиной и разделяется с такими бандитами, как Петлюра. Хозяйка пересказывала Алексею разные слухи и городские сплетни о Петлюре, Махно, Григорьеве и Марусе Никифоровой.

Однажды в беседе с начальником Елисаветградского ЧК Хованский спросил: почему по всей Украине вспыхивают восстания против Советской власти? Оказалось, что каждого очередного «батюку» поддерживают куркули и мелкая буржуазия, в то же время органы ЧК работают еще неумело, не могут противопоставить свою тактику подрывным действиям противника.

— Хотите работать у нас? — напрямую спросил начальник ЧК Алексея.

С того дня и начался для Алексея трудный путь чекиста.

Вечером Алексей вернулся в особняк помещицы Чегодовой и вдруг узнал, что она арестована. Молодой сын ее — Олег Чегодов испуганно рассказал Хованскому, что мать арестовали какие-то мальчишки. Она долго уговаривала их, говорила, что построила для них школу, но вожак подростков приказал увести барыню в штаб Григорьева.

— Я постараюсь, Олег, освободить твою маму, — сказал тогда Хованский.

В Елисаветграде все цвело, зеленело, радовалось маю. Утром рано вставало солнце, щебетали ласточки, чирикали воробьи, ворковали голуби... Не радовались только люди. В городе хозяйничали банды Григорьева. Они зверски расправлялись с советскими активистами и большевиками. В течение трех дней они вырезали более трех тысяч евреев, убили сотни работников советских учреждений, одних они расстреливали на месте, других, «что поважнее», вели к «батюке» на расправу.

В штабе Григорьева были люди, которые сочувствовали большевикам, и через них Алексей узнал, что на запасном пути стоит товарный состав, в вагонах которого немало коммунистов ожидает «суда». По имевшимся данным, осужденных ночью группами вывозят за город и расстреливают у железнодорожного моста, над обрывом.

Штаб Григорьева находился в импровизированном, из кровельных листов бронепоезде, который стоял на первом пути, перед самым вокзалом. А на последнем

пути, далеко в стороне, в теплушках, находились арестованные.

Когда совсем стемнело, Алексей с двумя товарищами пришел на станцию. Никто не обращал внимания на трех вооруженных винтовками и пистолетами людей, остановившихся в стороне от «бронепоезда». Вскоре к ним подошел четвертый. Протянув руку Алексею, он тихо сообщил:

— Паровоз под парами, машинист высокий усатый дядя, наш человек. Скажете: «Мы от Ивана». Пароль для часовых: «Бунчук». В добрый час! — И заторопился обратно.

Вскоре группа Алексея добралась до паровоза. Машинист в форменной фуражке, услышав: «Мы от Ивана», спокойно и как-то деловито махнул рукой:

— Залазьте, хлопцы! Зараз пойдем. Тильке там попереду у вагони караул, чоловик з пятнадцать, але уси пьяни! Мусымо йх... — Он не договорил и почесал затылок.

— В каком вагоне? — спросил Алексей.

— У послиднем... але мы пийдемо задним ходом.

— Опять расстреливать собрались! Вот и пьянствуют, — пробасил кочегар, закрывая дверцу топки и выходясь во весь могучий рост.

«Ну и детина!» — подумал Алексей, поглядывая на его грудь и плечи. И тут только увидел, что лежавшая, как ему показалось в темноте, груда тряпья вдруг зашевелилась и оказалась связанным по рукам и ногам парнишкой лет семнадцати, с кляпом во рту.

— Це наш вартовый, дурный хлопец. До цого Грыгорьева, як до бисового батька прычпывся! — сказал машинист, увидев, что Алексей и его сопровождающие уставились на парня.

— А когда у него смена?

— Сменять некому! Отсменялся! Разводящий был, да вышел! Вон туда. — Кочегар кивнул в сторону топки. Потом, обернувшись к машинисту, спросил: — Ну как, Макарыч, поехали? — и взялся за рычаг. — Крайнее время!

— Давай, Микита, задний!

Микита сдвинул рычаг, покрутил какую-то ручку, и старый товарный паровоз с длинной трубой вдруг выпустил струю пара, запыхтел, дал гудок и, лязгая железом, тронулся с места.

— Доки воны розчухають, доты мы закинчемо з ны-

мы! Ось, подывытыся, яки гарны цяцькы! — И машинист неторопливо отодвинул железный лист над окном и снял из открывшегося углубления сначала масленки, потом ящик с инструментами и наконец железный сундучок.

Там были гранаты, не менее двадцати штук.

Паровоз тем временем катил мимо бронепоезда. Им что-то кричали. Явственно доносилась площадная брань. Из заднего вагона выскочил кто-то, видимо, из близкого окружения Григорьева и трижды выстрелил из пистолета в воздух. Еще минута — и они выехали за пределы станции.

— Пойдем по крышам к вагону, в котором охрана, — сказал Алексей кочегару.

— Пойдем! Сапоги только вам надо снять, чтоб не поскользнуться, товарищ комиссар, — пробубнил кочегар, укладывая в брезентную полевую сумку «лимонки». — Прыгать умеете? Я подсоблю! — и он оценивающе посмотрел на Алексея.

— Они у меня на резине, скользить не будут. И голова не закружится. Я ведь моряк! — сказал Алексей. — Вы же, товарищи, как остановимся, быстро отворяйте двери всех теплушек, пусть все арестованные, кроме коммунистов, поодиночке, разбегаются. — И полез за кочегаром на тендер.

Кочегар легко перемахнул через двухметровую пропасть между паровозом и вагоном. Сжав зубы, Алексей стал на самый край тендера. Ветер с силой бил в грудь и лицо. Крыша товарного вагона, казалось, была высоко и далеко, она раскачивалась из стороны в сторону и подпрыгивала. Кочегар обернулся, кивнул ободряюще головой и протянул руку. Алексей прыгнул и в тот же миг почувствовал, что прыжок рассчитал плохо. Но кочегар с непостижимой для его огромного тела ловкостью наклонился, схватил Алексея за руки и рывком поставил на крышу вагона.

— Сильнее надо прыгать! Ну ничего, товарищ комиссар, дальше пойдет легче. Это с тендера трудно. А потом с разбега! — Он повернулся и, сделав четыре прыжка, очутился на крыше второго вагона. И снова повернулся и протянул руки.

Алексей прыгнул и легко оказался на крыше другого вагона, и через несколько минут они уже были на последней теплушке.

Убедившись, что дверь вагона справа раскрыта, а

слева заперта на крюк, кочегар поглядел на тормозную площадку и сказал:

— Погоди-ка, комиссар, я загляну в тамбур на всякий случай, нет ли там часового...

— Нет, подойдем вместе с разных сторон!

На площадке никого не было. Вдали показался мост.

— Значит, так, вы, товарищ Никита, ложитесь здесь, а я там, — Алексей показал на противоположный по диагонали угол вагона, — и как только состав проедет мост, я подниму руку, и мы вместе бросаем в окна гранаты. По две штуки.

Алексей улегся поудобней, приготовил «лимонки» и стал ждать. Вскоре состав загремел по мосту, замелькали пролеты.

И тут два и еще два взрыва потрясли воздух. Состав проехал метров двести и остановился. Свесившись над дверью, Алексей осветил электрическим фонарем внутренность вагона: на полу лежало несколько неподвижных тел.

— Охрана состава мертва. Давайте, товарищ Никита, сходить.

Они слезли и подошли к двери. Семь окровавленных трупов в разных позах лежали на полу. Восьмой сидел, прислонившись к стенке теплушки, склонив голову набок. Это был молодой парень, вероятно, лет семнадцати. Устремленные куда-то в пространство глаза, еще не потерявшие блеска, выражали недоумение. Белое, без кровинки лицо было красиво.

— Это Викута! — сказал кочегар. — Главный подручный вот этого, — и он указал на лежавшего навзничь большого человека. — А это обер-палач и мучитель.

В памяти Алексея запечатлелись его пышные черные, запорожские усы и огромная кисть руки с почти черными, скрюченными, похожими на когти дракона, пальцами.

Через десять минут у вагонов поезда осталось около пятидесяти человек. Остальные арестованные — их было не меньше двухсот — разбежались.

— Товарищи! — собрав их вокруг себя, сказал Хованский. — Ревком приказывает вам соединиться с повстанческим отрядом товарища Стратиенка. Под Знаменкой идут бои с григорьевскими бандами. Вы удари-

те по ним с тыла. Провиант и оружие найдете в этом вагоне. За победу революции!

Еще две-три минуты, и состав отбыл в сторону Знаменки.

Уезжая в вагоне, из которого только что были выпущены арестованные, приговоренные к смерти люди, Хованский не мог не думать, что в числе их была и госпожа Чегодова — мать Олега Чегодова. Второго мужа помещицы, арестованного петлюровцами, спасли от смерти красноармейцы, а сейчас и Чегодову освободила из вагона группа Алексея Хованского.

* * *

...23 мая части Красной Армии, поддерживаемые повстанцами, освободили Елисаветград. Однако ненадолго. Город заняли деникинцы. Рьяно заработала белогвардейская разведка. Вскоре прибыл генерал Слащев, и его приезд ознаменовался, как всегда, казнями. Для устрашения рабочих генерал велел повесить на кавалерийском плацу двенадцать коммунистов. В их числе начальника партизанского отряда Стратиенко.

Будучи в глубоком подполье, Алексей случайно столкнулся в фойе кинематографа с Олегом Чегодовым. Тот узнал Хованского, но сделал вид, что они не знакомы.

И вот после стольких лет они должны встретиться. «Выдаст ли он меня здесь? — спрашивал себя Хованский. — Может быть, уже видел и выдал?»

Все должна решить первая встреча, которую Алексей очень ждал.

3

Шла всенощная, прочитали четвертое евангелие, пропели «Разбойника благоразумного». Стоя в опьяняющем полумраке церкви, одурманенный дымом ладана и чадом восковых свечей, которые зажигали во время чтения каждого евангелия, завороченный блеском огромных бриллиантов, изумрудов, кроваво-красных рубинов и небесно-голубых сапфиров, которыми были усыпаны митры митрополита и епископа, смотря на оранжевое мерцание лампад и слушая повесть о развернувшейся двадцать веков тому назад трагедии, Алексей думал: «Так вот она, сила церкви, и это еще православной, с ее алчными и дикими бородачами попами, у которых только и забота — жрать, пить да рожать детей; с ее ма-

ленькими тесными церквушками, вечно пьяными дьячками и вороватыми церковными старостами. А что говорить о католической, этой хитрейшей из церквей...» Его мысль оборвал устремленный на него пристальный взгляд. Алексей истово перекрестился, сделал поклон и через плечо увидел Ирен Скачкову. Она, видимо, только что вошла и, прислонившись к двери, кого-то искала глазами. Увидав Павского, который стоял все это время у колонны не шелохнувшись, как солдат на часах, Ирен удовлетворенно кивнула головой и неторопливо пошла к выходу.

Алексей посмотрел на стоявшего впереди Скачкова. Он явно нервничал, нетерпеливо, как норовистая лошадь, переминался с ноги на ногу и опасно поглядывал на Павского.

— Исполаети деспота! — рокотал низкой октавой протодьякон.

— Вонмем! — отозвался дребезжащим старческим голосом митрополит, поднимая руку для крестного знамения, чтобы благословить стоящего перед ним с раскрытым евангелием протодьякона. И, закрыв глаза, пел:

— Во время оно...

Скачков, пригнув голову, на цыпочках пошел из зала. И почти сразу же за ним Алексей...

Минут десять спустя, в той же очередности, сначала Скачков, потом Хованский заняли свои места в церкви. Никто на их уход и приход не обратил внимания, служба продолжалась. Павский по-прежнему стоял истуканом, выпятив грудь и задрал голову.

Всенощная наконец закончилась. Кадеты с горящими свечами «вольным шагом» направились в казармы. Дул ветерок и гасил свечи, хотя они несли их осторожно в ладонях, надеясь донести до казарм, чтобы начертить копотью на стене крест.

Алексей, так и не увидев Чегодова, вышел из душевной церкви во двор, окруженный стенами, фортами и зданиями, с плацем и упиравшимся в лазарет садом.

Луна еще не взошла. У крепостных ворот на фоне белой стены чернели силуэты людей. «Подойду! — решил Алексей. — Может, Кучеров или Хранич. Завтра Первое мая. Послезавтра пасха...»

— Алексей Алексеевич! К нашему шалашу! — ласково встретил его генерал Гатуа.

Он стоял в окружении трех с иголки одетых офи-

церов. В одном из них Алексей сразу же узнал высокого и как доска плоского полковника Павского.

Рядом плотный, грудастый и весь какой-то квадратный офицер в морской форме, капитан Берендс. Его Алексей уже видел в квартире Гатуа. Чуть подалее войсковой старшина Мальцев. Лицо его, обрамленное черной бородкой а-ля Николай II, казалось красивым, но улыбка была неприятной, даже отталкивающей.

— Честь имею! — протягивая Хованскому большую узкую руку с цепкими длинными пальцами, холодно процедил Павский. — Мы уже знакомы.

— Рад встрече, капитан! — сказал Мальцев.

— Здравствуйте! Честь имею! Какая теплая ночь. А днем и солнца не вижу, так занят, вздохнуть некогда. Налаживаю гидростанцию. Свет хочу поскорее дать.

— Иван Иванович тоже будет сеять свет в души наших юных кадетиков, — сказал Берендс и вдруг повернулся к подходящей паре: — О, госпожа Скачкова! Господин Скачков!

— Добрый вечер, Людвиг Оскарович, добрый вечер, Александр Георгиевич, — проворковала Ирен Скачкова, протягивая для поцелуя руку.

Алексей уже отлично понимал, что Скачковы охотятся за документами Кучерова. Теперь главное — опередить их: договориться с Кучеровым и сфотографировать эти документы. Но знакомство с генералом еще не давало Алексею убежденности, что он сумеет близко сойтись с Петром Михайловичем и убедить его расстаться с секретными списками.

Тем временем Павский щелкнул шпорами, поцеловал в глубоком поклоне руку Ирен, с шумом всосал, словно обжигаясь, в себя воздух, всхлипнул и проблеял:

— Увы, цивилизация безжалостна, и не за горами то время, когда по ночам уже не будут петь соловьи...

— Все идет своим чередом. Но сеять свет можно и в темноте, а темноту среди света! Хе-хе! — заметил Берендс.

— Мадам, господа, желаю доброй ночи! — произнес Павский и направился навстречу появившейся на садовой дорожке какой-то женщине в белом платье.

— Новый вздыхатель Грации! — зло бросила ему вдогонку Ирен, но достаточно тихо, чтобы он не услышал. — Представляю себе эту Грацию, когда ей пойдет пятый десяток!

Маленький, на вид щуплый, но ловкий и сильный

есаул Скачков дернул супругу за рукав, и, как заметил Алексей, глаза капельмейстера духового оркестра сверкнули злобой.

«Эта пара не очень-то ладит! — подумал Хованский. — Сразу видно, они не супруги, а партнеры...»

— Грация работает секретарем у директора и у начальника хозяйственной части корпуса генерала Кучерова, — вдруг сказал хитровато Берендс. — Гликерия — значит сладкая! А сегодня страстной четверг, великий пост! Посему...

«Странные намеки. — Алексей старался не пропустить ни единой реплики, которые бросали офицеры, для него каждая мелочь имела значение. — Значит, Павский встречается с секретаршей генерала Кучерова.

— После всенощной прошу ко мне на разговенье! — сказал хлебосол Гатуа и стал прощаться.

— Разрешите, Александр Георгиевич, вас проводить, — попросил Алексей и стал прощаться.

— Конечно, мой драгоценный! — прохрипел Гатуа и, попрощавшись с Мальцевым и Скачковым, взял Алексея под руку.

Они молча направились к плацу, пересекли его и вошли в ворота верхней части крепости.

— Нэ понимаю этих людей, — тихо, словно про себя, произнес Гатуа. — Бежать от них надо подальше, а я... ха... ха...ха! Хачу на них ближе па-сма-треть!

— Неужели только посмотреть?

— Вас интересует история кадетского корпуса? Его люди, жизнь? Вы знакомы с Аркадием Поповым? Ведь об его отце, Иване Попове, можно роман написать! Петр Михайлович много мне о нем говорил. — И Гатуа принялся пересказывать, что говорил о своем друге и полковом вахмистре Иване Попове генерал Кучеров.

Было уже около двух часов ночи, когда Алексей, проводив Гатуа до дому и решив не идти к себе на электростанцию, вернулся к тому зданию, рядом с которым находились церковь, офицерское собрание и квартиры для корпусного персонала. Он поднялся по лестнице на третий этаж и подошел к двери отведенного ему номера. Он занимал просторную комнату с двумя взятыми в решетку окнами, откуда открывался вид на горы, на шоссе Билеча—Требинье и реку. Еще проходя по узкому темному коридору, идущему полукругом, он заметил в № 3 и № 4 внизу под дверью узкую полоску света.

«Значит, Кучеров дома», — с каким-то облегчением подумал Алексей. Генерал занимал два номера. В пятом и шестом номерах жили Скачковы, в седьмом — Павский и в восьмом — он сам, № 9 и № 10 — пустовали. Все эти десять номеров располагались полукругом. Напротив были подсобные помещения: ванны, душевые, уборные, прачечные и еще какие-то службы. Осветив электрическим фонарем дверь и заметив, что язычок на замочной скважине повернут вверх, он заподозрил неладное. «Были гости! Неужто Скачкова побывала и у меня?» Во время службы, выйдя из церкви вслед за Скачковым, Хованский поднялся по лестнице сюда, на третий этаж, и спрятался в прачечной, он видел, как есаул подошел к двери комнаты Павского и в этот момент оттуда выскочила Ирен и взволнованно прошептала: «Как ты меня испугал! Он еще в церкви? — Муж что-то ей ответил. — Сейчас я запру дверь. И пойдем поскорей, не надо было тебе уходить, вечно торопишься!» — И они пошли обратно. У самой прачечной Ирен снова прошептала: «Знаешь, что в письме, которое он сегодня получил? Приезжает Врангель. На той неделе. Полковника просят не принимать решительных мер до его прибытия». Они зашли за угол, и Алексей больше ничего не слышал.

Теперь, войдя в свою комнату, Алексей убедился окончательно, что «гости» были. Но кто? Он до мельчайших подробностей вспомнил свой вчерашний разговор с Кучеровым. Знакомство с его названным сыном Аркадием Поповым. Нет, игры с их стороны не было! «Но кто тогда? Войсковой старшина Мальцев, который, подобно старому Гатуа, тоже хочет «паближе пасматреть» на людей?.. Павский?»

В окно светила большая луна, казалось, она побелила уходящую вдаль ленту шоссе и посеребрила водную гладь Требишницы. Звезды висели лампадами в синем прозрачном небе. Кругом стояла немая тишина.

Согласно плану, разработанному вместе с Иваном Абросимовичем, Алексей должен был предоставить возможность Скачковым выкрасть документы, разумеется, после того, как их сфотографирует. И тут внезапно возник Павский. «Он неумен, но, конечно, опытен и хватка есть, его недооценивать нельзя. Павский еще загадка. Впрочем, и сам Кучеров еще непонятен. Крепкий орешек, его, пожалуй, и Врангелю не раскусить. Думать, думать надо! Но спокойно, не торопясь!»

Размышляя о своих новых знакомых, Алексей вдруг уловил щелканье замка и скрип отворяющейся соседней двери. «Пришел Павский», — подумал он.

С шумом распахнулось соседнее окно.

— Как у вас душно! — раздался женский голос. — А сосед ваш, наверно, застрял у Гатуа. Темно... Я так испугалась, думала, он...

— Да тише вы, — зашипел Павский.

«У Павского в гостях секретарша Кучерова! — догадался Хованский. — Не эта ли парочка погостила у меня в комнате?»

Грация понизила голос до полусшепота, но все-таки фразы долетали до Хованского.

— ...красивый и благородный офицер, — шептала она. — Мне он нравится...

Потом они отошли от окна, и Алексей больше ничего не слышал.

Прошло несколько минут, и опять возник раздраженный голосок Грации:

— Оставьте! Не трогайте меня! Если я работаю на «Внутреннюю линию», то это еще не значит, что я должна стать вашей любовницей! Завтра я поеду в Требинье и постараюсь выполнить обещание. И на этом мы с вами покончим! Дайте ключ!

— Тсс! Глупенькая! — прошипел Павский. — Я не хотел вас обидеть.

Потом хлопнула дверь и по коридору застучали каблучки.

Алексей с облегчением отметил: «Значит, у меня была обычная проверка «благонадежности» сотрудниками «Внутренней линии». Ключ? Вероятнее всего, от сейфа. От чьего сейфа? А если Кучеров прячет свои документы в сейфе? Какая неосторожность! А эти субъекты из «Внутренней линии», видимо, имеют особое задание. А вдруг сам Врангель собирается продать англичанам эти документы? Что ж, пусть Интеллидженс сервис лишний раз обожжется и наконец усвоит, что эти купцы торгуют гнилым товаром!»

Алексей знал, что «Внутренняя линия» была создана генералом Кутеповым в 1921 году в еще не расформированном «железном» корпусе, дислоцированном близ Константинополя, на Галлиполи, она имела далекую цель — проникать во все будущие белоэмигрантские организации левого и правого толка, прибирать их к своим рукам и, принимая во внимание деятельность советской

разведки, выявлять большевистских агентов. «Не очень-то вы сильны, имея таких агентов, как Павский и Грация, — подумал Алексей. — Что ж, Алексей, сегодня тебе здорово повезло!»

4

В субботу, после обеда, Алексей отправился в город. По улицам расхаживали жандармы. За расставленными у кафан столиками сидели завсегдатаи, и громко и горячо обсуждали утренний разгон демонстрации, и недобрыми глазами провожали очередной патруль. А время от времени ему вслед несся дружный крик нескольких голосов:

— У-а-а!

Вдруг его окликнул знакомый голос:

— Алексей Хованский, идите к нам!

Хранич сидел в компании трактирщика из каравансараая Драгутина и сторожа на гидростанции Йова.

Алексей пожал всем руки и уселся за столик. Хранич постучал по столу старинным серебряным перстнем, надетым на средний палец, и попросил подошедшего кельнера принести еще вина и чистый стакан.

Пока Йова разливал вино, Хранич раскурил погасшую трубку и, выпустив клуб дыма, тихо сказал:

— Дорогой товарищ, мы встречаемся с вами в четвертый раз, но Драгутин, Йова и я полюбили вас как родного. А почему? Потому что вы настоящий русский! Брат рус! Мы только о вас вспоминали, а вы тут как тут!

Трактирщик и сторож дружно закивали головами.

Алексей улыбнулся, поднял стакан и сказал:

— Вот давайте за дружбу и выпьем!

Трое товарищей подняли стаканы и чокнулись, глядя ему прямо в глаза, и взгляды их, казалось, говорили: «Не бойся нас, мы свои люди, не выдадим!» Алексею невольно пришли на ум слова Абросимовича: «Ты найдешь в Югославии друзей и поддержку среди рабочих и крестьян».

— Сидим мы тут, дорогой Алекса, и вспоминаем тысяча девятьсот девятнадцатый год, — попыхивая трубкой, начал Хранич. — О забастовке рабочих Белграда, Загреба, Любляны, Зеницы и Мостара в феврале девятнадцатого! — Он ударил кулаком по столу. — Они требовали признать Советскую Россию и Советскую Венгрию! Вот так-то! И Первый Объединитель-

ный съезд Социалистической рабочей партии Югославии, и партия коммунистов требовали того же! Представители рабочих получили на выборах двадцать восьмого ноября двадцатого года пятьдесят девять мандатов... И если бы правительство не издало декрет, запрещающий агитационную деятельность коммунистической партии, профсоюзов и Союза коммунистической молодежи, то было бы еще не это!

— А со знаменитой и пресловутой «Обзнаной» вы незнакомы? — обратился кафанщик Драгутин к Хованскому. — И закон о «Защите государства» надо вам знать. Результат этого закона — сорок тысяч коммунистов и профсоюзных деятелей, посаженных в тюрьмы.

— Я в Югославии недавно, о многом не знаю... Сорок тысяч коммунистов, кончивших в тюрьмах свои университеты, — целая армия! — заметил Алексей. — Я слышал о покушении на принца-регента и об убийстве министра внутренних дел Драшковича.

— Это Видовданские дела*, — засмеялся Хранич. — Но коммунистическая партия к этим актам прямого отношения не имела. Инициатор покушения, Алия Алягич, был членом партии, но в двадцать первом году вступил в террористическую организацию «Красная правда». Эти молодые люди считали индивидуальный террор единственным средством, которое может заставить правительство отказаться от «обзнаны». Они избрали свой исполнительный комитет во главе с Рудольфом Гецигония. Он после убийства Драшковича бежал за границу. Одни члены группы были арестованы до акта, другие — после. И организация перестала существовать. Зато правительство, воспользовавшись случаем, провело закон о защите безопасности и порядка в государстве, по которому коммунистическая партия объявлялась вне закона, коммунистов-активистов осуждали на пожизненное заключение и даже на смертную казнь. Вот так-то!

— А знаете ли, кто состряпал этот документ? — вдруг спросил Йова. — Русские эмигранты!

— Быть не может! — вырвалось у Хованского. «Завели они этот разговор неспроста!» — подумал он.

* Видовданские дела — покушение на регента Александра и министра внутренних дел Драшковича.

Чика Васо поглядел на товарищей. Те кивнули головами.

— Вы, русские, везде суете свой нос... Конечно, люди вы разные. Есть, скажем, Гатуа, Кучеров, кадеты Попов, Чегодов, Бережной. Эти нам нравятся. А есть другие...

Алексей поднял брови.

— Мы, Алекса, хотим вас предупредить. Рассказывай, Йова! — обратился чика Васо к сторожу.

Йова отхлебнул не торопясь из стакана и, глядя в глаза Александру, начал:

— Вчера ночью это было. Прихожу домой. Часа в три...

— Расклеивал по городу листовки! — не выдержал чика Васо.

Кафанщик Драгутин укоризненно покачал головой и заметил:

— Зачем вмешивать человека в наши дела?!

— Так вот, поздно уже было. Подхожу к электростанции. Глядь, кто-то стоит у вашей двери с фонариком. Вижу, что не вы. Пошире человек и чуть пониже. «Ну, думаю, сейчас тебе, каналья, покажу!» Крадусь, смотрю и глазам не верю: это Мальцев! Нам о нем жандарм Крста рассказывал, он осведомитель полиции. Подвесил к груди электрический фонарик, в руках связка ключей. Подбирает, значит... «Ну, думаю, влеплю тебе в зад заряд дроби!» — и тихонько подымаю ружье. А он, сука, должно, услышал и удрал. Знайте, никаких секретов, товарищ Алекса, у нас в доме держать нельзя, никаких!

— Да и нет у меня ничего такого, что могло заинтересовать полицию. Не понимаю, какого черта им нужно? — сказал Хованский, но подумал: «Действует «Внутренняя линия»! Грация с Павским — в корпусе, а Мальцев на электростанции». — Спасибо, что предупредили.

— Если что нужно, скажите, дорогой Алекса, по мере сил поможем. И насчет полиции постараемся выяснить, — сказал Хранич и стукнул наконечником трости о тротуар.

— Помощь мне, пожалуй, понадобится, но другого характера. Жалко мне кадет, хочется открыть им глаза на все, что происходит в мире.

— Святое дело! — воодушевил Хранич. — Давно

пора! Но как их заинтересовать? Они воспитываются в строгости.

— Надо им кое-что подсказать. А с вашей помощью многое можно сделать, — начал Алексей.

Просидели они добрый час.

5

На второй день пасхи кадеты ставили в своем театре «Цыган». Роль Земфиры играла Скачкова. Гости из города, корпусной персонал, кадеты заполнили огромный барак до отказа. В первом ряду — духовенство, директор, почетные гости, за ними генералитет, дамы, преподаватели, потом третья сотня со своими воспитателями, вторая и, наконец, на «галерке» первая — Атаманская.

Алексей уселся между двумя кадетами седьмого класса, кандидатом в вице-вахмистры Иваном Зимновым и кадетским вожаком — «атаманом» Аркадием Поповым, двумя друзьями, донцами-одностаничниками, приветливыми и на вид добродушными молодыми людьми. Особенно нравился Алексею уже «старый» знакомый Аркаша Попов. Подлинный богатырь с широкой грудью и здоровенными кулачищами, в которых он беспрестанно сжимал два литых резиновых мяча. Его зеленовато-карие глаза смотрели пытливо, а веселая с хитринкой улыбка, открывавшая белые крупные зубы, располагала к себе. Друзья после окончания учебы в корпусе хотели принять подданство Югославии, поступить в военно-морское училище и стать моряками или летчиками.

Алексею было известно, что Кучеров воевал вместе с отцом Аркадия на германском фронте; сам Аркадий тоже какое-то время сражался в полку Кучерова против Красной Армии, получил Георгиевский крест и уже незадолго до эвакуации отправлен в Донской кадетский корпус. Знал Алексей и о том, что ранее семьи Кучерова и Попова были соседями в станице, что Ванька Попов и Петька Кучеров учились в одной школе. Петька пошел в военное училище, а Ванька женился и стал хозяйствовать.

Вот уже около двух недель Хованский приглядывался к корпусному персоналу и кадетам, стараясь увидеть среди этого набора выразительных и разнообразных масок проявление подлинной жизни. Он прислушивался к их голосам — добрым и злым, смешливым и

грустным, самодовольно-задорным и скромным, чтобы уловить их взаимоотношения.

Во втором отделении концерта пели жаровцы, и зал затаив дыхание слушал знакомые, родные мотивы казачьих, украинских и русских песен. Потом был объявлен перерыв и убраны скамьи. На сцене разместился духовой оркестр. Дамы отметили уже в своих художественно исполненных программах, над которыми немало потрудились лучшие рисовальщики, с кем танцуют. Начальство отправило спать вторую и третью сотни. Кадеты-распорядители с розетками и лентами на груди стали неподалеку от дам. И вот, наконец, подав знак оркестру, директор открыл бал церемонным полонезом. Вскоре в сторонке образовался второй круг, где за неимением дам танцевали «шерочка с машерочкой» и куда вскоре перешли приехавшие на каникулы институтки.

Алексей уселся в сторонке и с интересом наблюдал за взаимоотношениями новых знакомых. Было ясно, что между ними царит не мир и согласие, как это они стараются показать, любезно друг другу улыбаясь и вежливо раскланиваясь, а вражда и разномыслие — эта общая болезнь эмиграции, общая и весьма закономерная.

Вдруг перед ним остановилась вертящаяся в вихре вальса пара. Алексей увидел раскрасневшееся, счастливое лицо и сияющие глаза Скачковой.

— Почему вы один, букой сидите? — обратилась она к Хованскому. — Спасибо, полковник! — сказала все еще державшему ее за талию Павскому. — Я хочу потанцевать с Алексеем Алексеевичем.

— Но я плохо танцую. — Алексей немного растерялся.

— И очень хорошо. Мне надоели ловкие танцоры, — проворковала она и положила ему руку на плечо. — Вон видите, в том конце зала стоят Петр Михайлович и Людвиг Оскарович, там вы меня бросите. И только не начинайте разговор с того, что я хорошо сыграла Земфиру и у меня ангельский голос. Об этом мне только что сообщил Павский. А знаете, как его дразнят кадеты?

— Нет, Ирина Львовна, не имею понятия...

— Не смей называть меня по отчеству! — прервала она, заглянув ему прямо в глаза. — А с вами хорошо танцевать, хоть вы и медвежонок! Вы очень милы.

А сейчас я буду танцевать с Петром Михайловичем. — И, бросив Хованского, она обратилась уже к Кучерову.

Генерал шелкнул шпорами и, подхватив ее, умчал дальше.

— Какая прелесть эта Ирен, особенно когда смеется. Глаза у нее вдруг становятся большими, лучистыми и притягивают к ней нашего брата, как бабочек на огонь. Как вам нравится вечер? А хор? Вы ведь впервые его слышите? Впрочем, наши матросы в Бизерте тоже неплохо пеют. Не правда ли? — вежливо говорил Берендс.

— К сожалению, нам только и остается, что петь да плясать... А в Бизерте, кстати, я никогда не был.

Берендс внимательно посмотрел на Алексея, потом улыбнулся, закивал головой и, словно извиняясь, зататорил:

— Знаете, мы, старики, воспитаны на классической литературе и музыке, на старых песнях и танцах. — Берендс снова окинул Хованского внимательным взглядом и продолжал: — Мы обучаем балету всю Европу и Америку. Балету, пению, музыке. Не самые ли модные сейчас русские песни, русская музыка? Рахманинов, Стравинский, Кедровы... И вся эта цыганщина, Морфесси и Вертинский? И мы умеем не только петь и плясать. Во многих университетах наши русские ученые читают лекции. Наши инженеры, конструкторы, механики, кораблестроители, путейцы работают на крупнейших заводах, верфях, фабриках, в конструкторских бюро всего мира. А врачи? Что стоит один Воронов! А писатели! А художники: Репин! Коровин!..

В это время к ним подошли Кучеров и Аркадий Попов с большой группой кадет.

Поняв, о чем идет речь, Кучеров, улыбаясь, заметил:

— Что касается художников, капитан, то они потеряют национальный колорит, так сказать, русский дух, да писателям, подобно вырванным из родной почвы дубам, зеленеть не так уж долго.

— Мне кажется, — сказал Алексей, — что мы слишком носимся со своей значимостью и не хотим здраво оценить, что мы здесь лишь осколки разбитого вдребезги...

— Значит, по-вашему, все это пустые разговоры? Тем не менее я следую законам арифметики и ставлю

нули справа, если вы ничего не имеете против, — осклабься, заметил Берендс.

— А если слева нет цифры?

— Тогда нет и царя в голове...

— Что ж, и в голове свергают царей, если в человеке живой дух, — вмешался Кучеров. — Все течет, все меняется, прекрасное порой становится уродливым, доброе — злым, желанное — противным, и все такое прочее.

— «И я сжег все, чему поклонялся, поклонился всему, что сжигал», — процитировал Берендс, насмешливо поглядывая на Кучерова и Хованского. Потом перевел взгляд на кадетов и фальшиво запел: — Можно много увлекаться, но всего лишь раз любить...

Все засмеялись.

— Любовь зла, полюбишь и козла! — бросил из толпы какой-то кадет, но на него тут же цыкнули.

— Мне кажется, — сказал вихрастый, ладно скроенный кадет, в котором Алексей сразу узнал Чегодова, — что формальная логика лишь арифметика, имеющая дело с простыми вещами и отношениями...

— Ну ладно, хватит, — остановил его Попов, — одна ведь болтовня! — И он, взглянув на Алексея, энергично разрубил ладонью воздух. — Кадетам следует знать, что исповедует наша белая эмиграция, а что партия, стоящая у кормила Советского государства. И критически подойти к этому, чтобы не впасть в заблуждения, подобно, извините, нашим отцам!

Алексей прямо глядел на Чегодова и ждал, узнает ли он его, но тот не то делал вид, что они незнакомы, не то действительно не узнал Хованского.

— Нам навязывают и заблуждения! — зло сверкнул глазами Чегодов. — А хочется думать своей головой.

— Аркашка прав, — вмешался в разговор прыщеватый рослый кадет по прозвищу Бага с неестественно высоким лбом, — чтобы не оставаться нам слепыми щенками, нужно создать кружок и потолковать на эти темы. Верно? Мы сами не знаем, чего хотим, а чего хотят большевики.

«Это, видимо, Бережной. Он в ячейке Чегодова, — подумал Алексей. — Но не прощупывают ли они меня? Буду пока молчать».

— Совершенно с вами согласен, — поднимая пшеничные брови, сказал Берендс. — Но я бы начал с тео-

ретической астрономии. С мира миров, с природы. С человека, с мира в себе...

— И муха — мир в себе, если не заблуждаюсь, — перебил его Кучеров. — О чем вы? Вам хочется глядеть на нашу грешную землю в телескоп? Бог с ними, с астрономами, у них счет на световые годы...

Но Берендс промолчал и только улыбался.

— Прав Ницше, разграничивая мораль для рабов и господ, — вдруг вмешался в разговор низкорослый кадет, похожий на китайца.

— Значит, один пьет из родника, другой копыта моет! — ухмыльнулся Чегодов. — Ты ведь тоже, Гоша, «сильная личность»!

— Нельзя отрицать сильную личность и божественное предопределение, которое называют случаем, — сказал, выпячивая грудь, широкоплечий Колков. — Возьмем, к примеру, Савинкова...

— Эсеры, народники, пристегни к ним еще анархистов, батьку Махно, Григорьева. — Чегодов невольно посмотрел на Алексея и замолчал.

«Значит, он меня узнал!» — промелькнуло в голове Хованского.

В этот миг зазвучала, наполняя сердце щемящей грустью, томная мелодия танго. Все обернулись в сторону танцующих. Взоры невольно остановились на проплывавшей мимо Ирен. Почувствовав на себе общее внимание, она, казалось, излучала какие-то магнитные волны, завораживая всех этих молодых, полных жизни людей.

Окинув всех ласковым, манящим взглядом, она кивнула головой и улыбнулась Кучерову.

Кадеты дружно зааплодировали, но Кучеров, казалось, остался совершенно равнодушным.

В ответ на взгляд Чегодова Алексей незаметно кивнул ему головой и тотчас перевел взгляд на Аркадия Попова, который, рубя ладонью воздух, как шашкой, энергично говорил собравшимся вокруг кадетам:

— Попросим, братва, Петра Михайловича, Людвигу Оскаровича и Алексея Алексеевича объяснить нам, почему так долго держатся в России большевики и в чем суть их учения!

— Я согласен, Аркадий, подбери группу, и начнем благословясь! — сказал Кучеров, поглядывая на Алексея.

Хованский неопределенно пожал плечами.

Замерли последние звуки танго. Офицеры и кадеты целовали руки дамам и расшаркивались перед барышнями. Объявили десятиминутный перерыв. Музыканты спустились со сцены. Взяв под руку своего лучшего корнетиста Ирошникова — Ирочку, как прозвали его товарищи за то, что краснел как девочка, — к ним направился есаул Скачков. Подошли полковник Павский и генерал Гатуа, опирающийся на руку сына.

Берендс встретил их приветливо, словно только их и поджидал, и, поворачиваясь то в одну, то в другую сторону, спросил:

— Так как же мы решим, господа кадеты, насчет наших собраний?

— Каких собраний? — заинтересовался Павский.

— Да вот Петр Михайлович согласился прочесть курс марксизма-ленинизма! Объективно...

— Верней — его критику, — парировал, улыбаясь, Кучеров.

«Опасный тип этот Берендс! — подумал Алексей. — Хитер!»

Павский открыл было рот, чтобы что-то сказать, но его опередил хриплый голос старого Гатуа:

— Петр Михайлович отличный критик...

— Разрешите сказать, — выступил решительно вперед Аркадий Попов. — Нам интересно знать, чему, в конце концов, учат большевики? Как получилось, что они победили? И что можем мы им противопоставить?

— Нам нужны политические подковы! Ницше учит... — начал было кадет, похожий на китайца.

— ...подкованный мул крепче упирается! — ухмыльнулся Колков.

— Хорошо, я переговорю с директором, — сказал Кучеров.

Берендс, глядя куда-то в сторону, неопределенно улыбался. Скачков вспыхнул, и глаза его злобно сверкнули. Павский тоже промолчал.

6

Алексей шел ночевать на электростанцию и не топясь, хладнокровно обдумывал все, что сделано за эти последние три дня. Выявлены агенты «Внутренней линии» — Павский и Грация, ясен осведомитель полиции Мальцев. Свалился с сердца камень — Чегодов: он не выдаст! Чика Васо Хранич и его товарищи согла-

сились установить, что будет делать Грация в Требине. К их чести, не задав ни одного вопроса, они довольствовались объяснением Алексея, что против Кучерова готовится серьезная провокация. Интересно, где прячет Кучеров списки? Неужели в сейфе? А может быть, уже уничтожил их? Его надо предупредить, что за ними идет охота, что приезжает Врангель и его тайна уже не тайна!

Алексей вспомнил, как, возвращаясь с Кучеровым и Аркадием Поповым глубокой ночью с разговенья от Гатуа, завел откровенную беседу о том, что компания, которую они только что покинули, кроме самого хозяина, производит странное впечатление.

«Я выпил немало вина, — сказал тогда Алексей Кучерову, — но не мог не заметить, что, когда Скачков на вас смотрел, в его глазах горела ненависть. То же самое я заметил и у Павского, и особенно у Мальцева! За что они так вас не любят?»

«За левые убеждения, мой дорогой философ, за то, что смею свое суждение иметь! Я убежден в роковой ошибке белого движения», — ответил Петр Михайлович.

«Да, мы все вынуждены занимать пассивную позицию, — осторожно согласился тогда Алексей. — Умею отстаивать убеждения за обеденным столом! Вы меня простите, Петр Михайлович...»

«Интересно!» — расхохотался Кучеров, поняв намек Хованского.

«Несколько кадет занимаются марксизмом. Чегодов там заправляет и меня приглашал в «Общество мыслителей», — сказал Аркадий Попов, сверкнув белыми зубами. — О нем я уже говорил».

«Этот разговор, — отметил про себя Алексей, — как и разговор с Храничем и его товарищами, очень знаменателен. Кучеров сочувствует большевикам, но форсировать события с ним нельзя. Надо многое еще выяснить. Кто Берендс? Или он просто умник, или носит маску. На какую он разведку работает? Почему пристально приглядывается ко мне? Пожалуй, такой убьет и не поморщится! Биография у него богатая... Неужто и он тоже охотится за документами Кучерова? Берендс очень опасен... Скачковы сошки помельче. Кокетство Ирен с Кучеровым шито белыми нитками. Генерал не хуже меня это понимает».

Он свернул с шоссе на тропу, ведущую к электростанции. Из-за леса всходила поздняя луна, большая, багровая, точно солнце на закате, она казалась зловещей.

7

Утром неожиданно на станцию пришел Чегодов.

— Я давно порывался к вам зайти, Алексей Алексеевич, — сказал он, кланяясь, — да все откладывал, а после вчерашней встречи решил. Совесть велит!

— Ну что ж, заходите, садитесь, Олег, я тоже хотел встречи с вами. Прежде всего, как вы попали в Югославию?

— Вы нас прогнали, Алексей Алексеевич! Впрочем, тогда вы были Николаем Ивановичем. — Чегодов поморщился и прижал ладонью правый бок. — Мы удрали сначала в Одессу, «ненадолго», разумеется, пока кто-то разделается с большевиками. А чтобы не разграбили в Елисаветграде дом, поселили в нем еврейскую семью, каких-то родственников не то Зиновьева, не то Троцкого. Ведь недалеко от нас синагога, целые кварталы заселены евреями, и напротив живут, как вам известно, Заславские, рядом с ними Кордунские, помните, лавчонка на углу?

— Как же не помнить, папиросы там брал.

— Когда наш многострадальный город захватывала очередная банда и, как правило, устраивала погром, то эти несчастные евреи, жила-то вокруг нас беднота, прятались человек по шестьдесят-восемьдесят на нашем сеновале. И хотя в окнах мы икон не выставляли и только чертили мелом на воротах кресты, к нам врывались редко.

Алексей совершенно серьезно подумал: «Пришел ты, неудовлетворенный собой, жизнью, повергшей кумиры, которым хотел подражать! Что ж! Высказывайся!»

— Вы ведь скрывались в то время в городе? Обо всем сами знаете! — Чегодов улыбнулся и посмотрел ему прямо в глаза. И в его взгляде можно было прочесть и сдержанное любопытство, и симпатию, и даже гордость, что их объединяет какая-то тайна.

На какое-то мгновение Алексей замялся.

— Да, жил тогда в Елисаветграде.

— На улице Быковой.

— Правильно. Откуда вы знаете?

— Как-то вас видел. Хотел даже подойти, но с ва-

ми были еще двое людей. Вы ведь на нелегальном положении находились. Мог подвести вас ненароком, да и неудобно вроде подходить к классовому врагу. На пролетария вы, правда, непохожи. Вы интеллигент, вероятно, дворянин по происхождению. У меня есть родная тетка по отцу Лариса Федоровна Чегодова, профессиональная революционерка, социал-демократка, отсидевшая несколько лет в тюрьме. Неистовая была женщина! Раздала землю крестьянам и поселилась в Одессе, и каждый раз, когда царь бывал на Южном берегу, ее сажали — на всякий пожарный! Так вот, классовый ли она мне враг? А местная полиция по милости войскового старшины Мальцева объявила меня большевиком.

— Я кое-что слышал о вашей истории, — сказал Алексей.

— Стекол Мальцеву я не бил и попал как кур во щи. Меня хотели выгнать из корпуса из-за сволочи, полицейского доносчика! — Чегодов поморщился и схватился за бок.

— Что с вами?

— Аппендицит, собираются класть в лазарет. Потому к вам и пришел. В «самодрале» я! Хотел... спросить... — Чегодов весь напрягся, даже побледнел и, глядя Алексею прямо в глаза, тихо произнес. — Вы тут как Христос или как Иуда?

— Как человек, — так же тихо ответил Алексей, — и ради людей. Так нужно, Олег!

— Я так счастлив, что встретился с вами, — уже совсем другим, извиняющимся и в то же время радостным голосом заговорил Чегодов. — Знайте: я никогда и никому не проговорился о вас. Мне хочется посоветоваться с вами о смысле жизни...

— Наметить свой путь и уже идти по нему до конца, не мучая ни себя, ни других «извечными вопросами», не бросаться из стороны в сторону. Родина у нас Советская...

— Верно! Совершенно верно, Алексей Алексеевич! Только в вонючей отвратительной полицейской камере я понял до конца, на чьей стороне правда! И как хорошо это осознать!

Алексей, улыбаясь, смотрел в его сияющие глаза. Потом потрепал его по плечу и спросил:

— А почему не приходил раньше?

— Боялся: вдруг вы невозвращенец! А после вчерашнего диспута понял, что вы приехали сюда, рискуя

жизнью, направить нас на правильный путь... — В глазах у Чегодова засверкали слезы.

— Ну ладно, Олег, ладно. Давай перво-наперво договоримся, что мы познакомились здесь, скажем, в прошлый страстной четверг... Сюда идут! Повод придумай сам...

В дверях появилась высокая фигура Хранича с большим графином вина в руке. За ним его родич кафанщик Драгутин с изжаренным только что на вертеле молодым барашком и сторож Йово со стаканами и тарелками.

Чегодов встал.

Поздоровавшись с Алексеем, чика Васо протянул руку Чегодову и ласково, как близкому знакомому, закивал головой.

— О, Олег, и ты здесь!

— Здесь! Недавно познакомились, — сказал Чегодов, здороваясь с Драгутиным и Йовой.

— Парень он хороший, товарищ Алекса, такому верить можно, — сказал кафанщик Драгутин, все еще держа в руке жареного ягненка.

— Олег настоящий человек! — согласился Алексей и улыбнулся.

Чегодов вспыхнул и благодарно посмотрел на Алексея.

— Сегодня третий день пасхи, — прохрипел кафанщик Драгутин, — встреча весны, прошу не побрезговать, по древнему обычаю отведать нашего доброго герцеговинского вина и закусить...

Пока накрывали на стол, Хранич отвел Алексея в сторону и шепнул:

— Полковник Павский заказал на завтра одному нашему турку, Алимхану, подводку ехать в Требинье. Так что за Грацией мы приглядим.

Вскоре они все сидели за столом и вели неторопливую беседу.

8

Война еще владела мыслями людей. И ее участники при любом удобном случае с волнением перебирали в памяти пережитые ими события.

— Здесь, — рассказывал Хранич, — между Билечей и Гацко, мы упорно сопротивлялись, но уже одиннадцатого января шестнадцатого года трусливое правительство во главе с Миюшковичем запросило пардону. Усло-

вия перемирия, предложенные Австро-Венгрией, были до того унизительны, что король Никола не мог их принять. Армию распустили по домам, а король с первым министром убежали. Страна же была оккупирована. Вот так-то! А сербам все же удалось спасти свою армию... частично...

— Черная рука! — провочал кафанщик, скручивая сигарку.

— Что за рука? — спросил Алексей, глядя, как чика Драгутин берет целый стручок маринованного перца, кладет его в рот и с удовольствием жует.

— Начальник разведки генерального штаба полковник Дмитриевич, по кличке Апис. Ему удалось раздобыть план австро-венгерского наступления на Сербию. В ночь на 29 мая 1903 года он повел офицеров-заговорщиков во дворец, и ненавистная династия Обреновичей была свергнута. Поэтому его можно назвать спасителем ядра сербской армии. Аписа поддерживала весьма влиятельная и сильная офицерская группа «Черная рука».

— Короля и королеву сбросили с третьего этажа, — заметил Чегодов. — Дело, кажется, не обошлось без русской разведки.

— Наверно, Обреновичи были австрийскими ставленниками, — подтвердил кафанщик. — Апис, кстати, организовал и убийство эрцгерцога Фердинанда в Сараеве. С расчетом вызвать войну.

— И какова судьба этого Аписа? — спросил Алексей.

— В 1916 году, после разгрома, остатки сербской армии очутились в Салониках, — опершись подбородком на трость, сказал чика Васо, — и нынешний король, воспользовавшись сварой в верхах, при поддержке вождя радикалов Пашича и при помощи Петра Живковича, возглавлявшего группу офицеров «Белая рука», сменил руководство верховного командования и арестовал Аписа.

— Главная причина таилась в том, — откашлявшись, начал кафанщик, поднимая стакан и глядя на отливающее рубином вино, — что австрийский император Карл, вступивший на престол после смерти Франца-Иосифа, вел разговоры с Антантой о сепаратном мире и соглашался оставить на престоле династию Карагеоргиевичей при условии, что главный виновник террористического акта на его брата будет казнен. Аписа — Дмитриевича расстреляли. Регент Александр отказался под-

писать помилование. — Он затаился, выпустил струю дыма, потом поглядел на Чегодова и подытожил: — Курица ряба, да перешиблена нога. В то время я был в России. В Первой Сербской добровольческой дивизии. И состоял в Югославском комитете. После революции сербские, хорватские, словенские, черногорские и наши, далматинские, социал-демократы держали крепкую связь с русскими большевиками. И мы в Одессе выступили с декларацией за создание Югославии на принципах демократии и равноправия народов.

— А у нас, — попыхивая трубкой, сказал чика Васо, — как только стало известно о революции в России, по всей лоскутной империи прокатилась волна митингов, демонстраций, забастовок. И пошло! Забеспокоились и начали кампанию за объединение под Габсбургами сербский митрополит в Сараеве Летица, и католический епископ Люблян Еглич, и лидеры народной и национально-прогрессивной партии Словении, и ряд буржуазных партий Далмации, Боснии и Герцеговины. Вот так-то!

— Как же согласился на это Николай Черногорский? — спросил Алексей и подумал: «Молодцы! И у них тут в каждой кафане свой политический клуб. И как деликатно вводят меня в курс своих дел».

— Самое главное, — сказал чика Васо, поглаживая ус, — по решению избранных после освобождения Черногории народных представителей, собравшихся двадцать шестого ноября восемнадцатого года, Черногория объединялась с Сербией. Во-вторых, черногорцы думали, что король Александр, родившийся в самом сердце Черногории, в Цетинье, вместе с молоком матери-черногорки всосет любовь к родине и будет по-отечески заботиться о бедном и вечно голодном народе. И в-четвертых, мы, черногорцы, кровно связаны с Россией. Александр был русский воспитанник, кончил Пажеский корпус. Ну а насчет того, что он подставил ножку дяде, заставил старшего брата Георгия отказаться от престола и отойти от дел отца Петра I, на это мы закрывали глаза, за что и заплатились... Поверили скрепя сердце и напрасно.

— Не поверили! Просто у обнищавших и лишившихся от голода воли народов не было сил бороться за федерацию республик, демократию, свободу и равенство. Не пошли люди за левыми социал-демократами, не созрел плод... — прохрипел Драгутин и закашлялся.

— А теперь, друзья, наполните бокалы⁰ и давайте выпьем до дна за свободу...

— Можно к вам, Алексей Алексеевич? — вдруг слышался воркующий голос Ирен Скачковой, она переступила порог, за ней вошли Кучеров, Берендс и Скачков.

— Если здесь чика Васо, то речь идет, конечно, о политике, — сказал Кучеров, делая общий поклон.

— Когда собираются мужчины за стаканом вина, они обычно говорят либо о войне, либо о нас, женщинах, — улыбнулась Ирен, глядя Алексею прямо в глаза. — Не правда ли?

— Речь шла о свободе, — сказал Алексей. — Прощу, садитесь, пожалуйста.

— О свободе или «самодрале»? — вмешался Скачков, глядя на Чегодова.

— Всяк воспринимает свободу по-своему, — кланяясь и расшаркиваясь, заметил Берендс, пропуская вперед есаула Скачкова. — О свободе слова? Действий? Мысли? Все зависит от точки зрения и зрелости индивидуума. Кадет проявляет свободу своей личности, когда убегает в «самодрал» и тем самым мучает нашего дорогого детерминиста Петра Михайловича — как отнестись к этой «неосознанной необходимости»? Подчиниться чувству долга и потребовать у кадета показать свой отпускной билет или, следуя закону вежливости, такта и ханжества, замять этот вопрос?

Все засмеялись, понимая, что Берендс целит в есаула. Понял это и Скачков и сердито буркнул:

— Долг... закон... Полагаю, что задавать неуместные вопросы в чужом доме — невежливо, а ставить в неловкое положение его хозяина — бестактно.

— Совершенно правы, — закивал головой Берендс, — вы углубили мою мысль. Понятие о такте и вежливости, как и понятие о свободе, тоже бывает разное, в зависимости от зрелости человека, да и не только зрелости. Сюда входят многие компоненты. Вежливость — нечто благоприобретенное, лишь соблюдение бытовых приличий, благовоспитанность. А такт — это нечто от господ бога, чувство меры, подсказывающее, как держать себя человеку в том или ином случае. Потому и говорят: «У него врожденное чувство такта...»

— Людвиг Оскарович, миленький, — прервала его Ирен, — лучше расскажите что-нибудь веселенькое. Ну пожалуйста!

— Хорошо! Француз открывает дверь в ванную и при виде раздетой женщины восклицает: «Тысяча извинений, мадам!» Англичанин при той же ситуации лишь цедит: «Простите... сэр». Вежливость и такт.

Тем временем на столе появились тарелки, стаканы, блюдо со сладостями и крашеными яйцами, кусок окорока и еще какая-то снедь; кафанщик разлил по стаканам вино, поднял свой, чокнулся с графином, прохрипел: «Живили!» — и отпил глоток. Все посмотрели на Алексея. Он встал и сказал несколько приветственных слов.

— И Христос воскрес! — сказала Ирен, поднимаясь и подходя к Алексею. Она была бледнее обычного, ее большие зеленые глаза, казалось, были подернуты влагой.

— Воистину воскрес! — ответили все хором.

— С вами всеми я уже христосовалась, а вот с Алексеем Алексеевичем нет. — И потянулась к нему. Губы у нее были влажные. От нее пахло крепкими духами и виноградной водкой.

Скачков криво улыбнулся и устался в окно, черногорзцы тихо заговорили о чем-то своем, видимо собираясь уходить, Чегодов стоял в сторонке и явно чувствовал себя неловко. И только Берендс, оглядев всех, заулыбался и, наклонившись к Кучерову, скороговоркой выпалил:

— Если двадцатилетний молодой человек или девушка ведут себя так, как в период полового созревания, это значит, что они еще не созрели. Я бы, пожалуй, назвал первой ступенью созревания человека способность полюбить своего ближнего, а не самого себя. Нарцисс любит в своем партнере только себя, или то, что сидит в нем сейчас, или свое прошлое, или то, каким он видит себя в будущем. А с таким миропониманием не может быть ни настоящей семьи, ни гармоничного общества, — закрыв глаза, продолжал Берендс.

— Мне кажется, — задумчиво начал Алексей, напряженно вспоминая то, что говорил Ленин, — умственная зрелость человека, а точнее, его интеллигентность начинается со «святого недовольства собой, с душевной чуткости, умения уважать другого человека и обязательного участия в делах общества, то есть гражданской активности, и еще многое другое...

— Милые мои философы, — заворковала Ирен, — однажды две молодые девушки, проскучав в гостях до-

брый час в обществе пожилого господина и кое-как от него отделавшись, спросили кого-то: «Кто этот скучный старичок?» — «Сократ!» — ответили им. Людвиг Оскарович, конечно, сейчас скажет: «Не в коня корм...» или еще что-нибудь в этом роде, а за меня, я надеюсь, заступится Алексей Алексеевич. Правда?

«Что ей от меня нужно?» — подумал Алексей и, глядя, как Берендс допил стакан и наполнил его снова, сказал:

— Конечно, Ирина Львовна, заступлюсь, и если кто-то сейчас на коне, то это не значит, что он может не оказаться под мухой!

— Под мушкой, под мушкой... — начал Берендс и умолк.

— Разрешите войти! — рявкнул громкий голос с порога. Все обернулись. На крыльце стояли три кадета: Жорж Гатуа, сын старого генерала, по прозвищу Кинто, правофланговый первой сотни двухметровый богатырь Яковлев, по прозвищу Букашка, и обезьяноподобный Петр Бережной. Кинто пришел по поручению отца пригласить Ирину Львовну, господина генерала и господ офицеров на обед, «а также и вас, господа». — И он поклонился в сторону черногорцев.

А Букашка и Петр пришли по поручению врача отвести Чегодова в лазарет.

Кадеты попрощались и ушли. Алексей, глядя им вслед, думал о Чегодове: «Неглупый парень. Надо обязательно в ближайшие же дни зайти к нему в лазарет и до конца разработать версию нашего знакомства».

Трое черногорцев, попросив передать привет и благодарность за приглашение генералу Гатуа, удалились. И вскоре с лужайки, где они устроились, понеслась старинная юнацкая песня:

Уранила Косовка девойка,
Уранила рано у неделю,
У неделю прије ярка сунца,
У неделю прије ярка сунца... *

Песня неслась, неторопливо повествуя о событиях давно минувших лет, и навевала грусть.

* Рано встала девушка-косовка,
В воскресенье рано поутру,
В воскресенье до восхода солнца,
В воскресенье до восхода солнца.

— Да, у каждого народа и человека есть свое Косово*, — задумчиво сказал Кучеров. — Ну что ж, господа, пойдете!

* * *

У Гатуа к тому времени собралось большое общество во главе с директором. Речь шла о том, как встречать прибывающего через два дня генерала Врангеля. Директор корпуса уговаривал старого Гатуа командовать парадом.

Все были возбуждены, и горячо обсуждали неожиданный приезд, и с беспокойством думали, уж не последуют ли опять какие смещения и перемены.

Кадеты в тот же день узнали о предстоящем прибытии главковерха и комментировали его по-своему. Молодые, неискушенные, они наивно полагали, что Врангель едет неспроста, что грядут важные события. Они еще во что-то верили, на что-то надеялись.

Генерал Кучеров с тревогой думал о том, что с Черным бароном разговор предстоит весьма неприятный и, вероятно, чреватый последствиями.

Алексей смотрел на всю эту кутерьму и невольно вспоминал, какое удручающее впечатление произвел на него захолустный городок, заброшенный среди гор, обнесенный колючей проволокой лагерь-крепость, персонал кадетского корпуса с его устарелыми, словно покрытыми мохом, философскими концепциями, с чуждым умничающим цинизмом, пустой светской болтовней и непривычным жизненным укладом.

До последнего времени ему казалось, что он бродит в ином мире, мире теней, в огромной комнате, откуда вынесли мебель, с оцепеневшими белыми тенями на стене. И будто его самого охватывает какое-то похожее на смерть оцепенение.

Но эти последние дни показали, что в этом мертвом царстве пробиваются ростки жизни. Намечалась работа с кадетами. Был установлен контакт с Кучеровым. И Алексей надеялся в ближайшее время понять окутывающий генерала шпионский клубок, поговорить с Петром Михайловичем начистоту. Но приезд Врангеля мог внести путаницу. Даже сорвать операцию. Он понимал,

* Историческое поражение сербских войск на Косовом поле в 1389 году, отраженное в народном эпосе.

что за Кучеровым сегодня же будет установлено наблюдение и откровенный разговор с ним небезопасен.

«Придется ждать! — решил он. — Врангелю Кучерова не переубедить! И все-таки ухо надо держать востро и, если потребуется, — вмешаться. Но как?»

Алексей все больше убеждался, как правы были московские товарищи, порекомендовавшие сделать все возможное, чтобы остаться на неопределенное время при кадетском корпусе и сколотить крепкое звено истинных патриотов родины, непредвзято относящихся к СССР.

Такие люди могли бы сыграть немаловажную роль среди русской молодежи, группирующейся преимущественно в университетских городах, среди юношей, напичканных идеями реванша, неустойчивых и склонных к авантюрам, их завлекают в свои ряды всевозможные белоэмигрантские контрреволюционные организации и вербуют для шпионской деятельности против Советского Союза различные иностранные разведки.

Глава четвертая

«За единую, великую, неделимую»

1

Барон Врангель вызвал Кучерова, тогда еще полковника, накануне так называемого Улагаевского рейда* в августе 1920 года. Тогда представлялась возможность раскрыть глубоко законспирированную агентуру Интеллидженс сервис с его резидентом на Дону и Кубани. В своем докладе по этому делу начальник контрразведки полковник Богнар сообщал, что атаману «Все-великого войска Донского» генералу Богаевскому известно об английской шпионской сети на Дону если не все, то почти все, и что сведения эти, видимо, дошли до них из ведомства полковника Гаевского.

Черный барон не верил ни Богнару, ни начальнику разведки Гаевскому и понимал, что они чуют гибель его корабля и готовы как крысы бежать с него. Понятна была заинтересованность Богаевского и Улагая. Следовало теперь перехитрить их всех. Поэтому главоверх, пересмотрев послужные списки и характеристики коман-

* Рейд врангелевского генерала Улагая на Кубань в августе 1920 года.

диров полков, отправлявшихся в рейд, остановился на донском казаке Потемкинской станицы полковнике Петре Михайловиче Кучерове.

Встреча с главкомверхом, которого Кучеров привык видеть на коне, среди блестящей свиты, с горящими глазами, высокого и статного — настоящим орлом, не окрылила полковника.

Правитель Юга России принял командиров полков предстоящего рейда, стоя за массивным двухтумбовым столом с темно-коричневой полировкой, и, широким жестом пригласив господ генералов и господ офицеров усаживаться, опустил в глубокое массивное кресло, обитое тисненным хромом. Окна в кабинете были занавешены салатного цвета портьерами, вдоль глухой стены висели карты Крыма, Северного Кавказа, Дона и Кубани. На совещании при обсуждении последних деталей рейда барон казался старым и усталым. Его широкие плечи опустились, огненные глаза потухли, в них легла тоска, и весь он как-то ссутулился. Сделав несколько ничего не значащих замечаний, главкомверх вяло одобрил разработанный генералами Шатиловым и Улагаем план высадки у Приморско-Ахтарской станицы десанта отборных сил армии, состоявших главным образом из офицеров, с таким расчетом, чтобы каждый полк мог бы развернуться в дивизию.

Порученец правителя, генерал Анин, поставил на стол стакан почти черного чая.

Врангель сделал глоток, другой.

— Я твердо верю, — его голос окреп, плечи распрямились, глаза заблестели, — дело наше правое! Сейчас произошло важное событие: на Кубань наложена разверстка, виноват, продразверстка. Казакам приказано сдать шестьдесят пять миллионов пудов зерна. Объявлена и принудительная закупка шестидесяти тысяч лошадей для Западного фронта Красной Армии. Это раскрывает глаза казакам. Разруха, голод, отсутствие культурных сил и, наконец, блокада поставят Совдепию на колени, — он указал рукой на север, — заставят просить пощады. И тогда мы скажем свое последнее слово! И наконец — нам необходимо организовать надежную разведывательную сеть на случай неудачи. Береженого, господ, бог бережет. Поэтому при каждой воинской части будут находиться наши офицеры ОСВАГа. Прошу оказывать им всяческое содействие. — Барон встал. За ним поднялись все. — Желаю удачи! С нами бог!

До свидания, господа! Поздравляю с походом! Генерала Кучерова прошу остаться.

Кучеров слушал главковерха с недоумением и тревогой. Он все же не думал, что конец так близок. Особенно врезались в память жест и угроза барона сказать свое слово, когда разруха, голод и блокада поставят Совдепию на колени. Кого? Их братьев и сестер, отцов и матерей! Заставят умирать от голода их детей, близких?.. И ради чего? Ради расплывчатой, половинчатой и лживой идейки о «единой, великой, неделимой», как изволил выразиться сам правитель Юга России? Разве мало было пролито крови? Не разрушена экономика страны? Не придушены культура, мораль? Мало! Нужна еще блокада? Интервенция «союзников»?

— Генерал, — сказал Врангель, усаживаясь и приглашая Кучерова жестом занять место в кресле напротив, — не удивляйтесь, уже подписан приказ о вашем производстве. Мне характеризовали вас как умного, молчаливого человека — болтунов я терпеть не могу, — отличного разведчика и следопыта, и потому решил вам поручить весьма деликатную миссию. — Он потер лоб и продолжал: — Как ни стыдно признаться, но наша разведка хромает на обе ноги. Провал следует за провалом. Все попытки организовать в советском тылу ударные силы неизменно терпят неудачу. Увы, в отличие от коммунистов наши господа офицеры нестойки, а порой даже продажны. Который раз терпит фиаско даже такой опытный подпольщик, можно сказать, бор конспирации, как господин Савинков. Мало того, Богнар и Гаевский по долгу службы в той или иной мере связаны с английской, французской, американской, немецкой, польской, румынской, японской разведками, и в случае невзгоды никто не знает, как они себя поведут. Вам должно быть понятно, почему я решил обратиться к вам. — Барон поглядел на дверь.

Кучеров тоже невольно оглянулся и подумал: «Никому не верит».

— Ваше высокопревосходительство, — начал он нерешительно, — я солдат, болтливостью не отличаюсь. Не ходил и в тюрьмах. Не раз доводилось на германском фронте брать «языка», но в шпионских делах, извините, не мастак, не знаю, как и приступить. Потому буду просить...

— А я буду просить, — поморщившись, прервал его барон, — именно как солдата выполнить мое распоря-

жение. — Врангель подошел было к карте, потом вернулся, извлек из ящика письменного стола план и продолжил: — Постарайтесь войти в станицу Марьянскую к вечеру, чтобы в глухую пору ночи попасть в этот дом. Вот сюда. — Барон ткнул пальцем в план. — Запомните адрес. — Потом достал из кармана записную книжку, полистал ее и прочитал: — «Подойдя к калитке, дернуть четыре раза за ручку проволочного звонка. Вопрос: «Кто там?» Ответ: «Я от Гаврилы Петровича, сына вашего». Вопрос: «А сами кто будете?» Ответ: «Товарищ его, Лука». Петр Генрихович Блаудис (местные жители зовут его Петром Гавриловичем), высокий, грузный, атлетического сложения 38-летний мужчина с рыжей бородой». — Врангель сунул записную книжку в карман и спросил: — Запомнили? Или повторить?

— Запомнил, ваше высокопревосходительство.

— Блаудис связан с Интеллидженс сервис. Кажется, он латыш. Умен и решителен. Ваша задача — заставить его и его людей работать на нас. Есть основания предполагать, что резидент ждет связного из центра, чтобы передать списки надежных агентов, получить инструкции и деньги. У них произошел какой-то провал. В связи с этим изменены пароли и «убран» прежний резидент. Вам, Петр Михайлович, придется сыграть роль связного из центра и дать Блаудису инструкции. Не будем же и мы простофилями! Английская разведка сейчас занята военным, экономическим и политическим шпионажем и, разумеется, нефтяными делами. Пусть же она впредь займется уничтожением большевистских припасов, складов, выводом из строя промышленности, транспорта, коммуникаций, террором, диверсией и саботажем. И тем поможет нам.

Кучеров смотрел на кипящего гневом главковерха, слушал его речи и думал: «Так вот ты каков, «спаситель» России? Если я откажусь, меня тотчас «уберут» люди Богнара или Гаевского, впрочем, могут «убрать» и после выполнения задания, чтобы молчал».

— Помните, вы явились из центра, — твердил тем временем барон, — центру стало известно, что его, Блаудиса, ближайший помощник Рейс из Ростова-на-Дону налаживает связь с Централ Интеллидженс Эйдженси — это американская разведка, — пусть примет меры. Переменит шифры и пароли. Вот пакет для Блаудиса, ознакомьтесь с содержанием.

Их беседа затянулась на добрый час. Наконец барон поднялся и, протягивая руку Кучерову, сказал:

— До свидания! Надеюсь, все ясно. Вопросы есть?

— Я в авангарде, ваше высокопревосходительство, меня могут убить после операции, и документы попадут в чужие руки, — заметил Кучеров.

— Надеюсь, этого не случится. Конечно, все мы под богом ходим, поэтому, после того как получите списки, запечатайте и пришлите с верным человеком лично мне, из рук в руки. Хотя бы с Поповым, — сказал он и улыбнулся.

Пожимая большую костистую руку главковерха, Кучеров подумал: «И про Ивана ему известно».

Иван Гаврилович Попов был его одностаничником, другом детства и соседом. Их отцы пали «за веру, царя и отечество» в японскую войну и тоже были названными братьями. Подружились, побратались и сыновья крепко, на всю жизнь. Вместе озорничали и были заводилами всяких проказ, а порой и целых побоищ. Вместе умели и ответ держать. Правда, наказывали их поразному: Ваньку мать драла чересседельником, приговаривая: «Вот тебе, Гаврилычево отродье!» А Петьку старший брат молча брал за ухо и сажал в «кордегардию» (в чулан) под арест, что казалось ребятам страшнее всякой порки. Петро и Ванька были одногодками и даже родились в марте под знаком Блинецов, потому, вероятно, когда им исполнилось лет по семнадцать, языкастые потемкинские казачки прозвали их мартовскими котами, что, впрочем, было совсем несправедливо. Они ухаживали, как и все прочие парни, за девушками, ограничиваясь после гулянок поцелуями, и лишь время от времени проводили ночь с какой-либо бобылихой. Вместе пошли они и на военную службу. Правда, Иван женился до армии, ему надо было думать о хозяйстве. Он как-то сразу остепенился, повзрослел, стал считать себя старшим и уже в продолжение всей своей жизни почитал своим долгом опекать Петьку.

На войну они тоже ушли вместе. Вместе ходили в разведку, брали «языка», забирались к немцу в тыл. Но, хоть и родились они под одной звездой, судьба им судилась разная. Попов так и не дослужился до офицерских чинов и оставался вахмистром, а Кучеров глядел в генералы. Это несколько не мешало их дружбе — Петька был Петькой, Ванька Ванькой. Дружба бы-

ла настоящая — такой, утверждают старики, нынче не бывает. Уважение к Ваньке, к его кулакам и сметке, Петька возымел с детства. Впрочем, четырнадцатилетнего Ваньку Попова, после того как он отколотил сыновей станичного атамана, двух забияк и охальников братьев Сариновых, опасались и обходили стороной даже взрослые парни. А в семнадцать он уже подхватывал под мышки два пятипудовых мешка с зерном, и никто уже с ним не мерился силушкой.

Вот почему, выйдя от Врангеля, Кучеров прежде всего подумал о том, что следует посоветоваться с другом. И конечно, взять с собой его в операцию. Очень и очень могла понадобиться его необычайная физическая сила, сопряженная с ловкостью кошки, быстротой реакции и дикой яростью в схватке, превращавшая этого на вид добродушного увальня в свирепого тигра.

Кучеров с отвращением размышлял о роли Черного барона, о его продажном окружении, которому он не верил, о ставке правителя Юга России на разруху, голод, террор и саботаж, о том, что можно, не стесняясь, послать командира полка, полковника Петра Кучерова, со шпионским заданием, посулив ему чин генерала, и что он не находит в себе мужества отказаться.

Мысли его путались, он был как в горячке. И в эту путаницу мыслей врывалось что-то новое и било как молотом: «Ты был не прав!», «Ты был не прав!», «Ты был не прав!»...

Кучеров понимал, что стоит на рубеже.

2

Высадившись при поддержке французских и английских военных кораблей в районе станицы Бородинки, с тем чтобы соединиться с конницей Рябоконя, 17 августа 1920 года улагаевские части, не встречая серьезного сопротивления, двинулись в сторону Екатеринодара. Первая группа, поднимая по пути и вооружая станицы Роговскую, Поповскую, Протоку, Степную, Гривенскую, Ольгинскую, Брюховецкую, Ново-Стеблиевскую и Славянскую, должна была войти в связь с повстанческой «Армией возрождения России», возглавляемой генералом Фостиковым и оперировавшей в предгорьях Кавказа. Вторая группа под командованием генерала Бабиева должна была двинуться к станице Бриньковской, расположенной на островах Бейсугского лимана, пройти по дамбе через Бриньковские плавни и, объединив-

шись с отрядом полковника Гриня, взять направление на Каневскую и Старо-Минскую, навстречу генералу Алгину.

Одновременно высадился десант в Новороссийске и на Таманском полуострове.

27 августа, в канун успения, полк Кучерова к трем часам дня подошел к утопавшей в садах станице Марьяновской. Разведка сообщила, что небольшая красноармейская часть отступила в сторону Брюховецкой. Часа два на задах станицы и за речкой еще постреливали, но кое-где уже вывесили флаги — трехцветные и «жовтоблакитные» — над плетнями и заборами стали появляться, несмотря на окрики старших, головы любопытных мальчишек, а еще через полчаса на улицы высыпал народ. К станичному правлению, где расположился штаб полка, степенно зашагала жиденская делегация с хлебом и солью. Потом во все концы станицы поскакали нарочные с приказом собраться казакам и иногородним после вечерни на круг.

Первыми пришли старики, за ними на майдан потянулись старухи, вдовы казачки и несколько молодых с озорными глазами, явилось и около сотни казаков среднего возраста, из которых добрая половина — инвалиды. Девушки попрятались, чтобы «белое воинство», чего доброго, не потащило бы их на ночь глядя под заборы, а парней в станице почти не было, они воевали — кто на той, кто на другой стороне.

Молча выслушали приказ правителя и господ атаманов, безмолвно встретили предложение вступить в армию всем, кто способен держать оружие, и разошлись, не задав ни одного вопроса, по домам, тихо переговариваясь друг с другом.

Кучеров долго стоял на крыльце станичного правления, любясь закатом, сначала густо-бордовым, потом совсем алым и, наконец, нежно-розовым с теплыми сиреневыми оттенками. И только когда все кругом полиняло, посерело, поблекла степь и в окнах загорелись огни, он повернулся к стоящим позади войсковому старшине Котельникову и адъютанту есаулу Горелову и сказал:

— Ну что ж, господа, пойдемте ужинать. Утро вечера мудреней, завтра подумаем о передислокации полка. Свяжитесь с нашим соседом, полковником Колковым. В станице задержимся. Можете объявить об этом казакам и офицерам,

На ночь вокруг станицы, которая казалась вымершей, выставили усиленные караулы и послали в поле дозоры. Часов в десять вечера, нагоняя тучи, с северо-востока подул зимняк. Стало темно. В небе, поначалу синем и голубом, кое-где сверкали еще августовские звезды, но их становилось все меньше, и было видно, как они одна за другой тонут в серой, беспросветной мгле.

«Иван, наверно, уже у Блаудиса», — думал Кучеров, сидя у открытого окна гостиной бывшего станичного атамана. Самого атамана расстреляли, дом реквизировали под комбед. От наспех помытого пола и обшарпанных стен пахло махрой и чем-то прокислым.

Несмотря на приказ Врангеля, Кучеров по-своему разработал план операции — встречи с резидентом Блаудисом. По его заданию вахмистр Иван Попов должен был отправиться в логово Блаудиса загодя с тем, чтобы помешать возможному свиданию с кем-либо из прибывших с полком осваговцев и бесшумно захватить его живьем, не потревожив резидента, а также находиться для страховки поблизости во время встречи Кучерова с резидентом и, наконец, проследить за тем, чтобы латыш покинул в ту же ночь дом и станицу. В обязанность вахмистра входило и сжечь этот дом, а в случае невыполнения резидентом приказа бесшумно его ликвидировать.

Около часа ночи, пройдя мимо сонного часового, Кучеров, легко перемахнув через плетень, оказался в соседском дворе, потом на улице. Нервы его были напряжены. Он крался по-кошачьи в темноте мимо подворотен, плетней и заборов, чтобы не поднять за собой собачьего лая. Крался уверенно. Дорогу он изучил днем, неторопливо проехав с господами офицерами по станице.

Вот и нужный поворот на поперечную, спускавшуюся к реке улицу. Кучеров остановился у толстого разлапистого тополя, прислонился к стволу и замер. И так простоял долго, вглядываясь в темноту и прислушиваясь к малейшим шумам. Где-то далеко за Кубанью, наверно, в Афиписпских хуторах застрочил пулемет и умолк, снова напряженная тишина, и вдруг в соседнем дворе запел петух. Кучеров вздрогнул и, улыбнувшись, подумал: «Первые петухи, что-то у них часы опаздывают». За первым петухом заголосил второй, ему отозвал-

ся третий, потом твякнула собака, и все стало на свои места, напряжение спало.

Постояв еще несколько секунд, Кучеров зашагал по переулку вниз, вдоль выстроившихся в шеренгу великанов тополей. Здесь было еще темней. Под ногами вдруг зашуршали листья, их навалило много, даже среди улицы, хотя она была шириной шагов в сорок. «Вот они под ногами, опавшие листья!» — подумал он с непонятной тоской в сердце.

Подойдя наконец к калитке, он кашлянул, нащупал ручку колокольца, убедился, что к ней привязана нитка, и, оборвав ее, дернул четыре раза за ручку.

В доме, видимо, ждали гостей, потому что вскоре хлопнула дверь и кто-то, тяжело ступая, подошел к калитке и спросил, какого черта кому надо трезвонить в глухую ночь.

После пароля калитка отворилась, и высокий грузный человек, засовывая за пояс маузер, пробубнил как из бочки:

— Пожалте, а я сакрою калитка.

Кучеров окинул взглядом двор, небольшой дом среди купы деревьев с еще не облетевшей листвой, крытый очеретом хлев, огородец с кустами смородины или малины, соединявшийся с фруктовым садом, заросшим и густым, который выходил на зады к речке, здесь уже довольно глубокому и широкому притоку Кубани. Справа, шагах в ста белела тыльная стена соседского дома, спаянная с глухим высоким забором, заросшим ежевикой. Слева чернел пустырь и небольшой выгон, обрывающийся у высокой речной кручи. Место было глухое. «И хорошо и плохо, — подумал Кучеров, — легко можно уйти, но и подобраться незамеченным нетрудно. Странно, что он не держит собаки. Где-то здесь прячется Иван, наверно, в кустах у дома».

Войдя с заднего крыльца, он внимательно оглядел убогую обстановку, остановил взгляд на большом шкафу, вделанном наполовину в стену, поднял глаза на закопченный бревенчатый накат, потом заглянул в крошечную прихожую и, повернувшись к хозяину, который запирает в это время дверь на засов, сказал:

— Ну-с, Петр Гаврилович, рассказывайте, — и небрежно опустил на расшатанный стул.

— Нет нишево карошего, — угрюмо уставившись на гостя, прорычал Блаудис и задернул окно тяжелой портьерой. — Люди ошинь боятся. Пять шеловек зов-

сем отказались работать. Нет деньги настоящи, колокольчики нишиво не стоят и софетские нишиво не стоят. Зо ес ист! — Он нагнулся к столу и выкрутил фитиль керосиновой лампы. В глазах его была настороженность. Потом встал, подошел к шкафу, отворил дверцу, отодвинул висевшее платье, покопался у задней его стенки, вытащил из открывшегося тайника толстый конверт и буркнул: — Тут всио!

Кучерову не понравились бегающие глаза, дрожащие руки и явно подчеркнутый акцент латыша и это его уже совсем немецкое «Зо ес ист».

Приняв из рук великана конверт, он повертел его в руках, извлек содержимое и начал просматривать. Это были списки, верней, характеристики агентов Блаудиса. Вызывали подозрение спешка, при которой списки составлялись или были переписаны, и свежесть чернил. «Черт с ним и с его липой», — подумал Кучеров, сунул конверт в карман и передал распоряжение центра: «Изолировать Рейса, самим уйти в консервацию — диверсий не производить, шпионажа не вести».

— И еще, — продолжал он, поднимаясь, — сегодня же вам придется отсюда уехать в Екатеринодар вот по этому адресу, — он протянул ему записку. — Там вы поселитесь под именем Криш Янович Ласкус. В соответствии с этим изменится и пароль. Вот документы: паспорт, метрика... разберетесь сами. Все ясно?

— Ясно. Четыре звонка или удара в дверь: «Кто там?» — «Криш Янович, я от синка вашего, Яна Кришевича!» — «А сами кто будете?» — «Товарищ его Лука». Но я не моку сегодня уехать. У меня мноко...

— Вы уедете еще до рассвета. Оставаться вам слишком опасно. Мы хотим, чтобы вы жили. Теперь насчет денег. «Колокольчики» не звонят, фунты решили не давать, а вот это получайте. — Он вытащил из кармана мешочек с золотом и бросил его на стол. — Пишите расписку на сто червонцев и подпишитесь своей старой кличкой и новой фамилией.

Великан взвесил в руке мешочек, ухмыльнулся, выдвинул ящик стола, достал лист бумаги и начал писать. Потом развязал мешочек, неторопливо пересчитал золотые, ссыпал их обратно в мешочек и, сунув его в карман, протянул расписку Кучерову.

Блаудис явно торжествовал. «Как цыган, который продал никуда не годную клячу за рысака, — подумал Кучеров, — или такова жадность к золоту? И какой

резкий переход от беспокойства к циничному хладнокровию? Посмотрим!» — Кучеров пробежал глазами расписку, встал и, направляясь к выходу, сказал:

— Ну что ж, очень хорошо! — и потом, уже стоя на крыльце, громко повторил: — Очень хорошо! — и спросил: — Может, лучше пройти задами?

Блаудис, ныне Ласкус, сказал, что этого делать не советует. В реке много воды, и в такую темень не ходят даже местные жители, кроме рыбаков, разумеется. Проводил его до калитки и даже настоял на том, чтобы довести до угла.

Распровавшись с ним, Кучеров постоял какое-то время у разлапистого тополя и, решив, что все идет правильно, зашагал к дому станичного атамана. Через полчаса он был уже у себя. «Иван пробудет там до рассвета, значит, еще два часа, а может, и три, — подумал он, — надо поспать». Он разделся, сунул планшетку и наган под подушку, погасил лампу, лег и тут же словно провалился в бездну.

Но не прошло и часа, как его чуткое ухо уловило какой-то шум. Кучеров обычно вскакивал от малейшего шороха, скрипнувшей половицы, открывающейся, даже бесшумно, двери, но, бывало, безмятежно спал под грохот пушечной канонады. Сейчас достаточно было доли секунды, чтобы убедиться: в комнате враг. Еще мгновение, и он выхватил из-под подушки наган, направил его на стоящего над ним человека и крикнул:

— Стой!

И в тот же миг увидел, как сверкнул кинжал. дернулся чуть в сторону, почувствовал ожог разреза на шее и выстрелил.

Вбежавший спустя полминуты вестовой, спавший в соседней комнате, увидел при свете слабого ночника страшную картину: на полу в луже крови лежал, извиваясь в предсмертных судорогах, какой-то человек в черкеске, а на постели, крепко зажав рукою шею, откуда хлестала кровь на подушки, его командир полка.

3

В тот вечер вахмистр Иван Попов уехал из штаба с разводящим и тремя казаками, с тем чтобы еще до заката солнца проверить дозоры и, как условились, ночью засесть в саду Блаудиса. Гнедой дончак, изредка пофыркивая, легко нес его могучее тело то шагом, то неторопливой рысью и ласково поглядывал на кау-

рую кобылу разводящего. Чуть тронутые бронзой дубы, раскинутые кое-где по станице, лимонно-желтые шеренги тополей с позолоченными кронами и подернутые багрянцем широколистые клены постепенно теряли свои краски, бурели и блекли по мере того, как надвигались сумерки.

У крайних хат Попов бросил на луку повод, и конь остановился. Легкий низовой ветерок донес запах свежеспеченного хлеба, где-то у реки негромко играла гармонь, ее дисканты и хрипловатые альты, поддерживаемые басами, задумчиво-грустно напевали какой-то знакомый мотив. В окнах зажигались огни. Казалось, кругом царил мир и покой.

Ночь уже наступила, когда вахмистр, объехав посты, приказал казакам не растрензеливать лошадей и быть наготове, потом дал знак разведчику Чепиге следовать за ним, свернул к реке и погнал коня вдоль обрывистого берега в сторону давно не беленных подслеповатых хатенок окраины, отгороженных от выгона где старыми заборами и плетнями, где живой изгородью, а где зарослями высокого бурьяна да кучами мусора. Спешившись, он велел Чепиге отвести коня на заставу, а сам зашагал к дому Блаудиса, чтобы быть там за час до прихода командира.

Кругом было тихо, станица, казалось, настороженно замерла, притаилась, всюду были потушены огни, не лаяли даже собаки. И только далеко в Афипсипских хуторах время от времени станковый пулемет выпускал короткую очередь, да где-то совсем рядом поквакивали лягушки.

«К дождю ли? — бесшумно ступая по влажной траве, подумал Попов. Потом на ум пришел разговор со своим командиром полка. — Какого черта я уступил этому дуриле Петру? Эту сволочь — шпиона надо шлепнуть, как шелудивого кобеля, а документы в огонь — и амба! А нам бы зараз податься на Дон, в нашу Потемкинскую, гутарил я Петру собрать верных казаков. Ишо не поздно. А там, что бог даст. Врангелю не скоро под зад дадут. Негоже нам в лихую годину друг дружку за вихры таскать. Хай народ разбирается, что к чему...»

Его командир, то есть Кучеров, смотрел на дело иначе. Он считал, что народ обманут и в случае поражения Врангеля следует с ним уходить, чтобы сохранить армию, а боевое ядро в любой момент поддержит

восставшее казачество и крестьянство, которое рано или поздно должно образумиться. Вот тогда и понадобится разведывательная сеть. А до того времени пусть разведка остается законсервированной. Блаудис должен передать сети разведчиков приказ, и уйти в глубокое подполье, и прекратить всякую деятельность. «Человек — существо живучее, приспособляется к любым условиям. И не иголка, когда понадобится — разыщет. Да и куда им деться? У каждого из них, наверно, свой дом, усадьба, какое ни на есть барахлишко, да и золото в саду закопано. Шпионы — народец жадный. И с добром расставаться неохочий. Надо только, покуда Блаудис не уйдет, держать его под мушкой».

Попов подошел к дому Блаудиса с задов. Проник в сад и подкрался тихонько к окну. Сквозь плотно закрытые ставни пробивался свет. В отличие от прочих мазанок это была четырехстенная русская изба со стрельчатой кровлей и высоким чердаком-сеновалом, куда можно было попасть и снаружи и изнутри. Впереди справа чернел, сливаясь с забором, полуразвалившийся баз. Согнувшись в три погибели, он проскользнул мимо дома к калитке, легко перемахнул через нее и очутился на улице. Там было глухо и темно. Нашупав осторожно кольцо наружного звонка и привязав к нему нитку, с такой же легкостью перелез обратно во двор и устроился под сенью толстой липы так, чтобы видеть калитку и черный ход. Потом прислонился спиной к стволу и задремал. Так дремлют обычно коты, не дремлют — спят, дрыхнут, посапывая носом, но стоит едва слышно поскрести лапкой мышонку в углу, и сна как не бывало: прыжок — и жертва в лапах хищника.

Миновала полночь. Небо заволокло тучами. Яркие и такие близкие осенние звезды точно сгнули. «Пора бессловесной нежити, когда человеку негоже оставаться на дворе одному, глухая ночная пора упырей и всякой бесовщины. Час разбойного промысла. Черных дел. Преступлений», — вспомнил почему-то вахмистр причитания сына их станичного попа, когда, больше ради потехи, взял его с собой на разведку, и поглядел на верхушку соседнего дерева, куда уселась разбудившая его большая сова. Откуда ее дьявол принес?

Он встал, сова, бесшумно взмахнув крыльями, словно растворилась во мраке, и подошел к окну. Здесь в отличие от прочих ставни были наружные. Сквозь

щель он увидел совсем крошечную прихожую, слева — выходную дверь, справа — деревянную лесенку, ведущую на чердак, под лесенкой вешалку для одежды, прямо — вход в комнату. Через отворенную дверь виден был стол, на котором тускло горела керосиновая лампа, и часть спинки кровати. Блаудис, видимо, спал.

«Неосторожен, чертяка, — подумал Попов, — щели в палец, видать, что делается в комнате. Чудно!»

И тут он услышал знакомое покашливание у калитки, потом глухо зазвенел в прихожей колокольчик. Четыре раза. В комнате завозились, раздался кашель, потом скрипнула дверь, ведущая в сад. И снова зазвенел колокольчик.

«Какого черта Петр так трезвонит?» — подумал вахмистр, прижимаясь к стволу липы и глядя на высокого, грузного, похожего на медведя человека, который, громко шаркая ногами, шел к калитке. Короткий разговор, и вот они идут, впереди Кучеров, позади резидент. Попов снова прильнул к окну. Сквозь щель он увидел плечо с полковничьим погоном, потом совсем близко проплыло лицо Блаудиса — веснушчатое, плоское, со множеством мелких морщинок, разбегавшихся по отвислым щекам и вокруг светлых пронзительных глаз, окаймленное огненно-рыжей бородой и такими же волосами, с мясистым, чуть приплюснутым носом и светлыми бровями. Проплыло и навсегда запечатлелось в его цепкой памяти. Потом в дверях появилась, заслоняя свет, его огромная двухметровая фигура. Блаудис подошел к окну и задвинул портьеру.

Вахмистр с досадой плюнул и решил полезть на чердак, но и тут его ждало разочарование: плотная дубовая дверь была наглухо заперта с внутренней стороны на засов. Он обошел еще раз дом, послушал у дверей и окон. Рамы в окнах были двойные, двери массивные, изнутри не доносилось ни единого звука. Оставалось только ждать.

Примерно через полчаса наружная дверь на переднее крыльцо отворилась, и Кучеров в сопровождении Блаудиса направился к калитке. Вахмистр недолго думая проскользнул в дом, взобрался по лесенке на чердак, зажег электрический фонарик и осмотрелся. Чердак, видимо, служил раньше сенником, потому что у наружной двери, куда он пытался проникнуть, было навалено старое сено, в другом углу валялась какая-то рухлядь. Отодвинув тяжелый засов, вахмистр вер-

нулся к люку и устроился так, чтобы было удобно наблюдать за происходящим в доме. Ведь придется просидеть, вероятно, до самого утра.

Их договор с командиром остается в силе, это подтверждали громко брошенные на крыльце полковника слова: «Очень хорошо!»

Минут через десять Попов услышал тяжелые шаги на крыльце, потом заскрипел засов, и Блаудис, весело мурлыкая себе под нос какую-то песенку, вошел в комнату и уселся за стол. Вахмистр видел только его руки, большие, сильные руки спортсмена. «Наверно, он все же англичанин», — подумал он. Эти руки говорили о том, что их хозяин доволен. Что хозяин раскусил гостя и обманул его, что он ждет нетерпеливо кого-то важного или, может, близкого ему человека. Время от времени эти руки вместе с хозяином напряженно прислушивались, и тогда вахмистр невольно сдерживал дыхание. «Конечно, — решил он, — это англичанин, у латышей нервы покрепче».

Прошел добрый час, запах табака уже не раз щекотал вахмистру ноздри, а руки резидента все еще продолжали свой разговор. Сейчас они держали какую-то важную бумагу, держали крепко и даже с какой-то гордостью. И в этот миг кто-то постучал в дверь четыре раза. Руки радостно взметнулись. Потом послышались слова пароля, и вахмистра так и обдало жаром, он понял все, все стало на свои места.

Хозяин отпер дверь, которая вела в сад, и впустил в комнату нового гостя.

— К вам, Петер, не заходили?

— Заходили, конечно. Но старого воробья на мякине не проведешь! Я сразу понял, что дело неладно. Подсунул липу, — забубнил, уже не коверкая слов, Петер Генрихович Блаудис, — а что произошло?

«Мы его крестим Петром, а он Петер. Пароль с закавыкой. И стучит, а не трезвонит! Барона Петра Врангеля надули или мой Петро что-то напутал. Посмотрим!» — раздумывал вахмистр, слушая разговор.

— Врангель зол как черт на Англию из-за Польши. Контрразведке удалось что-то разнюхать, и они арестовали и выколотили все, что могли, из какого-то вашего англичанина по имени не то Вейк, не то Бейк.

— Блейк! Джон Блейк — это псевдоним человека, которого я ждал. Зо!

— Его нет больше в живых. Они его замучили, —

сказал пришедший. — Вы получили сигнал о тревоге номер один?

— Получил и ломал себе голову, в чем дело? Ведь месяц ездил. Проверил всех, изменил пароль, сделал все, что надо. Полагаю, на этот раз окончательно. Сегодня утром я покидаю этот дом навсегда. Врангелевский разведчик предложил мне поселиться в Екатеринодаре под именем Криш Янович Ласкус. Все это записано симпатическими чернилами, как и мой новый адрес, пароль и страховка. Теперь нам нужно торопиться, я передам вам списки и еще кое-какие интересные для вас данные. Они замурованы в табакерке. Отличная живопись, антиквариат. Можно всю жизнь проносить табакерку в кармане и не догадаться о существовании в ней тайничка. Редчайшая штука. Вот смотрите.

Попов ничего не видел. Блаудис и его гость стояли вне поля его зрения. Но это и не беспокоило вахмистра, сейчас он думал о том, как ему быть?

А внизу тем временем гость передавал Блаудису распоряжения. Их было много, но сводились они к трем пунктам: налаживанию внутренних и внешних каналов связи; проникновению своей агентуры в ЧК и прочие органы власти; привлечению новых людей и расширению осведомительной сети при строгом соблюдении правил абсолютной конспирации. Потом речь пошла о положении на врангелевском фронте. Оба высказали мнение, что наступление неминуемо захлебнется, а Улагаевский рейд на Кубань — глупая затея. Поговорили о том, что общественное мнение Европы резко настроено против того, чтобы оказывать помощь белым. В Великобритании грозят забастовкой рабочие. Лейбористы того и гляди возьмут верх на парламентских выборах. Европе не до помощи. Ей самой еще надо справиться со своими коммунистами. Врангель же без настоящей интервенции может продержаться в России не более двух-трех месяцев.

— А потом придет на поклон к нам! — заметил Блаудис. — И будет продавать нашу же разведывательную сеть. Но это ему не удастся. Ха-ха!

— Ну, он скорей всего предложит свои списки французам. Или даже полякам, поскольку поляки так близко связаны с французами.

— Связаться с польской разведкой — это все равно что связаться с нами, — сказал Блаудис. — Но разведчики, надо сознаться, они неплохие!

«Чертяка, как чешет по-русски! — подумал Попов.—
Какие котелки выкидывает!»

— А может, у вас побывал польский разведчик?

— Нет, не думаю, впрочем, черт его знает. Требовал уйти до особого распоряжения в конспирацию, мотивируя это, кстати, далеко не без основания, тем, что большевики после победы устроят генеральную чистку своего аппарата и партии и постараются избавиться от примкнувших к движению по разным обстоятельствам, но далеко не из идейных побуждений людей. Вероятно, все это правильно. Удивило меня другое: он требовал полной консервации, прекращения сбора сведений, всяких диверсий, актов террора. До сих пор все было иначе.

— Странно, очень странно! Неужто американец? Интересно, а как он выглядит?

Блаудис очень точно описал Кучерова.

— Да ведь это командир полка полковник Кучеров! — воскликнул неизвестный. — Вот так фунт! Похож на красного!

Потом последовало еще несколько уточняющих вопросов. Неизвестный удивлялся и недоумевал. И наконец начал прощаться.

— Я провожу вас до речки, там у купы ив, с правой стороны, привязана моя лодка. Вы сядете и, минуя посты, спокойно доплывете до самого моста, а там уже просто. Мне нужно собраться до рассвета и уйти, не то этот Кучеров вздернет меня в моем же саду...

Попов уже не слышал, что ответил резиденту неизвестный. Он прокрался к чердачной двери, осторожно приоткрыл ее, прыгнул вниз на траву и прислушался. Блаудис и неизвестный выходили на заднее крыльцо. Тогда вахмистр, ускоряя шаг, кинулся к реке и очутился среди верб и зарослей ивняка минуты на две раньше неизвестного.

На горизонте появилась серая полоска, наступала та предрассветная пора, когда мрак, словно чувствуя свою гибель, вползает во все углы и норы, цепляется за каждое дерево, каждый куст, каждую ямину, растворяется в предутреннем тумане, разливается чернилами по воде и борется изо всех сил, пока небо вдруг не станет синим и не брызнет на востоке всепобеждающий сноп яркого света.

Набойная лодка чернела у толстой, корявой, склонившейся к воде дуплистой ивы. Вахмистр покрепче

затянул узел веревки и притаился за деревом. Вскоре его ухо уловило торопливые шаги. К реке спускался таинственный гость английского резидента Блаудиса. Тихонько чертыхаясь, он принялся развязывать туго затянутый узел, потом полез в карман за ножом, и в этот момент его сразил удар кулака Попова. Не охнув даже, он ничком упал на землю.

Вахмистр быстро обыскал разведчика. Взял табакерку, пистолет, бумажник, потом положил бесчувственное тело в лодку, обрезал конец, оттолкнул ее, поглядел, как она медленно поплыла по течению в серый туман, сползавший на воду, и торопливо зашагал к заставе.

Когда спустя час он подъезжал к дому Блаудиса, уже совсем рассвело. Двери и окна дома были наспех заколочены досками крест-накрест. Вахмистр спешил, дал повод коня сопровождавшему его одностаничнику Степану Чепиге, огляделся, неторопливо направился к задней части дома, поднялся по лестнице на сеновал и через люк спустился в маленькую прихожую. Даже при слабом свете, пробивавшемся сквозь щели ставен, видно было, что тут собирались наспех. А когда он отворил в комнате тяжелые внутренние ставни, хаос предстал во всей красе. Полуразломанный шкаф лежал на боку, задняя его стенка была выбита напроць и, вся разломанная, валялась в стороне. «Наверно, у него был там тайник», — подумал Попов. Не обнаружив ничего интересного, он поднялся на чердак. Один из его углов был завален рухлядью. Старые дырявые венские стулья, два ободранных и засаленных кресла, огромный, точно саркофаг, диван с высокой спинкой и надтреснутым ржавым зеркалом, обитый железом расписной зеленый сундук со сломанными замками, несколько связок журналов и книг, железная печка, кастрюля, сковороды, ведра и разный хлам. Все было покрыто толстым слоем пыли. Вахмистр спустился вниз, обошел еще раз дом и решил: «Не стану жечь! Зачем добру пропадать? Хай добрый человек попользуется. Сюды английская разведка ить не заглянет».

Усевшись на садовой скамье, он извлек из кармана отобранные табакерку и бумажник. В бумажнике была небольшая записная книжка, около ста английских фунтов, турецкие лиры и рубли и никаких документов. «Хитер, — подумал о разведчике вахмистр, — а я его толком не рассмотрел, боялся зажечь фонарь, думал, по документам узнаем. Да и хрен с ним, все-таки он ду-

рени! А моего-то Петра, будущего генерала, как обвели! Ха-ха-ха! Вот уж потешусь над ним!»

Потом начал возиться с табакеркой. Провозившись около получаса, он наконец открыл ее второе дно и обнаружил тайничок. В нем лежало несколько листиков курительной бумаги. «Хитро, — подумал Попов, — никто и не догадается!»

Когда вахмистр спешился у штаба полка, был уже восьмой час. Тут он узнал, что его командира чуть не зарезали, что врач заклеил с грехом пополам пластырем рану, забинтовал шею так, что тот не мог сказать и слова, и отвез в Ачуев; что у него повреждена гортань и он то и дело терял сознание.

Зная повадку своего командира, вахмистр обнаружил под подушкой планшет, а в нем конверт резидента и его расписку. «Хай Врангелюка подавится этой липой! — решил он. — Отправлю к нему нарочным Чепигу — Рыжего Черта!»

А в полдень пришел приказ выступить полку в сторону Ново-Нижнестебелевской, куда Красная Армия бросила по реке Кубани и протоке им в тыл 22-ю кавалерийскую и Московскую пехотную бригады. Почти полностью уничтожен кубанский полк белых и убит его командир войсковой старшина Колков.

«Дело наше хана! — рассуждал про себя вахмистр. — Из Приморско-Ахтарской нас зараз вышибли. У Новороссийска разгромили. Через недельку-другую драпать будем, аж пятки засверкают. Сила солому ломит. Не поддержали анчихристовы куркули! Маху мы дали с Петром, не туда сунулись, не разглядели, на чьей стороне правда. За непотребное дело взялись, якшаться со шпионами да предателями. Наши усобицы ить дело семейное, негоже в него мешать чужаков, вражин наших лютых! Бросил бы все и подался до дому, кабы не сын и чертоломный Петро. Антиресно, кто послал к нему казака? Может, и сам Врангелюка, сучий хвост, чтоб шито-крыто все было? Нонче разве что узнаешь? Зараз надо ухо остро держать, топориком! Ить все одно, — заключил он, как обычно, повторяя любимое выражение Кучерова, — что ни делается — к лучшему!»

Вахмистр оказался прав. К 7 сентября все побережье в районе Ачуева было очищено от белых войск, и остатки улагаевских частей ушли в Крым. 28 октября началось широкое наступление армий Южного фронта.

2 ноября основные силы Врангеля были разбиты. В ночь с 7-го на 8 ноября начался штурм Перекопа. 15 ноября 2-я Конная армия освободила Севастополь, а к 16-му во всем Крыму была установлена Советская власть.

4

Эвакуация, как утверждают сторонники белого движения, «была заранее подготовлена и прошла блестяще: все, кто хотел, уехали». Ко второй половине октября против так называемой Русской армии и казачьих войск численностью около сорока тысяч человек были сосредоточены сто сорок тысяч отборных войск и армия Махно.

Врангелю и казачьим атаманам было ясно, что их конец близок.

Для эвакуации армии и беженцев в портах Крыма было сосредоточено около 160 кораблей.

Согласно плану погрузка на суда армии и беженцев распределялась следующим образом: в Севастополе части генерала Кутепова, в Феодосии кубанские и терские части, в Керчи Донской казачий корпус и, наконец, в Евпатории Донской офицерский резерв, Донской Войсковой Круг, Донской кадетский корпус.

Евпатория, поскольку там было начальство, разумеется, была эвакуирована первой и так стремительно, что не только многие беженцы не успели погрузиться на полупустые пароходы, но отстали даже оторвавшиеся от своих частей казаки и офицеры.

Вахмистр Иван Попов с четырьмя одностаничниками, вместо того чтобы погрузиться в Керчи на пароход «Харкас», памятуя неписанный закон дружбы «Сам погибай, а товарища выручай», тоже «оторвался» от полка, чтобы разыскать и, если нужно, помочь еще не оправившемуся от раны новопроизведенному генералу Кучерову, который, как ему было известно, все еще находился в евпаторийском госпитале.

И судьба, тронутая, видимо, такой истинной дружбой, снова пощадила генерала. Он не сел с частью чинов Донского офицерского резерва на пароход, идущий в Румынию, только потому, что на пристани его разыскал полковой разведчик Чепига по прозвищу Рыжий Черт и сообщил, что вахмистр и одностаничники ищут его «с самого ранья». Пока они нашли друг друга, пароход отчалил, с тем чтобы через три дня утонуть со

всеми пассажирами неподалеку от Аккермана. А когда на следующий день они подъехали к пристани, забитой военными и беженцами, оказалось, что начальство ударилось в панику, приказало прекратить погрузку и от- дать концы. Оставшимся частям было велено идти походным порядком либо на Керчь, либо на Севастополь. Среди оторвавшихся и опоздавших оказалась и политическая часть штаба их 2-й Донской конной дивизии во главе с есаулом Подалковым. Все они и двинулись в Севастополь, рассчитывая найти там порядок и спокойно погрузиться и отплыть. Тем более что у Подалкова было предписание штаба главковерха всем военным и гражданским властям оказывать им содействие в эвакуации.

Усталые и голодные, они прибыли в Севастополь. Шла погрузка армии Кутепова. Царил хаос. Корабли брали штурмом. Беженцы в панике метались с Графской пристани в Северную бухту и обратно. Мест для прибывших из Евпатории не оказалось. Донцам предложили идти походным порядком в Керчь.

Помог Врангель, приказав командующему флотом во что бы то ни стало найти перевозочные средства и эвакуировать донцов, которых набралось уже более пяти- сот человек. Он даже предложил Кучерову место на своей яхте «Лукулл». Кучеров отказался, а барон не настаивал. 14 ноября на рассвете они погрузились на миноносец «Гневный». Команда его разбежалась уже давно. «Гневный» стоял на ремонте с разобранными машинами, с расклепанной сверху броней и без руля. Доставить его в Константинополь должны были катера «Гайдамак» и «Запорожец». Людей набилось на «Гневный» битком, свыше тысячи человек. Начальником эшелона был назначен генерал Думбадзе — грозный комендант города Ялты при Николае II.

Из Северной бухты «Гневною» привели на буксире к Графской пристани. Было около 10 утра. Надо было «добрать» воды. В Северной водокачка не работала. У главного причала стоял старый черный «Лазарев». На него последним грузилось Донское атаманское военное училище. Юнкеров срочно вызвали из Джанкоя для несения охраны Севастополя и штаба главковерха и наведения порядка в эвакуации.

Кучеров смотрел на старого «Лазарева» и вспоминал, как плыл на нем из Севастополя в Новороссийск. Смотрел с благодарностью, как внук на деда, который

учил его уму-разуму, не бояться моря и понимать красоту мира.

Часа через два, добрав воды, консервов и галет, «Гневного» потащили из гавани.

Юнкера, атаманцы, закончив погрузку, строились на палубе «Лазарева». Глухо прозвучала среди тишины команда: «Руби концы!» — «Некому их отдавать», — подумал Кучеров.

— На молитву, шапки долой! — И, отдаваясь эхом по безлюдной, опустевшей пристани, понеслись знакомые слова: «Спаси, господи, люди твоя и благослови достояние твое...»

Кучеров поглядел по сторонам. Рядом стояли его разведчики. С хмурыми лицами, затуманенными глазами. С тоской смотрели они на русскую землю, которая отныне, после жестокой, отчаянной борьбы, героических усилий, величайших и гнуснейших подлостей, побед и поражений, станет для них мачехой. «Кому было все это нужно? — подумал Кучеров. — Во всяком случае, не им, этим простодушным детям тихого Дона». И щемящее чувство стыда перед казаками, перед старым дедом «Лазаревым», перед самим собой и, наконец, перед великой Отчиной, которую они волею страшного рока разоряли, оставили голодной, утопающей в крови.

И в этот миг генерал почувствовал сильное пожатие руки Ивана Попова, словно подтверждающее мысли друга. И так стояли они долго, глядя на удаляющуюся русскую землю, красивый, статный генерал и огромный широкоплечий вахмистр, и слезы текли у них по щекам, горючие, покаянные...

Было тихо, волна еле слышно плескала о борты миноносца, спереди доносился едва уловимый рокот моторов «Запорожца» и «Гайдамака».

5

Судьба, видимо, берегла этих людей — они еще не выполнили всего того, что было им предназначено. Итоги еще не подведены. На обычно бурном в ноябре Черном море царил полный штиль. И забитый до отказа, перегруженный миноносец через шесть суток добрался к берегам Стамбула. Не тем гневным мстителем, что преследовал коварного «Гебена» или участвовал в потоплении гордости турецкого флота броненосца «Меджидия», а разбитым, никчемным железным остовом без машин и руля. Словно из него вынули ум и

душу. И на борту его были не лихие и веселые черноморские матросы, полные задора и надежд, а опустошенные, охваченные отчаянием и тоской люди, которым предстояло до конца своих дней влачить жалкое существование на чужбине, называться русской эмиграцией, идти все чаще на сделки со своей совестью, а многим превратиться в конце концов в подлецов, ненавидящих свою родину и свой народ.

К счастью, это произошло не со всеми!

Кучеров с Поповым и четырьмя разведчиками разместились на самом носу у туго натянутых буксирных тросов.

— Пожалуйста, — согласился комендант «Гневного» генерал Думбадзе, узнав, что среди людей донского генерала есть бывший матрос, — устраивайтесь на свой страх и риск, ну а если кого уььет, пусть пеняет на себя.

В переметных казачьих сумках оказалось немало еды. Было и чем промочить горло. Не хватало только питьевой воды. Выдавалась она строго по норме: кружка в день.

Труднее всего приходилось огромному Ивану Попову. И хотя сын степей тихого Дона лишь посмеивался да отшучивался, он весь как-то осунулся, и видно было, что его мучит жажда.

В ночь на четвертые сутки их плавания Кучерова разбудил сердитый шепот Ивана:

— Ты опять, Степан, за свое? У кого ворует? У своих же товарищей? Хочешь меня напоить за счет женщин и детей?

— Ни в жисть я, Гаврилыч, такое не сделаю. Да убей меня бох! Разрази гром на этом месте, если я не прихватил воду у коменданта. Шо, я нехристь какой, детей и женщин обижать?! У этого чертова Думбадзе воды цельный бак. Ей-ей, правда! Пейте, Иван Гаврилыч, и генерала напоим, — уверял Чепига, разводя руками и чуть приседая.

У Кучерова потеплело на сердце. «Нет, не все еще потеряно, — подумал он, — не умерло закаленное в боях товарищество, крепка еще дружба, нелицемерная, настоящая, казачья! И ведь этот Рыжий Черт рисковал собственной шкурой не ради себя». Кучеров невольно приподнял голову и посмотрел на шуплую фигуру Степана Чепига, который присел на корточки перед вахмистром.

Рыжий Черт провел с ними всю мировую и гражданскую войны. Для него не существовало трудных заданий. Из опаснейших положений он выходил шутя и играя. Всегда веселый, полный жизнеутверждающей силы. За шесть лет войны он не получил и царапины.

Почувствовав взгляд, они оба опасливо уставились на своего генерала.

— Зараз, господин генерал, гутарю я вахмистру: по которой воде плыть, ту воду и пить, а они ни в какую. Зачерпнул ведерко, подсластил, поколдовал маленько — вода как вода, сколько ни пить, пьяну не быть. Попробуйте сами!

Кучеров напился, передал ведро Попову и сказал:

— Пей, Иван, досыта, вкусная вода, давно такой не пил, будто и не морская. Где это ты, Степан, колдовать так научился?

Попов фыркнул, потом молча взял ведро и начал пить.

— У меня, может, помните, был гнедой, здоровенный, вершка на три выше вашего, так вот он больше ведра зараз не пил. Убей меня бох! — и Степан опасливо покосился на ведро. — А научил меня один хиромант...

Вахмистр опустил на грудь ведро, отдышался, потом широко улыбнулся и сказал:

— Ну и брехун же ты, Степан! — и снова присосался к ведру.

— Ей-ей правда, чтоб мне с этого места не сойти! У ворюги украл.

— Что вора́м с рук сходит, за то воришек бьют! И запомни это, Степан, чтобы потом затылок не чесать, — заметил Кучеров.

— Наше дело маленькое, нас за чубы таскают и ладно, это уж вам, нашим отцам, за себя и нас затылки чесать надобно.

Тем временем вахмистр, напившись, передал ведро лежавшим чуть в стороне разведчикам со словами:

— Не валяйте дурака и не прикидывайтесь, будто спите. Хватит воды всем. А там, гляди, скоро и Константинополь.

В Босфор они вошли на другой день утром. На рейде к тому времени стояло около ста тридцати кораблей. Между ними сновали турецкие лодки — кардаши продавали восточные сладости, инжир, свежие булки, фрукты, табак за деньги или выменивали за вещи.

Едва лишь «Гневный» стал на якоря, как его окружило несколько лодок. Турки в красных фесках кричали что-то гортанным голосом, прищелкивали языком, расхваливая, видимо, свой товар, жестикулировали и показывали что-то на пальцах.

Не прошло и пяти минут, как обе стороны отлично договорились. С борта спускали веревку, кардаш привязывал к ней корзину, ее тащили наверх, клали вещи или деньги (в первые дни «колокольчики» еще что-то стоили) и опускали в лодку. Потом начинался торг, и корзина под сочную брань казаков с двумя связками инжира и пышной константинопольской булкой, испеченной лучшими в мире пекарями-турками из вкуснейшей в мире крымской пшеницы, поднималась на корабль. И минуточку спустя содержание корзины исчезало в желудке покупателя. У тех, кто наблюдал за этой процедурой, текли слюнки. И по мере роста аппетита наверху росли цены внизу.

С иностранных пароходов выгрузили беженцев, союзники разместили их по лагерям неподалеку от Стамбула, обнесли колючей проволокой и поставили часовых, преимущественно зуаров и сенегальцев, предупредив, что народ они дикий, непонятливый, будут, чего доброго, стрелять без предупреждения. «Дикий» народ показал себя более человечным, чем их в то время хозяева-французы, и вопреки приказу стрелять по убегающим этого не делал.

Иронией судьбы крупнейший лагерь был разбит у небольшого, но знаменитого городка Сан-Стефано, где был подписан мирный договор, освобождавший южных славян от турецкого ига и где стояли победоносные русские полки, в которых служили нынешние беженцы. Горечь, досада на собственное бессилие, неосознанное чувство вины и желание найти ее в ком-то другом, страх перед неведомым будущим, озлобленность на французов, англичан, итальянцев, американцев и прочих «союзников» России, чьи флаги победоносно развевались над Константинополем, подавляли дух и деморализовывали остатки белой армии.

Тянулись долгие, бесконечно долгие дни, а суда и боевые корабли уныло стояли на рейде Золотого Рога и Босфора, на мертвых якорях. На флагштоках реяли трехцветные и андреевские флаги, на баке отбивали склянки, по утрам и вечерам на кораблях выстраивались матросы и пели молитву. Время от времени на том

или другом судне поднимали на стеньгу сигнал бедствия с требованием воды или хлеба. Флажок долго болтался на стеньге, а воины белой армии, скрежеща от ярости зубами и чуть не плача, смотрели, как французы разгружают на свои склады прибывшее из Крыма зерно, табак, вино и прочие припасы.

То Врангель на яхте «Лукулл», то казачьи атаманы на катерах бороздили воды Босфора, объезжали корабли и, стараясь вдохнуть в сердца своих воинов стойкость и мужество, попусту тратили слова — тоска и безнадежность все больше охватывали людей, и все чаще то тут, то там звучали глухие выстрелы самоубийц.

Союзное командование понимало, что создалась нетерпимая обстановка, что страсти накалены до предела, в любую минуту могут вспыхнуть беспорядки и разъяренные казаки и офицеры в три счета разгромят экспедиционную союзную армию и примутся за грабеж Константинополя. Нужно было принимать срочные меры.

В конце ноября началась разгрузка Константинопольского рейда.

Первыми с «Гневного» взяли беженцев. С последней их партией Думбадзе разрешил уехать и Кучерову с его казаками, поскольку 1-ю и 2-ю Донские дивизии направляли по железной дороге туда же на север, в Чаталджикскую область, в лагерь Санжак-Тэпэ.

В длинных, просторных, крытых железом деревянных бараках разместились беженцы, военные с семьями, офицерский состав и часть казаков. Остальные разбили сначала палатки, потом выстроили землянки.

Кучеров прожил несколько дней в офицерском бараке. Чувствовал он себя плохо, болела рана, и он целыми ночами не спал. Его раздражало все: и прочно установившееся ненастье, и окружающая его офицерская среда, которую, казалось, кроме карт и разговоров о женщинах, ничего не интересовало, и дурацкие приказы начальства, и союзники, показавшие свое истинное лицо, те самые союзники, за которых он так ратовал в 17-м и 18-м годах, призывая казаков оставаться верными данному слову и воевать против немцев. Раздражала и лагерная, похожая на тюремную жизнь, и отвратительная, все ухудшающаяся еда, и навязчивая мысль о непоправимо совершенной ошибке.

Прожив несколько дней в бараке, он переселился к Попову и разведчикам в вырытую ими землянку. Здесь, среди станичников, несмотря на сырость и холод, ему

стало легче. И когда ему предложили переехать в административный центр лагерей Донского корпуса Хадэм-Кой, где находился штаб генерала Абрамова, Кучеров отказался, сославшись на болезнь.

Только тут, оставшись как-то наедине, вахмистр рассказал ему подробно все, что слышал, сидя на чердаке Блаудиса. Передал и табакерку и бумажник, взятые у английского разведчика, так и оставшегося неизвестным.

Они долго обсуждали, что делать со списком. Сохранить его или уничтожить? И если сохранить, то для какой цели? Попов считал, что документ следует передать советским властям.

— Хай новые власти голову с ними ломают, не то много наделают бед нашим людям, если список попадет в руки сволочам союзничкам. Какая власть в России ни на есть, она свой дом защищать должна. — Он ударил своим огромным кулачищем по колену. — И всем казакам надо подаваться на Дон. Нам с тобой, Петро, иное дело, тебя комиссары сразу в штаб Духонина, ну и меня, может, как дружка твоего закадычного, чтобы не скучал. А казакам тут делать нечего. Окромя как в конюхи идти к англичанам вроде калмыков Дзюнгарского полка! Срам!

Кучеров вертел в руках черную лакированную табакерку из папье-маше, подлинное произведение искусства XVIII века, созданное мастерами знаменитой французской фирмы «Мартен», и думал о том, что его друг, по сути дела, прав, сумев преодолеть в себе чувство ненависти к торжествующему народу и побороть ложный стыд перед товарищами. Он, Кучеров, сделать подобное не в силах. Не в силах, глядя в лица своим казакам, сказать, что их братья, сыновья и отцы отдали свою жизнь напрасно и сами воевали не за правое дело.

— Знаешь, Иван, — сказал он после долгой паузы, — поспешишь — людей насмешишь, поглядим, как там будет в России. Пусть народ сам разберется что к чему. А когда все утрясется, подумаем, кому и как передать список, куда же пусть лежит в табакерке.

— Может, ножиком соскрести этих намалеванных баб, никто на нее и не позарится. А насчет народа — ведь мы тоже народ!

Вдруг в другой половине землянки затарахтела консервная банка. Чего только не делали из этих банок и для чего только они не служили! Из них ели, в них готовили, хранили табак. В Чилинбирском лагере ими от-

делали церковный иконостас, соорудили люстры, подсвечники. А в Чаталджи устроили выставку кустарей. Пустые консервные банки валялись повсюду, возвышаясь горами и пригорками у бараков и землянок. И вот черт дернул бросить на пол пустую банку и, наверно, тот же черт дернул наступить на нее Чепиге, который, войдя своей кошачьей походкой в землянку, услышал восклицание вахмистра: «И всем казакам надо подаваться на Дон!» Человек он был любопытный, хотел послушать, да зацепил ногой за банку.

В тот же миг перед ним, точно из-под земли, вырос раздосадованный вахмистр. Его кулаки были сжаты, он весь наклонился вперед, словно готовился к прыжку, а глаза гневно и пытливо смотрели прямо в глаза. «Убьет, ни за понюх табаку убьет!» — подумал Чепига и, сделав удивленное лицо, спросил:

— Чего это вы, Иван Гаврилович, зенки на меня так таращите? Аль давно не видели? — Потом, опустив глаза, продолжал: — Ну лады! Кто богу не грешен, царю не виноват? Слышу, про Дон гуторите, полюбопытствовал, каюсь, — последнее слово он произнес, меняясь в лице, и совсем тихо, словно про себя. — Насчет того, чтобы казакам на Дон подаваться, я согласный, а до всего прочего — мое дело сторона.

На пороге появился Кучеров, он держал в руках табакерку и скручивал сигарку. Потом, сунув табакерку Чепиге, сказал:

— Давай, Рыжий Черт, закурим и поговорим ладком. Что нового слыхать в лагере?

— Нехорошие толки пошли: вроде не нынче-завтра первую и вторую дивизии, и Терско-Астраханский полк, и артиллерийские, и технические соединения французы отправят на Собачий остров.

— Собачий? Брехня! Нету такого острова! — рявкнул Попов.

— Лемносом он по-турецки зовется. — Степан Чепига заметно оживился, бледность с лица постепенно сходила. — У турок убить собаку — великий грех. И расплодилось их в Царьграде видимо-невидимо. Голодными стаями шастали по улицам, нападали на людей, бесились и все такое прочее. Потому турецкий султан велел изловить всех собак и отвезти на безводный, пустынный остров. Так и сделали. Вроде и воли аллаха не нарушили, и от собак избавились. Там они все околели от жажды и голода. Знать, и нам не избежать собачьей

доли. Разрази меня гром на этом месте, если ироды союзнички не спровадят казаков на Собачий остров!

— Неужто правда?

— За что купил, за то и продал. Казаки гуторят: «Негоже, мол, нам свои казацкие кости на чужбине сеять да с собачьими смешивать. Не поедем на Лемнос!»

— Лягушатники! Гады! Их бы самих, сволочей, туда отправить, а с ними и... — вскипел вахмистр и повернулся на стук к входной двери.

— Генерала Кучерова просят немедленно явиться в штаб генерала Абрамова.

Кучеров надел шинель, фуражку, взял из рук Чепиги табакерку, сунул ее в карман, молча похлопал разведчика по плечу и, обратившись к вахмистру, сказал:

— Пошел за слухами в Москву. Буду не раньше как к ужину. А вы соберите к тому времени надежных казаков.

— Слушаюсь! Собрать надежных казаков! — дружно рявкнули, вытянувшись, вахмистр и урядник.

Генерал вышел и зашагал по раскисшей от дождей глинистой дороге в сторону станции Хадэм-Кой, где находился штаб корпуса. Бледное зимнее солнце время от времени проглядывало сквозь серые тучи и освещало унылую, поросшую чахлым кустарником долину, затянутую у подножия гор и пригорков белесым, ядовитым туманом. Кучеров был расстроен. «Нет дыма без огня, — подумал он, увидев у железнодорожной станции выстроенный французский батальон. — Шарпи что-то задумал».

Генерал Абрамов объявил собравшимся командирам решение французского командования перевезти все строевые и технические части, находящиеся в лагере Санжак-Тэпэ, на Лемнос. И попросил господ командиров уговорить казаков тому не противиться, ибо французы применят вооруженную силу. А на возражение командира лейб-гвардии казачьего полка, что к ним тоже можно применить силу, криво улыбаясь, заметил:

— Что ж, тогда объявим Франции войну! Или всей Антанте?

Никто не проронил больше ни слова.

— Но это еще не все, — продолжал Абрамов, — французы пытались наложить арест на войсковую казну, на ценности, которые мы вывезли из Новочеркаска, они покушаются на военный флот, хотят реквизировать суда. Мало того, нам стало известно, что командующий

французскими войсками генерал Шарпи готовит чрезвычайными последствиями приказ с целью распылить казаков и развалить армию. Всем будет предложено вернуться на родину. И это, господа, самое опасное. С этим нужно бороться любыми средствами. Бороться за каждую душу.

Он обвел взглядом присутствующих, откашлялся и продолжал:

— Мало того, угрозами и посулами будут вербовать во французский Иностраннный легион, на кофейные плантации в Бразилию и Перу, на сбор чая в Мадагаскар, на работу в виноградниках, садах и полях Греции и тому подобное. Приказ командующего французскими войсками вступит в силу после того, когда наши части будут переправлены на Лемнос, то есть когда французы смогут держать нас в руках. Наступают, господа, трудные дни. Генерал-губернатором острова назначается генерал Бруссо, в этом тоже нет ничего утешительного. В его распоряжении будут сенегальские стрелки, конная жандармерия и матросы стационара «Ова». То же самое относится и к беженцам, как к гражданским, так и к военным, их намереваются либо вернуть на родину, либо отправить на постоянное местожительство.

«А что, если я всем им прямо скажу, что согласен с французами и считаю возвращение на родину единственно правильным выходом? — думал Кучеров, слушая корпусного командира. — Что им мыкать по свету? И что можем мы им дать? Куда нацелить? Во что заставить верить? Что, кроме иллюзорных надежд на скорую гибель большевистского режима, можем им посулить?» Кучеров посмотрел на сидящих во главе стола командиров полков, на сытых, самодовольных, одетых с иголки представителей Врангеля и Богаевского, потом скользнул взглядом по хмурым лицам обер-офицерского состава и подытожил: «Тут меня и прикончат!»

После генерала Абрамова взял слово представитель ставки главковерха. Он начал с того, что Врангель ведет успешные переговоры с правительством Болгарии и Югославии, дабы казачьи части были целиком переведены на их территории, что греческая королева Ольга Константиновна, дочь великого князя Константина Романова, обещала помочь казакам на Лемносе. И закончил тем, что посоветовал брать пример с генерала Кутепова и его железных полков на Галлиполи.

Представитель Богаевского тоже обещал всестороннюю поддержку со стороны атамана Войска Донского

казачьему корпусу генерала Абрамова и намекнул, что, может быть, найдется и управа на генерала Шарпи.

И тут его перебил вбежавший к ним в комнату дежурный офицер. Взяв под козырек, он, обращаясь к Абрамову, отчеканил:

— Ваше превосходительство! В лагере Санжак-Тэпэ идет бой между французскими солдатами и казаками!..

Что происходило в штабе корпуса потом, Кучеров не знал. Не помня себя, он выскочил из барака с тяжелым предчувствием какой-то большой беды и побежал в лагерь. Там царила тишина, никаких выстрелов не было слышно. За железнодорожными путями вытянулась цепь сенегальских стрелков, их черные лица посерели, в глазах проглядывал испуг. Стоявший на дороге офицер-француз хотел, видимо, остановить Кучерова, но, увидев генеральские погоны, не то козырнул, не то просто отмахнулся. Он был бледен и явно очень растерян.

У входа в лагерь Кучеров наткнулся на первых убитых; это были сенегальцы, они буквально плавали в крови с раскроенными или почти напрочь отрубленными головами. Видимо, побросав винтовки, они убежали, а их рубили шашками.

Лагерь кишел как муравейник, то в одном, то в другом месте собиралась толпа, люди о чем-то спорили, размахивали руками и расходились, чтобы собраться снова в другом месте, и только справа, где находились землянки, толпа не редела и стояла чинно, сняв шапки.

Увидев генерала, казаки молча потеснились и пропустили его в круг. Первое, что бросилось ему в глаза, было распластанное на земле у небольшого, перекинутого через канаву мостика огромное тело Ивана Попова. На его белом как мел лице застыл гнев; глаза, которые никто не решился закрыть, казалось, все еще грозили, рот ощерен. Рядом сидел на земле, скрестив по-турецки ноги, Степан Чепига. Утирая зажатой в руке папашой льющисся ручьями слезы, он смотрел на мертвого друга и что-то шептал. Время от времени он поднимал левую окровавленную руку, словно призывал бога или товарищей посмотреть на случившееся. Чуть в сторонке стояли три разведчика из его землянки, бледные, с горящими глазами. Один из них все еще держал в руке обнаженную шашку, и Кучеров увидел на ней кровь, у другого было разбитое синее, с кровоподтеками лицо. Они хмуро смотрели на Степана

и каждый раз, когда он поднимал руку, подавались вперед, словно хотели броситься к нему на помощь.

Кучеров, не веря глазам, оцепенело смотрел на убитого друга, на задумчиво стоявших однополчан-казаков, и ему навсегда запомнились их глаза, мокрые от слез, полные тоски и щемящей боли. Каждый вспоминал свое, у каждого ныла незаживающая рана. Длилось это минуту, может, две, а может, секунду? Время ведь так относительно!

Он вышел из круга, приблизился к убитому, опустился перед ним на колени, поклонился до земли, потом поцеловал покойника в губы, закрыл ему ладонью глаза и прошептал: «Я тебе их закрываю, Иван, прости за все и прощай, не бойся за сына и за меня тоже, сделаю все, как надобно». Потом встал, снял шинель и, обращаясь к старейшим казакам, сказал:

— Положите на шинель и отнесите в барак, будем хоронить завтра всем полком, нет, всем лагерем! — И зашагал сквозь расступившуюся толпу к землянке.

Никто не остановил его, никто не сказал, что есть еще убитые и раненые, каждый понимал, что мужчине, простой ли он казак или генерал, в минуту большого горя следует побыть одному.

Вскоре в лагерь явился генерал Абрамов. Приехали и представители французского военного командования. Следствие установило, что направлявшаяся к лагерю французская часть наткнулась на собиравших хворост и бурьян казаков. Офицер приказал задержать казаков и препроводить в лагерь. Сенегальцы окружили их и, все ускоряя шаг, повели в лагерь, подталкивая казаков в спины прикладами или чуть-чуть покалывая их в зад своими длинными штыками, и то и дело покатывались со смеху.

На шум стали сбегаться казаки и с недоумением и гневом смотреть, как ведут их побледневших от обиды товарищей. А когда один из задержанных крикнул, что их вина в том, что они собирали хворост, один сенегалец больно ткнул его штыком, заорав: «Merde!» — и захохотал во все горло, стоявший неподалеку Иван Попов подскочил к потешающемуся великану, вырвал у него винтовку и ударил наотмашь с такой силой, что он, не пикнув, отлетел на несколько шагов, сбив с ног товарища, и распластался без всяких признаков жизни на земле.

Остолбеневшие на какую-то минуту солдаты-сенегальцы кинулись со штыками наперевес на вахмистра.

И если бы он бросил винтовку и поднял руки, все бы кончилось, наверно, без кровопролития. Но Попов не мог этого сделать. Не та душа была в нем, не та кровь, не тот характер! Казаки тем временем забежали в баракы и землянки, хватали первое попавшееся под руку оружие и не помня себя мчались на защиту своего вахмистра. И хотя все это длилось считанные секунды, казаки опоздали. Предательский удар штыком в спину — и не стало казака Потемкинской станицы Ивана Попова. Потом произошла короткая стычка, и сенегальцы, бросая винтовки, побежали, охваченные ужасом. Впереди всех мчался серый от страха французский офицер.

После недолгого совещания было решено не давать делу ход, инцидент замять и не предавать гласности.

6

Они плыли по прозрачно-бирюзовому Мраморному морю, и опять на баке стояли Кучеров, Чепига и трое разведчиков. И хотя стоял январь, день был солнечный и теплый, воздух чистый, сквозистый, и каждый кустик, каждое деревцо на высоком левом берегу отчетливо вырисовывались на фоне по-весеннему синего глубокого неба.

— Поглядите-ка, господин генерал, ребята, какая махина, — кликнул один из разведчиков, Василий Гирия, протягивая руку.

У самого берега, врезавшись кормою в песок, грозя в их сторону пушками, серел броней огромный военный корабль.

Самый из них зоркий, Степан Чепига, даже прочел название на русский манер: «Девеп».

Это был знаменитый немецкий крейсер «Гебен», наводивший ужас в 14—15-х годах своими пиратскими налетами и бомбардировками мирных городов русского Причерноморья. Но и теперь, мертвый, он, казалось, грозил жерлами своих шестнадцатидюймовых орудий: «Погодите, настанет и мой час, час торжества германского рейха!»

Молча, как мимо страшного мертвеца-оборотня, проплыли казаки. Кучеров с горечью подумал: «А ведь судьбы у нас схожие».

Потом кто-то крикнул:

— Смотрите, смотрите в воду!

Все кинулись к бортам. Глубоко под водой на дне

моря раскинулся мраморный город. Высились белые, как минареты Стамбула, остроконечные башни, опоясанные зубчатыми стенами, зеленели сады, серели развалины замков, а узкие темные улицы и переулки уходили куда-то вглубь и манили своей таинственной и потусторонней красотой.

Город призраков!

Потом взоры обратились к остроконечным мраморным скалам Олимпа — самой высокой горы наибольшего из Принцевых островов Мармара, по которому и получило название море.

Кучерова грызла тоска, он не находил себе места. Поглядев на пустынные горы, холмы и долины острова, он спустился с бака на палубу и стал пробираться между сидящими и лежащими казаками на ют. Запуганные возможным отсутствием питьевой воды на Лемносе, они везли с собой бутылки, бачки и ведра с водой, и он наткнулся на них на каждом шагу.

На корме стояло несколько офицеров. Незнакомый ему моряк — капитан первого ранга что-то рассказывал; окружающие внимательно его слушали.

— ...и каждый камешек мне известен. Русское географическое общество и наша Российская академия наук в 1894 году произвели в этом море первые полные гидрологические и биологические исследования, а первая подробная опись берегов была сделана в 1845—1848 годах гидрографом русского флота капитан-лейтенантом Манганари...

На другой день на рассвете стали на якорь у Галлиполи. На берег сошли десятка два офицеров из корпуса Кутепова. А часа через дваплыли по Дарданелльскому проливу.

Форты, жерла орудий на высоком европейском берегу у небольшого городка Канак, в самой узкой части пролива, и далее 58 километров Геллеспонта — границы между Азией и Европой, потом снова укрепления, форты, тяжелые крупновские пушки и Эгейское море, темное, почти черное и бурное, особенно в эту пору.

Началась качка. У непривычных к морю казаков побледнели лица, а часа через два многие лежали в лежку. Кучеров задумчиво смотрел на темные волны с белыми гривами, на безоблачное небо, на провожавших пароход крикливых чаек и грезил о своей Потемкинской станции.

Давно уже скрылся турецкий берег, улетели и чайки,

поняв наконец, что они ошиблись и лежащие, сидящие и расхаживающие по палубам люди такие же голодные, как они, а Кучеров все стоял и думал, не следует ли уговорить своих станичников вернуться на Дон.

Пароход, взбираясь с волны на волну, держал курс на Лемнос.

Лемнос — это ряды палаток, вытянувшиеся, словно шеренги на параде, строевые, гимнастические и устные занятия пять дней в неделю, скудный паек, ограничивающийся порой 80 граммами фасоли, опресненная морская вода, тоска по родине и ряды могил у залива Колоераки.

Лемнос — радость, смешанная с тревогой о грядущем и печалью расставания с товарищами сотен отъезжающих на родину, и тупое безразличие, перемежающееся с пароксизмами безысходного отчаяния тысяч остающихся. Уезжали те, кто поверил советскому представителю Серебровскому, что в Советской России получат прощение.

Лемнос — чистилище, где никто не знает, какие врата ведут в рай. Месяцы томительного пустого ожидания голодного, разутого казачества. Бездна надежды, искания сбитых с толку людей. Спекуляция на оскорбленном самолюбии, на ложном чувстве долга, верности данной присяге и якобы скором «торжестве правого дела», в чаде парадов, под звуки фанфар, гром барабанов, еще живых кумиров, величавых атаманов и самого главкома, «что орлом глядит и орлом летает». Бессильная ярость против союзных оккупационных властей за скудный паек, тысячи проклятий на голову генерал-губернатора острова французского генерала Бруссо, коменданта лагеря майора Брени, его офицеров Пэрэ и Мишлэ; всех их родичей и потомков до седьмого колена за моральный гнет, за тиски голода. Упорный отказ записываться в Иностранский легион, наниматься на работы в Бразилию, в Перу, на Мадагаскар.

Лемнос... Слабые, морально и нервно разбитые, в основном офицеры, поддавались уговорам и уезжали в Бразилию, чтобы удрать оттуда обратно в Европу, на Корсику, потом снова в Стамбул и, наконец, во Францию, где устраивались шоферами такси, лакеями в ресторанах или рабочими на заводах «Рено». Сурово обошлась судьба и с теми, кто был покрепче и, не желая подчиняться, бежал на рыбацких лодках с проклятого

острова в Грецию. Добирались туда самые сильные и удачливые, большинство гибло в море, а немногие возвращались полумертвыми назад, чтобы украсить еще одним крестом казачье кладбище. И только смелые духом, а их было мало, решили разделить судьбу со своим народом.

Уехал в Россию лихой разведчик Степан Чепига, подалась с ним и его дружки — «двум смертям не бывать, одной не миновать!». Кучеров остался, не страха ради — мучили сомнения и, главное, не мог он покинуть на чужбине сына своего друга, не мог не выполнить данную клятву. «Кланяйся матери, — сказал он Чепиге, — сестре, всей станице, может, когда и увидимся. А ты правильно делаешь!»

Прошло восемь месяцев. И не будь моря, порой ласкового, спокойного, умиротворяющего, порой грозного, бурного, но всегда прекрасного, нового, жизнь на острове стала бы невыносимой.

Наконец 26 августа 1921 года генерал-губернатор Лемноса объявил, что находящиеся на острове эмигранты будут в ближайшие дни перевезены в Болгарию. К 10 сентября лагерь опустел. Лемнос ушел в область мрачных легенд. Кучеров вместе с казаками уехал сначала в Болгарию, а потом в королевство сербов, хорватов, словенцев — СХС — навстречу своей злой судьбе.

Глава пятая

Змеи выползают из нор

1

Затрубили фанфары, понеслись команды: «Сми-и-рно! Равне-е-ение на-пра-а-аво! Го-оспода офицеры!» Все замерло. К выстроившемуся на плацу Донскому кадетскому корпусу, широко шагая, шел впереди свиты генерал Врангель, навстречу ему, подобрав елико мог брюхо, спешил на коротких кривых ногах директор корпуса генерал-лейтенант Перрет по кличке Боров. За ним, точно журавль за жабой, неторопливо вышагивал командующий парадом генерал-лейтенант Гатуа. Шествие завершал адъютант директора, сухощавый, подтянутый полковник Чепурковский.

Короткий рапорт, и вот уже гремит преображенный марш, и Врангель быстро обходит сотни, крича во все горло:

— Здравствуйте-е, молодцы-ы каде-е-еты-ы-ы!

— Здравия желаем, ваше высокодительство! — рвякают кадеты.

Некоторые видят его впервые, и им кажется, будто он совсем такой, как на картинках. Но это не так: он постарел, еще больше высох, под глазами залегли черные круги, ясно, что его гложет смертельный недуг. И голос у него какой-то надтреснутый.

Обойдя сотни, Врангель вышел на середину плаца, принял позу и обратился к кадетам с речью. Он призывал их хорошо учиться, они-де нужны Великой России, и час ее освобождения близок. Барон хрипел все больше и больше — ему трудно было говорить. Потом кадеты кричали «ура!» и вновь звучали команды. Корпус строился к церемониальному маршу, а главком тем временем знакомился с местным начальством и персоналом. Пожимая руку Кучерову, он сказал:

— Рад вас видеть, генерал! — И почему-то, взглянув на свои большие наручные золотые часы с предохранительной сеткой, добавил: — Хочу с вами поговорить. Завтра жду вас в девять.

Стоящий неподалеку Алексей понял, что барон назначил Кучерову встречу, понял по упрямому взгляду, которым тот провожал главковерха, и жесткой складке на лбу, что волю его не сломить. И все-таки на душе было беспокойно, неожиданный приезд Врангеля мог спутать карты.

А Врангель тем временем направился к центру плаца.

Генерал Гатуа командовал на параде лет десять тому назад во Франции русским экспедиционным корпусом, встречая Пуанкаре, и уже тогда Гатуа был далеко не молод. А теперь и вовсе язык его плохо слушался, голос стал сиплым, позабылись нужные интонации, и кадеты давились от смеха, слушая его команды, и долго потом передразнивали старика.

— Парад, слушай мой камант! К циримоньяльни марш! — вопил во все горло голосистый кадет Вениосов, недавно прибывший из Египта.

— На двузвони дистанс, равнень на-право! — подхватывал кадет Иванов по прозвищу Баран.

— Направлень на угол сарай! — завершал громоподобным басом двухметровый Букашка Яковлев.

Смеялись кадеты и на самом параде. Сначала фыркнул один, потом другой. Смех — штука заразительная.

Так и продефилировали мимо главкома, давясь и кусая губы.

Было жарко. Хотелось пить. И директор предложил осмотреть сначала находившийся неподалеку среди густой зелени корпусной лазарет. В большой чистой палате лежало человек шесть. Врангель подошел к первой койке и спросил:

— Фамилия?

— Чегодов, ваше высокопревосходительство!

— Чем болеете?

— У него, ваше высокопревосходительство, аппендицит. На днях отправляем в Панчево на операцию, — сказал доктор.

— Казак?

— Никак нет, ваше высокопревосходительство! Из херсонских дворян.

Врангель опустил на стоявший рядом с койкой стул. С утра пошаливала печень, он устал. Откинув рукава белой черкески, он положил свои большие холеные руки на рукоять великолепного старинного кинжала и нервно забарабанил указательным и средним пальцами по его ножнам.

— Из херсонских я знаю по Петербургу Орлаева, генералов Эрдели, ну, Толстых, конечно, Крамеровых. — И он вопросительно посмотрел на Чегодова.

— Это все наши соседи по имению, Крамеры — мои двоюродные братья, хотя и намного старше меня, и Эрдели мои родичи... — Чегодов, встретившись с холодным, равнодушным взглядом Врангеля, умолк, подумав: «Чего это я вдруг раскудахтался! Все комедия: Наполеон разговаривает с солдатом своей старой гвардии!»

Барон, словно прочитав мысли кадета, легко поднялся со стула, похлопал Чегодова по плечу:

— Поправляйтесь, Чегодов, оперировать вас будет бог хирургии, профессор Левицкий. Он эти аппендиксы вырезает что орешки щелкает! До свидания! — И, уже не останавливаясь, направился к ожидающей его у двери свите.

Из лазарета главком проследовал на верхний двор, обошел сотни, поговорил с георгиевскими кавалерами, пошутил, кривя рот улыбкой, с кадетами и обворожил, словно каким волшебным зельем, всех. Держался он орлом, на все смотрел чуть свысока, чему способствовал

его высокий рост, замечал то, что выпячивали, и не видел того, что старались скрыть.

Прошло добрых три часа. Ему казалось, будто он твердит давно заученный и до смерти надоевший урок. Те же шутки, вопросы и ответы, подобострастные лица офицеров и восторженные, горящие глаза юношей. «Всю жизнь, — думал он, — я играл сначала в солдатики, потом в эдакого блестящего офицера, прожигателя жизни и покорителя дамских сердец, и, наконец, в спасителя России! Если бы кто знал, до чего опротивело изображать из себя главковерха без армии, без территории, пресмыкаться перед сильными мира сего и выпрашивать, выпрашивать без конца».

Вернулся он в отведенные ему комнаты в полном изнеможении, но никто этого не заметил.

Обед начался скучно и чопорно. Справа чинно уселись директор, генералы и преподаватели, слева — митрополит Анатолий, епископ Вениамин и воспитатели. Мелкая сошка разместилась за другим столом. Там было веселей, а к концу обеда даже шумно. Боров то и дело поглядывал на не в меру разбушевавшихся дьяконов и обращал молящие взоры к митрополиту и епископу, но Антоний сидел с каменным лицом, глубоко задумавшись и ничего не замечая, а Вениамин явно избегал его взгляда.

Врангель, чуть улыбаясь, с интересом ждал, как выйдет директор из положения.

Помощь пришла неожиданно в лице Берендса, который встал и, каламбуя, от имени господ офицеров пожелал главкому здоровья и многие лета. И это было как раз то, что нужно.

На середину зала вышел, слегка покачиваясь, протодьякон Вербицкий и затянул свое знаменитое многолетие. Все встали. Низкая рокошущая октава постепенно переходила в громоподобный бас. Шея протодьякона наливалась, краснела, лицо багровело. От голоса, перешедшего в баритон, звенело в ушах и дрожали стекла.

— ...лета-а-а-а! — выпалил он наконец как из пушки.

Врангель поблагодарил отцов церкви за молитвы, господ генералов и полковника Берендса за добрые пожелания, протодьякона за необыкновенный концерт, и на этом официальная часть обеда кончилась. Барон тут же раскланялся и ушел к себе.

На другое утро он принял Кучерова.

— Много воды утекло со времени нашей последней встречи, генерал, — пожимая руку Кучерова, начал барон, — многое переменилось. Неизменна лишь наша любовь к родине. И мы продолжаем бороться за ее освобождение. Обстановка в мире складывается в нашу пользу. Кончился медовый месяц Франции с Совдепией после того, как сытый рантье убедился, что ему не получить с русской голытьбы долгов по военному займу. Подписано Локарнское соглашение. В Лондоне готовится конференция, посвященная плану Гофмана*. В Германии и Италии, на Апеннинах и Балканах вопрос о ликвидации коммунистической опасности почти решен. Граничащие с Советским Союзом Румыния, Польша и Прибалтийские государства на Западе и Япония на Дальнем Востоке готовы нас всемерно поддерживать. Склонна оказать нам помощь и Великобритания... Да! Интеллидженс сервис, от услуг которой мы раньше отказывались, сейчас вместе с нами изыскивает способы борьбы с коммунистической опасностью. РОВС, как вам известно, ориентируется на великого князя Николая Николаевича, благодаря чему ведет за собой основные массы эмиграции. Александр Павлович Кутепов с присущей ему энергией умножает число ячеек и подпольных боевых групп в центре и на периферии Совдепии на предмет готовности к решительным действиям в надлежащий момент. — Врангель помолчал, повернувшись к окну, потом снова перевел взгляд на собеседника.

«Кутеп-паша, командир Преображенского полка, — подумал Кучеров, — из тех, кто спокойно разгуливал под пулями, презирая смерть, у кого устав превыше всего, кто невозмутимо вел в атаку своих гвардейцев на пруссаков в Августовских лесах, или цветные полки — корниловцев, марковцев, дроздовцев — в степях Украины... И этот бритоголовый генерал-лейтенант и георгиевский кавалер, с бешеным взглядом чуть раскосых карих глаз, скуластый и смуглый, как азиат, с небольшой черной бородкой и повадками хищника, сейчас с врагами России готовится к «решительным действиям в надлежащий момент» против своей родины, против своего народа!»

— Поэтому, — продолжал барон, проведя пальцами по лбу, словно что-то вспоминая, — мы усиленно забра-

* «Большевизм следует ликвидировать» — таков был лозунг Гофмана в Лондоне.

сываем туда своих людей. Занимается этим ряд организаций, которые находятся под общим руководством, вернее, контролем РОВСа. В этом же заинтересованы и некоторые иностранные разведки. С ними мы сотрудничаем. В частности, Интеллидженс сервис... Вам это не нравится, генерал? — спросил он, уловив мелькнувшую в глазах Кучерова искорку.

— Не нравится, выше высокопревосходительство! И категорически.

— Жаль, а мы очень рассчитывали на вас. Вы ведь лично знаете Джонсона, этого мнимого латыша в станице Марьянской. Его по-другому звали.

— Блаудисом, ваше высокопревосходительство.

— Это значения не имеет! Скажите лучше, каково ваше мнение об этом человеке? Можно ли ему доверять?

«Что ему сказать? На рожон лезть нельзя!» — подумал Кучеров.

— По правде говоря, я затрудняюсь ответить на ваш вопрос, — промямлил Петр Михайлович.

— Коль вы такой правдолюб, то объясните, каким образом английской разведке стало известно, что вы, именно вы, — он ткнул в его сторону пальцем, — были у него?

— Не знаю, — пожал плечами Кучеров.

— И вам неизвестно, кто совершил нападение на связанного?

— Нет, ваше высокопревосходительство, я не знаю, о чем вы говорите!

— А что делал в то время ваш друг вахмистр Попов?

— Страховал меня. Потом объезжал посты. А утром, убедившись, что Блаудис покинул дом, приехал в штаб. К тому времени меня уже отвезли в Ачуев.

— Видите ли, — несколько замявшись, протянул барон и, глядя в глаза Кучерову, продолжал: — обстановка требует мобилизации всех сил и ресурсов. Держинский преподал нам хороший урок. Но гибель Савинкова не означает конец подпольной работы. Успешно действует МОЦР*, организовано «Братство русской правды», мы возлагаем большие надежды на подрастающую молодежь. Весьма серьезную организацию представляет «Общество галлиполийцев», состоящее из молодых офи-

* МОЦР — Монархическая организация Центральной России. Фиктивная организация.

церов, устав которого утвержден мной и генералом Кутеповым. Активен «Имперский союз»... Нам важно координировать и направлять по должному руслу их действия, подогревать до кипения ненависть ко всему советскому, особенно у молодежи, и если из кадет мы не сможем сделать офицеров русской армии, то обязаны сделать их офицерами контрреволюции! — Врангель закашлялся, вынул платок, вытер им губы, и Кучеров заметил кровь.

— Вот почему, — продолжал после небольшой паузы барон, — нам приходится договариваться с правительствами стран, враждебно расположенных к Совдепии, и в какой-то мере согласовывать и организовывать свою подпольную работу с их разведками. Иного выхода нет. Известные контакты, разумеется, существуют у нас и с Интеллидженс сервис — этой лучшей разведкой мира. Et maintenant, nevenong à nog moutong! * О том, что вы побывали у Джонса, бишь Блаудиса, им известно уже более полугода. Они утверждают, будто их связной пришел в ту же ночь, спустя час после вашего ухода, и получил запертые в табакерку из папье-маше подлинные списки, пароли, адреса, шифры. Возле усадьбы Блаудиса на связного было произведено нападение. Его оглушили, ограбили, бросили в лодку и пустили по течению. Очнулся он только часа через два, но чувствовал такую слабость, что не мог пошевелить даже пальцем. К тому же не оказалось весел. Так он и попал в лапы к красным. Его судили, сослали на Север. При помощи польского разведчика ему удалось бежать. Все это походит на правду и подтверждается тем, что документы, которые вы мне передали, — ложные. Наш человек, прибывший с Северного Кавказа, утверждает, что явки фиктивные. Англичане полагают, и я склоняюсь к их мнению, что нападение на связного совершил вахмистр Попов, этот смутьян, из-за которого у нас в свое время возникли крупные недоразумения. Кстати, все его дружки уехали в Совдепию. А табакерка, Петр Михайлович, находится у вас! Черная, из папье-маше, не то мартеновской, не то федоскинской работы...

Кучеров смотрел на барона с ненавистью и невольно вспомнил приснившийся ему под утро сон. Он лежит на земле у мостика, совсем такого, где был убит Иван Попов, лежит и не может встать, пошевелиться, а из-

* А теперь вернемся к нашим баранам (франц.).

под мостика выползают змеи, целый клубок змей. Они извиваются, шипят, смотрят на него своими змеиными злыми глазками и высовывают жала, а он беспомощно лежит на земле и не может пошевелиться.

Врангель взглянул на часы, потом встал, подошел к окну и, глядя куда-то вдаль, словно про себя процедил:

— Как жаль, что все так получилось! Вероятно, вы даже и не знали, что в табакерке тайник? Попов...

— О покойнике худо не молви, — говорит старинная русская поговорка, — хмуро перебил его Кучеров, опуская глаза. — Иван Попов пал смертью храбрых, защищая честь казаков и России. Что же касается его не «дружков», а боевых товарищей, то вернулись они на родину из чувства того же товарищества, того великого чувства единения, которое мы называем любовью к Отчизне... Ну а то, что меня чуть не зарезали ваши осваговцы, полагаю, освобождает меня от взятых на себя обязательств.

— Постарайтесь понять меня правильно, Петр Михайлович, — заговорил барон с какой-то задушевностью в голосе, — я разделяю ваши чувства и глубоко опечален происшедшим и потому прошу вас: не торопитесь с ответом! Из Краснодара получено от Блаудиса письмо. Его удалось расшифровать. Адреса своего он не сообщает либо из конспиративных соображений, либо он живет на известной уже нам квартире. В ближайшие месяцы англичанам не составит особого труда как-то с ним связаться помимо нас, после чего либо произведут реорганизацию всей сети, что сопряжено с большими трудностями, либо, что гораздо проще, избавятся от человека, который, простите, так по-глупому упорно прячет эти документы. Пусть наша любовь к России воспринимается каждым по-своему, но тут не может быть двух мнений. Нельзя отдавать целиком оружие даже союзнику, если есть возможность им воспользоваться хотя бы наполовину! Завтра я уезжаю. Подумайте и дайте ответ и поймите, что я не могу вас больше защищать. И не накликайте беды на себя и ваших близких... Извините! — Он встал. — До свидания, генерал!

Кучеров щелкнул шпорами, молча поклонился и вышел из комнаты. В коридоре у окна, наискосок от двери, стоял Берендс. Он приветливо улыбался, расшаркивался и кивал головой, как китайский болванчик. В кон-

це коридора Кучеров едва не столкнулся с адъютантом главкома. От него пахло спиртным и крепкими духами. С присущей всем адъютантам нагловатостью он небрежно поднял к фуражке два пальца и прокартавил:

— Пгастите, ваше пгевосходительство!

«Что делать?» — ударяло молотом в мозг. «Что делать?» — отстукивало сердце, пульсировало в висках, вопрошало все существо. «Уничтожить списки? Переправить в советское посольство? А может быть... — мелькнула подленькая мысль, — жизнь так прекрасна. — И тотчас услужливо всплыл новый аргумент: — И я поклялся воспитать Аркадия!..»

Но когда Кучеров вышел за ворота крепости и зашагал по шоссе в сторону Требинье, все постепенно стало на свои места, вернулось присутствие духа. Идти домой он был не в силах и так дошел до караван-сарая Драгутина. Там и заночевал.

* * *

На другой день Врангель в сопровождении свиты торжественно отбыл из Билечи. Бывшего правителя Юга России провожал весь корпус и местное начальство, не было генерала Кучерова, но заметил это только сам барон и, наверно, его подручные. Заметил и Алексей Хованский и порадовался. Он тщетно пытался встретиться с Кучеровым и вчера и сегодня. Однако генерал исчез после парада, словно сквозь землю провалился.

Глядя, как Врангель усаживается в машину, раздраженно бросая распоряжения адъютанту, Алексей подумал: «С Кучеровым у тебя не получилось. Ему объявлена война. Что ж, будем и мы действовать!» Мрачное лицо Черного барона напомнило Алексею недавнее прошлое. В Севастополе полным ходом идет эвакуация белой армии. Стоит хмурый ноябрь 1920 года. В Северную бухту прибыли французские, английские и итальянские суда. В нижние трюмы грузят провиант и снаряжение, верхние занимают войска и беженцы.

Попытки приостановить или задержать эвакуацию пресекались жесточайшим образом. За порядком в городе следили юнкера Донского Атаманского училища. Озлобленные и придирчивые, они при малейшем подозрении в саботаже «ставили к стенке».

Крайнее время было взрывать водокачку. Это было большое и высокое кирпичное башеннообразное здание,

стоявшее неподалеку от моря. На первом этаже — мощная динамо-машина, питавшая током не только нагнетательные машины, но и элеватор, грузоподъемные краны порта.

Ее-то и следовало подорвать. Осуществление этой операции было тщательно разработано еще за несколько недель до эвакуации. Одно из главных действующих лиц была смелая и находчивая девушка, писаная красавица, сестра рабочего дока, которая в отличие от брата, флегматичного полтавца в английском френче, была вся огонь и энергия. Звали ее Оксаной.

Старший механик уже был от нее без ума, младший не спускал с нее глаз, когда она однажды пришла на водокачку. «Уж очень интересно посмотреть на машины и потом забраться наверх».

Внезапно дело осложнилось. Стоявшие на часах юнкера перестали подпускать к водокачке кого бы то ни было. Они расхаживали методически, как маятники, с фасада и с задов водокачки, шестьдесят шагов туда, шестьдесят — обратно.

13 ноября. дувший три дня подряд норд-ост утих, нагнав тяжелые тучи. К вечеру они спустились совсем низко и заволокли горы. Заморосил безнадежный, мелкий, как из пульверизаторов, осенний дождь. Стало промозгло, неуютно и мокро. Юнкера поднимали воротники шинелей, но вода холодными струйками стекала им за ворот. До конца смены оставалось полчаса. Юнкера продрогли и промокли до нитки. Хотелось поскорей попасть в теплое помещение, выпить горячего чая и завалиться спать.

Глупым казалось это хождение туда и обратно. И невольно, попав под стреху, они укорачивали шаг.

Самую опасную роль Алексей взял на себя. Надо было вынырнуть из темноты в тот момент, когда расхаживающий вдоль задней стены часовой, удаляясь, дойдет до половины здания, быстро проскочить мимо и успеть встретить приближающегося к углу фасада другого часового.

Алексей едва успел добежать до угла, как показался часовой, и в этот момент что-то зашумело, часовой резко повернулся на шум к нему спиной и в тот же миг, получив тяжелый удар дубинкой по голове, рухнул на землю. То же самое с другой стороны водокачки с другим часовым проделал брат Оксаны, этот на вид флегматичный полтавец.

Путь на водокачку был открыт. В действие вступила Оксана. Называя по имени механиков, она попросила поскорей отворить дверь. Дремавший у машины старший механик спросонок попался на удочку. И как только дверь чуть приотворилась, Алексей рванул с силой за ручку и механик застыл перед наведенным на него пистолетом. И тут же его подхватили дюжие руки матросов.

Не останавливаясь, они двинулись дальше, Алексей, Оксана, ее брат и рыжий молодой человек в студенческой тужурке. Их встретил оцепеневший от удивления младший механик и молча поднял руки. Миновав его, они поднялись наверх.

Четыре юнкера спали одетые на койках. Разводящий, неудобно привалившись к стене, громко храпел.

— Встать! — громко крикнул Хованский.

Юнкера вскочили. Разводящий, сразу сообразив, в чем дело, схватился за кобуру.

— Руки! Поднять всем руки! Стреляю! — гаркнул один из матросов.

Спустя несколько минут раздался глухой взрыв. Серверная бухта погрузилась в темноту.

И тогда-то Алексей увидел это раздраженное и усталое лицо. Тогда барон тоже сел в машину и бросил распоряжения адъютанту. И подобострастное лицо адъютанта было точь-в-точь таким же, как сейчас, хоть это и был совсем другой человек...

«Марионетки судьбы», — подумал Алексей, глядя вслед уходящей машине.

2

Когда Алексей спустился к себе на электростанцию, он увидел Хранича, видимо, с нетерпением его подждавшего.

— Вчера эта девка Павского, Грация, была в Требинье и заходила к слесарю Жике. Он лучший специалист. Потом ходила по магазинам... А вот вам письмо от Драгутина, велел на словах передать, что у него ночевал Кучеров. Генерал пришел очень расстроенный. Ругал Врангеля по матери! — Хранич захохотал. — Да так, что даже и мы, черногорцы, так не умеем.

В письме кафанщик Драгутин подробно и несколько витиевато, на крестьянский манер, излагал все то, что вкратце передал чика Васо.

В кармане у Алексея было и другое письмо, из Бел-

града, от хозяина — от Ивана Абросимовича. Это было первое его письмо и, наверно, важное. Потому Алексей, распрощавшись с Храничем, ушел к себе.

Абросимович шифром сообщал о приезде Врангеля и рекомендовал поспешить с операцией.

На другой день Алексей рано утром встретил Кучерова на шоссе во время его обычной утренней прогулки. У генерала было расстроенное лицо, выглядел он хмурым и на вопрос: «Нельзя ли, Петр Михайлович, с вами побеседовать, но чтобы разговор остался между нами?» — Кучеров вздрогнул, враждебно посмотрел на него и сердито бросил: «Извините, капитан, мне хотелось бы побыть одному, отложим нашу беседу на другой раз!» И, взяв под козырек, повернулся было уходить.

— Мне просто хотелось передать вам привет от вашего бывшего полкового разведчика, с которым вы плыли на «Гневном», Степана Чепиги, — словно пулей пригвоздил он на месте генерала.

— Где вы его видели? Неужели он не уехал в Россию? — хрипло спросил Кучеров.

— Рыжий Черт появился в родной своей Потемкинской станице только в двадцать шестом году, побывал, конечно, у вашей сестры Елены Михайловны. Она показывала ему ваши письма и то место, где вы пишете: «Если бы не Аркадий, все было бы по-другому». И они вместе решили вас выручать. Потому я и знаю и о станице Марьянской, и о табакерке, и о гибели Ивана Попова, которого так тянуло на родину...

— Скажите, — перебил Кучеров, хватая его за руку, — вы видели Степана и Лену?

— Как вас сейчас. — И чуть присел, развел руки и голосом Чепиги сказал: — «Да убей меня бох! Разрази гром на этом самом месте, а генералу надо помочь. Да ий-боху!» Похоже?

У Кучерова в глазах стояли слезы.

— Вы, значит, оттуда, — прошептал он, — с Дона? Да, конечно! Какой же я дурак! Принимал вас за другого. — И махнул рукой.

— Елена Михайловна по-прежнему учительствует и просит вас... Вот, читайте, — и протянул генералу письмо.

— «Петя, родной, — прочел вслух Кучеров, — кровинушка, ради нашей казачьей чести, любви к родине, тихому Дону, ради павшего друга Ивана сделай то,

что тебя попросит Алексей»... — Дальше он читать не мог, руки, держащие письмо, дрожали, буквы прыгали в затуманенных глазах. Наступила долгая пауза. Потом он с какой-то задушевностью в голосе сказал: — А я так мучился, так мучился, дорогой мой. Я рад, что Рыжий Черт жив, думал, что сидит. Как здоровье сестры? Она мне писала, что матушка умерла, дом сгорел... Почему вы до сих пор молчали! Вы ведь здесь уже скоро месяц!

— Мне нужно было убедиться, что вы порядочный человек. Сестра здорова, ждет вас...

— Я смогу уехать? А как же Аркадий? Сын Ивана Попова? Но сначала я расскажу всю историю.

Они спустились к реке и уселись у самой воды на камни.

В небе, точно в голубом озере, плывут облака, время от времени они закрывают уже высоко поднявшееся солнце, и тогда Требишница темнеет, становится скучной, мрачной, и Алексею кажется, будто он слушает главу из книги о далеком прошлом обреченного класса, в глухом, полном боли и тоски голосе чтеца звучит безысходность. Но стоит выглянуть солнцу, все оживает, радостно сверкая, катит свои прозрачные воды река, берега вспыхивают изумрудами зеленых-презеленых островков, и даже такие невыразительные и суровые серые камни вдруг теплеют и начинают излучать свою скромную красоту, и в голосе просыпается надежда.

— ...Приехав в Билечу, я вынул из табакерки тайнопись, заткнул в бутылку с притертой пробкой, замотал изоляционной лентой и запрятал в скале. Вот и вся история, — закончил генерал.

— Всякая тайнопись от перемены температуры, влаги, солнечных лучей начинает со временем проступать на бумаге, особенно на папиросной. Поэтому, обработав ее слегка, мы сделаем фотоснимки, а оригинал предоставим им. Пусть англичане думают, что тайна Блаудиса сохранена. Мало того, поскольку, видимо, за документом охотятся несколько разведок, надо столкнуть их лбами. Пусть дерутся! Вы намекнете, что идете на капитуляцию, готовы отдать документы, дайте понять, что они хранятся в вашем несгораемом шкафу, и помогите узнать условный шифр, а ключ...

— Ключей от кассы два, — перебил его Кучеров, — один в сейфе директора, другой ношу при себе на це-

почке. Примерно месяца полтора назад я обнаружил на бородке ключа воск. Видимо, кто-то снял слепок. Я доложил об этом директору. Но представьте наше удивление, когда десять дней назад генерал Перрет обнаружил воск на бородке своего ключа. Полицию мы решили не вмешивать — стыдно, но каждую неделю стали менять шифр, пока не заменим замок. Загвоздка в том, что единственный тут мастер по кассам живет в Требинье и сюда не спешит, ссылаясь на то, что новый замок, выписанный из Германии, еще не прибыл. На том дело и застряло. Надо полагать, что именно ему заказаны по слепкам ключи.

— Значит, вы думаете, что у них уже есть ключи?

— Почти уверен. У них есть ключи и от моей комнаты. По утрам, как вам известно, я гуляю. Так вот, за эти последние два месяца мои вещи перерывали по крайней мере пять раз.

— Следовательно, они считают, что табакерка с документами находится в несгораемом шкафу?

— Разумеется. Она там и лежит, пустая.

— Что ж, вернем в нее тайнопись, предоставим им возможность узнать и ключ от шифра вашей кассы. Вам же следует подумать об отъезде. Иначе, увидев, что документы могут быть прочитаны, они не постесняются с вами разделаться.

— Я и хотел уехать, нанял даже на субботу подводу. В два ночи приедет Алимхан. Но цель у меня была другая. Не бегство. Я их не боюсь. Предполагал поездом добраться до Дубровника, а оттуда на «рыбаке» в Италию, чтобы передать документы в советское посольство. Собрался к директору просить отпуск. Ну а теперь все упростилось...

— Изменилось, конечно. Вы уедете, когда операция будет закончена, на сутки позже. А я, не хмурьтесь, я останусь, не хочу бросать ребят, надо направить их на верный путь, а лучшим помочь обрести родину. Так что с Аркадием еще встретитесь. Первое задание, которое он сегодня же должен будет выполнить, — переснять документы и проявить пленку. Ведь он ведает фотолабораторией.

— Хорошо.

— Вас же я переправлю во Францию, оттуда легче уехать в СССР. Но сделать это нужно так, чтобы комар носа не подточил. Они ведь следят за всеми, кто с вами находится в контакте, и выскользнуть из их по-

ля зрения не так-то легко. Кого вы считаете замешанным в это дело?

— Мне кажется, — потирая рукою свой шрам, начал генерал, — что тут действуют две, а может быть, даже три самостоятельные группы. Первая: Скачковы, прибыли они, как я догадываюсь, из Польши, капельмейстер он бездарный, и он и она — люди недалекие и потому неопасные, но весьма настырные. Вторая группа: Павский и Мальцев. Иван Иванович Павский происходит из старинного дворянского рода и гордится тем, что его далекий предок, тоже Иван Иванович, был в числе офицеров сформированного двадцать второго сентября тысяча семьсот тридцатого года в Москве лейб-гвардии Измайловского полка. С тех пор Павские якобы всегда служили в этом полку и были крещены Иванами. Кто знает, так это или не так?..

— Я заметил, Петр Михайлович, что многие эмигранты выдают себя за сенбернаров, будучи болонками. Мелкопоместный помещик — за магната; чиновник — за сановника, вельможу; купец — за фабриканта. Человек нередко склонен выдавать желаемое за действительное, особенно если ущемлен.

— У них осталось одно прошлое, почему не сделать его еще прекраснее. Таков, может, и Павский. Подвизался он в денкинской разведке и кажется мне человеком решительным и жестоким. Что касается Мальцева, то это просто беспринципная сволочь. Два его сына идут по стопам батюшки и готовы выполнять его самые мерзкие наказания: следить, подслушивать, подглядывать, и кто знает... Ко всему надо еще заметить, что Павский связан с нашей машинисткой Грацией, и я подозреваю, что именно она, имея доступ в директорский кабинет, воспользовалась отсутствием генерала Перрета и забралась в сейф, а в нем вечно торчит, по небрежности, ключ, и сделала нужный слепок. Но самым опасным я считаю Берендса. Порой мне кажется, что он уже все разгадал, все рассчитал и как тигр готов к прыжку, а порой — что он лишь ради любопытства наблюдает за «мышью возней» и посмеивается. Вероятно, он подслушивал мой разговор с генералом Врангелем. Когда я вышел, он стоял у окна коридора, напротив двери.

— Он служил в разведке белых?

— Затрудняюсь сказать. Во время войны его взяли немцы и выменяли на своего крупного шпиона. Потом Берендс работал в Стамбуле. О нем настоящие чу-

деса рассказывают. Как враг он смертельно опасен. А вот кадеты его любят. И мой Аркадий от него в восторге. Невероятная физическая сила, знание джигитсу, ореол разведчика.

— Таков век! Столкновение эпох. Молодежь усиленно готовят к коварной и жестокой войне умов, так называемой «тихой войне». Буржуазный мир использует русскую эмиграцию, особенно молодежь, для своих подрывных целей, наша задача — открыть этой молодежи глаза. И потому в этой жестокой войне примут участие не только ум, но и сила идеи, крепость духа, любовь к родине... Мы будем бороться за эту молодежь!

На шоссе закрипели колеса и послышалась однообразная, заунывная песня. Они оба посмотрели наверх. Над обочиной мимо беленых камней-столбиков проплывали подводки. Видны были только кузова телег да головы лошадей, подводчики, как обычно, лежали, и только в первой подводке сидели два турка в высоких красных фесках, которые на фоне белых облаков горели, как маки на солнце. Проводив их глазами, генерал и капитан поглядели друг на друга и улыбнулись. И в улыбке генерала было что-то детское, непосредственное.

«Улыбка — внутреннее лицо человека», — подумал Алексей.

— Сняли вы у меня с сердца камень, — сказал, поднимаясь, Кучеров, — пойдемте, я покажу вам эти проклятые списки, а когда все будет готово, сделаю, как договорились.

3

Через два дня после отъезда Врангеля операция с документами, которую Алексей Хованский называл «операцией Рыжий Черт», была фактически завершена. Документы сфотографированы, запрятаны в табакерку, а пленка отправлена в Белград Ивану Абросимовичу.

Оставалось ждать, когда хранящуюся в несгораемом шкафу табакерку кто-то украдет. А чтобы форсировать события, Кучеров подал заявление об уходе. Поделился об этом с «друзьями» и назначил день отъезда через две недели.

Тем временем кончились пасхальные каникулы. Начались занятия. Корпусная жизнь вошла в свои берега.

Герцеговинское лето набирало силу. Раскаленное солнце сверкало над головой и, казалось, ни за что не хотело спускаться. Цвела акация, ее душистые бе-

лые гроздья изливали сладковато-пряный, дурманящий аромат. Тысячи пчел, ос, шмелей и даже страшных их сородичей — великанов шершней с жужжанием собирали дань, и каждое дерево гудело, как телеграфный столб весною в поле.

Кадеты готовились к экзаменам. Одни, полагаясь на счастье, штудировали четные билеты, другие — нечетные, «зубрили» долбили всю программу, лентяи — с пятого на десятое, да и то при помощи способных. Поэтому по всему лагерю и за ним, в горах, на реке, в чахлах рощицах, где зелень и тень, можно было увидеть уткнувшегося в книгу кадета, а порой и целую группу.

Преподаватели были тоже заняты по горло в экзаменационных комиссиях и подведением итогов учебного года.

Только корпусные дамы, как обычно, томились от безделья и скуки. Особенно молодые. Ирен Скачкова выходила на прогулку первой, как только спадал жар. Так было и в этот день. Неторопливо прохаживаясь по тенистой аллейке, не теряя из виду крепостные ворота, она мурлыкала тихонько в то время все еще модный среди белого офицерства романс:

Белой акации гроздья душистые
Вновь ароматом полны...

Ирен не помнила родителей, и все ее детство представлялось каким-то смутным, расплывчатым пятном. Только по окончании института благородных девиц, уже семнадцатилетней девушкой, она узнала от воспитывавшей ее тетки, что ее родители и четырехлетний братик, мелкопоместные польские шляхтичи из-под Луцка, были зверски убиты знаменитым разбойником по прозвищу Сметана, свирепствовавшим в ту пору в Царстве Польском и Правобережной Украине, а сама она спаслась каким-то чудом. Трехлетняя Ирен, спавшая в соседней комнате, видимо, почуяла смертельную опасность, тихонько спустилась с кровати и юркнула в столовую, где забралась под большой обеденный стол, куда она обычно залезала, когда играла в прятки. И там, притаившись, замлела. Так и оставалась она без сознания часа четыре, пока ее не нашла возвратившаяся из деревни няня. Маленькая Ирочка ничего не помнила, казалось, какая-то непроницаемая черная вуаль отгородила прошлое. И только по ночам еще мно-

гие годы ее мучил кошмар и она просыпалась от душераздирающего крика в ушах и, цепенея от ужаса, вся в холодном поту, напряженно вслушивалась в тишину и биение собственного сердца. И долго потом не могла уснуть.

Рассказ тетки потряс молодую девушку, и ее и без того уже распаленная ненависть к украинскому мужику, да и ко всему «русскому хамью» превратилась в остервенение. В девятнадцать лет Ирен Жабоклицкая вышла замуж за подающего большие надежды поручика Войска Польского Станислава Сосновского.

Брак оказался несчастливym, муж перешел на разведывательную работу и целые дни, а порой и ночи проводил на службе и нередко месяцами пропадал в командировках. Не прошло и четырех лет, как сердцем Ирен завладел англичанин. Их любовная связь началась в отсутствие мужа и длилась лишь два месяца, но изменила всю дальнейшую ее жизнь. Под «благотворным» влиянием любовника, который оказался капитаном Интеллидженс сервис, Ирен решила прославиться, как Мата Хари.

И вдруг к ней явился красивый молодой человек и от лица польской разведывательной службы передал соболезнования по поводу трагической кончины ее мужа, который «пал смертью храбрых при выполнении задания — убит при переходе границы из СССР». Вдова потеряла сознание, потом предалась такому отчаянию, что «настоящему мужчине» пришлось ее утешать до тех пор, пока они не очутились в объятиях друг друга.

Второй ее любовник, к ее ужасу, оказался «ненавистным хохлом», да еще бывшим петлюровским куренным атаманом. Но недаром говорят, что женщины служат тому обществу, какое создают для них мужчины, и потому спустя месяц Павел Очеретко под личной есаула Войска Донского Михаила Гавриловича Скачкова выехал по заданию польской разведки со своей помощницей и фиктивной супругой Жабоклицкой-Сосновской-Скачковой и будущей, как она все еще надеялась, английской Мата Хари в королевство СХС, в маленький герцеговинский городок Билечу, где находился Донской кадетский корпус, с заданием: любой ценой раздобыть находящиеся у генерала Кучерова документы. Документы эти запрятаны в табакерке с двойным дном.

«Хорошо, что я заставила Мишеля подслушивать разговоры, которые вел Врангель. Удалось уловить хоть несколько фраз из его беседы с Павским. Ай да Ван Ваныч! Значит, охотимся мы за одним зверем! Непонятен только Берендс. Он сам хотел подслушивать? Что ему нужно? Какую игру ведет он?»

Разгуливая по тенистой липовой аллее и напевая песенку, Ирен Скачкова, агент английской, польской разведок, рассуждала сама с собою. И вдруг она насторожилась. В ворота крепости в сопровождении конных жандармов въехала почтовая повозка. Взглянув тревожно на крайнее окно на третьем этаже в правом крыле здания и увидев в нем «мужа», она подчеркнуто поправила рукой свои волосы раз, другой...

Фиктивный супруг, есаул Вейска Донского, сделав неопределенный жест, отошел от окна, вышел из комнаты, тщательно заперев за собой дверь, и быстро спустился в бухгалтерию. Бухгалтер и машинистка, не поднимая головы, только кивнули в ответ на его приветствие, когда он, стремительно пересекая канцелярию, направлялся в кабинет генерала. Кучеров стоял у зарешеченного окна. Ответив кивком головы на поклон, он холодно процедил:

— А я, видимо, задумался и даже не слышал, как вы стучали.

Есаул понял намек, смешался и, глядя в землю, промямлил:

— Извините... пожалуйста, я не хотел... мне показалось... слух меня обманул... Если вы заняты, я сейчас уйду.

— Раз пришли, то уж садитесь, Михаил Гаврилович. Я вас слушаю, — сказал Кучеров, преодолевая физическое отвращение, которое он каждый раз испытывал при встречах с этим человеком, и жестом указал на кресло, стоявшее у дивана в глубине кабинета.

Но есаул, бросив на указанное кресло фуражку с белым чехлом, подошел к окну и, положив руку на стоящее неподалеку от несгораемого шкафа такое же кожаное кресло, сказал:

— Что-то мне душно. Разрешите устроиться здесь? Я на пять минут. У меня к вам просьба. Большая просьба...

— Пожалуйста, — усаживаясь за стол, сказал генерал. — Все, что от меня зависит, я готов...

— Дело в том, — уловив насмешку в голосе Куче-

рова, начал, заминаясь и подавляя гнев, мнимый есаул, — что мы с женой находимся в стесненном положении...

В этот миг в канцелярии громкий и веселый голос местного почтальона возвестил:

— Добар дан! Пошта...

Мгновение спустя вошла машинистка Грация, протянула большой конверт с печатями:

— Пришли деньги, Петр Михайлович, спрячьте в кассу. А вот почта. — И начала аккуратно раскладывать газеты и письма.

Кучеров подошел к шкафу, набрал буквы шифра, вынул из кармана длинный ключ на цепочке, отворил тяжелую дверцу и сунул пакет на верхнюю полку. И тут Скачкова, который внимательно следил за всеми манипуляциями Кучерова, точно жаром обдало: на верхней полке в сейфе поблескивала черным лаком старинная табакерка из папье-маше. Чтобы скрыть волнение, есаул даже отвернулся, потом встал и не в силах совладать с голосом хрипло выдавил:

— Вижу, что вы, Петр Михайлович, заняты, извините. Если позволите, я зайду завтра.

— Сделайте одолжение, — сказал, усмехнувшись, генерал и подумал: «Увидел табакерку, узнал шифр, и в зобу дыханье сперло!»

«Наконец-то! Какая удача, хороший был ход! Шифр на этой неделе менять наверняка не будут, значит, в нашем распоряжении двое суток», — думал Скачков, спускаясь по лестнице на первый этаж. Выйдя во двор, он, сияющий, направился к идущей ему навстречу Ирен и радостно прошептал:

— Табакерка в кассе. Ключ к шифру звучит как женское имя: «Дина». — И тут же испуганно оглянулся.

— Дина по-латыни — сила. Это, конечно, хорошо, что мы узнали шифр. Но табакерка?! Не понимаю, как мог он тебе ее показать?

— В последнее время он переменялся. Рассеян, чему-то улыбается, словно сто тысяч выиграл по лотерее. А то вдруг нахмурится, и ходит туча тучей, и смотрит волком. Тише!

К ним, улыбаясь, приближался полковник Павский.

— Подслушивает чертов Семимесячный! — тихонько пробормотал Скачков-Очеретко. Он терпеть не мог казаков, от которых ему крепко доставалось в дет-

стве, ненавидел «кацапов», презирал поляков. Родился Павел в низовьях Дона. Отец его, священник Онисим Очеретко, был чистокровным украинцем, воспитывал сына в страхе божьем и уважении к властям предержащим. Но сыновья и дочери уже не слушали родителей. Павлик Очеретко самовольно ушел из семинарии и поступил в музыкальное училище. Началась война. Его взяли в школу прапорщиков, а оттуда отправили на фронт. В 1916 году он, раненный, попал в госпиталь, патронессой которого была императрица Александра Федоровна. Красивый поручик приглянулся одной из фрейлин ее величества и по выздоровлении был устроен сначала помощником, а потом капельмейстером при гарнизоне. А в 19-м уже куренным атаманом при батьке Петлюре разбойничал по Херсонщине и Таврии, в Галиции и на Воляни. Видно, это ему пришлось по вкусу, потому что, когда в 22-м году командир гайдамаков петлюровской «Железной дивизии» атаман Юрко Тютюнник двинулся из Польши с большим отрядом на Украину, среди них был и Павло Очеретко. Но Тютюнник не прошел и сотни километров, Красная Армия разгромила всю его орду, а сам атаман едва успел бежать за Збруч. Очеретко попал в плен, был судим и сослан на десять лет на Соловки. Там судьба свела его с тем самым связным английской разведки Батецом, который после свидания с Блаудисом был сражен могучим кулаком Ивана Попова и приплыл в лодке в руки красных.

К величайшему удивлению, Павло встретил в Соловках своего отца Онисима Очеретко, которого вместе с епископом Новочеркасским и несколькими священниками сослали за «возмущение народа против Советской власти». Павлу, как он считал сам, повезло. Вместо полуголодного пайка он перешел на иждивение отца, которому без конца слали посылки верующие казачки его прихода. Мало того, Павел подкармливал и своих дружков. И не без затаенной цели.

Одних он хотел использовать как опытных следопытов, знатоков Севера, других как будущих помощников, особенно интересен казался ему Батец, хотя в то время Павел Очеретко и понятия не имел о том, что этот маленький человечек обладал тайной, куда исчез резидент английской разведывательной сети Юго-Восточной Украины, Дона и Кубани.

Захватив лодку, они вшестером переправились на

берег и разбрелись вскоре в разные стороны. Очеретко и Батец отправились на Украину с тем, чтобы побывать и на Дону, и на Кубани. И у того и у другого были дружки, на которых, как они предполагали, можно положиться. Но бывшие товарищи встречали их холодно, старались как можно скорей от них отделаться, а об организации явочной квартиры не хотели и слушать. Они безуспешно разыскивали в Ростове-на-Дону и в Краснодаре Блаудиса, и только на Правобережной Украине им повезло. Они наткнулись на подпольную боевую группу Тютюнника. И хотя группа чувствовала себя одиноко и неуютно среди настроенного лояльно к Советской власти крестьянства, ей все же удавалось получить кое-какую информацию. Стало известно и о гибели Станислава Сосновского.

Батец, поняв, что переход границы сопряжен с величайшим риском даже «по проторенным тропам» польской разведки, решил, чтобы не похоронить с собой тайну, поделиться ею с новообретенным другом и рассказал всю историю с Кучеровым и Блаудисом, суля золотые горы и покровительство Альбиона. И совершил роковую ошибку!

Его «друг и спаситель» рассуждал иначе. Неподалеку от границы он убил своего спутника. Потом благополучно перешел границу и рассказал польской разведке о гибели Сосновского, о Батеце и о том, будто он погиб от пули пограничника, а своим украинцам — о слабой работе подпольных боевых групп и возрастающих трудностях.

Поляки заинтересовались рассказом Очеретко и сочли нужным поручить операцию не опытным своим разведчикам, которые были в поле зрения иностранной осведомительной службы, а новозавербованным — Ирен Жабоклицкой-Сосновской и Павлу Очеретко. Однако весьма часто секреты польской разведки становились достоянием Интеллидженс сервис, Ай-Си, Сюрте, абвера, или даже румынской Сигуранцы, или югославской Службы Безбедности, не говоря уже о ГПУ. Так было и на сей раз.

— Здравия желаю, Ирина Львовна! — щелкнув шпорами и сделав церемонный поклон, сказал подошедший полковник Павский.

— День добрый, миленький Ван Ваныч! — пропе-

ла Ирен, протягивая с обворожительной улыбкой руку для поцелуя. — И вам не жарко в таких сапогах?

— Мы люди военные, — поджимая как-то по-особому губы в трубочку и выставив вперед нижнюю челюсть, сказал Павский и приложился к руке. Потом снова вытянулся, выпятил грудь, звякнул шпорами и поклонился одной лишь головой. — Сегодня, мадам, вы очаровательно выглядите, — закончил он, переведя взгляд на есаула, измерил его сверху донизу и, протянув ему два пальца, пренебрежительно бросил с высоты: — Мое почтение!

И в душе и с виду Павский был настоящим солдафоном: твердо печатал шаг и в строю, и когда шел по делу, и на прогулке; отдавая честь кадету, весь вытягивался, лихо прикладывал руку к козырьку, точно нижний чин перед генералом. При всем совершенстве форм он не пользовался успехом у дам, казалось, природа испугалась и выбросила его из утробы матери на два месяца раньше, лишив главной изюминки. Чувство прекрасного было ему чуждо. Его не волновали тихие, подернутые розовой дымкой вечера, лунные ночи, глубокая синева неба, не трогали страдания, волнения и тревоги окружающих его людей — все проходило стороной. Полковник Павский не отдал дань времени, не уступил ему ни пяди, и его мировоззрение было копией отцовского. Служака-воин, пунктуальный исполнитель чужой воли — и только.

— Иду от Александра Георгиевича, — сказал Павский, — генерал приглашает вечером на форель. Вы придете?

— Право, не знаю, — кокетничала Ирен.

— Будут, как обычно, Кучеров, Берендс, Людвиг Оскарович сейчас у него.

«Интересно, — подумала Ирен, — почему в последнее время меня так преследует Берендс? Нравлюсь все-таки я этому остзейскому барону или нет? Прямо гипнотизирует меня, как удав цыпленка! Не могу его раскусить, он слишком умен. Умен и опасен».

Тем временем остзейский барон, вызывавший у Ирен такие опасения, стоял у крыльца дома, в котором жил генерал Гатуа, и, расшаркиваясь и кланяясь, благодарил за приглашение и уверял, что для него великая честь бывать у такого замечательного человека, как Александр Георгиевич Гатуа.

— Придут Кучеров, Павский, Скачковы и, навер-

но, Хованский. Он приятный, умный человек! — сказал Гатуа.

— И пресимпатичный! — подтвердил Берендс.

— Потом обещал чика Васо и... кого бог пошлет! А вас, дарагой барон, папрошу быть тамадой. Вы немногословны, а краткость — сестра таланта, — закончил, хитро улыбаясь, старый Гатуа.

Дело было в том, что Берендс, выпив лишнее, становился многословен и даже болтлив.

— Исталанился мой талант, Александр Георгиевич, осталось старческое пустословие! А обо всем прочем Саади еще сказал: «Со злым будь злым, с добрым будь добрым. Среди рабов будь рабом, среди ослов — ослом».

— Ну, знаете, мне больше нравится взгляд Эпикура на эти вещи, вашего любимца: «Нечестив не тот, кто отвергает богов, а тот, кто присоединяется к мнению толпы о богах».

— Вы правы, генерал, и бьете не в бровь, а в глаз! До вечера!

За углом дома, неподалеку от крыльца, стоял, прижавшись к стене, Мальцев и внимательно слушал их разговор. Его глаза то загорались любопытством, то наливались злобой. А шагах в десяти, на каменной стене, грелся на закатном солнце большой полоз, пожиратель «поскоков»*, его длинное гибкое тело, словно вылитое из меди, было напряжено, на слегка приподнятой шее покачивалась небольшая головка с рогом, напоминавшим поповскую скуфейку, круглые, как бусинки, глазки недоуменно и сторожко смотрели на прижавшегося к стене человека. Поняв, что с этим «поскоком-оборотнем» ему не совладать, полоз поспешил соскользнуть со стены вниз и убраться подальше.

Солнце закатилось за гору, пришел тихий, ласковый вечер, его сменила ночь, звездная, лунная, ясная. Раздался, посинел необъятный небосвод...

4

Рано утром между лагерем и городом, под мостиком, пастушок, гнавший овец на выгон, обнаружил труп. Поскользнувшись, он посмотрел вниз и понял, что наступил на присыпанную пылью лужу крови. У обочины на траве тоже была кровь. Мальчик сбежал в кювет и

* Местное название ядовитой змеи с сильным хвостом, благодаря которому «поскок» может прыгнуть на три-четыре метра.

заглянул под мостик. Там лежал огромный, как ему показалось, мертвый человек. Дико вскрикнув, пастушок пустился со всех ног в город.

Вскоре на место происшествия прибыли начальник билеческой полиции Вуйкович, следователь, врач, полицейские и несколько жандармов. Привели собаку-ищейку Вуяна. В убитом сразу же опознали генерала Кучерова. Врач сказал, что удар был нанесен сзади, скорее всего небольшим топором часа три тому назад. По-видимому, это сделал очень высокий и сильный человек, поскольку в темя при нанесении удара топор вонзился верхним концом. В кармане гимнастерки были обнаружены золотые часы с цепочкой, а в заднем кармане брюк — пистолет. Убийца либо опасался взять эти вещи, либо очень спешил.

— Русские козни, — бросил только начальник полиции в ответ на высказывание врача. — Наш черногорец или турок, как ни спешил, не преминул бы захватить часы, не говоря уже о пистолете. Пускайте собаку по следу.

Следователь, по чину полицейский писарь, невысокий, плотный, черноволосый серб с рябым от оспы лицом и большими усами, осмотрев метр за метром шоссе, у мостика обнаружил, наконец, неясные следы каблуков.

— Вот еще, вот и вот, — бормотал он себе под нос, — черт! На каблуках, что ли, он ходил?

— Это он каблуками упирался, когда тащил убитого под мост, — заметил начальник полиции и, повернувшись к подошедшему жандарму, спросил: — Тебе чего, Крста?

— Судя по следам, генерал шел с кем-то в город, а возвращался один. Извольте поглядеть, тут метрах в пятидесяти, где вчера чинили шоссе наши арестованные. Справа...

В этот момент жандарм, осматривающий левый кювет, подняв руку, крикнул:

— Нашел кошель, господин капитан!

Начальник полиции, недоуменно пожав плечами, направился к жандарму. Кошелек был пуст. Далее, в том месте, где чинили шоссе, с правой стороны ясно отпечатались на желтом песке два следа — сапога и опанка*. Генерал, видимо, шел рядом, в ногу с местным жителем, несомненно, очень высоким человеком, потому что размер его обуви был не меньше сорок пятого. Слева, поч-

* Постола (серб.-хорв.).

ти у самой обочины, так же ясно отпечатался след сапога в обратную сторону. «Странно, зачем нужно было генералу здесь прогуливаться среди ночи? — подумал начальник полиции. — Не похоже ни на случайное ограбление, ни на преднамеренное. Может, личная месть? Или политика? Черт этих русских разберет?!»

— Капитан, вот тут убийца поджидал свою жертву, — крикнул Крста, указывая на стоящую метрах в двадцати от мостика старую шелковицу. — Поглядите сами!

Начальник полиции, несмотря на свою толщину и большой живот, легко перебрался через кювет, подошел к развесистой зеленолистой шелковице, посмотрел на усыпанную падалицей землю и буркнул:

— Ты прав, Крста. Судя по следу от каблуков, это то, что нам нужно. Вуяна сюда! Вуян, след!

Собака взяла след и повела к крепости, остановилась у ворот, кинулась вправо, влево, потом села и жалобно заскулила.

— Наверно, табак! — заметил начальник полиции. — Проведи-ка Вуяна туда, подальше, — приказал он жандарму. Но Вуян уже сам поднялся и потащил жандарма от ворот по шоссе в сторону Требинье.

Вуйкович снова недоуменно пожал плечами, велел следователю идти с двумя жандармами за собакой, а сам со своим помощником, с унтером Крстой и двумя полицейскими направился в крепость, чтобы осмотреть квартиру и канцелярию генерала. Вскоре весь корпусной персонал был на ногах. Привезли труп Кучерова. Врач делать вскрытие отказался, все, дескать, и так ясно.

Дверь в квартиру генерала была на запоре. Подергав осторожно за ручку и заглянув в замочную скважину, начальник полиции вытащил из кармана отмычку собственного изобретения, которой он очень гордился, и легко отпер дверь. Квартира состояла из небольшой прихожей и просторной светлой комнаты. Видно было сразу, что ее хозяин собирался уезжать. На столе лежал открытый чемодан, в нем без разбору были навалены вещи.

«Либо генерал очень спешил, либо убийца или его подручный чего-то тут искал. Потому в одежде мы не нашли ключей». Велев помощнику попытаться обнаружить отпечатки чьих-либо пальцев, Вуйкович направился в канцелярию. У дверей стоял полицейский и разго-

варивал о чем-то с бухгалтером, тут же, повернувшись лицом к стене, стояла машинистка, ее плечи вздрагивали от рыданий. «Наверно, была в него влюблена, — подумал Вуйкович, — генерал был собою хорош».

Несгораемый шкаф в кабинете Кучерова был полукруглым, в замке торчал ключ на длинной цепочке. Внутри все было перерыто. Бумаги валялись на полу.

— Скажите, — спросил начальник полиции бухгалтера, который, опустив беспомощно руки, растерянно стоял у двери, — когда вы получали деньги?

— Вчера вечером. В кассе должно быть сто шестьдесят восемь тысяч динаров...

— Ого! А кто-нибудь знал о том, что они пришли? И, кстати, когда собирался уехать господин Кучеров?

— Уехать? Через две недели. Что же касается денег, то они приходят нерегулярно и, в какой именно день, никто не знает. Мы не делаем из этого секрета.

— Значит, вы говорили кому-нибудь, что пришли деньги?

— Да нет, как-то не пришлось, вчера только вечером пришли. Никто и не спрашивал. Может быть, она? Скажите, Грация, — обратился он к машинистке, которая все еще никак не могла успокоиться, — вы говорили кому-нибудь, что пришли деньги?

— Не-е-ет, не говори-и-и-ла-а-а... — выдавила машинистка, всхлипывая и упрямо надувая губы.

— Значит, никто, кроме генерала, вас, почтальона и этой дамы, не знал о том, что пришли деньги?

— Никто, — развел руками бухгалтер, — впрочем, виноват, знал еще наш капельмейстер, есаул Скачков, может, он кому сказал?.. Есаул как раз был у генерала, когда привезли почту.

— По делу?

— Кто знает! Несколько раз его здесь видел. Его, Берендса и Павского. Многие заходили. У есаула интересная супруга...

— Знаю, знаю эту даму, — заинтересовался Вуйкович, — но не думал, что полковник Павский...

— Ничего подобного! — перебила его машинистка. — Иван Иванович не станет волочиться за всякой шлюхой! Это она не дает ему проходу! И вчера ходила к Гатуа. И Петр Михайлович там был... — И она снова расплакалась.

— Та-а-ак... — уставясь на девушку, протянул начальник полиции и уже открыл было рот, чтобы задать

какой-то вопрос, но промолчал. Потом, глядя на медные кольца с латинскими буквами, обратился снова к бухгалтеру: — Скажите, кому известен шифр, ключ от шифра этой кассы?

— Директору и генералу. Петр Михайлович чего-то боялся и менял его каждую неделю. Ничего не помогло!.. — Бухгалтер сокрушенно вздохнул и покачал головой.

Вуйкович наклонился к старинной вертгеймовской кассе, покачал головой и буркнул сердито:

— Опытный, каналья, не оставил отпечатков.

Вошел директор. Видно было, что он очень расстроен. Поздоровавшись, он тяжело опустился в кресло, приговаривая: «Какое несчастье, какое несчастье! Чудовищно! Убийство-монстр!» Потом вынул из кармана фуляровый платок и вытер им лоб. И вдруг его взгляд упал на полуотворенную дверцу несгораемого шкафа. Он вытаращил глаза, щеки его посерели, затылок налился кровью. Казалось, директора вот-вот хватит удар. И он вопросительно уставился на Вуйковича.

— Ограбили, — подтвердил тот, что-то записывая себе в блокнот. — Убийце был известен ключ от шифра, как я вижу. Удивительное дело, мне как-то рассказывал один вор-медвежатник: «Я, — говорит, — когда попадаю в кабинет интеллигента, открыть кассу не представляет трудностей. Ключ либо лежит на кассе, либо в ящике письменного стола. А ключи к шифру обычно они подбирают без фантазии: «Алма», «Опус», «Деус», «Ерго» и, конечно, «Дина». Вот так и у вас. И все-таки я рассчитывал обнаружить убийцу. А теперь, господин генерал, мне придется с вашего разрешения допросить кое-кого из персонала. Начиная с друзей господина Кучерова.

— Насколько мне известно, — сказал директор, с трудом переводя дух, — у генерала близких друзей не было, о покойниках плохо не говорят, но... Господа, — обратился он к бухгалтеру и машинистке, — вы свободны. Когда понадобится, я позову.

— А я попрошу, господа, о наших разговорах пока помолчать, — добавил начальник полиции и угрожающе посмотрел на них своими волчьими глазами.

— Дело в том, господин комиссар, что покойный генерал заблуждался в своих убеждениях и нам пришлось отстранить его от воспитательной работы...

— Коммунист?

— Ну что вы! Просто левонастроенный. Желая от него избавиться, я предложил ему место казначея — заведующего хозяйственной частью. И он согласился. Человек он высокопорядочный и имел огромное влияние на кадет.

— Куда он хотел уехать?

— Дело в том, что он подал заявление об уходе. Откуда у вас такие сведения?

— У него собраны все вещи. Может, хотел забрать денежки и улизнуть? Экспроприация? А в городе, среди местных, у него нет друзей?

— Затрудняюсь на это ответить. Видел его раза два три с Храничем, этим высоким черногорцем, который часто бывал у генерала Гатуа. А насчет денег — нет!..

Разговор между начальником полиции и директором корпуса длился около часа. Прервал его ворвавшийся в кабинет следователь.

— Мы напали на след убийцы, — выпалил он, вбегая в кабинет, — прошу вашего разрешения на обыск в квартире инженера Хованского. Вуян привел нас прямо на электростанцию к деревянному сараю. И вот, — следователь положил на стол топор на длинной рукоятке.

Такие топоры были в обиходе и служили местным жителям для рубки веток, кустарника и карликовых чахлах деревьев, которым зной и скудная сухая почва не давали подняться. И часто можно было видеть, как черногорец или турок, шагая за груженным дровами ослом, опирался, как на палку, на такое топорщице.

— Интересно, — буркнул начальник полиции, — ну и что?

— Инженер на электростанции не ночевал, и дверь на запоре. Сторож Йова говорит, будто после вторых петухов он слышал, как мимо окна кто-то прошел, и ему показалось, что скрипнула дверь сарая. Он решил, что пришел господин инженер. А топор, говорит, «не ихний»... — Тараканы усы следователя топорщились.

— Та-а-а-ак, — протянул Вуйкович, барабанил пальцами по столу и с сомнением передернув плечами. Ему не хотелось расставаться с уже наклеивающимся иным выводом. Потом встал, посмотрел на запекшуюся кровь на топоре: — Может, им курице голову рубили? На анализ! И отпечатки пальцев. Надо узнать, чей это топор. Сейчас отправляйтесь и произведите тщательнейший обыск на квартире убитого. И не спешите с выводами.

Идите! — И когда следователь закрыл за собой дверь, буркнул ему вслед: — Конь! — Потом, обратившись к директору, с улыбкой заметил: — Больно горячий! А вас, господин генерал, я попрошу отдать приказ никому не покидать крепости. Временно, конечно. Я же сейчас пойду к генералу Гатуа, с вашего разрешения.

Было уже около восьми утра, когда начальник полиции, поднявшись на верхний двор, заковылял, как утка, в сторону дома, где жил старый грузин. Возле первой сотни группами стояли кадеты, горячо обсуждая происшествие.

Гатуа встретил его удивленно, ничего еще не знал. Он поздно лег, потом до самого утра его мучили кошмары.

— Доброе утро! Я к вам по делу и весьма неприятному, — начал комиссар. — Прошу вас ответить на несколько вопросов.

Гатуа вытаращил удивленно глаза и прохрипел:

— Пожалуйста, заходите, садитесь, и я готов ответить на все, что вас интересует. А что, собственно, произошло?

— Случилась беда, большая беда с Кучеровым!

— Его убили!

— Почему вы думаете, что его убили? Какие у вас есть основания так утверждать?

— Значит, нэ убили. Слава богу! Ведь он был у меня только вчера.

— Убит, убит зверски. Ему раскроили череп топором между часом и двумя ночи, после того как он ушел от вас. Преступник, видимо, высокий человек!

Гатуа встал, направился в спальню, вынул из ночного столика капли, накапал в рюмку, долил водой из графина, выпил, вернулся и, тяжело опустившись в кресло, казалось, замер. Он был очень бледен, позеленел даже его сизый нос. Наступила долгая пауза.

Вуйкович заерзал на стуле, крикнул, громко высморгался и с извиняющимся видом сказал, что он чувствует себя виноватым за то, что брякнул сразу, без подготовки, о смерти, видимо, близкого друга, но такая его профессия. Если генерал желает, то можно отложить разговор.

— Петр Михайлович пришел вчера около восьми с полковником Павским, — тихим, хриплым голосом, почти шепотом, начал Гатуа, — они были первыми. Оба были раздражены, наверно, у них произошел неприятный

разговор. Я подумал: «Не жэнщина ли таму причина?» К генэралу они так липли! Вах! Павский ни разу к нэму больше за вэсь вечир не обратился. Вон в том углу сычом прасидел весь вечир с вайсковым старшиной Мальцевым, моим саседом.

— Александр Георгиевич, — послышался голос Мальцева, — убит Кучеров, в лагере полно полиции. Я всегда говорил, что он плохо кончит. Можно к вам? — И, заглянув в открытую дверь, пробормотал: — Извините, я не знал...

— Одну минуту, — сказал, поднимаясь, начальник полиции, — попрошу вас, господин Мальцев, объяснить в письменной форме: первое — почему, по вашему мнению, генерал Кучеров должен был плохо кончить, и второе — о чем вы разговаривали вчера вечером с полковником Павским, сидя в этом углу. Я скоро к вам зайду.

Мальцев потоптался в дверях, вероятно, хотел что-то сказать, но, так ничего не сказав, захлопнул за собой дверь.

— Он не любил покойного, — задумчиво заметил Гатуа, — и вся его тирада через дверь, полагаю, инсценировка. По душе мне был маладой генерал Кучеров, нравились мне широта его взглядов, принципиальность и необычайная чистота души. Многие его нэ любили, но нэ могли нэ уважать. А он страдал, нэуютно, наверно, чувствовал. В последнее время был как затравленный зверь. А вот вчера вечиром был рассеян, светился тихой радостью и вдруг становился насмешлив. — Гатуа закрыл глаза и тяжело вздохнул.

— А кто его травил и почему?

— Я нэ могу припомнить ни аднаго конкретного факта, подтверждающего охоту за этим чэловеком. Но улавливал, что охота шла и развязка близка!

— Кто у вас был вчера?

— Пэрвыми пришли Кучеров и Павский, патом дочь нашего доктора Галя, патом Скачковы и Берендс и, наконец, Хованский и Хранич. — Гатуа принялся набивать трубку.

— Ах, вот кто был! — вырвалось у Вуйковича, и он заерзал на стуле. — И Хранич вышел от вас вместе с генералом? Не правда ли?

— Совершенно верно, — удивленно подтвердил Гатуа. — Кучеров еще сказал: «Пайдемте, чика Васо, я вас нэмого праважу. Хочется прайтись по свэжему воздуху». Они, кажется, были друзьями.

«Поговорить с Храничем», — записал у себя в блокноте начальник полиции.

— Экспроприация тоже не исключена! — заметил он как бы про себя. — Из корпусной кассы взято сто шестьдесят восемь тысяч динаров.

— Убийство с целью ограбления? Нэвэроятно! Тут что-то не то, у меня создалось впечатление, что эти люди, за исключением Хранича, связаны какой-то страшной тайной и боялись, как бы генерал их или не выдал, или нечто в этом роде.

— Та-а-ак! Что вы еще заметили ненормального в поведении ваших гостей? В излишней нервозности? В чрезмерной развязности или сдержанности?

— Все было гораздо сложнее и внешне почти нэ проявлялось. Галина, дочь доктора, вышла из кухни, она мне помогала, подсела к Кучерову и стала ему что-то гаварить и так горячо, что нэ заметила, как пришли Скачковы с Берендсом, а увидав их, вся как-то съежилась и растерянно залепетала: «Я совсем потеряла голову», и ушла.

— Та-а-а-ак!

— Берендс, разумеется, скаламбурил ей вдогонку, что голову нада бэречь патаму, что жизнь вдруг вздумает по ней погладить. И тут Кучеров, как-то чудно на них глядя, нэ к селу нэ к городу рассказал анекдот. «Вам лучше задать адин трудни вапрос или два легки?» — спрашивает преподаватель кадета на экзамене. «Адин трудни», — гаварит кадет. «Тагда скажите: что правит миром и отмыкает все замки, как заклинание Аладдина? По-русски звучит, как мужское имя, по-латыни — как женское?» — «Дина, господин преподаватель», — отвечает кадет. «Почему?» — «А это уже второй вапрос».

— Интересно, — пробормотал начальник полиции и громко высморкался. — Ну и что было потом?

— Скачков почему-то смутился, и мне показалось, бросил опасливый взгляд на Павского. Ну а тут появился Хованский. Мадам Скачкова защebetала, попросила Павского сесть рядом с нею.

— А Хованский мог слышать этот разговор?

— Мог, конечно, дверь была открыта.

— Каковы отношения между генералом и господином Хованским?

— Они друг другу симпатизировали, но на короткой ноге не были, и понятно: Петр Михайлович был глубокой натурой, не верхоглядом, с людьми сходилсЯ нелег-

ко. Непрост и Хованский. Мне он кажется человеком с богатым внутренним миром и благородной душой...

— Ах, генерал, вы слишком хороший человек. В сарае у этой «благородной души» обнаружен окровавленный топор, которым, видимо, зарубили Кучерова.

— Нэ вэрю! Нэ может быть! Вах! И зачем ему было оставлять этот топор в сарай, а нэ бросить в речку?

— Может, затем, чтобы и я подумал так же, как вы. — Вуйкович посмотрел на часы. Было уже без четверти девять. — Скажите, — спросил он, поднимаясь, — в какой очередности уходили ваши гости?

— Первым примерно в половине двенадцатого ушел Иван Иванович. Потом поднялся чика Васо, но Кучеров попросил его еще посидеть и пообещал проводить его до города. Тут сразу же ушел Скачков, один. Минут через десять Хованский, а с ним увязалась Ирен Скачкова. Потом Берендс и, наконец, встал Кучеров и долго со мной прощался, словно расставался навеки. Ушли они с чика Васо около двенадцати...

— А Мальцев? — Вуйкович кивнул головой в сторону его квартиры.

— Виноват, это он ушел последним.

Любезно поблагодарив генерала, начальник полиции попросил сохранить беседу в тайне, распрощался и отправился к Мальцеву.

— Какого черта вы валяете дурака с подобными заявлениями? — накинулся он на войскового старшину, зло тараща на него свои желтые глаза.

— Мне нужно было, чтобы вы зашли. У меня важное сообщение.

— Зачем же настораживать соседа? Он вам и без того не верит ни на грош, даже ни настолечко, — и Вуйкович показал на ногте большого пальца, «на сколечко» генерал ему не верит. — Так что у вас срочного?

— Полковник Павский имел конфиденциальную беседу с генералом Врангелем. Главком поручил ему выяснить, не связан ли Кучеров с местным коммунистическим подпольем. Врангеля, видимо, беспокоит какая-то тайна, которую Кучеров может передать большевикам. Как я уже вам неоднократно докладывал и писал, Кучеров — красный! Павский это подтверждает. Ему удалось узнать, что Кучеров этой ночью хотел уехать из Билечи и сговорился с возницей, который должен был ждать его у ворот крепости в два часа ночи.

— Почему вы не сообщили мне об этом сразу?

— Все требовало проверки. Около двух я уже дежурил у ворот, но никакой подводы не пришло. Как я мог вас беспокоить? Я хотел убедиться, что Кучеров сядет на подводу, потом позвонить вам с тем, чтобы накрыть дичь и охотника, а добычу...

— Может ли иметь какое-либо отношение к убийству Хованский?

— Хованский ушел от генерала Гатуа в одиннадцать сорок. С ним увязалась мадам Скачкова, а от этой особы не так-то просто отделаться. Инженер держится особняком, дружбы ни с кем не водит, судя по высказываниям — красный, ну, скажем, розовый. Но между ним и Кучеровым никакой близости я не замечал.

В комнату сквозь распахнутое окно ворвалось разноголосье духового оркестра. Потом, покрывая все, полились мягкие звуки кларнета, его поддержали тромбоны, альты, зарокотали басы, глухо ударил барабан, звякнули тарелки, музыканты играли похоронный марш Шопена.

Буйкович внимательно посмотрел на Мальцева и под фамилиями Хранич? Скачков? Хованский? Павский? записал в блокнот: Бородатый? — такова была кличка войскового старшины Мальцева. Уставясь в окно, он механически заметил:

— Разучивают к похоронам. Потрясающий марш! А скажите, господин Мальцев, — не меняя тона, продолжал он, — неужели вы ничего не видели и не слышали, когда дежурили у ворот?

— Пришел я туда примерно в половине второго и разгуливал под деревьями вдоль шоссе от угла крепостной стены до ворот и обратно, в сторону города. Около трех отправился домой. За эти полтора часа не видел живой души.

— Кучеров был убит примерно в это время в двухстах метрах от угла крепостной стены, где вы расхаживали. У моста, рядом с этой большой шелковицей. Убийца напал на генерала сзади и раскроил ему топором темя. Высокий, видать, человек... Потом он прошел мимо вас в крепость, ограбил кассу и снова вышел из крепости. — Начальник полиции уставился на Мальцева и неторопливо продолжал: — А вы ничего не слышали, не видели?

— Если бы я был причастен к этому делу, то, наверно, ничего бы вам не рассказал, — равнодушно заметил Мальцев.

— Убийство было совершено около часа ночи. — Начальник полиции заерзал на стуле и умолк. Потом полез рукой в карман своего кителя, извлек план крепости и разложил его на столе.

Мальцев вынул из ящика письменного стола исписанный лист бумаги и протянул его Вуйковичу:

— Вот мое донесение!

Вуйкович небрежно сунул бумагу в карман и, словно рассуждая про себя, заговорил:

— Чтобы не торопясь дойти до города, а Кучерову и Храничу торопиться было нечего, нужно было потратить сорок — сорок пять минут. От города до моста — минут тридцать. Чтобы обыскать убитого, затащить его под мост и замести следы, как это сделано, нужно еще десять минут. Значит, выход в ноль-ноль часов плюс сорок минут до города, плюс тридцать минут обратно до моста, плюс десять минут убийство и плюс еще десять минут, чтобы дойти до ворот крепости, — всего один час тридцать минут ночи. Разница может быть в пяти-десяти минутах. А вы утверждаете, что были «примерно» в половине второго на углу крепостной стены и не видели «живой души»? Странно, не правда ли?

— Значит, убийца на пять или на две минуты прошел мимо ворот огорода раньше, я ведь шел через огород, как, наверно, и Кучеров с Храничем. Уж не думаете ли вы... — сердито произнес Мальцев и замолчал.

— Нам известно, что убийца в крепость не вошел. У главных ворот его кто-то поджидал, чтобы получить ключ от несгораемого шкафа. А сам он отправился на электростанцию. Кассу грабил сообщник! Любовница Павского, эта машинисточка?..

— Вы только что говорили, что убийца ограбил...

— А черт его знает, кто что делал! — вспыхнул Вуйкович. — Понятно одно: и ваше рыльце в пушку! Русские грязные дела! Дьявол бы вас всех побрал. Из-за вас загнали меня в эту дыру. Доставляете столько хлопот... И чуть что — жалуетесь в Белград... Зачем вам понадобилось выслеживать Кучерова и Павского? «Накрыть дичь и охотника»? По-вашему, Павский убил и ограбил Кучерова? Как отнесутся к вашим показаниям следователь и суд?

— Я выслеживал Кучерова и Павского по вашему распоряжению, — процедил холодно Мальцев.

Громкий разговор на крыльце генерала Гатуа прервал их беседу.

Мальцев поднялся, высунул голову в окно, прислушался и, снова усевшись на стул, продолжал:

— Пришел Хранич. Наверно, в городе уже все известно.

— В этом я не сомневался.

И в самом деле новости тут передавались с невероятной быстротой. Стоило чему-нибудь случиться, как через час об этом знала вся округа. «Телеграф» был весьма прост: на пригорок выходил узнавший о происшествии местный житель и окликал живущего на соседней горе свата или кума. Сложив ладони рупором, он орал во все горло:

— О-о-о-о-о-о, Й-оване-е-е!

Или:

— О-о-о-о-о-о, П-етре-е-е!

Горланил до тех пор, пока кум, или сват, или кто-либо из его родичей не отзывался:

— О-о-о-о-о-о! Васи-и-и-илие-е-е!

И начинался диалог. И так с горы на гору передавались с быстротой звука «последние известия» на сотни километров.

«Интересно, — продолжал свои размышления Вуйкович, — почему не приехал возница? Либо Павский чего-то напутал, либо Кучеров решил не ехать и сообщил об этом вознице через Хранича, не иначе. Хранич должен знать! Но что-нибудь из него выжать очень трудно. Попробую!» — Начальник полиции поднялся и направился к выходу.

На вопрос, может ли он видеть Хранича, Гатуа хмуро заметил, что Хранич уже ушел. Узнав у генерала, что начальник полиции сидит у Мальцева, черногорец буркнул: «Я с ним не хочу сейчас встречаться!» — и быстро вышел. И хотя это Гатуа не понравилось, он ничего не сказал.

Вуйкович сердито высморкался и заковылял на нижний двор, где в офицерском корпусе ему был отведен кабинет. В небольшой прихожей дремал полицейский. Он осоловело посмотрел на начальника и вскочил со стула.

— Разыщи и попроси зайти ко мне полковника Павского! — заорал Вуйкович. — Да поживее!

— Слушаюсь!

— Стой! Скажи Крсте, чтобы немедленно разыскал чика Васу Хранича. Он где-то здесь, в лагере.

Не прошло и пяти минут, как раздался стук в дверь

и на пороге выросла статная фигура Семимесячного. Павский сухо поклонился, поджимая брезгливо губы, и уставился своими рыбьими глазами на начальника полиции.

Поднимаясь из-за стола, Вуйкович пробубнил «прошу!» и широким жестом пригласил усаживаться.

Павский молча сел.

— Что можете сказать об этом убийстве? — откинувшись на спинку кресла, положил руки на живот Вуйкович.

— Ничего. Печальный факт.

— О чем вы разговаривали вчера вечером, направляясь к господину Гатуа, с Кучеровым?

— О каких-то пустяках. Уже не помню.

— Почему же вы, по словам господина Гатуа, были расстроены?

— Кучеров был всегда мне неприятен. Он красный. Изменил белому движению и продался большевикам.

— Откуда это вам известно? И почему тогда вы с ним разговаривали?

— Таково мое глубокое убеждение, судя по его высказываниям и по тому, с кем он якшается. Я постоянно видел его в обществе коммунистов — Хранича и его родича, кафанщика...

— Та-а-а-ак! Может быть, вы все-таки припомните, о чем шла у вас беседа с господином Кучеровым?

— Я просил генерала не пятнать доброго имени воина Добровольческой армии. Он посмеялся надо мной. На том и разошлись.

— Поссорились?

— Разошлись!

— Что вы делали вчера в городе?

— Мне необходимо было кое-что купить. Но это было позавчера.

— И только? Куда вы заходили еще?

— Куда заходил? — Павский, словно только что вспомнив, воскликнул: — Как же! Я и позабыл, мне пришлось заглянуть к этому турку — вознице Алимхану: договориться, чтобы купил мне в Требинье удочку. Удочку и крючки. Я был очень удивлен, когда он мне сказал, что генерал Кучеров уезжает в субботу в два часа ночи.

— Почему вас это удивило? Турки обычно ездят ночью. А господин Кучеров подал в отставку и собирался уезжать!

— Да, но не сегодня ночью!

— Почему же вы не спросили его об этом?

Павский молча пожал плечами.

— Что вы делали после того, как ушли из дома генерала Гатуа?

— Пошел к себе. Выпил чаю. Читал. Не мог заснуть и вышел прогуляться. Это было примерно в половине второго.

— Та-а-а-ак! Вы встретили кого-нибудь?

— Во дворе у выходных ворот я заметил, так по крайней мере мне показалось, женскую фигуру. Я не придал этому значения. Увы, нравы нынче пали довольно низко. Впрочем, свидание, кажется, не состоялось.

— Почему?

— Минут через десять у ворот по каменным плитам снова застучали женские каблучки.

— Где вы в это время были?

— Сидел на скамейке среди кустов сирени. Слушал соловья... Могу показать. — Он встал, подошел к окну и протянул руку: — Вон, справа у складов крайняя скамейка в сирени.

Вуйкович посмотрел в окно, посмотрел на руку полковника и увидел, что она дрожит. «Не шла ли эта женщина на свидание к Мальцеву?»

— Укрытое местечко. Все видно и скрыто от посторонних глаз, — заметил Вуйкович насмешливо. — «Слушал соловья». Та-а-а-ак!

Павский только пожал плечами, вытянул губы и вернулся на свое место.

— Скажите, когда вы вернулись из города, вы никому не говорили, что Кучеров уезжает?

— Да, нет, — замявшись, нерешительно выдавил Павский.

— Вы предпочли это держать в секрете из солидарности с генералом?

Павский вновь пожал плечами.

— Как долго вы просидели на скамейке?

— Затрудняюсь ответить. Вероятно, около часа.

— Вы ушли спать примерно в половине третьего?

— Примерно.

— И не выходили за ворота?

— Нет!

«Мальцев караулил снаружи, а этот внутри. Интересно, кого они поджидали: Кучерова? Убийцу? Или

возницу? Эти господа знают больше, чем говорят. Такие, как они, сами топором не орудуют — голубая кровь! Их оружие — кинжал, пистолет, яд, а не крестьянский топор. И о ночных прогулках они могли и не рассказывать, хотя умнее первое...»

В дверь постучали. На пороге появился полицейский и доложил, что Хранич ждет в приемной.

— Ну что ж, — сказал Вуйкович, махнув рукой полицейскому, чтобы закрыл дверь, — благодарю вас, на этом мы пока закончим. К сожалению, я вынужден прервать нашу беседу. До свидания! И может быть, вы вспомните что-либо интересное.

Павский вышел, кивнув холодно головой сидящему в прихожей Храничу, и зашагал по коридору. Его губы едва кривила улыбка, глаза поблескивали сталью. Подойдя к двери директорского кабинета, он огляделся по сторонам, посмотрел в замочную скважину, постучался и зашел внутрь.

— Разрешите, ваше превосходительство, — кланяясь и щелкая шпорами, сказал Иван Иванович, — воспользоваться вашим телефоном, чтобы позвонить генералу Врангелю по конфиденциальному делу.

— Да, да! Соединяйтесь! У меня из ума вон, я доложу о нашем несчастье.

Не прошло и пяти минут, как Павский, протягивая телефонную трубку директору, сказал:

— На проводе полковник Базаревич.

Перрет поморщился. Он терпеть не мог военного агента, тем не менее вкратце сообщил о происшедшем, дал характеристику генералу Кучерову, перечислил его заслуги и информацию для прессы. Потом передал трубку Павскому, прошипев:

— Прошу вас, полковник, говорите, но в будущем найдите для своих конфиденциальных дел иное место, а не кабинет директора! — И, сердито сопя, направился к выходу.

— Слушаюсь, ваше превосходительство, но от вас у меня секретов нет.

Тем не менее Боров, сердито пожав плечами, направился к двери и вышел из кабинета.

Павский с ухмылкой поглядел ему вслед, покосился на широкое окно, откуда врывались снопы света, и сказал в трубку: «Одну минутку!» Потом подошел к сейфу директора, в котором, как обычно, торчал ключ, открыл

его, извлек из кармана ключ от кассы и положил его на место. И в этот миг до его слуха донеслось шелканье фотоаппарата.

Он оглянулся и замер.

На него еще был направлен глазок объектива.

Берендс, шевеля пшеничными бровями, улыбался. Его голубые свиные глазки сияли.

— Извините, что побеспокоил, — сказал он вполголоса, кивнув в сторону телефона головой, — мешать не буду. Все в руках человека, поэтому их следует хорошо мыть. — И вышел из кабинета, плотно притворив за собой дверь.

— Змея! — прошипел полковник Павский, посылая ему в спину взгляд, полный ненависти.

Глава шестая

Под опущенным забралом

1

Алексей не спал всю ночь, мысленно перебирая детали, которые имели или могли иметь отношение к делу Кучерова. То, что с ним стряслась беда, Алексей почувствовал по нарастающей в душе тревоге. Ее первый звонок прозвучал на вечеринке, когда Павский встал из-за стола.

Сдержанно поблагодарив хозяина, он останавливается у порога, вытягивается и, щелкнув каблуками, кланяется и цедит, поджав губы: «До свидания, господа! Желаю здравствовать!»

Все кивают головами, Ирен машет ручкой, и только есаул Скачков напряженно смотрит на Кучерова. А в глазах генерала насмешка, откровенная насмешка и внутреннее торжество.

Такая же насмешка играет в глазах генерала и в углах губ, когда спустя полчаса есаул Скачков, поднимаясь, предлагает жене идти «бай-бай». Ирен, чуть прищуря глаза, смотрит на мужа и, сделав недовольную гримасу, говорит:

— Иди, Мишенька, в добрый час, меня кто-нибудь проводит! — И, поднявшись, делает с ним несколько шагов до двери, потом поворачивается и поет:

Старый муж, грозный муж...

Есаул кланяется у порога, желает всем доброго времяпрепровождения, и его взгляд снова впивается в генерала...

«Как мог я не сообразить сразу, что у Кучерова сдали нервы. Да и как могло быть иначе? — думал Алексей, прислушиваясь, не прозвучат ли в коридоре шаги. — Не так-то просто годами хранить тайну! И когда в самый трудный момент неожиданно пришла помощь и тяжесть легла на другие плечи, радость освобождения смяла сдерживающие начала, в их числе и осторожность. До сих пор его нет! Что могло с ним случиться?»

Вдруг постучали в дверь. Вошел Хранич. По его расстроенному лицу Алексей понял, что случилось несчастье.

— Убит Петр Михайлович! Топором! Его труп обнаружен под мостиком, на шоссе, недалеко от города. Жандарм Крста сказал мне, что в вашем сарае на электростанции найден окровавленный топор. Ищейка привела по следу. Следователь вас подозревает. Говорит, улика номер один! Чуяло мое сердце...

— Садитесь и рассказывайте все по порядку.

— Мы спокойно дошли с генералом до города, он все время шутил. «Сдам, — говорит, — завтра все дела и подамся к себе на Дон, чика Васо!» У околицы мы распрощались, обнялись как братья! Ну, пошел я к подводчику сказать, что генерал едет не сегодня, а завтра. Алимхан уже запрягал лошадей, когда я пришел. Ворчал поначалу, голову, дескать, людям морочат. Потом рассказал, что приходил к нему накануне полковник Павский и спрашивал про Кучерова.

— Мы так и предполагали, что Павский пойдет проверять. Петр Михайлович держал это в секрете, но мы дали возможность Павскому об этом узнать, — сказал Алексей.

— Этим самым ограничили срок действий Павскому до субботы. Но слушайте дальше. Алимхан сказал, что Павский встретил Грацию, когда она возвращалась из Требинье, и слышал, как Павский спросил ее: «Ну как? Отдали? Он будет делать?», а она ответила: «Нет, отказался категорически! «Раз, мол, и навсегда запомните, что такими вещами я не занимаюсь!» И как сказал мне это Алимхан, меня в жар бросило. «Почему, — говорю, — раньше об этом не говорил?» А он: «Забыл, да и не спрашивали вы». Когда я понял, что ключей у них от кассы нет, а генерал пошел в такую пору домой один,

стало мне жутко, да было уже поздно, шел третий час ночи. А утром в городе узнал, что убили русского генерала. Пошел в крепость, через огород заглянул к Гатуа, совсем расстроен старик, от него побежал к вам и встретил по дороге жандарма Крсту. Вот так-то! — И Хранич извлек из-за пояса трубку и кисет.

— Значит, и у Скачковых не было ключей! Как можно было это не предвидеть! Эх, все, казалось, учли! — И Алексей, достав папиросы, закурил.

— Это я виноват! Думал, почему бы мастеру Жике не заработать? Руки погреть он любит. Но, видать, Жика сам не решился. — Хранич сердито стукнул палкой о пол. — Какого маху дал! Толком не расспросил Алимхана.

— Кто же убил? И почему убийца подбросил топор ко мне в сарай?

— Крста рассказывал, будто собака пошла к воротам крепости, а потом уже повернула к электростанции.

После ухода Хранича Алексей зашагал по комнате. Его цепкая память воспроизводила в воображении каждое слово, каждый жест собравшихся на вечеринке у Гатуа. От него не ускользнуло, как налились сталью глаза Павского, как дрогнула рука Скачковой и как она перекинулась взглядом с чуть побледневшим мужем, когда Кучеров неожиданно произнес это злосчастное слово «Дина». Стоя на крыльце у открытой двери, он не видел Мальцева, который сидел в самом углу, не заметил и реакции Берендса, который сидел вполборота к двери, ну а старый Гатуа ничего не понял.

«Скачковы решили, что генерал им подстроил каверзу или хочет столкнуть лбами с другими охотниками, о которых, разумеется, они знали и к тому же почувствовали появление нового действующего лица. Меня! А самое главное — у них не было ключа. А разгадав игру, Скачковы пришли к весьма простому выводу: документы либо у Кучерова, либо у нового действующего лица, у меня, либо в кассе, или, наконец, на квартирах. Значит, надо убить Кучерова, раздобыть ключ и, если нужно, разделаться со мной. За «мокрые» дела брался капельмейстер, а роль «шухера», домушника и медвежатника возлагалась, видимо, на прекрасную Ирен. Поэтому она меня и спросила, иду ли я на электростанцию? И проводила за ворота. Хорош бы я был, если бы пошел на станцию. Лежал бы сейчас рядышком с генералом!

Убедившись, что я ушел, Ирен отправилась обыски-

вать чемоданы Кучерова. Это я видел, и она не подозревает, что ее платочек сейчас лежит там, на полу. Не обнаружив ничего, она побежала, наверно, к воротам, чтобы встретить мужа, который должен был принести ключ и одновременно запутать след. Взяв ключ, проникла в канцелярию и выкрала из кассы табакерку и деньги... Выкрала ли? Какого черта тогда Скачкову нужно было идти по мою душу! Чтобы совершить всю операцию, ей понадобилось пять-шесть минут, а дойти от ворот по шоссе к окнам кучеровского кабинета — минут восемьдесят. Таким образом она могла бы дать мужу сигнал, что все в порядке.

— Значит, ни денег, ни табакерки в кассе уже не было, значит, их взял Павский. Он-то не знал о том, что Кучеров пойдет провожать Хранича. Услыхав и поняв, что «Дина» — ключ к шифру, и решив, что генерал капитулирует, Павский, не мудрствуя лукаво, пошел за документами. А ключ, по-видимому, выкрала для него из директорского сейфа Грация. Неужто она такая дура! Такую вербовать опасно! А какова роль Берендса? Что нужно ему? За чем охотился он? За деньгами? Вряд ли! Но и Павский, наверно, не взял эти деньги. Может быть, Мальцев? Этот войсковой старшина способен на все!»

Через несколько минут Алексей, никем не замеченный, выскользнул из дома и неторопливо направился в верхнюю часть крепости, к старому генералу Гатуа.

2

«Ценность сведений зависит от источника. Пока не узнаешь происхождение информации, оценивать ее глупо», — внушал себе начальник полиции, с невольным уважением глядя на входившего чика Васу Хранича.

Вуйкович знал, что этот статный черногорец, выходец из старинной знатной семьи, один из самых влиятельных и популярных людей во всей округе. Мало того, полиция накопила материал, достаточный для того, чтобы предъявить обвинение в подрывной деятельности и посадить Хранича за решетку, но об этом не могло быть и речи. Чика Васо был не по зубам начальнику полиции захолустного городка, каким являлся Билеча. А играть с огнем Вуйкович не любил. И, кроме того, старик невольно внушал симпатию и почтение. Поэтому между властями предрержащими и многочисленным кланом Храничей сохранялся некий вооруженный нейтралитет.

— Садитесь, господин Хранич, — сказал Вуйкович, приветствуя его рукой. — Разрешите выразить вам свое сочувствие! Я понимаю, как тяжело потерять доброго товарища. Да еще при таких обстоятельствах.

Черногорец опустил на стул. Он был бледен, в глазах стояла печаль, у переносицы залегли глубокие борозды. Рука, державшая длинную трубку, дрожала. Опустив подбородок на рукоять тяжелой суковатой трости, он уставился тяжелым взглядом своих черных, как агат, глаз на Вуйковича.

— Был у меня, комиссар, племянник, сын покойного брата Йовы. Всю войну провоевал, в каких только сражениях не участвовал — и в прорыве под Салониками, и под Каймак-Чаланом. Дослужился до капитана, получил, шутка ли, из рук короля Петра Кара георгиевскую звезду. Кончилась война. Собрался домой родных, жену, детей повидать, рад-радешенек. Назавтра собирался уезжать, а ночью в реке утонул, не то сам, не то утопили. Вот так! — Он причмокнул и продолжал: — Любит судьба подшутить над человеком. Ох, как любит!

Начальник полиции по-волчьи смотрел куда-то в угол. Потом украдкой взглянул на часы. «Десять часов пять минут, — отметил он про себя, — интересно, где застрял этот чурбан?» Следователя он величал в зависимости от настроения: «чурбаном», когда настроение было ниже среднего; «жеребцом» — при скверном настроении, ну а когда рвал и метал, то ругал его на все корки, так что у бывалого жандармского унтера Крсты вяли уши.

— Давно я не видел, никогда не видел таким генерала! — продолжал Хранич. — Весь он светился какой-то большой внутренней радостью. Хотел сегодня со всеми делами покончить и вечером выехать. Я ему и подводу заказал. «Поеду, — говорит, — чика Васо, на Дон. Будь что будет! Негоже человеку от своей земли и народа отрываться. Тяжело ему сейчас, нашему народу».

Вуйкович заерзал на своем стуле и буркнул:

— Наслушался коммунистической пропаганды. А еще генерал. Не пойму я этих русских. За что его убили? Политика? А куда девались деньги? Сто шестьдесят восемь тысяч динаров? Павский говорит, что это сделали коммунисты. Что скажете?

— Рука Москвы! Коммунисты во всем виноваты. Сколько времени уже дождя у нас нет, кукуруза гибнет: происки Кремля, не иначе! Павский к этому делу причастен. Просил меня вчера генерал зайти к подводчику

Алимхану и сказать, что переносит свой отъезд на двадцать четыре часа, на сутки. Алимхан потом мне и рассказал, как пришел к нему сначала генерал с бородкой и договорился насчет подводы на субботу с тем, чтобы больше никого не брал и о поездке бы помалкивал, боится-де комитов. А вскоре пришел полковник, высокий, с рыбьими глазами, и спрашивает: к вам генерал не заходил, часом, подводу не заказывал? Алимхан ему все и рассказал. Думал, что генерал его послал. — Чика Васо провел рукой по усам, причмокнул и продолжал: — Только думаю я, комиссар, что не Павский убил, может, и хотел убить, но не убил. Опередили его. Павский барин, белая кость, на двадцать шагов в брошенную монету из пистолета без промаха бьет, а топор да кистень — дело мужицкое. Он скорей бы их на дороге встретил — и концы в воду: комиты, дескать, застрелили.

Внезапно распахнулась дверь, в комнату влетел рябой следователь. Его большие усы топорщились, глаза блестели, в руке он держал женский носовой платок, молча сунул его Вуйковичу.

— Вот, поглядите! — сказал он, с трудом переводя дух. — Свежий след помады, и сохранился еще запах духов. Понюхайте, это убигановские духи «Келкё-флёр». Надушен платок только вчера, еще улавливается весь букет, завтра останется только запах розы и, пожалуй, герани. Платок обронили, когда рылись в чемодане жертвы. Он принадлежит мадам Скачковой. Она созналась, что это ее платок. — Следователь торжествующе посмотрел на Вуйковича и тут только заметил сидящего в стороне Хранича.

— Ладно, докладывайте дальше, — махнув рукой, сказал начальник полиции, довольный промашкой следователя. — Раз уж начали, валяйте.

Недовольно покосившись на Хранича, усач следователь что-то невнятно пробормотал вместо приветствия, кивнул неопределенно головой и, повернувшись к начальнику, тихо продолжал:

— Я пригласил в отведенный мне кабинет мадам Скачкову. Она вошла, увидела платок и растерялась, но тотчас взяла себя в руки. Не желаете ли присутствовать при допросе, или, может, сами хотите ее допросить? Или разрешите мне? Как я умею...

— Эх, мой милый, я же сказал, что торопиться не нужно, а ты сразу быка за рога. Ступайте, я сейчас приду, поговорите с ней о погоде... Жеребец, экий жере-

бец, — пробормотал он вслед уходящему помощнику. — Рубит сплеча! — Потом взял платок кончиками пальцев, поднял его и, глядя на Хранича, улыбаясь, сказал: — Улика номер два. Топор убийцы в сарае, видимо, подброшенный, — номер один, а теперь платок грабителя в комнате жертвы, может, тоже подброшенный? Чепуха какая! Скажите, господин Хранич, каковы отношения между Хованским и Скачковой?

— Она за ним бегала, он — от нее!

— Она курит? — спросил он, продолжая рассматривать платок.

— Нет, не курит.

— Значит, этот платок побывал в кармане у мужчины. Хованский курит?

— Курит папиросы, но очень редко. Павский вовсе не курит. Скачков и Мальцев курят сигареты «Зету», а мы — трубки: Берендс — «кепстен»*, а я с Гатуа наш «герцеговинский»! — и Хранич вытащил из широкого пояса кисет, начал набивать трубку.

— Ну это экспертиза установит. Придется посылать в Требинье. Кепстен! Интересно!

— Полагаю, комиссар, что Берендс умнее и опытнее нас с вами. Правда, у него еще играет кровь и он, мне кажется, не прочь пощекотать себе нервы, его тянет к приключениям, как старого артиста к сцене — но уже не в амплуа первого любовника, а в качестве режиссера. У режиссеров же всегда найдутся серьезные покровители. Мы с товарищами считаем вас вполне приличным человеком и хорошим начальником полиции. На многие вещи вы смотрите здраво и разбираетесь в обстановке. Не будем ставить точек над «и». — Чика Васо намекал на то, что Вуйкович смотрит на деятельность коммунистов в городке сквозь пальцы и ему известно, что Крста предупреждает их о предпринимаемых акциях. — Поэтому даю вам добрый совет — не лезьте в русские дела. В них сам черт ногу сломит. Эти лишившиеся родины люди рассеялись по всему свету семенами ненависти, непримиримости и лютой злобы ко всему инакомыслящему, их среда подобна болоту с ядовитыми испарениями, в котором одурманенную жертву неминуемо засосет.

Начальник полиции ерзал в своем кресле, его мучил геморрой — болезнь кавалеристов и канцелярских крыс,

* Кепстен — сорт трубочного табака.

протирающих в присутствиях стулья. Он был тяжел на подъем, любил решать загадки, сидя в кабинете, путем логики, сопоставлений, исходя от противного, при помощи бесед, которые фактически являлись допросами, вещественных доказательств, улик и т. п., причем решать эффектно и неожиданно. У него был усатый следователь, который действовал по давно установленному во всех полициях мира «закону резиновой дубинки».

— Что ж, по-вашему, я должен замять дело? — И подумал: «Неужто Берендс?»

— Почему? Убийство совершено с целью ограбления! Похищены деньги. Полагаю, преступник вам известен.

Дверь снова быстро распахнулась, и на пороге показался перепуганный полицейский.

— Господин начальник! — рявкнул он, — на проходе министр, господин Ачимович!

Комиссар, не успев спросить, почему ему должен быть известен убийца, с несвойственной ему поспешностью пульей вылетел из комнаты. За ним побежал и полицейский. Хранич посмотрел на платок, встряхнул его как следует, положил обратно и не спеша покинул кабинет. «Так будет, пожалуй, лучше, — решил он, — меньше путаницы».

Глава УДБ (Управления государственной безопасности) королевства СХС Ачимович заставлял дрожать весь полицейский и жандармский аппарат.

— Ты что валяешь дурака, Вуйкович! — орал он в трубку, раздосадованный, что пришлось ждать. — Чего там путаешь?

— Никак нет, господин министр, дело ясное, убийство с целью ограбления...

— Ну?

— Надеюсь сегодня же арестовать преступников, господин министр.

— Убийцу?

— Так точно, убийцу! И грабителя, господин министр.

— Ну, ну!

— И будем искать деньги, и, надеюсь, их найдем, господин министр.

— Смотри, только без фокусов, чтобы не было жалоб! Действуй, а вечером доложи о результатах! Все! — И Ачимович повесил трубку.

«Интересно, — подумал начальник полиции, — враг порядка коммунист Хранич и ярый гонитель коммуни-

стов Ачимович советуют одно и то же. Вот тебе и господин министр!»

Начальник полиции города Билечи понимал, что убийство совершено не с целью грабежа, что похищено нечто более важное, чем деньги, что в этом замешаны, видимо, большие люди и ему совать свой нос вовсе не следует. Но и правосудие, вернее, закон должен торжествовать. Задача заключалась даже не в том, чтобы найти козла отпущения, их было на выбор: Павский, Скачков, Мальцев, Берендс, Хованский, нужно только отыскать деньги. А деньги взял не убийца! Скачкова?

«Без фокусов! Чтобы не было жалоб! Вечером доложи! — бормотал себе под нос начальник полиции, возвращаясь в кабинет. — Черт бы тебя драл...»

Взяв со стола платочек Ирен Скачковой, он сунул его небрежно в карман, потом подошел к окну и, уставясь в пространство, задумался, покачиваясь всем телом с пяток на носки и обратно. Наконец, видимо, что-то решив, посмотрел на часы, вышел из комнаты и направился по коридору в отведенный для следователя кабинет. Завернув за угол, он увидел у двери жандарма.

Заметив начальника, жандарм смутился, отворил в комнату дверь и громко сказал:

— Немедленно уйдите отсюда. Господин следователь запретил пускать сюда кого бы то ни было. Сколько раз можно повторять!

Из кабинета вышел Берендс. Улыбаясь и кланяясь, он твердил:

— Хорошо! Хорошо! Отлично! Вы совершенно правы, это очень умно, что вы говорите. — И потом, уже обращаясь к подходившему Вуйковичу, заметил, кивая в сторону жандарма: — Какой он у вас исполнительный! Хотел поболтать с дамой, развлечь ее, а он... — Берендс весело смотрел ему прямо в глаза, и Вуйкович так и не понял, смеется ли капитан над жандармом, над тем глупым положением, в которое попал, или над ним, начальником полиции, у которого такие служаки.

Ответив поклоном на бесконечные расшаркивания капитана Берендса, начальник полиции попросил его далеко не уходить, поскольку хочет с ним уточнить несколько вопросов. Потом, окинув жандарма свирепым взглядом, спросил:

— Где этот жеребец?

Жандарм, испуганно тараща глаза, взял под козырек и рывкнул:

— Господин следователь ушли за ихним хахалем! — и указал головой на сидевшую на стуле Ирен.

— Ты не только взяточник, но и болван! И мы с тобой еще поговорим на досуге, а теперь убирайся вон, чтобы глаза мои тебя больше не видели!

Жандарм щелкнул каблуками, сделал поворот и, печатая шаг, зашагал по коридору.

Вуйкович плюнул ему вслед, потом вошел в комнату, затворил за собой дверь, кивнул головой Ирен, сел, и, опершись ладонями на колени, спросил:

— Чем вы, госпожа, так расстроены, я вижу слезы на ваших глазах! Кто вас обидел?

И в самом деле, красивое лицо Ирен было заплакано. Но на нем можно было прочесть скорей не огорчение, а досаду. Так плачет капризный упрямый ребенок. «Видимо, не договорились с этим Берендсом, — решил Вуйкович. — О чем? Интересно!»

— Это ужасно! Кошмар какой-то! Он говорит, что я выронила платок в комнате Кучерова. Не может этого быть! Понимаете? Не может! Не была я там! Это Алексей подбросил! Алексей Хованский!

— Откуда же у него ваш платок?

— Попросил! Я, дура, и отдала. На память!

— Но он же не кадетик четвертого класса, а вы не институтка, чтобы вам дарить на память, а ему носить у сердца платочек своей дамы. Времена рыцарей, госпожа Скачкова, миновали.

— Он объяснялся в любви, а когда я сказала «нет», пристал, чтобы дала ему платочек.

— Когда же это было?

— Вчера вечером мы вышли вместе от Александра Георгиевича Гатуа, капитан предложил меня проводить. Я очень боюсь проходить мимо этого страшного форта. Там так темно! — Ирен посмотрела своими русалочьими глазами на Вуйковича и сделала испуганное лицо.

«Дьявол в личине ангела! Хороша, кого хочешь соььет с пути истинного. Бесово наваждение, как говорит наш поп», — подумал он и невольно улыбнулся.

— Мы сели на скамейку вон там, у лазарета, — продолжала она и, повернувшись к окну, указала мизинчиком в сторону скамейки.

— Это на ту, что в сирени? — спросил, не поднимая глаз, начальник полиции и подумал: «Надо поглядеть на эту чертову скамейку!»

— У меня подвернулся каблук...

— И долго вы там сидели?..

— Нет, что вы! — с притворным ужасом проворковала Ирен. — Полчаса, не больше. Потом мы дошли вместе до ворот. Он сказал, что пойдет на станцию. Когда я проходила по коридору, часы показывали двенадцать часов тридцать пять минут.

«Если Хованский действительно вышел из ворот в 12.30, то за полчаса он успел бы дойти до моста, где совершено убийство. Но откуда взялся топор и зачем ему понадобилось идти с чужим топором к себе? Уж очень все хитро. Уж не Берендс ли это путает карты?» Вуйкович отметил что-то у себя в блокноте и, снова опершись ладонями о колени, уставился на Ирен.

— И что же вы делали потом? Как встретил вас муж? Или его еще не было дома?

— Миша спал. Когда он немного выпьет, его и пушками не разбудишь.

— Вас видели, как вы примерно в четверть — половине второго выходили за ворота. Так ли это?

Ирен смешалась, лицо ее покрылось пятнами, потом на глаза набежали слезы.

— Это неправда, — сказала она, — чистейшая сплетня! Меня тут все не любят, следят за каждым моим шагом и врут. — Она все больше воодушевлялась. — Потому что я не урод. Я не виновата, что за мной бегают мужчины, пялят на меня глаза, а когда подвыпьют, говорят сальности и... Думаете, Врангель на меня не смотрел?..

— Войдите! — крикнул Вуйкович, услышав, что постучали в дверь.

В комнату вошли директор, старый Гатуа, Хованский, Хранич, следователь и, наконец, Берендс. Боров, утирая платком со лба пот, выпалил:

— Господин комиссар, капитан Хованский поделился с нами своими соображениями о том, кто убийца, и мы с ним согласны...

— А я, господин комиссар, знаю грабителя и где запрятаны деньги! — сказал Берендс.

Все взоры обратились на него.

— Нет!.. — дико закричала Ирен. Этот крик, крик раненого зверя, заставил всех вздрогнуть. Когда они повернули головы, то увидели вместо красивой кокетливой женщины исступленное существо с вытарашенными глазами.

— Я тоже знаю убийцу и грабителя, — прошептала она и рухнула на пол.

Первым к ней кинулся Берендс и, подхватив ее, как перышко, крикнул:

— Воды!

3

Весть о трагической смерти генерала Кучерова огорчила кадет, а поступившие вслед за этим подробности об убийстве, особенно то, что топор, которым был убит генерал, найден в сарае у Хованского, привели в полное недоумение. Никто не верил, что так понравившийся всем капитан третьего ранга мог совершить что-нибудь подобное. Немалую роль тут сыграл корпусной атаман Аркадий Попов. Он был накануне у названного отца и знал, куда он собирается уезжать. Генерал много и хорошо говорил о Хованском. «Слушай его, Аркадий, он поможет тебе выбрать жизненный путь, стать человеком».

Убийство Кучерова похоронило в сердце Аркадия все прежние иллюзии, действительность предстала во всей наготе. Особенно возмутил его слух о том, что подозрение падает на капитана Хованского. Надо было действовать, и Аркадий побежал к Гатуа.

Старик встретил его, как родного сына, и начал рассказывать, как проходила вечеринка. Их беседу прервала Галина, племянница генерала. Она прибежала запыхавшись, со слезами на глазах и, упав в подставленное ей кресло, с трудом выдавила:

— Я только что узнала, что убит Петр Михайлович. — Она приложила платок к глазам и, поглядев на висевший в углу образ спасителя, перекрестилась. — Мне нужно с вами поговорить, посоветоваться, я чувствую себя такой виноватой, и я не знаю, что делать. — И она снова залилась слезами.

— Вах! Зачем так волноваться? Успокойтесь, Галина, — заволновался, в свою очередь, Гатуа.

— Мне не следовало вчера уходить. Я должна была им прямо в лицо, без обиняков сказать все!

— Ка-а-аму?

Торопливо и сбивчиво она рассказала о том, что накануне случайно услышала разговор Скачковых о какой-то табакерке, которая лежит в кассе Петра Михайловича, и о шифре, который звучит как женское имя «Дина».

— Я все это передала Петру Михайловичу, а он махнул рукой и сказал: «Пустяки. Не беспокойтесь!»

— Пойдемте к начальнику полиции, — сказал, поднимаясь, Гатуа.

Они вышли на крыльцо и увидели Хованского, который быстрыми шагами направлялся в их сторону. Лицо его было суровым. Молча, минуя всех, он подошел к Аркадию Попову и крепко его обнял.

А юный корпусный атаман вдруг всхлипнул и низко опустил голову. Глядя на них, старый Гатуа шмыгнул носом и полез в карман за платком. А Галина так и залилась слезами.

— Я к вам по делу, Александр Георгиевич! Скажите, вы заходили сегодня утром в сарай? — спросил Хованский.

— Нэт, за-ачем за-ахадит?! — разводя руками, прохрипел Гатуа. Когда он был взволнован, его грузинский акцент чувствовался особенно сильно.

— Пойдемте. — Алексей двинулся к сараю, отворил дверь и, не позволяя никому входить внутрь, спросил: — Где ваш топор?

В чисто подметенном дровянике топора не оказалось. У колоды явственно отпечатался след сапога.

— Такой размер из собравшихся у вас вчера на вечеринке носят Скачков и я. Номер сорок первый. Только ищейка может найти настоящего хозяина этого следа, если понадобится. А сейчас пойдемте к директору.

Перрет встретил их хмуро, со свирепым видом. После телефонного разговора Павского с военным агентом он поднялся к себе. Покрутился по комнате, плюнул, обругал себя безмозглым за то, что начисто забыл, за чем поднялся, и неторопливо двинулся обратно в кабинет, где оставил Павского.

В нижнем коридоре у комнаты, отведенной следователю, стоял Берендс и разговаривал с жандармом. Оба улыбались.

Павский сидел на стуле. Он кончил разговор. Полковник был явно расстроен. Перрет еще никогда не видел его таким.

— У вас неприятности?

— К сожалению, ваше превосходительство, — уныло протянул Павский и невольно посмотрел на сейф. — Большое спасибо за телефон, извините, что беспокоил! — Он щелкнул каблучками, поклонился и вышел.

«Опять забыл дурацкий ключ в сейфе! — спохватил-

ся Перрет. — Сейчас проверим». Он подошел к сейфу, отворил его и убедился, что сейф без него открывали, а ключ от кассы лежит вовсе не так, как они договаривались с Кучеровым его класть.

«Так вот почему велся «конфиденциальный разговор» в моем кабинете! У меня под носом происходит черт знает что! Гвардейский полковник — воришка! Отпрыск древнего рода Хованских — разбойник! Топор в руках офицера! У меня в корпусе шайка грабителей и убийц! Какой позор! Какой стыд!»

Стук в дверь отвлек его от печальных мыслей. Но как-то было его негодование, когда он увидел, как во главе с Гатуа вошел и «разбойник» Хованский. За ними Галина и названный сын генерала Кучерова — Аркадий Попов.

Галина рассказала все, что слышала, сидя на скамейке. Потом очень сдержанно и кратко высказал свои соображения Хованский. Начал он с того, что попросил директора заглянуть в сейф и убедиться, на месте ли ключ от кассы.

Перрет уныло заметил, что хотя ключ и на месте, но его кто-то брал.

Была вызвана машинистка. Увидев подозрительные взгляды собравшихся, Грация растерялась, побледнела и на вопрос, брала ли она из сейфа ключ, пролепетала сначала что-то невразумительное, потом, решившись, видимо, рассказать все, попросила стакан воды, с жадностью выпила и, тяжело опустившись на предложенный ей стул, уставилась в пол.

— Я назову его, подождите... дайте собраться с силами, — почти шепотом начала она, — я не думала...

Раздался телефонный звонок. Директор, досадливо покосившись на висевший на стене и обычно бездействующий телефон, встал и снял трубку.

— Белград вызывает генерала Перрета, — ясно прозвучал голос телефонистки.

— Я слушаю, — сказал директор и прижал трубку к уху. — Кто говорит? Здравствуйте, Александр Павлович. Одну минуту. — Он опустил трубку и жестом попросил присутствующих покинуть кабинет.

— На-аверно, генерал Кутепов, — прохрипел Гатуа на ухо Хованскому, выходя в коридор.

Подошел, кланяясь и расшаркиваясь, Берендс. Любезно улыбаясь, он пожелал всем доброго утра, сказал несколько добрых слов о генерале Кучерове и высказал

особое соболезнование Аркадию Попову. Потом спросил, в кабинете ли директор. У него-де имеются серьезные данные о преступлении.

— Впрочем, — продолжил он, — у меня секретов нет, могу сказать и вам!

Все покосились на машинистку Грацию, она стояла в стороне от всех и, казалось, ничего не видела и не слышала.

Берендс словно только сейчас ее заметил. Как ни в чем не бывало он подошел к ней и, ласково взяв за руку, сказал:

— Кураж, ма пети, ту сера бон! *. (Он всегда говорил с ней на ломаном французском, хотя знал этот язык в совершенстве.)

Вышел генерал Перрет. Лицо его было красным. Казалось, его вот-вот хватит удар.

— Ступайте, Грация, к себе в бухгалтерию, потом во всем разберемся. Сейчас не до вас. Не правда ли, господа? — и он повернулся к Гатуа и Хованскому.

Гатуа хотел было что-то возразить, но Хованский, опередив его, сказал:

— Разумеется, ваше превосходительство!

— Да, да! Конечно! Отлично! — подхватил, кланяясь директору, капитан первого ранга Берендс.

— А теперь пойдемте к Вуйковичу, — сказал Перрет.

— Начальник полиции сейчас в кабинете, который отведен следователю. Разговаривают с Ириной Львовной. Бедняжка по наивности попала в такую историю! Испугалась! — и Берендс изобразил на лице испуг.

Все промолчали и, не глядя друг на друга, направились по коридору к начальнику полиции.

4

Есаул Скачков постучал по пюпитру палочкой. Оркестр умолк. И вдруг он почувствовал, что сзади кто-то приближается. Скачков оглянулся, увидел двух жандармов и следователя и понял, что все пропало. Кадеты с недоумением смотрели, как к их капельмейстеру подошел полицейский чиновник и резким голосом громко бросил:

— Господин Скачков, следуйте за мной.

* Смелей, девочка, все будет хорошо (*франц.*).

Есаул побледнел, хотел что-то возразить, но, взглянув на кадет, отшвырнул в сторону свою дирижерскую палочку, молча зашагал в сопровождении жандармов на нижний двор.

Начальник полиции не мог лишить себя удовольствия, чтобы не уличить убийцу по-шерлокхолмски, с эффектом. Поэтому в кабинет директора были приглашены директор с инспектором, командиры сотен, все присутствовавшие накануне на вечеринке у Гатуа, бухгалтер, машинистка Грация, сторож с электростанции, возница Алимхан, Аркадий Попов, Васо Хранич.

На письменном столе лежал топор — улика № 1 (улика № 2 — платок, — видимо, не должна была фигурировать). За столом в кресле с грозным видом восседал начальник полиции. Он был доволен.

Вечером он сможет доложить господину министру, что преступник обнаружен и сознался. В последнем Вуйкович был уверен: «Обламывали и не таких!» Остальные разместились на стульях, креслах и диване. Не хватило места только Алимхану и сторожу Йове, и они жались в сторонке у стены.

И все-таки, хотя все, казалось, было ясно и начальника полиции интересовало лишь признание Скачкова в убийстве с целью ограбления, никто не знал, как поведет себя есаул, что можно ждать от истеричной машинистки и от вконец расстроенной Ирен. И главное, что скажут Гатуа, Хранич, Хованский и Аркадий Попов. Многие были проблематичным, многое зависело от того, обвинят ли Ирен Скачкову в соучастии.

Поэтому в комнате царила гнетущая тишина. Наконец, дверь отворилась, и вошел Скачков в сопровождении следователя. Жандармы остались у двери в коридоре.

— Господин Скачков, — сказал следователь, — вы обвиняетесь в предумышленном убийстве генерала Кучерова и ограблении корпусной кассы. Прежде чем ответить, подумайте. Согласно законам нашего государства только чистосердечное признание может спасти вас от смертной казни, которую предусматривает параграф Уголовного кодекса. Теперь все зависит только от вас.

Вуйкович сделал небольшую паузу и, поднявшись, спросил:

— Признаете ли вы, господин Скачков, себя виновным в предъявленном вам обвинении?

Есаул равнодушно посмотрел на полицейского ко-

миссара, на топор, потом встретился с горящими гневом и жаждой мести глазами Аркадия Попова и, быстро отведя взор, невольно скрестил его с полным презрения и брезгливости взглядом Хованского. И Скачкову почему-то вспомнились вчерашняя вечеринка и большие насмешливые глаза Кучерова. Рядом с Хованским сидел Берендс. Его голубые глазки под пшеничными бровями излучали симпатию, смешанную с сожалением, и весь его вид убеждал есаула в том, что сознаваться надо. Рядом с капитаном сидела Ирен. Умоляюще сложив руки, она шептала:

— Сознайся! Сознайся!..

В русалочьих зеленых глазах молодой женщины таился животный страх. Не в силах выдержать его взгляда, она опустила глаза и невольно, словно искала защиты, схватилась за рукав Берендса.

«Предала, змея подколотная!» — решил Скачков. В голову ударила кровь, в висках пульсировало. Он ничего уже не видел.

— Я убил, — сказал он хрипло, облизывая языком пересохшие губы. — Не ради денег. Я денег не брал! Понимаете, не бра-а-ал!

— Миша, что ты говоришь! — вскакивая со стула, истерически закричала Ирен. — Ведь ты себя губишь. Ведь уже известно, что ты спрятал их в отдушине дамской уборной! Да! Да! Да!

Начальник полиции сделал знак следователю, и тот положил увесистый пакет рядом с топором.

Скачков вдруг понял, что за все придется отвечать ему одному. И напрасно было совершено убийство...

В далеком детстве, на ярмарке, он, Павлик Очеретко, увидел эксцентрика, метателя ножей и томагавков. и решил во что бы то ни стало постичь это мастерство. И добился своего. Он мог запросто на расстоянии двадцати шагов сшибить, пронзить насквозь ножом яблоко с головы товарища или швырнуть топорик и со страшной силой вонзить его точно в цель.

Небольшого роста, сухощавый и на вид хлипкий, он обладал недюжинной силой, метким глазом и дьявольской ловкостью. Он был хитер и коварен, смел и находчив, недоставало только ума и выдержки. Выдержка изменила ему и когда он в 1922 году попал в плен, в то время как Юрко Тютюнник благодаря той же выдержке благополучно бежал за Збруч в Польшу.

«Горячность подвела меня. Горячность и доверчи-

вость к этой змее подколодной. Обвели вокруг пальца, оставили в дураках. И кто? Иуда Берендс и этот недоделанный семимесячный Павский! — Есаул с ненавистью посмотрел на топор. — Какого черта я вздумал убивать Хованского? И эта глупая затея с топором, который пришлось из-за этого болвана Йовы швырнуть в сарай. Вот он стоит, переминаясь с ноги на ногу, и таращит на меня буркалы. И почему я вдруг решил, что окровавленный топор — улика против Хованского? Эх!»

Рушились надежды на обеспеченную веселую жизнь, полную романтики, острых ощущений, жизнь разведчика и возможного руководителя националистического подполья на Украине. Ждала тюрьма, а может быть, и смерть.

«Нет! Только не смерть! Я хочу жить. Надо сознаться. Следователь говорил что-то о чистосердечном признании».

Начальник полиции взял денежный пакет, вытащил из него ведомость и деньги — тысячединаровые банкноты; нетерпеливо дважды пересчитал их и сунул обратно. Потом, облокотясь на стол, сцепив пальцы, посмотрел в окно и вдруг, повернувшись к Ирен, внезапно спросил:

— А почему вы не сказали полиции раньше, что ваш муж спрятал деньги в дамской уборной? И каким образом вам стало об этом известно?

Ирен замаялась, что-то невнятно залепетала и заплакалась.

— Как могу я доносить на мужа...

— Извините, господин комиссар, но виноват в этом я, — заговорил вкрадчиво Берендс. — Мне следовало быть более энергичным и поговорить с вами сразу, но вы были так заняты. В головке у нашей Ирины Львовны гуляет еще ветерок. Она молода, хороша собой, в душе артистка, и, что главное — она полячка! Взгляды на брак и семью в современном польском обществе во многом отличаются от наших, а тем более от ваших взглядов. В Польше мужья сквозь пальцы смотрят на проказы жены, на ее поклонников, обожателей и вздыхателей, и даже измена редко когда заканчивается кровавой драмой. Разумеется, это усложняет семейные отношения, но эмансипирует женщину. Впрочем, и в Польше мужчины до сих пор считают, что прерогатива изменять принадлежит только им.

— Ну, знаете! — вмешался начальник полиции, —

у нас говорят: измена мужчины — плевков из окна; измена женщины — в окно!

— Вы совершенно правы, — закивал, улыбаясь, Берендс, — так смотрел на вещи и наш Отелло, есаул Скачков. Я не знаю, каковы были отношения между Ириной Львовной и покойным генералом, полагаю, что никакой близости между ними не было. Но Отелло думал иначе. Услышав отказ жены идти домой, он решает разделаться со своим соперником. Бежит в сарай, хватает топор и из засады убивает. А кровь, точно хмель, делает человека безумным, пробуждает в нем все низменные чувства. Кровь требует крови, жертвой должен быть новый соперник — Хованский! Все сделано в состоянии аффекта, доказательство тому брошенный на электростанции топор. Я видел, каков был есаул сегодня ночью.

Начальник полиции, слушавший весь этот монолог с видом скептика, при последней фразе насторожился. Поднял голову и убийца — Скачков-Очеретко. И даже в рыбьих глазах Павского мелькнула какая-то искорка. Все, затаив дыхание, слушали, что скажет Берендс дальше. Ирен сидела как мертвая.

— Около трех ночи я вышел в уборную и увидел в коридоре есаула. Чуть покачиваясь, он шел в ту же сторону одетый и, видимо, навеселе. В руках у него был вот этот пакет. — Берендс кивнул в сторону лежавшего на столе конверта. — Он зашел в дамскую уборную и даже не закрыл за собой двери. «Бывает, человек ошибается», — подумал я и хотел предупредить его. Но каково было мое удивление, когда увидел, что он стоит уже на умывальнике, открывает отдушину и сует в нее пакет. Чужие тайны меня не интересуют, поэтому я прикрыл дверь и пошел по своим делам. И сегодня в кабинете следователя я рассказал госпоже Скачковой то, что видел ночью.

Все взоры обратились на Ирен, а она полными ужаса глазами смотрела на мужа.

Есаул был мертвенно бледен. По всему его телу пробегала судорога, плечи опустились, руки бессильно повисли, видно было, что он едва стоит на ногах. Каждое слово Берендса как гвоздь вонзалось в мозг и болезненно тяжело укладывалось там игольчатым ежом, и в каждой его колючке были страх, тревога и отчаяние. Оглядев еще раз присутствующих и остановив взгляд на Ирен, сдавленным голосом произнес:

— Да, я убил, я ограбил! — Перевел мутный взгляд на Берендса и добавил: — Убил, ограбил, но сам уже не помню как, капитан Берендс прав, кровь ударила в голову. — Он замолчал, побледнел еще больше и схватился рукой за стол, чтобы не упасть.

— Суд, несомненно, учтет ваше чистосердечное признание, — сказал начальник полиции и дал знак, чтобы увели арестованного. Когда за ним закрылась дверь, Вуйкович обратился к присутствующим: — Господа, все ясно... Свидетели...

— Пачэму нэ выслушали свидетэльніцу? — напал было старик Гатуа.

— Все и так ясно, — перебил грузина Вуйкович.

— Господин комиссар, — тая под усами усмешку, вмешался чика Васо Хранич, — не можете ли вы ответить еще на вопрос: где улика номер два — платок?

Начальник полиции заерзал на кресле, сердито посмотрел на усатого следователя и буркнул:

— Он все напутал!

Берендс осклабился и, как китайский болванчик, закивал головой, а следователь пожал плечами и, уставясь в окно, подумал: «Черт бы вас драл, русские дела, лучше в них не вмешиваться!»

На том представление было окончено.

5

Вуйкович был доволен. Преступник обнаружен, деньги найдены, и все обошлось «без фокусов», как наказал господин министр.

Доволен был и генерал Перрет, что не разразились громкий политический скандал, шпионский заговор, которые могли закончиться снятием его с директорского поста. Боров боялся этого пуще всего, зная, как бедствуют многие генералы, по тем или иным причинам не допущенные к «именинному пирогу» главковерха.

Удовлетворен был и Мальцев. «Гади́на уби́ла гади́ну!» — твердил он про себя. Правда, какой-то червячок точил сердце, когда он вспоминал разговор с начальником полиции и те презрительные взгляды, которые тот на него бросал.

Успокоился и полковник Павский. «В конце концов не все ли равно, если еще одна разведка, кажется, немецкая (а к немцам полковник относился с уважением) узнает эту тайну». Павский дал сфотографировать документы Берендсу, тем более что полиция догадыва-

лась, а может быть, и знала о его участии в этой операции, да и у машинистки в любой момент могли сдать нервы. Пришла в себя от испуга и Грация, потому что все кончилось благополучно. Она с благодарностью поглядывала на Берендса, этого доброго ангела, который выручил всех в трудную минуту.

Больше всех был доволен Людвиг Оскарлович фон Берендс — и потому, что так удачно завершилась операция, благодаря которой он вновь войдет полноправным членом в «немецкую семью», и что поправит свои денежные дела, и, наконец, потому, что оправдалась еще раз его теория, в силу которой разведчик прежде всего должен быть умным, волевым, тонким психологом, глубоко понимающим человеческие отношения и слабости. Разведчик загребает жар чужими руками. Только глупец пачкает их в крови. Врага нужно не уничтожать, а заставить на себя работать. Классическим примером тому являлось нашумевшее в свое время дело австрийского полковника Редля, начальника отдела австро-венгерской разведки русского сектора.

В ту пору молодой лейтенант барон Людвиг Берендс выполнял серьезное задание — служил у Редля лакеем. Тогда он не был еще разведчиком с «двойным дном», его еще не завербовал шеф немецкой разведки — легендарный Николаи. Тогда он был еще зеленый.

Поняв на вечеринке у Гатуа, что ночью произойдут какие-то события, «старый волк», как именовал себя Берендс, решил действовать, следуя мудрой поговорке «На ловца и зверь бежит». Игра была опасная, это он понимал. Он уже видел: шла охота за важными документами, какими именно — он не знал, но чуял всем своим существом, что это обеспеченная жизнь. Он различал и охотников. Он недолюбливал есаула Скачкова — причиной тому была Ирен. Не симпатизировал и полковнику Павскому, который чем-то напоминал ему Редля. К Кучерову же проявлял какое-то сдержанно-доброжелательное любопытство. Неясной оставалась роль Хованского, а ко всему неясному, ускользающему из рук Берендс относился с враждебностью.

Ему захотелось уйти с вечеринки вслед за Скачковым и понаблюдать, куда он ускользает. Но Людвиг Оскарлович остановило странное нервное поведение Ирен, и он ушел вслед за Хованским и Скачковой. Людвиг Оскарлович видел, как они сидели на скамейке, и даже слышал их разговор. Ирен проводила Алексея

за ворота и смотрела ему вслед, чтобы убедиться, что он ушел. Затем она торопливо побежала к себе, но вышла спустя несколько минут переодетая в черное платье и направилась к комнате Хованского. Тщетно провозившись над замком несколько минут, так и не открыв дверь, она подошла к двери квартиры Кучерова, отперла ее ключом и вошла внутрь. В первую минуту Берендс подумал: у Ирен с Петром Михайловичем любовное свидание, но, заглянув в замочную скважину, убедился в другом: она, вывернув из чемодана вещи, что-то ищет. «Документы?» — подумал Людвиг Оскарович, и тут как молния пронзила его мысль: «Скачков пошел на убийство! По его ожесточенному виду можно было догадаться. Бедный Кучеров». И тут же про себя добавил: «Пусть неудачник плачет! Я же, кажется, на верном пути». И терпеливо стал ждать дальнейших событий. Минут через пятнадцать-двадцать Ирен вышла, заперла дверь, спустилась с лестницы во двор и опять направилась за ворота. Притаившись у будки, где во времена Австро-Венгрии стоял часовой, он увидел, как Ирен нетерпеливо расхаживает у наружных ворот. Потом услышал за спиной крадущиеся шаги. Со стороны лазарета, откуда доносилась громкая соловьиная песня, шел высокий мужчина. Поначалу даже показалось, что это генерал Кучеров, но это был Павский. И хотя майская ночь была довольно светлая, Павский не заметил его. Полковника тоже интересовало, что делает за воротами Ирен. И в этот момент к ней подошел Скачков и хрипло прошептал:

— Все! Амба! — И провел, утирая пот, ладонью по лбу. — Как у тебя? — спросил он. — Где Хованский?

В руке есаула блеснул топор. Ирен что-то ответила мужу и махнула рукой в сторону шоссе. Все, что говорила Ирен, не было слышно Берендсу, потому что она стояла к нему спиной, но хриплый шепот есаула, усиленный акустикой сводов над воротами и высоких крепостных стен, отчетливо доносился до ушей.

— Я пойду. Вот ключ. Если табакерка там, по сигнал. — И скрылся в черной тени деревьев.

Ирен что-то сказала и, какое-то мгновение постояв, направилась к внутренним воротам. Павский, который скрывался в тени кустов сирени, торопливо выскользнул оттуда и шмыгнул куда-то, как бы опережая Ирен. И тогда Людвиг Оскарович выбрался из засады и заспешил чуть не по пятам Ирен в подъезд и притаился

у колонны. «Значит, Ирен в комнате Кучерова тоже искала табакерку с документами!» — подумал он.

В небольшом холле горела керосиновая лампа, направо чернела, точно разинутая пасть, распахнутая дверь в темный коридор, налево поблескивала вылизанными каменными ступеньками лестница. На лестничной площадке тускло горела лампа. Ирен направилась к лестнице, в руке она брезгливо держала цепочку, на которой болтался ключ. Он узнал цепочку и ключ.

Он видел, как Ирен проникла в бухгалтерию, отворила кабинет Кучерова и отперла несгораемый шкаф, осветила внутри карманным фонарем, неторопливо порылась в бумагах, потом сгрэбла все содержимое кассы на пол и принялась осматривать изнутри стенки, разыскивая, очевидно, тайник. Потом побросала все обратно, подбежала к окну и отчаянно засигналила фонарем. Кому? Скачков, наверное, пошел к Хованскому. Затаившись между шкафами в бухгалтерии и глядя, как Ирен, явно расстроенная, покидает кабинет, Берендс подумал: «Табакерки, выходит, в сейфе не было!»

Когда ее каблучки застучали по каменным ступенькам лестницы, он подошел к кассе. Среди разбросанных бумаг лежал большой денежный пакет. Денег оказалось много. Завернув пакет в носовой платок («отпечатки пальцев и все такое прочее мне ни к чему»), он спустился на нижний этаж и спрятал пакет в отдушину в дамской уборной.

Теперь оставалось дожидаться есаула Скачкова, который надеялся взять табакерку у Хованского. Нельзя упускать из виду и Павского, который тоже где-то ждет есаула. Для того чтобы дойти до станции и вернуться, есаулу нужен по меньшей мере час. Таким образом, у Берендса есть время. То, что не удалось Ирен, может быть, удастся ему, старому волку? И он направился к комнате Хованского. Но каково было его удивление, когда он увидел, что Хованский в пижаме выходит из своей комнаты и направляется в сторону уборной. «Значит, капитан не пошел на электростанцию ночевать и кружным путем вернулся сюда? А если табакерка у Хованского? Что делать?»

Берендс устал. Несмотря на нервный подъем, ему хотелось спать. Нужно было незаметно выйти во двор и занять удобную для наблюдения позицию. Когда он подходил к лестнице, кто-то поднимался по ступеням. Это был Павский. Его лицо сияло, губы что-то шепта-

ли. «Черт побери! Табакерку взял Павский! Ушел он первым, услышал шифр «Дина», а ключ ему, видимо, раздобыла Грация. Значит, касса отворялась нынче ночью дважды, и второй ключ находился у полковника. Павский пунктуален. По закону конспирации он должен вернуть незаметно ключ в директорский сейф. После всей этой истории Грация сама навряд ли на это отважится. Тут мы, Иван Иванович, с вами и встретимся! Фокус-покус-препарандус — и тайна табакерки раскрыта!»

Людвигу Оскаровичу не пришлось печатать фотографию «У директорского сейфа», хотя она и получилась бы преотличная, пальчики оближешь!

Смирилась с судьбой Ирен Жабоклицкая и отныне уже не Скачкова, а, видимо, фон Берендс. Пути в Варшаву, по крайней мере, на ближайшее время ей заказаны, английская Интеллидженс сервис вряд ли погладит ее по головке за провал операции. Одна надежда у Ирен на Людвигу Оскаровича, а немецкий барон вскоре недвусмысленно дал ей понять, что если она ложится на него, то он сделает из нее настоящего человека. Он нашел Ирен в ее комнате и весело сказал:

— Что касается всех ваших пустяковых переживаний, то они как раз и помогут вам, Хелен (называл ее на немецкий манер «Хелен»), выйти из рамок мешанского мира, в котором до сих пор вы пребывали!..

Закончил он с ней краткий разговор требованием заявить полиции, что Скачков убил генерала с целью ограбления, а деньги спрятал в дамской уборной в отдушине. Что оставалось ей делать?

Смерть Кучерова погасила у Хованского радость удавшейся операции. Алексей чувствовал за собой вину в гибели генерала. «Я не имел права оставлять его одного». За гробом Петра Михайловича Алексей шел под руку с генералом Гатуа. «И все-таки надо оставаться в Билече, чтобы как-то спасти оболваненные психологической муштрой молодые, полуйскалеченные души хотя бы немногих кадет, чтобы матерые волки не сделали их нашими лютыми врагами, — думал он. — С их помощью, может быть, удастся делать еще полезное для родины». Ему предстояла большая, кропотливая работа.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава седьмая
«Россия № 2»

1

В 1929 году кадетский корпус был переведен из Билечи в небольшой городок Горажде, и Алексей остался не у дел. Но уезжал он со спокойной совестью. За три года ему удалось сколотить крепкое ядро и заставить многих кадет посмотреть действительности в глаза. Медленно, исподволь у некоторых началась переоценка ценностей. Одни, усомнившись в правильности пути, на который их толкали, безвольно отошли в сторону и занялись устройством личной жизни; другие принялись прокладывать собственные пути, искать свою правду; третьи — у третьих пробудилось желание поближе узнать родину; четвертые... пятые... Всех ждала за стенами корпуса новая жизнь. Каждому предстояло избрать в ней свой путь.

Алексей уехал в Белград, и Абросимович вскоре устроил его в английскую фирму электроприборов Сименса.

— Покажи себя, сумей понравиться директору, и он назначит тебя своим помощником по технической части. Будешь ездить по стране и за границу. Нам это нужно позарез! Связь — первое дело для разведчика, — говорил Абросимович.

Он же снял для него небольшую, но удобную квартиру недалеко от службы. Дом был старый и напоминал скорее башню, втиснутую между двумя огромными зданиями. На каждом этаже этой башни было по две квартиры. Одна выходила на улицу, другая во двор.

Алексей с удовольствием осмотрел две большие комнаты, кухню, ванную и чулан. Не видя запасного выхода, он недоуменно посмотрел на Абросимовича.

— А это маленький сюрприз! — посмеиваясь, сказал Иван Абросимович. — И распахнул в чулане дверцу шкафа. — Смотри!

Алексей ничего, кроме бутылок и банок на полках, не увидел.

— Вот, гляди, берешься за эту ручку и тянешь к себе. — Абросимович потянул за ручку. Все три полки отошли в сторону.

— Потайная дверь? Как здорово!

— Как в средневековом замке. Не хватает только привидений. Белой дамы... впрочем, об этом ты уж сам позаботься, — хохотнул Абросимович и, отворив маленькую дверцу, подтолкнул Алексея в проем. — Иди, не бойся!

Протиснувшись, он очутился на нависшем над самой крышей соседнего дома крохотном железном балкончике, уставленном цветочными горшками. С него можно было спрыгнуть на крышу, пройти мимо дымовых труб и спуститься на соседнюю улочку.

— В этой квартире, рассказывал хозяин, лет сто тому назад скрывались контрабандисты. Тут ведь до Дуная рукой подать. Так с тех пор все и осталось. Что, понравился мой сюрприз?

— Мечтать только о таком можно! Кто знает, может быть, когда-нибудь и выручит!

Алексей не ошибся — «сюрприз» спустя десять с лишним лет выручал не его одного!

Царила сытая, пьяная осень урожайного предательства, чреватого последствиями 1938 года. Европа справляла тризну по очередной жертве нацизма — Че-

хословакии. «Мир спасен, подписано Мюнхенское соглашение. Да здравствует Чемберлен и его зонтик!» — кричали буржуазные газеты. Впрочем, торг западных держав с Германией, на каких условиях она бросит свой военный потенциал на Восток, длился уже годы. Еще со времен Рапальского договора и пресловутого плана Гофмана. Генерала Гофмана, идейного и духовного предтечи гитлеровских генералов. Свидетеля разгрома японцами русской армии в Маньчжурии и армии Самсонова и Ренненкампа под Танненбергом. Гофмана, возглавлявшего немецкую делегацию на переговорах в Брест-Литовске.

«План Гофмана» увлек в Германии могучих рурских баронов из коронованных особ; во Франции — маршала Фоша, Бриана, Мильерана, Вейгана; в Англии — нефтяного короля «Роял Датч Шелл» сэра Генри Детердинга. Увлек немало и шавок-подвывал вроде редактора малоизвестной захудалой газетенки «Фолькишер беобахтер» Альфреда Розенберга, уроженца Таллина, начавшего свою карьеру агентом РОВСа.

Отпечаток идей Гофмана и его могучего покровителя, генерала-промышленника Арнольда Рехбера, лежал и на «основополагающем» сочинении Гитлера «Майн кампф», и на программном трактате Розенберга «Будущий путь немецкой внешней политики».

Все понимали, что близится война. Идет группировка сил. Антанта в смятении, она все больше убеждалась, что взлелеянный и отогретый на ее груди нацизм оказался гигантским удавом!

В смятении и белые офицеры, не говоря уже о рядовых белоказаках и солдатах. Они все чаще задумывались над тем, на чью сторону им встать, когда боевая машина Германии двинется на когда-то враждебную им Совдепию. И где-то глубоко под спудом зрела затаенная мысль, не сместилось ли у них, выброшенных за борт, что-то в психике, не сдвинулся ли стержень смысла их борьбы... Они чужаки из другого, умирающего мира, с иной логикой, образом мышления, моралью, и не было им больше места там, на Родине, в огромной российской кузне, где в дыму и огне выковывался иной, неведомый им мир.

В смятении и белоэмигрантские вожди. Они подлаживались к политике тех стран, от правительств которых получали деньги. Но как объяснить их «ориентацию» тающим кадрам?

За кадры боролись и разведки, каждая по-своему. Алексей Хованский поднялся на западную стену белградской крепости Калемегдан. Сюда редко кто заглядывал, особенно вечером. Разве что влюбленные пары. Вот уже скоро десять лет, как он приходит время от времени сюда, чтобы условиться о встрече с «хозяином», все тем же старым другом Иваном Абросимовичем, дом которого виден сверху как на ладони.

Здесь, вдали от городской суеты, Алексей любит посидеть в одиночестве, отдохнуть, унести мечтами далеко, бездумно полюбоваться величавой панорамой слияния двух могучих рек: быстротекущей желтовато-зеленой Савой и ленивым иссиня-голубым красавцем Дунаем.

Он любит смотреть, как медленно гаснут, словно тонут в водной пучине кроваво-красные отблески догорающей зари, окрашивая стремнины в цвет персидской сирени, потом кобальта и, наконец, вороненой стали.

Темнеет. Проясняются августовские звезды. На другом берегу зажигаются огни далекого Земуна. А по воде уже пляшут другие, желтые отблески редких фонарей набережной и порта. И переброшенный через Саву ярко освещенный мост, чудо французской техники, кажется, повис в воздухе.

Кто не любовался августовским небом? Кто не загадывал самые безумные желания, торопливо, пока падает звезда? Алексей тоже смотрит на звезды и что-то перешедшее ему из глубины веков нашептывает: «Спешь, загадывай!» Его давно уж точит тоска по родине. Не по той России, что воспета в кабаках Парижа, Берлина или Белграда, не по тройке с бубенцами, сусально расписанной церквушке с покосившимися на погосте крестами; не по стерлядке, икорке, квасу и антоновке, — нет, тянет его к раздольному русскому простору, к близким по духу, по общности взглядов советским людям.

Нарастающий грохот отвлекает Алексея, и он поворачивает голову направо: по стальной громаде железнодорожного моста через Дунай мчится из Стамбула экспресс «Ориент». Алексей смотрит на часы, потом вниз, на трехэтажный дом; на правое верхнее окно — его «окно в Россию». В окне загорается свет. Проходит минута, и окно погружается в темноту. Это подает знак Иван Абросимович.

«Если неторопливым шагом идти в сторону улицы Князя Михайла, на это уйдет четверть часа и еще чет-

верть часа, пока дойдешь до ювелирного магазина, где назначена сегодня встреча», — подумал Алексей, поднимаясь со скамьи и медленно направляясь мимо фортов Калемегдана в город.

2

На улице Князя Михайла гулянье было еще в полном разгаре, когда Алексей двинулся с людским потоком в сторону Теразии. После изнуряющей летней жары ранняя осень в Белграде почти всегда хороша. Деревья стоят зеленые, небо поражает синевой, солнце греет ласково, ночи теплые, звездные, лунные. Весь город на улицах, народ не расходится допоздна. За расставленными на тротуарах и в садиках столами, у многочисленных ресторанов, кафе, погребков, кабачков, баров и кондитерских полно людей.

Иван Абросимович стоит неподалеку от большой сверкающей витрины ювелирного магазина. Смуглый, жилистый, с вьющимися, почти черными волосами, тронутыми сединой, с орлиным носом, красиво очерченным овалом лица и черными пушистыми бровями, он похож на серба. И неудивительно: его далекие предки переселились при императрице Елизавете Петровне в Россию из Баната.

Они молча пожимают друг другу руки и не спеша идут мимо гостиницы «Эксельсиор». Окна ресторана освещены не ярко. Там все чопорно, туда нет доступа всякой мелюзге.

Сюда приходят посидеть вечером начальник генштаба Югославии генерал Петар Костиц, начальник спецразведывательного отдела при генштабе полковник Угленша Попович, начальник полиции Белграда Драгомир Йованович, и потому здесь можно встретить майора Ханау, фактического резидента английской разведки в Белграде, и его коллегу из Баната Джона Вильсона, и представителей международного бюро бойскаутов, а в действительности матерых разведчиков Джона Сейя и Гарри Роса, и Веру Пешич — красивую сербку, английскую шпионку, которую вербуют немцы. Бывает тут и сам Роберт Летробич — шеф Интеллидженс сервис на Балканах.

Все это Алексею известно.

Работа в английской фирме электроприборов дает ему возможность свободно располагать временем, разъезжать по стране и бывать за границей. За девять лет,

прожитых здесь, в Белграде, он много сделал. Сейчас все его внимание сосредоточено на одной из самых деятельных белоэмигрантских организаций под названием НТСНП — Национально-трудоустройственный союз нового поколения, так называемых «нацмальчиков».

— Знаешь, кто сейчас самый здесь почетный гость? — спрашивает Абросимович, кивая в сторону «Эксельсиора». — Ганс Гелм, комиссар гестапо при немецком посольстве. Баварец, сын мюнхенского извозчика, недоучившийся студент, земляк и любимец шефа гестапо Генриха Миллера.

Алексей кивает головой.

— Не исключено, что послезавтра явится к «нацмальчикам» на съезд или пошлет свою красавицу Лину Габель. А? — спрашивает Хованский.

— Кстати, послезавтра по этому случаю перейдут из Польши нашу границу шесть членов НТСНП. Околову и Колкову руководство поставило задачу — непредвзято ознакомиться с советской действительностью, узнать отношение народа к власти и партии, дать правдивую оценку. И вернуться обратно. Что скажешь?

— Такова официальная версия и таково мнение «посвященных» членов союза. Околов идет по стопам отца — жандармского офицера, — тут сомнений нет. Что касается Колкова, то, по сведениям Чегодова и Бережного, он «правдолюб»! Черт его знает! Судьба его сложна. Отца, командира казачьего полка, зарубили наши... Сам понимаешь... Надо, по-моему, их брать, — сказал Алексей.

— Чего тебя так волнует, к каким выводам придут эти недоучки? Ведь тот и другой даже не закончили кадетского корпуса, напищены антисоветчиной, политически незрелые парни!

— Беспокоит меня Околов. Он весьма прилично зарабатывал, но жил скромно и даже не баловал любимицу дочь, а почти все деньги отдавал на нужды «союза». Это человек действия, он для нас опасен.

— Политическая ограниченность привела его к «закрытой работе». Он начал свою карьеру осведомителем начальника русского отдела тайной полиции Югославии Николая Губарева, не так ли? — И Абросимович вспомнил свою последнюю встречу с Губаревым, когда менял паспорт. — Какие страшные у него глаза!

— У Околова? — не понял Алексей.

— Нет, у Губарева.

— Этот самый Губарев и посоветовал председателю НТСНП, Байдалакову, взять к себе в «союз» Околова, чтобы основать в НТСНП разведку и контрразведку, — сказал Хованский. — Околов крепко сшитый, чуть сутуловатый шатен, ниже среднего роста. У него заостренное лицо, нос с небольшой горбинкой, холодный, оценивающий взгляд, чуть прищуренный из-за близорукости. Ну что еще? Глаза зеленовато-карие, неторопливая, но вовсе не ленивая походка. Он на ходу не размахивает руками. Когда сцепляет пальцы, правый большой неизменно оказывается наверху. Носит очки-пенсне — чтоб не слетели с носа...

— Одним словом, волевой, скрытный, организованный и опасный человек? — заключил Абросимович.

— Да, — согласился Хованский. — Его мнимое бескорыстие, прямота и хитрая игра — это его сильные стороны. Мы присутствуем при рождении крупного обершпиона и врага Советского Союза. Через годик-другой он оперится. Хорошо бы их взять уже на границе...

— Это не так просто. Мы поздно узнали об этом. Впрочем, в Варшаве к ним приставлена польская разведчица, болтливая, Зося, кажется... Она постарается об Околове и Колкове узнать все, что надо. Если им удастся перейти границу незамеченными, то взять в Советском Союзе, пожалуй, чекистам все равно будет трудно.

— Околов служит не только в разведке НТСНП, но и связан с англичанами. А те наверняка подошлют его к Блаудису, своим разведчиком они не рискнут, — произнес Хованский.

— Ну что ж, так и передадим в Москву, — согласился Иван Абросимович.

— Вы, наверное, не знаете, что Блаудис, резидент Интеллидженс сервис, тот самый Блаудис, у которого была табакерка со списками шпионской английской сети в России. Он был арестован в 1922 году чекистами в Краснодаре. Сидел в тюрьме, раскололся, но не до конца. Ведь по спискам Кучерова было обнаружено еще немало английских шпионов на юге России. И сейчас Блаудис живет в том же Краснодаре, работает пекарем на хлебозаводе. Его адрес скорее всего известен Околову. Вот если они заглянут к нему, то поймаются...

— А если не поймаются? — встревоженно сказал Иван Абросимович. — Могут чего-нибудь и натворить...

— Я думаю, Чегодову их письма из Советского Сою-

за удастся прочитать, — засмеялся Алексей. — Только бы эта Зося сумела узнать шифр переписки. — И вдруг Хованский грустно добавил: — Сколько лет я отдаю все силы, чтобы открыть молодым людям глаза! И что же? — Алексей досадливо махнул рукой.

— Поменьше эмоций, мой дорогой! Сделал ты много, каких ребят подобрал?! Один Аркашка Попов чего стоит! С такими горы ворочать можно! Я хотел поговорить о другом. Тебе известно, как активизировалась до сих пор идущая с переменным успехом борьба РСХА * с Интеллидженс сервис. Действует и разведка Риббентропа, и АПА Розенберга, незаметно лишь людей Канариса. Вряд ли он предоставил вершить югославские дела майору гестапо Карлу Краусу Лоту... — улыбнулся Абросимович, заметив, как насторожился Алексей.

— Карл Краус — это шеф заграничного отдела немецкой контрразведки. Не правда ли? Он однажды уже приезжал сюда. Я его видел. И что?

— Весьма вероятно, что он явится на съезд «нац-мальчиков». Хорошо было бы установить, где он живет. И скомпрометировать его! Надеюсь, он-то и выведет нас на людей хитроумного Канариса. — Абросимович вытащил пачку «Неретвы» и закурил.

Они вышли на улицу Краля Милана. Толпа была здесь уже не такая густая.

— Может, придет и Лина Габель! Никогда ее не видел. А Гелм вряд ли. Он официальное лицо, комиссар гестапо при посольстве! И еще: постарайся раздобыть списки делегатов съезда и приглашенных. — И, взяв Алексея под руку, пошел еще медленнее.

— Придется, — сказал Алексей. — Что касается людей Канариса, то к ним надо подбирать особый ключ. Адмирал придерживается оригинальных принципов.

— Знаю. Адмирал считает, что математика, сиречь логика, разведке вредит. Она воплощение прокрустова ложа разума! А разведка гуманитарная наука. Взывать к низменным страстям — в этом ее высший смысл. Ты об этом хотел сказать? — Абросимович засмеялся, остановился и, протягивая Алексею руку, продолжал: — У фашиста ставка на подлецов! Но это невысокий класс для разведки. До свидания! Увидимся после съезда. Ни пуха ни пера!

— Гав! Гав! Гав! — Алексей крепко пожал Абросимовичу руку и зашагал дальше.

* Главное управление имперской безопасности Германии.

Неторопливо прошел мимо русского посольства. В глубине сада белел большой «Русский дом» — дар белоэмигрантам убитого в Марселе югославского короля Александра. В нем разместилась русская гимназия, учреждения «По делам русских беженцев» и русский театр — большой зал с просторными холлами, разделками, курительными комнатами и подсобными помещениями.

«Здесь через два дня, — думал Алексей, — откроется съезд НТСНП, четвертый съезд «нацмальчиков». Широкие слои белой эмиграции относятся к ним иронически. Как отцы к своим несколько заблудшим, своенравным детям. Платформу их считают бездарным плагиаторством, смесью эсеровщины с фашизмом, приправленную идеями евразийцев, оснащенную «критикой» марксизма «величайшего русского философа» Льва Тихомирова и одобренную «диалектиками духа» — Владимиром Соловьевым, Николаем Бердяевым и Сергеем Булгаковым, и все-таки находят «в общем и целом» достойной внимания, учитывая нищету и убожество буржуазной философии тридцатых годов.

Желая придать антисоветской деятельности характер политической борьбы за создание «русского национального государства», НТСНП пытается выработать «новую идеологию», базирующуюся на идеалистическом понимании развития исторических событий; непризнании первенствующего значения экономических условий жизни общества и в связи с этим выдвигает на первый план «идеи» и «личности» и воспевание национализма.

В своей газетенке они с пеной у рта отрицают существование классов, а следовательно, и классовой борьбы и утверждают, что общество развивается в результате стремления различных трудовых групп.

На съезде руководство НТСНП намеревается произвести смотр своим «офицерам революции», показать эмигрантской общественности свою мощь, обратить на себя внимание разведок, особенно немецкой, и, наконец, выставить себя единственной организацией, не только теоретически обосновывающей задачи эмиграции и будущее родины, но и ведущей непосредственную борьбу против Советской власти. Мало того, они хотят убедить широкие круги русской эмиграции в том, что НТСНП уже «приобщился» к России, что союз может уже гордиться своими борцами за идею на той стороне, как павшими, так и живыми».

Алексей неторопливо прошел мимо ярко освещенного русского ночного ресторана «Казбек». У двери в погребок стоял молодой парень в черкеске — швейцар «Казбека». Он разговаривал с женщиной в сером костюме, который, видимо, был пьян. Заметив Хованского, он быстро отвернулся.

«Какой отвратительный тип!» — подумал Алексей, глядя на его руки, напоминающие клешни, птичью грудь, приплюснутую щучью голову. И даже вздрогнул от отвращения, услышав его блеющий смех: «Не он ли следил за мной? Не молодчик ли Берендса?»

3

Михаил Александрович Георгиевский, генсек НТСНП, ушел из клуба около десяти часов вечера, условился встретиться с начальником русского отдела югославской полиции Губаревым в ресторане «Казбек».

— Опять бессонная ночь! И трата денег! Но без этого нельзя! — выходя из кабинета Байдалакова и щуря подслеповато глаза, с огорченным видом сказал генсек.

Виктор Михайлович Байдалаков хмыкнул, широко улыбнулся, показав два ряда великолепных зубов, и что-то невнятно пробормотал. Он знал, что Георгиевский врет, что любит пображничать в хорошем ресторане на «казенный счет». Генсек НТСНП, в свою очередь, знал, что Губарев матерый волк и с ним ухо нужно держать остро, тем более что через два дня открывается съезд, а разговор пойдет о японцах, немцах, польской разведке и кто знает еще о чем.

— Выкручивайся, Михаил Александрович. Это твоя сфера, — заключил Байдалаков.

...У русских эмигрантов свои рестораны и кабаки, начиная с претенциозного «Мон Репо», где всю ночь поет с оркестром и хором некогда популярный в России цыганский певец Морфеси, и кончая стилизованным, душным, увешанным текинскими коврами погребком «Казбек», где до утра поет грузинский хор, бешено пляшут танцоры наурскую, размахивая шашками, каждый с семью кинжалами во рту, где льется рекой кахетинское, жарят шашлыки, носятся, размахивая салфетками, стройные юноши, затянутые в черкески, а хозяин погребка, грузинский армянин Рубен, встречает гостей и по-кунацки усаживает их за столы на бочонки. Совсем как в старом Тифлисе!

Рубен пригласил Георгиевского в отдельный кабинет.

— А мы тут с Николаем Николаевичем меню обсуждали. Прошу! — Он поднял полог тяжелого текин-ского ковра и поклонился в сторону Губарева.

Николай Николаевич Губарев сделал вид, что хочет встать, его мокрый плотоядный рот растянулся в улыбке, но, так и не поднявшись, сунул короткую пухлую руку Георгиевскому:

— Мое почтение, профессор! Извините, устал дьявольски...

— Здравствуйте! Я, кажется, опоздал? — Георгиевский, ощерясь, протянул руку и подумал: «Какой тяжелый, свинцовый взгляд, глаза палача!»

— Нисколько! Это я пришел раньше. Заходил в офицерское собрание, в прибежище старых генералов, которые никак не могут расстаться с формой, и «юных» облыселых корнетов несуществующих полков. Кунсткамера какая-то! По субботам у них вечера. Танцуют краковяк, падепатинер, гавот, падекатр... Справляют полковые праздники, напиваются до потери сознания... Щелкают каблуками и вытягиваются перед старшими офицерами, а генералов величают не иначе как «ваше превосходительство». Смешно!

Губарев прикрыл глаза и умолк.

В кабинет неслышными шагами вошли два официанта в белых черкесках с большими, заставленными закусками и напитками подносами и принялись расставлять их на столе.

«К чему клонит?» — насторожился генсек НТСНП, глядя, как Губарев наливает себе большую рюмку и опрокидывает ее в рот. И вдруг Георгиевскому припомнился разговор с советским журналистом, работающим корреспондентом в Варшаве. Встреча была случайная, на улице, но запомнилась крепко. «Вы, эмигранты, сами не знаете, с кем и ради чего идти. Никто из вас не верит ни РОВСу, ни претендентам на царский престол, не верит ни старшему, ни младшему поколениям! Увы! Немало среди вас и таких, чьи взоры обращены к Гитлеру! Таким импонирует основанный на социальной демагогии новый союз архангела Михаила. Таким по вкусу и диктатура мешанства, и культ силы «белокурой бестии», и древние мифы, пропитанные ядом расизма, и бешеная ненависть к коммунизму...» — так говорил ему, глядя прямо в глаза, советский журналист. И тогда Михаил Александрович, генсек НТСНП, растерялся.

Начальник русского отдела полиции снова налил большую рюмку водки и опрокинул в рот. Глаза его оживились, он заговорил:

— Сколько провалов, измен, мистификаций, предательств и глупости! Кому прикажете верить? Врангеля извели, Кутепов и Миллер как сквозь землю провалились, «Внутренняя линия» РОВСа, как вы утверждаете, в руках ГПУ! Ха-ха-ха! Ну ладно, ладно, профессор, скажите лучше, как Околов? Уже на той стороне?

— Они перейдут границу двадцать третьего августа. В день открытия нашего съезда. Их шесть человек... — Георгиевский умолк, увидев, что Губарев подносит указательный палец ко рту.

— Вот и выпьем за их успех! — И опрокинул содержимое рюмки в рот. Потом вонзил вилку в красиво украшенный салат, положил себе в тарелку изрядную порцию, но вдруг проговорил: — Не ешьте! Чего доброго, отравитесь! Каналья Рубен!

Но, подмигнув, протянул блюдо с салатом профессору.

Не прошло и минуты, как колыхнулся ковер и вошел Рубен.

— Господа довольны? Прикажете еще что-нибудь? Ах! Вам подали не тот салат? — заговорил он, увидев, что Георгиевский не прикасается к еде.

— Рубен Николаевич! Все в порядке. Салат хорош. Но пусть ваши молодцы запомнят: у меня с профессором деловой разговор! Ясно? — успокоил Губарев и вдруг, наливаясь кровью, прошипел на Рубена и на официанта:

— И если еще раз просунете свои уши, я выкручу их с корнем!

Рубен и официант, бледнея, попятились к выходу.

— Ясно-с! Слушаю-с! — кланялись оба, опуская за собой тяжелый полог текинского ковра.

Георгиевский вертел пальцами стоявшую перед ним рюмку.

— А теперь, Михаил Александрович, можете спокойно рассказать о своей поездке в Германию и Польшу. А еще лучше, начните с японцев. Они ведь субсидируют союз! Не правда? Хе-хе-хе!

«Эх ты, полицейская шкура. Работаешь ты не только на Гитлера», — зло подумал генсек, глядя на перстень с большим брильянтом на мизинце полицейского.

— Да, японцы нас субсидируют, — начал, шуря гла-

за, Георгиевский. — Герцог Лейхтенбергский после разгрома Врангеля бежал в Рим, к своей тетушке, королеве Италии.

— Он же художник, он же морской офицер и авантюрист, — заметил Губарев.

— Да, он самый... в Вечном городе герцогу не повезло: его обвинили в педерастии и выслали из страны, поэтому ему пришлось ютиться сперва у своего родича Сергея Лейхтенбергского в Париже, потом в Берлине и в Варшаве.

— Но Сергея Лейхтенбергского, бывшего председателя вашего союза, сместили.

— Именно! За денежные махинации! — согласился Георгиевский. — Герцогу Лейхтенбергскому все-таки каким-то образом удалось убедить японского военного атташе в Варшаве, чтобы он помог выдвинуть его кандидатуру на пост председателя антисоветского блока и претендента на российский престол. Конечно, богатые, сильные державы всегда держали и держат про запас царей, королей, президентов и даже целые правительства. Так, Америка имеет наготове Габсбурга. Франция — великого князя Николая Николаевича, блюстителя российского престола. Германия — великого князя Кирилла Владимировича — российского императора (ни больше и ни меньше!). Впрочем, у возглавлявшего делегацию на переговорах в Брест-Литовске генерала-«победителя» Гофмана уже был наготове глава «нового правительства» — великий князь Павел Александрович. Вот и японцы сделали ставку на этого герцога Лейхтенбергского. Я был приглашен на совещание лидеров некоторых наших эмигрантских организаций и...

— И вам удалось провалить кандидатуру герцога и дать японцам понять, на кого следует делать ставку? Так?

— Так, именно так, Николай Николаевич. В какой-то мере. Вскоре, это было в марте или апреле прошлого года, японцы приняли референтом по печати нашего председателя польского отдела Вюрглера. А вслед за этим, как я уже вам докладывал, начались мои переговоры с шефом японских атташе в Европе генерал-лейтенантом Савада о совместном налаживании работы по переброске и обучению членов НТСНП. Было решено под руководством генералов Савада и Кавэбэ и при содействии польской Двуйки создать в Варшаве школу

разведчиков. Я приехал в Варшаву и встретился с начальником отдела польского генштаба «Восток» капитаном Незбржицким...

Губарев слушал внимательно. Всю эту историю он уже знал от приехавшего на съезд председателя польского отдела НТСНП Вюрглера, а теперь хотел на чем-нибудь поймать генсека. Впрочем, Георгиевский и Вюрглер заранее договорились, о чем они будут рассказывать Губареву.

Оба они, например, скрыли, что капитан Незбржицкий согласился субсидировать НТСНП и дать указания постам на границе о пропуске через границу агентов, взамен за это переброшенные агенты будут давать сведения политического, экономического и военного характера: белоэмигрантские агенты будут снабжены ядом и оружием, но легенды их будут разработаны так, чтобы не касаться польской разведки. Это для того, чтобы избежать дипломатического скандала.

Начальник русского отдела белградской полиции и генсек НТСНП засиделись до глубокой ночи.

4

Никто не мог себе представить, во что выльется нацизм. Никто еще не принимал всерьез «сверхчеловека чистой арийской расы», установление мистического культа «расовой крови», культа личности фюрера, «гипополитику». «Перемелется — мука будет», — повторяли вслед за чемберленами и лаваями русские эмигранты. И смотрели нацистские фильмы вроде «Африки», где хитроумно было собрано все самое уродливое, самое дикое. Страшные племена широкооротых карликов-брахицефалов чередовались с их антиподами, великанами долихоцефалами. Обезьяноподобные люди издавали свистящие звуки, делали несуразные жесты и видевшие этот фильм, невольно говорили: «А ведь и в самом деле есть «неполноценные люди», «низшие расы»!»

В то время как бойкие репортеры Большой и Малой Антанты, всегда падкие на дешевую сенсацию, который раз уже за последние пятнадцать лет заполняли страницы газет и журналов самыми нелепыми репортажами об открытой археологами гробнице египетского фараона Тутанхамона близ Древних Фив и, наперебой комментируя гибель знаменитого английского археолога Говарда Картера, писали: «Вспомните высеченные над входом в гробницу слова: «Перешагнувшего этот по-

рог ждет смерти!»; вспомните, как погиб первый вошедший в гробницу; вспомните, как спустя год при странных обстоятельствах попал в автомобильную катастрофу друг Картера, а теперь пришел черед Картеру; мистика! Сбывается угроза фараона! Месть Амон-Ра, царя богов!...», в то же время национал-социалистская печать использовала это по-своему:

«Никакой мистики! В смерти археологов виноваты сионисты! В гробнице найдены папирусы, рассказывающие всю правду об изгнании евреев из Египта». Запестрели над статьями шапки: «Международное еврейство боится разоблачений!», «Ритуальные убийства в XIV веке до н. э». «Похищение папирусов, найденных в гробнице Тутанхамона!», «Иудо-масонство убирает свидетелей!» и т. д.

Одни белоэмигранты этому верили, другие не верили, но «нацмальчики» были в восторге. Разрабатывался новый конспект в программе союза — «еврейский вопрос». А исполнительное бюро белоэмигрантского союза все больше склонялось к тому, чтобы ближе связаться с немцами, прежде всего с немецкой разведкой.

Немцы были хорошо осведомлены о деятельности всех белоэмигрантских организаций и знали им цену. Белоэмигранты русского толка ратовали за Великую Россию, монархическую, республиканскую, националистическую, с царем и советами; казаки — за Казакию; грузины — за самостоятельную Грузию; украинцы — за «самостийную», гетманскую, петлюровскую, махновскую Украину; белорусы — за самостоятельную Белоруссию. В то же время англичане и французы помышляли о самостоятельных, зависимых от Англии и Франции, особых государствах из казаков и народов Кавказа. Берлин в противовес Советскому Союзу хотел создать несколько вассальных славянских государств — Чехию, Словакию, Польшу, Белоруссию и Украину. Больше всего импонировали немцам идеи украинских националистов. В седую старину, как утверждали немецкие этнографы, где-то неподалеку от Киева, на днепровских островах, обитало немецкое племя, оставившее якобы глубокий след в характере, обычаях и языке украинцев (цыбуля, берлога, зилля и т. д.); не случайно, мол, шло долгое онемечивание Галиции, Буковины, Прикарпатской Руси. Не случайно, дескать, искал «дружбы» с Германией «всевеликий гетман Украины» Павел Петрович Скоропадский, а теперь, когда он состарился, на союз с

немцами пошли его, правда, глуповатый отпрыск Стецько Скоропадский, а также другие «верные» немцам «сильные люди» — Коновалец, Мельник, Бандера.

Однако немцы мало верят русским белоэмигрантам. Чисто русским!

Не очень доверяет им и один из нацистских главарей, ведущий теоретик и идеолог фашизма, прибалтийский немец и белогвардеец в годы гражданской войны Адольф Розенберг. Он-то знает о ненависти «божественного фюрера» к России и ко всему русскому, он делает ставку на фольксдойчей, то есть на всех немцев, которые живут за пределами Германии.

Гитлер обратился к фольксдойчам с воззванием:

«Вы будете нашими разведчиками, нашими впередсмотрящими! Ваш долг подготовить для армии плацдарм задолго до ее прихода. Ваша задача замаскировать нашу подготовку к нападению. Считайте, что вы на фронте! Для вас вступили в действие законы войны. Отныне вы сама *соль*, сама суть германского народа. И теперь все зависит от вас, чтобы после победы не нашлось бы такого немца, который поглядел бы на вас косо. Ваша миссия стать в грядущем опекунами в покоренных странах и от имени великого «третьего рейха» вершить неограниченную власть. Управлять от моего имени теми странами и народами, где вы были преследуемы и угнетены. И таким образом, наша прежняя старая беда — вынужденное переселение многих миллионов лучших немцев в чужие земли — превратится в величайшее счастье!..»

«Пятая колонна» будет создана и в России!» — твердили главари нацизма. «Офицеры революции» возглавят в Москве грядущее восстание!» — твердили главари НТСНП. «Против большевиков хоть с чертом!»

Все белоэмигранты понимали, что именно в Берлине варятся идеи захвата России, но не всех белоэмигрантов допускали к немецкому котлу, хотя немало их лезло в кухонные мужики; да и не все белоэмигранты готовы были продать русскую душу немецкому национал-социалистскому черту.

5

Вильно ему надоел. Надоела и гостиница, где он жил. Вот уже который раз Александр Колков просыпается среди ночи и никак не может уснуть от боли в ногах. «Как с такими ногами идти через границу, а может быть, придется уходить от погони?»

Недели три тому назад он ходил вместе с Околовым в монастырь, расположенный поблизости с гостиницей, посмотреть знаменитую Остробрамскую богоматерь. Поднимаясь по широким, чуть ли не в метр, каменным ступеням, они прошли мимо молившейся на коленях молодой женщины в черном. Ее лицо было в слезах, губы шептали молитву. Отбив поклон, она переползала на следующую ступень, истово крестилась и снова бормотала молитву. Было ясно, что она проползет так до конца лестницы все семьдесят шесть ступеней. Александра потрясла фанатичность этой женщины, и ему вспомнилась его верующая мать. А Жорж, заметив что-то на его лице, насмешливо бросил:

— Не хочешь ли составить этой бабе компанию? Помолись, чтобы святая дева исцелила твои немощные ноги и укрепила колеблющийся дух.

Околов не постеснялся это сказать ему, сыну героически погибшего командира казачьего полка Георгия Ивановича Колкова, ему, георгиевскому кавалеру!

Александр поднялся с кровати, подошел к открытому окну, поглядел на чернеющую неподалеку Замковую гору, бросил взгляд на пустынную ночную улицу, освещенную тусклым бледно-желтым, мертвенным светом редких фонарей, на парадный подъезд гостиницы «Шляхетской», на замок Гедимины. Ночь дышала в лицо свежим воздухом. Небо было затянуто тучами.

Скоро, думал он, в Белграде откроется съезд НТСНП, от казаков выступит кубанец Лёсик Денисенко — новый председатель «Казачьей секции». Донцы держатся обособленно, неохотно вступают в ряды НТСНП. Впрочем, сейчас и с кубанцами такая же история. Да и вообще белоказаки выделяются среди русской эмиграции, а их самостийники, как и все «инородцы», относятся враждебно к эмигрантам-великороссам.

Еще в годы гражданской войны представители казаков-эмигрантов обращались в Лигу Наций принять все казачество России в свой состав. Но Лига Наций им в этом отказала, тем более что сейчас образован уже Союз Советских Социалистических Республик!

В 1931 году студенты-самостийники, бывшие кадеты Донского корпуса, вовлекли Александра в организацию «Белградская казачья станица», они обещали ему скорое возвращение в Казакию. Но тогда же Колков узнал, что эта организация существует на деньги Англии, Франции, а также Германии и Польши, что, следова-

тельно, зависит от этих государств, и покинул организацию. Вместе с ним вышли из нее и многие другие. После этого Александр захандрил и стал часто выпивать.

Он стоял у открытого окна, глядя на полутемную улицу. Из мрака вынырнули два здоровенных парня, которые, пошатываясь, подошли к его окну, по-польски обругали его и двинулись дальше. И в этот же миг хлопнула входная дверь, из гостиницы кто-то выскочил, и по асфальту застучали женские каблочки. Он выглянул в окно и узнал в убегавшей горничную гостиницы. Он знал ее как хорошенькую и веселую Зося, они познакомились уже месяца четыре назад. Но что случилось с нею в три часа ночи в их гостинице? И вдруг тишину прорезал истошный крик. Он увидел, как те же двое здоровенных парней гнались за Зосей. Александр схватил кастет и, выпрыгнув в окно, побежал следом за Зосей и парнями. Заметив его, парни остановились.

— Ах, пан Александр, защитите меня! — взмолилась Зося.

Хулиганы предпочли исчезнуть, а Зося защебетала:

— Вас послал сам бог и святая Анна.

— Я провожу вас! — Он спрятал кастет в карман и взял ее под руку.

— О, я живу далеко, — сказала она поспешно. — Мне лучше вернуться в гостиницу и дожждаться утра...

— Пойдемте ко мне в номер, — предложил он.

Она согласилась. Они вернулись в гостиницу, и Александр, усадив ее за стол, предложил выпить вина. Зося не отказалась.

— Что за типы гнались за тобой? И почему ты так долго задержалась на работе?

— Я их не знаю! — Зося говорила растерянно. — Ночью в гостиницу приезжала делегация из Германии, и мне приказали дожждаться их... А потом на улице пристали эти пьяные хулиганы...

Александр поставил на стол бутылку «Выборовой», и они выпили. Теперь ему было не так тоскливо. Зося болтала с ним о чем попало, и скоро они оба оказались в постели.

Он заснул, а когда проснулся, увидел рядом Зося. Ему было сладко и весело, и он опять уснул, обняв ее. Когда же утром, одеваясь, он с удивлением обнаружил на полу возле кровати свою записную книжку с адресами и зашифрованными заметками, смутная догадка

встревожила его: неужели ночное нападение на Зою кем-то ловко разыграно для него? Неужто Зося подслана к нему в номер за его секретами? Не шпионка ли она? Но чья? Немецкая? Французская? Или, не дай бог, большевистская?

Впрочем, у него болела голова, и он, не задав никаких вопросов, проводил Зою в коридор. Неприятно, что его записная книжка могла побывать в руках горничной; хотя все, что было записано, записано шифром. «Если она сфотографировала. Впрочем, — успокаивал он себя, — все записи зашифрованы, не могла же она их сфотографировать».

На дворе было совсем светло, он запер дверь на ключ и опять лег в кровать.

...Он жил в этой виленской гостинице в ожидании отправки через польско-советскую границу. Записная книжка таила множество дней подготовки его как агента белогвардейского союза для заброски в Советский Союз, много встреч и бесед с разными людьми.

Полгода назад он приехал из Югославии в Берлин, где встретился с председателем германского отдела НТСНП Субботиным, и тот устроил его жить в маленьком пансионате «Виктория». У него был отдельный номер. Началась подготовка к заброске в СССР. Сперва изучал план Москвы, ее учреждения и адреса, ждал визу для поездки в Варшаву, где должен был пройти главную подготовку для тайной работы в СССР. В Польше сразу же по прибытии пошел на квартиру председателя польского отдела НТСНП Александра Эмильевича Вюрглера, тут его встретил Околов. Все трое они долго беседовали о делах «казачьей секции» союза, затем Околов повел Александра в гостиницу «Виктория» (то же название, что и в Берлине), а через два дня состоялась встреча на квартире у японца Ма-наки.

Японец называл Околова по фамилии Перич. Колкова насторожило, что японец посвящен в его переход границы, выходило, что он, Колков, должен будет работать и на разведку Японии.

— Признаться, Жорж, я в полном недоумении, — сказал Александр Околову, когда они вышли от японца. — Я был уверен, что мой заброс в СССР организован членами союза, а выходит, что наш союз связан не только с польской разведкой, но и с японской... Это я отказываюсь понимать.

— Ничего, — успокоил его Околов, поджимая нижнюю губу. — Здесь влиятельная группа поляков-русофилов симпатизирует союзу и взялась помогать нам в переходе границы. Скажу по секрету, что второй отдел генштаба польской Двуйки ждет от нас с тобой сведений о внутреннем положении в СССР. Когда наш союз создаст Новую Россию, то мы не станем вмешиваться в дела Польши. Новая Россия придет ей на помощь.

— Ну а при чем же этот японец?

— После расскажу... — отмахнулся Околов.

Колков и Околов шесть месяцев жили в варшавской гостинице, проходя полный курс подготовки к заброске в СССР. Они изучали карты СССР, схемы железной дороги, план Москвы, административное устройство, советский быт, занимались и «технической» подготовкой: шифры, коды, симпатические чернила, фотографирование, оружие, автомобиль, замки и т. д. Изучали старые свои конспекты и читали советскую прессу. Но чем больше Колков узнавал СССР, тем неувереннее он себя чувствовал как разведчик, тем больше у него возникало сомнений относительно целей своего похода в Советский Союз. Вскоре это заметил Околов и стал подбадривать. Затем приехал в Варшаву из Югославии Георгиевский; оставшись с ним и с Околовым наедине, заговорил вкрадчиво и поучительно:

— Ваш поход является экзаменом. Если вы убедитесь, что советские люди понимают вас, если сумеете наладить подпольную работу в Москве, мы перебросим к вам в Россию еще человек пятьсот. Пятьсот офицеров нашей революции — это сила!

«Пятьсот таких, как я и Околов, — это недоучки, — зло подумал Колков. — Ни черта нам там не сделать. За нами, недорослями-вертопрахами, не пойдут массы».

— Вам придется встретиться с большими трудностями, — продолжал учить Георгиевский. — Вы по ту сторону должны найти людей, которые в любую минуту по вашему указанию будут готовы начать действие. Мы не ставим вам сроков пребывания там, но хотим, чтобы вы ежемесячно давали о себе знать «союзу». А мы, в свою очередь, будем изыскивать возможности для связи с вами.

— А как с террором? — заинтересовался Колков.

— Этот вопрос каждый из вас решит сам на месте, — сказал Георгиевский. — Рисковать собою вам не следует, но если для пользы дела потребуется кого-то

убрать или что-то в этом роде, то можете поступать, как вам выгодно. Мы поможем.

Эта беседа с Георгиевским в номере гостиницы не только не вдохнула боевой дух в Александра Колкова, но, наоборот, совсем его разочаровала. Оставалась еще надежда на Околова, который производил впечатление человека волевого, сильного, смекалистого.

...Когда в номер гостиницы постучал Околов, Александр еле поднялся с постели, мучительно болела голова.

Немного погодя в дверь опять постучали. Александр открыл и увидел Зосю. Пришлось сказать ей, чтобы пришла попозднее.

— Не вздумай с ней крутить, — строго сказал Околов. — И поменьше выпивай. У тебя хмельной вид.

«Да, — подумал Колков. — Я пью... И кажется, уже пропил с этой Зосей секреты своей записной книжки... Ах, будь что будет».

Александра Колкова разбудил громкий стук в дверь. Он спал тяжело и сначала никак не мог сообразить, где находится. Стук повторился. «Жорж!» — подумал Колков, встал и отпер дверь, но в коридоре стоял дядя Ваня. Тот самый субъект, который явился к ним в гостиницу на второй день после их приезда в Вильно с условленным паролем — фотокарточками. С тех пор он проводит ежедневно занятия по ознакомлению с характерными мелочами бытовой стороны жизни в СССР, с условиями перехода границы и пограничной полосы.

Дядя Ваня приносил на занятия коллекции трамвайных, автобусных, железнодорожных, театральных билетов, различные афиши, фотографии, рисунки форменной одежды, по которым можно было составить себе представление о родах оружия в армии, о частях НКВД, милиции. Все для того, чтобы Околов и Колков не попали впросак из-за каких-нибудь пустяков. «Сколько стоит проезд в трамвае, газета или килограмм хлеба? Как отличить гэпэушника от милиционера?» Они заучивали имена и отчества вождей, фамилии известных спортсменов, стахановцев, артистов, популярные советские песни, содержание фильмов, цены на товары.

Выезжая с дядей Ваней за город, ходили ночью по компасу, стреляли в цель. Дядя Ваня принес им по два комплекта одежды, один советского производства, дру-

гой польского — для перехода погранполосы. Двое суток назад им в гостинице какой-то поляк принес фиктивные документы, паспорта, справки, чистые бланки со штампами заводов, где они «работают», и помог составить легенды. Документы выдал каждому отдельно, предупредив Колкова, чтобы он не показывал свою новую фамилию Околову. То же самое сказал и Околову.

С заспанными глазами и с тупой головой Александр провел в свой номер дядю Ваню.

— Ну-с, дорогой друг, настала пора расставаться, через два часа вы уезжаете, вот, пожалуйста, ваш железнодорожный билет, и разрешите вам пожелать, как говорится, ни пуха ни пера! — Дядя Ваня, высокий мрачный тип с бородкой, пожал Колкову руку и сел на кровать.

— К черту, к черту, — буркнул Колков и начал складывать вещи в дорожный мешок.

— На конечной станции вас встретят наши люди. А сейчас собирайтесь и спускайтесь к пану Околову. Позавтракаете, и вас отвезут.

Дядя Ваня потоптался еще с минуту и ушел.

Позавтракав в ресторане при гостинице, Колков и Околов поехали на вокзал. В вагоне поезда у них было отдельное купе. Околов уткнулся в газету, Колков устался в окно. Оба были не в духе. Так в молчании и доехали до назначенной станции.

На перроне их встретил «пан Александр» и повел к машине. На месте шофера сидел поляк «Иван Иванович».

— Как настроение? Как самочувствие? — спросил поляк, когда они уселись в машину. — А вы почему морщитесь? — обратился он к Колкову.

— Ноги болят. Да и вообще нездоровится.

— На сутки можно задержаться. У границы есть деревенька, в ней и переночуем, а завтра вечером отвезем вас на границу. Согласны? — предложил пан Александр.

Колков кивнул. Околов возражать не стал.

На другой день вечером, получив от Ивана Ивановича по шесть тысяч рублей, по нагану и по двадцать патронов, они в сопровождении Ивана Ивановича и пограничника пошли к границе. Пан Александр остался в деревушке. В каком-то бараке они дождались ночи. Она была темной и безлунной.

— Ну, с богом! — сказал Иван Иванович, пригла-

шая их выходить из барака. Пройдя через лес, они ступили на нейтральную полосу.

Впереди шел Околов, за ним в трех шагах Колков, теперь уже Александр Георгиевич Филипенко, рабочий Московского электростанции имени Куйбышева.

Было сыро, темно и страшно. Каждую минуту могли загреметь выстрелы, и, хотя движение патрулей и места засад были задолго изучены, все-таки вероятность благополучного перехода, как говорил им на занятиях один специалист еще в Варшаве, равнялась сорока процентам. Если они нарвутся на советских пограничников, то им предстояло с боем возвратиться обратно. «Тут легко погибнуть или попасть в руки советских солдат». Кровь ударяла в виски, Александр шел, обливаясь потом. Рука, сжимавшая рукоятку нагана, немела. Вот и проволока. Околов лег в траву, махнул рукой и ужом прополз под ее железные шипы. Колков последовал за ним и тут же больно оцарапал руку.

— Тише! — прошептал Околов, помогая ему подняться. — Мы на советской земле, прибавим шагу.

В лесу было тихо, но дождь все усиливался. Кустарник, когда они касались его, обдавал водой. Скоро лес стал еще глуше. Дождь шумел где-то в кронах деревьев, под ногами шуршала осенняя листва. Околов, казалось, не шел, а крался, как зверь; Колков едва поспевал за ним, почти бежал, он так устал, что готов был упасть в изнеможении. Околов остановился.

— Пора сменить направление. Хвати-ка глоток, — и протянул в темноте Александру флягу, а сам извлек из кармана два резиновых распылителя-баллончика и весело прошептал: — Если за нами сейчас идут с собакой, то дальше она потеряет след. На заставе два кобеля — я знаю. Сначала распылим вот этот порошок, псы побегут по нему, а потом сыпанем этого — тут перец и нюхательный табак и еще какая-то ядовитая дрянь. Эта штука парализует обоняние ищек!

Свернув вправо, они пошли по лесу, рассеивая порошок, затем брели вверх по ручью с километр, пересекли вспаханное поле и снова углубились в лес.

— Знаешь, Жорж, мне пора передохнуть, неладно у меня с ногами, боюсь, совсем откажут, — взмолился Колков, усаживаясь на гнилой пенек.

Околов, взглянув на светящийся циферблат часов, кивнул.

— Найдем подходящее место, чтобы хорошо зама-

скироваться, а самим все видеть, там и отдохнешь. Компас у меня барахлит, — неохотно согласился Околов.

Колков-Филипенко взглянул на свой компас: стекло отпотело изнутри, стрелка замерла.

Они устроились под большим раскидистым дубом, на пригорке, поросшем низким густым кустарником. Слева тянулся на восток глубокий овраг, справа редкий березовый лес. Светало. Дождь перестал. На востоке алело небо, можно было ждать погожего дня.

— Из пограничной зоны мы, наверно, выбрались! — устало выдавил Колков, снимая со спины рюкзак и вытаскивая из него флягу.

— Три раза сплунь через плечо. Не думай и не надейся, что советские пограничники разини. Конечно, нам помог дождь, темнота и то, что пограничников отвлекли на другом участке. Но если они узнали, что кто-то перешел границу, то по тревоге поднимут все деревни и войска. Прочешут лес, обшарят каждый кустик!.. Давай разбираться по карте, где мы находимся. — И он полез на дуб, затем спустился на землю.

— Могут встретить нас в Минске, — устало заметил Колков.

— Войдем в город порознь. Я — первым, уеду в одиннадцать, а ты четырехчасовым. Главное не обратить на себя внимания, раствориться в толпе. Не имея фотографий и не зная наших фамилий, им нелегко будет нас обнаружить, — уверенно говорил Околов.

— Скажи, тебе Зося не показалась подозрительной? — вдруг спросил Колков, снова прикладываясь к фляге. — Ночью, когда мы уезжали из гостиницы, она за мной, кажется, наблюдала...

Околов вздрогнул, стал похожим на крысу и схватил его за руку.

— Не может быть! Пан Александр уверял, что она проверена. Чего же ты раньше мне не сказал! Черт!

Колков молчал. «Стоит ли рассказывать о моей связи с ней? И о записной книжке? Зачем? Что это даст?» Выпитый ром расплывался по всему телу, чуть кружилась голова, не столько от спиртного и усталости; сколько от терпкого, вязкого запаха дуба, грибницы, прелого листа и сырой земли. Утро споро набирало силу, туман, точно молоко, заливал дно оврага и стелился, цепляясь за кусты, по его обочине. Не слышно было даже ворон и сорок. Колков закрыл глаза и заснул, точно провалился в бездну.

Проснулся он от холода и сильной боли в ногах.

По расчетам Околова, они прошли пятнадцать километров вместо предполагавшихся двадцати, но самым страшным было то, что у обоих отказали компасы. Днем идти было слишком рискованно, а ночью ориентироваться по карте почти невозможно. О том, чтобы к завтрашнему утру добраться до Минска, нечего было и думать.

Они шли четыре ночи, петляя, сбиваясь с пути, упорно, медленно, то пробираясь сквозь густые леса и рощи, то тяжело шагая по свежевспаханым нивам, выбиваясь из сил, голодные и умирающие от жажды, днями спали. Утром 28 августа 1938 года подошли к Минску.

Закопав оружие и походную одежду в лесу, они расстались, условившись встретиться в Брянске. Околов ушел сразу на станцию, чтобы уехать могилевским, Колков остался, чтобы подойти к гомельскому поезду.

Сначала его охватил страх, потом какое-то безразличие, сменившееся жалостью к себе. Так и просидел он под деревом, словно в тумане, его глаза были мокры от слез.

В Минске его поразила толпа, однообразно одетая, как ему показалось, чуждая и безлика. Несмотря на воскресенье, не было видно ни нарядных женщин, ни щеголеватых бездельников, лениво фланирующих по улицам или рассиживающих за столиками ресторанов, да и самих ресторанов. Он не увидел ни разносчиков всякой снеди, ни спешащих в магазины горничных и кухарок. В воздухе не пахло свежим хлебом, жареным на углях мясом. Зато всюду лилась родная речь...

По тротуару, перегоняя друг друга, шли, почти бежали люди, озабоченные, хмурые и даже, как ему почудилось, злые. Шли кто справа, кто слева, натываясь на встречных или отодвигая идущих медленней. Никто не извинялся, не снимал шляпы. Впрочем, не было и шляп. У трамвайных и автобусных остановок мгновенно устанавливались очереди, чтобы мигом рассыпаться, когда подходил «транспорт». Удивляли длинные хвосты у газетных киосков, у бочек с квасом или пивом, у магазинов, у касс театров и кино. Но стоило человеку выпить кружку квасу, купить газету или билет в кино, как он мигом, со всех ног кидался в нужном ему направлении, нетерпеливо обгоняя идущих впереди. Машин было мало, и пешеходы переходили улицу где попало.

«Кто они мне — враги или друзья?» — думал Колков.

На вокзале тоже былолюдно. Он стал в очередь и купил билет до Гомеля. И уже через час трясся в старом, расшатанном вагоне. Скрежет железа, позвякивание, стук и поскрипывание благодаря четкому и размеренному рокоту колес обрели какой-то ритм, и его начало клонить ко сну. Оглядев соседей, какого-то пожилого, лет шестидесяти пяти, мужчину, почти совсем лысого, с давно не бритой седой щетиной, и двух уже молодых женщин, судя по одежде, колхозниц, которых уж никак нельзя было заподозрить в причастности к НКВД, Колков закрыл глаза и задремал.

Сколько прошло времени, он не знал, может быть, час, а может, минута, но его словно током пронзил чей-то взгляд. Он вздрогнул и открыл глаза. Перед ним стоял человек в несвежем белом халате и глядел на него в упор.

— Жигулевское, бутерброды, печенье, конфеты кто желает? — протянул он, продолжая сверлить его взглядом.

— Пожалуйста, две бутылки жигулевской водички, — пролепетал он, опуская глаза и засовывая руку в карман, где лежала финка. «Не надо было слушать Жоржа, взять бы наган с собой, — молнией мелькнула в голове мысль. — Если он один, я с ним справлюсь...»

— А мне бутербродик с колбаской! — сказал старик, добродушно улыбаясь, и тоже полез рукой во внутренний карман пиджака.

Колков почувствовал, как у него на лбу выступил холодный пот. Он встал с намерением ударить старика левой рукой и ринуться с ножом на стоящего в дверях продавца. Но старик вместо ожидаемого пистолета вынул бумажник, достал трешку, протянул ее продавцу, взял у него пиво и бутерброды и, обратившись к Колкову, попросил:

— Молодой человек, вы уже стоите, достаньте мне, пожалуйста, с полки авоську! — Потом, поглядев на него внимательно, участливо спросил: — Вам нехорошо? Что это вы так побледнели?

Тем временем продавец, отсчитав сдачу, нагнулся к корзине, взял две бутылки пива и протянул их Колкову, который, все еще растерянно глядя то на одного, то на другого, стоял весь напрягшийся, словно готовый к нападению зверь.

— Лихорадка меня мучит! — выдавил он наконец и вытер ладонью влажный лоб. — Что вам достать?

— Авоську, мил человек, авоську!

«Что такое авоська?» — подумал он. Потом взял из рук продавца пиво и, расплатившись с ним, повернулся к полке, на которой лежали какая-то сетка, баул, два узла и его вещевой мешок. «Авоська? Которая же тут авоська?» И он взялся за баул.

— Да нет, мил человек! Мне авоську, что в углу, голубую.

Колков снял с полки сетку и молча протянул ее старику. В дверях все еще стоял продавец и с любопытством на него смотрел. «Провалился! Надо бежать!» — решил Колков.

Что было дальше, он помнил смутно, его охватил животный страх. Продавец ушел, любезно открыв ключом бутылки. Старик достал из своей авоськи бутылочку «белой» — этого «вернейшего снадобья от всяких болезней», и Колков впервые узнал, что значит «сто грамм с прицепом». Он пил, поглядывал на дверь и каждый раз вздрагивал, когда кто-нибудь проходил мимо их купе. На ближайшей станции он сошел. Ему повезло. Встречный поезд подошел через несколько минут, и он уехал обратно в Минск.

6

Из доклада капитана госбезопасности НКГБ БССР: «...28 августа 1938 г. на вокзале г. Минска сержантом госбезопасности Сулиным был опознан по фотографии № 176 один из диверсантов, перешедший границу в ночь с 24 на 25 августа в районе квадратов 17/44 карта № 072 в момент отхода поезда 11 на Гомель. Сержант последовал за ним. На станции Руденск сержант Сулин связался со мной, доложил обстановку и просил руководящих указаний. Я велел не спускать с него глаз до ст. Бобруйск, где его встретит наша бригада. Но Сулин позвонил уже со следующей станции и сообщил, что диверсант скрылся. Полагая, что у него в Руденске явка, я выехал туда, но ничего выяснить не смог. Никто разыскиваемого не видел. Следа его обнаружить пока не удастся...

Сержанты Сорокин, Назимов, Коробкин и Ляшко за последние трое суток никого подозрительного не обнаружили и сняты с постов...

Капитан Скоритков».

Белоэмигрантский клуб союза находился на шестом этаже многоэтажного здания на Таковской улице Белграда. В кабинете председателя союза Виктора Михайловича Байдалакова расширенное заседание исполнительного бюро НТСНП накануне открытия IV съезда. Одобрена связь с японской и польской разведками, альянс с дальневосточными фашистами Родзаевского и южноамериканскими Вонсяцкого и отколовшейся от РОВСа после исчезновения Кутепова и Миллера части молодого офицерства немецкой ориентации, возглавляемой бывшим командиром Дроздовской дивизии генералом Туркулом. С восторгом принято предложение войти в контакт с вождями «третьего рейха».

Радостно воспринято собранием и то, что в честь IV съезда перейдут советскую границу шесть членов НТСНП, шесть «офицеров революции», в числе которых Околов и Колков.

После того как были утверждены и одобрены доклады генсека Георгиевского, идеологической и редакционной комиссий, имперской, военной, украинской и казачьей секций, бюро пропаганды, председателей отделов, Байдалаков выступил с заключительным словом, которое сводилось к тому, что пора становления НТСНП кончилась и наступило время действия. «Четвертый съезд должен стать нашим Рубиконом, за которым мы отрежем себе пути к отступлению и сожжем корабли. Жребий брошен, настал час, когда новое поколение русской молодежи должно выступить на мировой арене и сказать свое слово: «Против большевиков — хоть с чертом!» И начать действовать, действовать...»

Виктор Михайлович Байдалаков любил громкие фразы, красивые позы и выдавал себя за сверхчеловека, который снизошел «к малым сим» и который может перевернуть мир, и одновременно за эдакого рубаху-парня, веселого, компанейского, с недюжинным умом и железной волей. А обаятельная внешность, бархатный баритон, ослепительная улыбка, ласковый или грозный взгляд из-под соболиных бровей, и главное, необычный талант мазурика высокого класса втирать очки и на полном серьезе выдавать желаемое за действительное, убежденно и вдохновенно, благопритствовали его вы-

ходу в вожди оцепеневшего в своей костности мирка белоэмигрантов, метко названного «Россией № 2».

Слушая его, Георгиевский шурил подслеповато глаза и улыбался залу. И оглядывал присутствующих. В глазах председателя французского отдела играла насмешка, время от времени он касался локтем приехавшего с ним товарища, и тот понимающе кивал головой. Сидящий рядом гость из Польши Вюрглер не то слушал, не то думал о чем-то своем, впрочем, у него почти всегда был такой вид. Он был похож на озабоченного хозяина бакалейной лавки накануне банкротства. Маленький, пузатенький, лицо постное, невыразительное, улыбочка под уныло опущенными усами фальшиво-любезная, словно человек убытки подсчитывает. Дальше сидел председатель югославского отдела и, поглаживая усы, с восторгом и восхищением приоткрыл рот.

— ...И мы уверены, что победит солидаризм, активные силы революции мобилизуют оппозиционные резервы общества и народа, — разливался баритон Байдалакова.

Георгиевский слушал, но мысли его унеслись далеко. Он вспомнил свою последнюю поездку «по заграницам», встречи с множеством людей, умных и глупых, искренних и фальшивых, равнодушных дельцов с широким кругозором и узколобых фанатиков, потом пришло на ум прощанье с уходящими туда, через границу, в Советский Союз, почти на верную смерть, в неизвестность, и поморщился. «Что делать? Ведь надо же как-то начинать!.. Без этого японцы денег не дадут...» Он вздрогнул, уставился на Байдалакова и подумал: «Тетерев».

Тот читал стихи Гумилева:

...Пусть безумствует море и хлещет,
Гребни волн поднялись в небеса —
Ни один пред грозой не трепещет,
Ни один не свернет паруса.

Байдалаков сел, его глаза поблескивали, брови еще хмурились, но губы уже тронула еле заметная снисходительная улыбка, которая, казалось, говорила: «Простите, господа, за слабость к эстетике». Потом, взглянув на часы, объявил:

— Пора и по домам, время позднее, и людей задерживаем. Павлик, — обратился он к своему секретарю, — скажите, чтобы проводили Александра Эмильевича и Владимира Дмитриевича, — и он кивнул в сторону Вюрглера и Поремского.

— Виктор Михайлович! О безопасности членов исполнительного бюро во время съезда, как и о порядке на торжественном заседании в Русском доме, позабочусь я, — сказал, поднимаясь с места, сидевший в сторонке Чегодов. — А в случае каких-то провокаций на съезде, тем более что время беспокойное, что нам делать?

— Не церемоньтесь, как договорились! — перебил его Байдалаков. — Дело в том, — продолжал он, обращаясь к собранию, — что мы располагаем некоторыми сведениями. Возможны покушения на наших людей и демонстрации. Рука Москвы! — И он сделал неопределенный жест.

«Никаких у тебя сведений нет, — подумал Чегодов, — очередной «мыльный пузырь»!»

2

Чегодов вызвал по телефону такси и поехал провожать Георгиевского. Профессор жил на другой стороне Дуная, в небольшом городке Земун, в собственном доме, на слабо освещенной улице Деспота Джурджа. Нужно было решить ряд организационных вопросов в связи с открытием съезда. Но, едва усевшись в машину, Георгиевский сказал:

— А вы знаете, я носом к носу столкнулся сегодня с Марией Демьяновой! Уж не готовит ли она что?

— Вряд ли! Приезжала, наверно, в Белград нелегально в театр. Здесь танцует Карсавина! Я смотрел ее вчера. Чудо какое-то! — Для Чегодова Мария Демьянова Дическул, бывший член исполбюро, одна из основателей — идеологов организации, с позором изгнанная из союза, а потом при его, Чегодова, участии высланная из Белграда, была прошедшим этапом, неприятным, но, видимо, необходимым. Ему хотелось перевести разговор на другую тему.

Профессор озабоченно шмыгнул носом и, щурясь, зло заметил:

— Вы все-таки скажите о ее приезде Губареву, змея-Мария на все способна. Кстати, он не придет на съезд? Вы послали ему приглашение?

— Удобно ли ему? Шеф русского отдела белградской тайной полиции на съезде террористической организации! Неплохой заголовок для любой левой газетенки. Я удивляюсь, как начальник полиции разрешил этот съезд! Это только вы могли его уломать.

— Только я! — подтвердил профессор и задумчиво продолжал: — Сначала категорически отказывал. Но когда я рассказал, что мы собираемся печатать свою газету и подлисток в Германии, и о том, что мне обещали визу и я буду просить его санкции уехать в Берлин, где надеюсь получить аудиенцию у самого Гитлера... — Он посмотрел на отделявшее их от водителя толстое стекло. — Правда, я сказал ему не совсем так.

— Ну и что?

— Когда я намекнул насчет аудиенции с фюрером, он заколебался в своем первоначальном решении и сказал: «Я подумаю и завтра-послезавтра позвоню». Полагаю, он связан с немцами.

— Сейчас все стараются с ними связаться. Только как они всем угодят? Сербам и хорватам, нам и самостоятельным украинцам и казакам. Еще год назад мы пели другие песни. — Чегодов знал об альянсе с японцами и поляками, был склонен предполагать, что профессор связан и с Интеллидженс сервис, и намекал на его прежние, весьма негативные суждения о нацистской Германии и об их вождях.

— Знаете что? — По тому, как Георгиевский ощерился и закивал головой, Чегодов понял, что генсек сделал какой-то неожиданный для себя вывод. — Мне хотелось бы дать вам весьма сложное и деликатное поручение. Вы понимаете, что наш съезд привлекает внимание многих разведок, поскольку мы располагаем в какой-то мере обученными кадрами, готовыми к борьбе с коммунизмом любыми средствами. И разумеется, каждая разведка пошлет на наш съезд своего наблюдателя — поглядеть на наши кадры. Не так ли?

— Не обязательно, Михаил Александрович. Полагаю, их больше интересует не наша гостиная, а кабинет и спальня.

— Не только! Всякая осведомительная служба желает охватить все области жизни, ибо, — профессор поднял палец и кому-то погрозил, — ибо она сама не что иное, как элемент этой жизни.

— Инстинкт самосохранения!

— Я имею основания предполагать, что за нами будут наблюдать и немецкие и советские разведчики.

— Как за невестами на смотринах, — фыркнул Чегодов.

— Именно! И нам нужно знать своих женихов и кое-кому дать от ворот поворот. По списку. Он далеко

не полный. Да и вряд ли туда попадут интересующие нас лица. — Он шмыгнул носом и полез в карман.

Машина катила по тихим безлюдным улицам Земуна. Вот и улица Деспота Джурджа, 11. Профессор выбрался из автомобиля, протянул шоферу стодинарку и сказал:

— Вы подождите немного, а потом отвезете моего друга обратно. Олег Николаевич, пройдемтесь и закончим наш разговор. Всего разослано девятьсот пятьдесят приглашений, — продолжал он, пройдя шагов двадцать и остановившись у фонаря, — четыреста пятьдесят розового цвета дано в распоряжение членов союза, вот список, — и он протянул Чегодову несколько сложенных вчетверо листов. — Триста зеленых дано русским организациям и двести голубых — наших хозяевам — сербам. Кроме того, мы по-своему поместили билеты для каждой организации. Вот, пожалуйста! Вам придется установить около двухсот лиц, из коих добрая половина югославы, что весьма усложняет вопрос. Байдалаков вас уже инструктировал?

— Проверку лиц думаю свести к следующему: гостя в зависимости от пригласительного билета подведем к соответствующему столику, установленному в вестибюле или в фойе, чтобы пронумеровать билет. Там его встретят три-четыре члена союза, представятся, спросят, где и с кем ему удобней будет сидеть, предложат познакомиться с литературой, проводят на место и сделают исподволь все, чтобы установить его личность. А за твердыми орешками будем наблюдать.

— Байдалаков предупреждал о возможных эксцессах. Поэтому нужно вдоль стен зала, справа и слева, поставить людей, часть из них вооружить, они, кстати, займутся наблюдением за интересующими нас лицами и за тем, как будет реагировать публика на каждое выступление.

— Меня смущает одно, — почесывая затылок, начал Чегодов, — где я наберу столько народу? Понадобится человек семьдесят.

— Обойдетесь полусотней!

— А если хлынет народ в последние минуты? И снаружи нужно кого-то иметь! Камень кто швырнет, из пугача выстрелит — вот и паника.

— Мобилизуйте наших дам. Пусть усаживают делегатов! — Георгиевский посмотрел на часы. — Завтра еще поговорим, время позднее. Спокойной ночи! — И

протянул руку. — А насчет паники, пусть поднимается! Худая слава по свету бежит, а добрая за печкой сидит! Гитлер на скандалах, драчках да в пивных путчах создал себе популярность!

«Ты, кажется, трусишь, генсек, поэтому и много даешь наставлений. Хованский говорил сегодня, что наш союз хотят прибрать к рукам немцы. Вот за их разведчиками надо особенно наблюдать, — думал Чегодов, стоя на тротуаре в ожидании, пока не закроется за профессором калитка. — Цели у нас с немцами, извините, разные!»

Усаживаясь в машину, которая тут же покатила по безлюдной улице, Чегодов уже раздумывал о «деле Дическул».

3

«Дело Дическул» имело свою сложную предысторию. Как известно, активная русская эмиграция в главной своей массе состояла из расформированных частей белой армии. Не теряя надежды на скорое возвращение на родину и новый поход на большевиков, воинские чины, перешедшие на положение простых беженцев, сохранили связь между собой и своим командным составом. Так возникла самая многолюдная и авторитетная организация, именуемая РОВСом — Русским общевойсковым союзом, с центром в Париже.

Понимая, что советская разведка непременно зайдет в формирующиеся организации своих людей, генерал Кутепов еще в Галлиполи, в 1921 году, носился с мыслью создать из проверенных и надежных офицеров своего Первого корпуса разветвленную разведывательную и контрразведывательную сеть под названием «Внутренняя линия», чтобы прибирать к своим рукам все белоэмигрантские организации, давать им направление, выявлять большевистских агентов.

Когда на Галлиполи стало известно, что воинские части будут переведены на Балканы и спаянный железной дисциплиной кутеповский корпус может быть расформирован, возникла мысль о создании «дружеского объединения». Душой этой идеи были подпоручик Давац, капитан Орехов, полковники Савченко и Рыбинский. Кутепов их идею одобрил. Было созвано совещание, на котором присутствовало около тридцати командиров частей, тогда и возникло «Общество галлиполийцев».

Шли годы. Надежды на интервенцию, на скорый поход в Россию растаяли. Не оправдался и расчет на восстание недовольного крестьянства. Союзники, хочешь не хочешь, признали новое социалистическое государство. РОВС организует переброску террористов в Советский Союз. Героями дня становятся Савинков, Мономахов, Захарченко-Шульц... Куются заговоры.

Потребовались молодые, смелые, неискушенные люди — фанатики белой идеи!

А тем временем, словно грибы после дождя, появляются новые и новые эмигрантские организации, они выходят из-под контроля, осуждают вождей, своих бывших кумиров, предлагают свои рецепты, конечно, не без помощи инразведок. Тогда и начала действовать «Внутренняя линия» во главе с Кутеповым.

А подспудная, хитроумная борьба за души все усложняется и обостряется. Молодежь все чаще восстает против «битых отцов», выходит из-под влияния РОВСа, который требует почти воинского подчинения. Обстановка в эмигрантском мире напряжена до предела. И вдруг генерал Кутепов таинственно исчезает.

В газетах замелькали сенсационные сообщения, домыслы, поползли слухи, вызывая в сердцах «капитанов», «корнетов», молодежи разочарование, потерю веры. Связь РОВСа с НТСНП нарушается. Поводом для этого разрыва послужила гибель посланных по каналам РОВСа в Советский Союз через границу Румынии членов НТСНП Ирошникова и Фроловского.

Листовки и подлисток «За новую Россию», предназначенные для советского читателя, по-прежнему переправляются в СССР по каналам РОВСа; по-прежнему часть собранных в «Фонд спасения родины» денег отчисляется «новопоколенцам»; не отменен еще приказ, разрешающий вступление воинских чинов в НТСНП, с тем, чтобы при первом же призыве они покинули его ряды; ротмистр Комаровский, секретарь IV (югославского) отдела РОВСа и участник в подготовке и переброске диверсантов и террористов в СССР, все еще ходит в «женихах» у члена исполбюро НТСНП Марии Демьяновны Дическул.

Но однажды, вернувшись со службы домой, Байдалаков заметил, что кто-то рылся в его вещах и бумагах, исчезло два письма. И хотя в них ничего особо секретного не было, они все же имели отношение к взаимоотношениям НТСНП и РОВСа.

Охраняя свою «самостоятельность», руководители союза, принимая к себе членов РОВСа, зорко за ними следили. Под наблюдение были взяты несколько человек из недавно образованного при белградском отделении союза «Офицерского звена». Но этого Байдалакову казалось мало, и он обратился за советом к заведующему русским отделом белградской тайной полиции Губареву. Тот предложил назначить весьма опытного в сыском деле агента — Георгия Сергеевича Околова начальником контрразведки НТСНП.

Прошло немного времени. В одну из суббот ротмистр Комаровский пригласил Марию Дическул на танцевальный вечер, который устраивал какой-то офицерский кружок. По окончании вечера Мария обнаружила, что в ее сумочке нет ключа от квартиры. Сумочку она оставляла на столе, когда уходила танцевать с Комаровским или сидевшим в их компании доктором Линицким.

Решив, что ключ она забыла дома или потеряла, Дическул не придавала пропаже большого значения и лишь посетовала, что придется будить тетку.

На другой день, придя в клуб НТСНП, Мария вскользь, в шутливой форме рассказала о веселом офицерском вечере и о потере ключа.

Однако Байдалаков и Георгиевский, узнав о случившемся, всполошились: ведь под подозрением был доктор Линицкий, один из взятых под наблюдение офицеров! Тень падала и на самого Комаровского. Исполбюро НТСНП сообщило о случае пропажи писем и ключа белградской полиции, указав подозреваемых ими лиц.

Через неделю Околов узнал, что Дическул и ее тетушка приглашены Комаровским на премьеру в русский театр, известил о том полицию, высказав предположение о возможной выемке секретных документов большевистскими агентами, и передал изготовленные заранее ключи.

Полиция устроила в квартире засаду. Около десяти часов ничего не подозревающий Линицкий, отперев дверь, вошел с двумя товарищами в квартиру, и тут же все трое были сбиты с ног, схвачены и отправлены в наручниках в Главнячу. О Главняче — так называли главное управление тайной полиции Белграда — Линицкий наслушался предостаточно: там люди либо сознаются во всем, либо остаются калеками. Линицкий сразу же указал на Комаровского как на главного инициатора операции.

Начальник полиции, занявшийся этим делом лично, не мешкая направил своих агентов в Русский дом за Комаровским. А те, не зная сути дела, арестовали его и со свойственной им грубостью его даму, которой оказалась Мария Дическул.

Обругав агентов и извинившись перед Дическул, начальник полиции велел отвезти Марию домой. Проведя бессонную ночь, обиженная недоверием руководства союза, грубостью полиции, расстроенная вероломством жениха и не веря еще до конца всему происшедшему, она кинулась на другое же утро к Байдалакову. Но тот, зная ее бешеный нрав, предпочел не оказаться дома. Тогда она поехала к Георгиевскому в Зёмун. Профессор постарался убедить ее в правильности действий исполнительного бюро, в том, что Комаровский и Линицкий — это агенты Москвы, и уговаривал выступить против них главным обвинителем и свидетелем. Она заявила, что Комаровский и Линицкий поступили с ней подло, но никакие они не агенты, а просто выполняли поручение РОВСа. Она запальчиво сказала, что союз относится к РОВСу с циничной бесцеремонностью, обзывая даже в печати его руководителей выжившими из ума генералами, а в то же время пользуется его каналами для переправки в Советский Союз подпольной литературы и не брезгует его деньгами.

Дическул была остра на язык и отлично разбиралась в кухне НТСНП, поскольку занимала должность казначея при исполбюро и была посредницей между «союзом» и РОВСом.

Дело дошло до размолвки.

День был воскресный, у русской церкви устраивалось нечто вроде гулянья, тут только и было разговору, что о вчерашнем происшествии. Тон задал генерал Барбович, ругали на чем свет стоит «нацмальчиков». Сам генерал из церкви отправился к начальнику полиции, чтобы защитить своего адъютанта и его товарищей, которые стали жертвой интриганов НТСНП, этих гнусных провокаторов и врагов РОВСа.

Но уверения генерала не поколебали начальника полиции. При ночном обыске, произведенном в квартирах арестованных, были найдены письма Байдалакова и некоторые материалы, касавшиеся «Внутренней линии», которые весьма заинтересовали не только белградскую полицию, но и разведку генштаба. Бюрократическая машина была пущена.

Скандал разрастался. Вожаки НТСНП утверждали, что арестованные являются если не прямыми, то косвенными агентами НКВД, генерал Барбович клялся, что они ярые враги большевиков. Дическул взяла сторону жениха. Мнение широкой публики разделилось, но подавляющее большинство всячески осуждало затеявших этот ненужный скандал «нацмальчиков» и их вожаков-авантюристов.

Позиция, занятая Дическул, принудила исполбюро вывести ее из своего состава. Надеясь на поддержку членов НТСНП, среди которых она пользовалась известным авторитетом, она подала заявление о своем уходе. И одновременно послала в отделы и отделения союза письма с целью реабилитировать себя и подорвать авторитет исполбюро. Дическул описывала происшедшее в выгодном для себя свете.

Экзальтированная, с идеалистическими понятиями о свободе, она мечтала стать русской Шарлоттой Кордэ с тем, чтобы, убив русского Марата, добровольно отдаться в руки властей и с благородной решимостью, героиней, взойти на эшафот. Не обладая острым умом и большой наблюдательностью, она все-таки раскусила и корнета Изюмского полка Байдалакова, и профессора Георгиевского, поняла их политическую весьма извилистую линию, довольно шаткие идеологические позиции и далеко не бескорыстное служение «делу».

Будучи причастной к закрытой работе, она считала, что союз, чтобы остаться чистым и независимым, должен использовать для переброски людей и литературы в СССР только каналы РОВСа и ни в коем случае не связываться с иностранными разведками.

Между тем состоялся суд, который присудил к тюремному заключению на два года Линицкого, а его товарищей, проникших в квартиру, — на шесть месяцев. Комаровскому было предложено немедленно покинуть пределы Югославии.

Открытый разрыв союза с РОВСом вызвал бурю во всех концах русского рассеяния. Союз лишился права пользоваться «Фондом спасения родины» и оказался в весьма стесненных обстоятельствах. Совет союза решил создать свой собственный фонд. Но это мероприятие не увенчалось успехом. Деньги поступали медленно и в мизерных количествах. К тому же отказали в постоянной субсидии и некоторые частные жертво-

ватели. Редакция газеты оказалась накануне банкротства. Под угрозой был выпуск даже ближайшего номера. А это была уже катастрофа.

Вожаков НТСНП лихорадило. Нужны были деньги. Белградский центр, где было сосредоточено руководство организаций, стал искать связи с иностранными разведками или их генеральными штабами.

На закинутые удочки первыми клюнули японцы.

Тем временем в РОВСе разразился новый скандал. При таинственных обстоятельствах исчез после Кутепова генерал Миллер.

Об исчезновении Кутепова и Миллера возникло немало версий. Самая, пожалуй, правдоподобная сводилась к следующему. Вожаки РОВСа не хотели, да и не могли, работая в тесном контакте с Интеллидженс сервис, Сюрте-2 и прочими разведками большой и малой Антанты, близко связываться с бывшим врагом России — немецкой разведкой. А гестапо и абвер делали все возможное, чтобы посадить во главе РОВСа своего ставленника генерала Скоблина, тем более что в Болгарии Клавдий Фосс, руководитель «Внутренней линии» (разведки и контрразведки), лично готовивший и перебрасывавший диверсантов, шпионов и террористов в СССР, был их агентом.

Предысторией к исчезновению генералов являлось дело о выемке документов из архива генерального штаба Германии. Сфабрикованные по поручению Гейдриха Скоблиным (правой рукой Кутепова, а потом Миллера) и полковником Шпейделем (в то время военным агентом Германии в Париже) «с целью дискредитации известных военных деятелей враждебной страны», они были подсунуты самим Гейдрихом в сейф генштаба рейха. А вслед за тем «похищены» известным медвежатником по кличке Аристократ и переданы, верней проданы, некой иностранной разведке, которая, в свою очередь, перепродала их дальше. В этом деле принимал деятельное участие в то время восходящая звезда разведки Скорцени.

Гейдрих и Шпейдель рассчитывали, что все сойдет гладко, и ошиблись... Скоблин спасся только благодаря нерасторопности дежурного генерала. Генерал Миллер после исчезновения своего предшественника генерала Кутепова понимал, что его может постичь та же участь, и потому ходил в сопровождении охраны, а когда отправлялся на конспиративные встречи один, то остав-

лял записку в запечатанном конверте, этот конверт дежурный генерал обязан был вскрыть и предпринять соответствующие меры по прошествии указанного часа. Но все-таки Миллер исчез, а генерал Скоблин, ближайший сотрудник Кутепова и Миллера, благодаря растерянности дежурного генерала ускользнул из рук ровсовцев, французской полиции, правда, не успев даже предупредить жену, известную певицу Плевицкую, тут же арестованную и осужденную на пятнадцать лет тюрьмы.

Исчезновение двух белогвардейских генералов взволновало русскую эмиграцию, НТСНП ударило в барабаны. Французский отдел на открытом собрании обвинил руководство РОВСа в покровительстве агентов советской разведки, якобы возглавляющих «Внутреннюю линию».

Скандал разрастался. Возмущенные русские беженцы на все корки ругали «нацмальчиков».

Засим согласно строгому иерархическому порядку и бессмысленной субординации РОВС возглавил престарелый генерал Архангельский, который после бури все-таки пошел на соглашение с НТСНП.

«Худая слава по свету бежит, а добрая за печкой сидит», — твердил, посмеиваясь, Георгиевский и потирал руки. Приосанился, напыжился и ходил как павлин Байдалаков, задрали вслед за ним носы и «нацмальчики». Связь «Внутренней линии» с советской разведкой не обнаружили, но руководство РОВСа, признав наличие организации в организации, отдало приказ о расформировании «Внутренней линии» и запретило впредь создавать ей подобные.

4

Королевский дворец находился в центре Белграда, на улице Краля Милана. Напротив него стояло одноэтажное серое здание царского русского посольства. До 1940 года на нем всегда развевался трехцветный российский флаг, представлявший якобы всю Россию, а на самом деле «Россию № 2».

За домом посольства разбит парк, в глубине которого высится здание «Русского дома». Здесь 28 августа 1938 года открывался в торжественной обстановке IV съезд НТСНП. Гостей оказалось больше, чем предполагали. Почти все члены союза белградского отдела были мобилизованы для обслуживания съезда.

Хованский пришел минут за двадцать до начала. Зал

был уже наполовину полон. В буфетах, раздевальнях и фойе толпился народ. В партере его окликнул знакомый голос. Алексей оглянулся. Перед ним стоял бывший преподаватель Донского кадетского корпуса Иван Иванович Павский, ныне один из руководителей «Военной секции» при НТСНП, шофер-таксист, собственник двух легковых машин-лимузинов.

— О, Алексей Алексеевич! — Он вытянулся, шелкнул каблуками, поклонился и протянул руку. — Угадайте, кто тут из прежней компании? Людвиг Оскарович с супругой! Вон разговаривают с Вонсяцким.

Алексей повернулся. У колонны в окружении доброго десятка мужчин и женщин стоял, верней позировал, высокий статный мужчина лет сорока пяти, с красивым мужественным лицом и вьющимися, чуть тронутыми сединами волосами и разговаривал с Ирен Скачковой и Берендсом. С видом сноба, не меняя скучающей мины, снисходительно поглядывая на публику, Вонсяцкий время от времени бросал взгляд на красивую девушку, увлеченно слушающую югославского офицера-летчика, в котором Алексей узнал Аркадия Попова.

— Да ведь это мадам Скачкова, — сказал он. — А красавец мужчина, вероятно, Вонсяцкий? В связи с его фамилией у меня в памяти возникает какая-то скандальная история. Кто он?

Павский с оттенком недоверия вытаращил на него глаза.

— Вождь русских фашистов в Южной Америке, мультимиллионер, тот, кто женился на королеве кофе. Брешко-Брешковский роман о нем написал. Выпускает газету «Фашист». А Ирина Львовна сейчас мадам Берендс. — И Павский, пожав плечами, сильно втянул в себя воздух, точно всхлипнул.

— Я русских газет почти не читаю, в организациях, кроме РОВСа, не состою, на собраниях не бываю, а вот молодежь меня интересуется, — сказал Хованский. — С вами-то мы встречались, ну а Ирину Львовну и Людвиг Оскаровича после ужасного убийства генерала Кучерова я не видел. Они куда-то уехали из Билечи.

— Уехали в Германию! — Павский подчеркнул слово «Германию». — На днях прибыли в Белград как муж и жена. Вы посмотрите на нее, все такая же красавица, а он постарел.

Почувствовав взгляд, Ирен повернула к ним голову. В ее глазах что-то вспыхнуло, она улыбнулась, помахав

ла ручкой, потом дернула мужа за рукав и указала на них взглядом.

Берендс закивал головой, зашаркал ногами. Вонсяцкий церемонно поцеловал руку Ирен и по-военному поклонился капитану. И тут же, отвернувшись, устоялся на сидящую с Аркадием Поповым красавицу.

«Хоть ты и Вонсяцкий, но отбивать у Аркаши девушку штука весьма рискованная», — подумал Хованский, направляясь к Берендсу и Ирен.

— Здравствуйте, Алексей Алексеевич! — проворковала Ирен, протягивая для поцелуя руку. — Вы помните, как мы с вами познакомились? Сколько воды утекло! Это было на корпусном празднике, и мы танцевали с вами вальс, и тогда вы мне нравились... Впрочем, сейчас вы нравитесь мне еще больше. Вы настоящий мужчина! А тот — кукла! — и она бросила взгляд в сторону Вонсяцкого.

— Ну зачем вы так, Ирен, — с укоризной заметил Берендс. И осклабился, скороговоркой пробормотал: — Очень приятно, очень приятно! Здравствуйте! Мое почтение! — и все улыбался, сжимая как в тисках кисть Алексея.

«Облысел, постарел, и глаза уже не голубые, а белые, но сила не поубавилась!» — отметил Алексей.

— Алексей Алексеевич, миленький, вы обязательно к нам придите, мы остановились в «Экзельциоре». Завтра же, и все расскажете, как вы, где вы и что вы... А, Боречка, здравствуйте! Почему вы опоздали? — Она уже протягивала руку подошедшему к ним шегольски одетому худощавому блондину с испытанным лицом и вялыми жестами. — Вы незнакомы? Хованский! А это наш дорогой Боречка Каверда, герой и мученик!

«Так вот ты какой! — подумал Алексей. — Террорист! Несуженый Гаврила Принцип! * Ты убил Войкова, благороднейшего, честнейшего человека! И не по своему почину! Ты не герой, а послушное орудие. И ты это понимаешь!» И вспомнил, как в 1926 году, проезжая через Варшаву, побывал у Войкова, умного, обаятельного, пронцательного Петра Лазаревича, советского дипломата.

Каверда скромно и даже как-то боязливо поклонил-

* Г. Принцип (1894—1918) — убийца эрцгерцога Фердинанда в городе Сараеве; это убийство послужило поводом для объявления войны в 1914 году, к чему стремилась сербская разведка, возглавляемая Аписом,

ся, тихо что-то пробормотал, потом сделал неопределенный жест и направился к Вонсяцкому, который внимательно слушал взявшего его под руку человека с энергичным лицом.

— Кто это? — спросила Ирен, обращаясь к Хованскому.

— Не имею понятия. Я попал сюда случайно.

— Это Столыпин, сын убитого министра, — сказал Павский, который все это время не сводил глаз с Ирен. — Алексея Алексеевича не спрашивайте, он даже о Вонсяцком ничего не слышал!

— Интереснейшая судьба и романтическая...

— В романе Брешко-Брешковского, — вставил, улыбаясь, Берендс.

— И романтическая, — повторила Ирен. — Представьте себе: вдова короля кофе в Бразилии, выйдя утром прогуляться по парку, вдруг обнаруживает лежащего без сознания молодого красавца с кровавой раной на груди. Придя в чувство, он рассказал, что его преследовала банда индейцев. Спасаясь от них, раненый перелез через стену ее сада и потерял сознание, и сейчас уже сам не знает, не попал ли он в волшебное царство и не фея ли она? Вот так охмуряют молодых женщин гвардейские офицеры!

Павский хотел что-то добавить, но промолчал.

— И эта старая дура, — не меняя интонации, продолжала Ирен, — ему поверила, вышла замуж и дает на карманные расходы миллион долларов в год! Вот он и бесится!

— Но говорят, она к делам его на пушечный выстрел не подпускает, — заметил Павский.

— Он делает и много хорошего. В Париже открыл лицей, взял на свое иждивение и взимает за это плату — один франк в год! Красиво и благородно! — Берендс сощурился в сторону входных дверей.

— Приезжая в Париж, Вонсяцкий везет с собой из Америки лимузин, причем такой, что даже выдавшие виды парижане ахают при виде машины, а личным шофером нанимает князя или великого князя, — бросил едко Павский. — Фанфаронада!

— Ха-ха-ха! А его история с охотой на львов в Африке?

— Я ничего не слышал, — пожав плечами, сказал Алексей, хотя все это отлично знал. И, проследив взгляд Берендса, увидел, как входит в зал Карл Краус, шеф

заграничного отдела немецкой контрразведки, службы национал-социалистской партии, под руку с пышной блондинкой.

— Наш герой, — продолжала тем временем Ирен, — прибыл в Африку в сопровождении секретаря и двух телохранителей. Как известно, в Африке львы давно уже не гуляют на свободе, разве что в заповедниках, и охота на львов напоминает царскую охоту на зубров. Тем не менее охота состоялась. Лев был пущен прямо на охотника, тот выстрелил, животное упало. Секретарь сделал несколько «снимков»: «Вонсяцкий стреляет»; «Вонсяцкий подходит к сраженному льву»; «Вонсяцкий поставил ногу на льва» и т. д. Досужие американские газетенки печатали снимки под заголовком: «Король кофе победитель львов!» А через месяц разразился скандал. По данному секретарем Вонсяцкого журналистам интервью охота оказалась чистойшей липой. Был куплен старый лев и выпущен перед самой охотой из клетки. Стеля, Вонсяцкий во льва промазал, но лев умер, не то, испугавшись выстрела, от разрыва сердца, не то от радости, что вырвался на свободу, не то просто от старости. Секретарь за молчание потребовал от Вонсяцкого кругленькую сумму. Ну а хозяин расценил так: «Реклама, какая бы она ни была — остается рекламой!» Публика потешалась и... покупала бразильский кофе.

Прозвучал третий звонок, погас верхний свет, и все стали усаживаться по местам.

— Не пропадите и завтра же приходите, будем ждать. Вечерком! — проворковала Ирен, помахав Алексею ручкой.

— Постараюсь, Ирина Львовна! — сказал Алексей и подумал: «Придется пойти!»

На трибуну поднялся Байдалаков.

Начал он разглагольствованием о духовном и численном росте союза, о его монолитности, широких возможностях настоящей работы. Потом туманно коснулся идеи «солидаризма», которая выведет из «социального тупика» современное общество и соединит крепче цемента все так называемые классы на прочной деловой основе. Глухо, таинственными намеками дал понять, что у союза есть уже свои герои, которые переходят границу (он сказал: «идут за чертополох») не только с бомбами, но и с листовками, что в России действуют уже не отдельные люди, но и группы. Затем, повышая голос, с пафосом заговорил о том, что сейчас там (он указал

рукой на восток) идет подспудная упорная борьба с коммунизмом. И закончил:

— Сегодня нас сотни, завтра — миллионы!

Алексей слушал Байдалакова и думал: «Вот он, лейт-мотив всей вашей «работы». Вы охотитесь за молодежью, которой до смерти надоели скучные эмигрантские будни, чтобы под ореолом славы повести этих романтиков по такой заманчивой, но опасной и страшной дороге в Россию, но вы молчите, что куплены «иностранными друзьями», а проще говоря, разведками, которые вовсе не бескорыстны!»

После долгих аплодисментов начались приветствия гостей, выступления представителей отделов, секций, комитетов содействия, то напоминающие бухгалтерские отчеты, то с потугами на глубокомыслие и философическими рассуждениями, то живые, искренние, взволнованные, призывающие к единению, к борьбе, к вступлению в ряды НТСНП.

Порой в зале раздается дружный хохот, порой вдруг наступает гнетущая тишина, а порой кое-кто утирает на щеках слезы.

Представители Украины от имперской секции предложили почтить память покойного Симона Петлюры вставанием, но многие в зале остались сидеть.

Алексей видел, как зашептались Байдалаков и Георгиевский, как профессор, подозревая Чегодова, о чем-то говорил ему. «Что за проклятая загадка истории тот факт, что немалая часть русской интеллигенции превратилась в аморфную массу и позволила увести себя в болото эмигрантщины политически безграмотным генералам, тузам промышленного капитала, вдохновителям иностранной интервенции Шульгиным, Савинковым, Милюковым или Саше Керенскому, присяжному поверенному с головокружительной, напоминающей фарс карьерой, которого сами называют позером, истериком и фигляром», — размышлял Алексей. Он обязан был присутствовать на этом затянувшемся фарсе людей, оторвавшихся от своего народа.

5

Карл Краус вот уже несколько дней был сильно не в духе. Приехав под личиной инженера-химика из Братиславы в Белград и поселившись в весьма комфортабельной конспиративной квартире, он обнаружил за собой наблюдение. Хочешь не хочешь, пришлось переби-

раться в грязноватую, без всяких удобств комнатуху в доме на шумной Балканской улице. Но главной причиной расстройств был подробный доклад комиссара гестапо при посольстве рейха о тщетных попытках посольства повлиять на ход надвигающихся событий и задержать падение главы югославского правительства Милана Стоядиновича. СД явно недооценило характер принца Павла, регента, его болезненную ревность к возрастающей в определенных кругах популярности премьера, не учло желание отобрать у малолетнего короля престол и, наконец, его английское воспитание. К тому же установившиеся отношения Стоядиновича с фюрером, дружба с Герингом и Чиано и то, что он вышел из-под опеки Англии и Франции, привели его к окончательному разрыву с королевским домом. В результате попустительства Стоядиновича руководитель «Культурбунда», фюрер югославских фольклористок, со всей организацией оказался полностью в руках шефа абвера, маленького адмирала, двуликого хитроумного Вильгельма Канариса, заядлого врага начальника имперского ведомства безопасности рейха Гейдриха и его, Крауса, шефа Генриха Мюллера.

Карл Краус побаивался Канариса. Он бывал в его резиденции, на Тирпитцштрассе, 74, не раз и не может вспомнить без содрогания, как, усаживаясь в кресло перед письменным столом, приходилось встречаться со странно-неподвижными, голубыми, даже белесыми глазами и смотреть то на оскал рта удлиненного лица-маски, то на страшную, искривленную в дьявольской усмешке рожу красочной японской гравюры, висевшей позади него на стене. Она казалась Краусу истинным лицом адмирала. И хотя Краус считал себя настоящим арийцем, кичился силой, выдержкой и был неробкого десятка, он каждый раз праздновал труса и, выйдя из кабинета, с перепугу долго блуждал по бесконечным коридорам, переходам, неожиданным тупикам, пока не выбирался из этой «лисьей норы».

Явился он в Белград на съезд с двойной целью. Во-первых, познакомиться с имеющей виды на будущее новой организацией белоэмигрантов, определить ее политическое кредо и потенциальные возможности и, во-вторых, поглядеть со стороны на английскую разведчицу Веру Пешич, завербованную комиссаром гестапо при посольстве. Тем более что Вера обещала прийти с представителем международного бюро бойскаутов, а по су-

ти дела, матерым шпионом Интеллидженс сервис. И вот, как назло, ее нет!

Карл Краус терпеть не мог русских. Будучи еще молодым человеком, он знакомился с русской литературой, верней, штудировал то, что писали их классики о немцах. Он на всю жизнь запомнил «Игрока» Достоевского, этого глубокого знатока русской души, который в лице своего героя насмехается над «немецким способом накопления богатств» и укладом жизни.

Он презирал славян в равной степени, как цыган или евреев, считал их низшей расой, навозом для будущего великого рейха. Он прилично говорил по-русски и был хорошо осведомлен о делах эмиграции, и уже не раз «горел» на завербованных эмигрантах. И потому не хотел иметь с ними дело, но начальство приказало.

Он сидел в зале и слушал с презрительной улыбкой выступления делегатов и, не вникая особенно в суть, все же понимал, что перед ним неопытные, оторванные от родной почвы, не знающие советской действительности юнцы, с головами, начиненными невероятной смесью нищезанятия, евразийства, эсеровщины и, разумеется, гитлеризма. Последнее возмущало Крауса больше всего, он считал, что национал-социализм может исповедовать только высшая раса. А искажение учения фюрера казалось ему святотатством. Ересью, которую следовало выжигать каленым железом. Резануло по нервам и выступление украинца. Петлюровцы убили и ограбили его отца — интенданта, который, уходя с Украины в 1918 году с последним эшелонем войск, вез целый вагон добытого добра, которого, как он писал, «хватит и моим внукам». Увидев, что не все «чтят вставанием Симона Петлюру», Краус тоже остался сидеть. Не поднялся и после заключительного слова председателя, когда энтэзовцы запели на мотив «Все выше, и выше, и выше...» свой гимн. И когда к нему подошел худощавый молодой человек и довольно грубо попросил встать, он окончательно вышел из себя, притянул его к себе и на ухо, достаточно громко, чтобы слышали окружающие, смачно выругался по-сербски. Молодой человек вспыхнул и отошел, и на том, казалось, инцидент был исчерпан. Он не знал, что сделавший ему замечание «слабак», известный своей занозистостью и драчливостью — Николай Буйницкий, что он решителен, ловок и силен и что он и его два товарища, жилистый и на вид неповоротливый Иван Зимовнов и Петер Бережной, специально приста-

влены к нему, Краусу, Чегодовым и только и ждут удобного случая затеять скандал.

Позади Крауса сидел Берендс, он видел глупости, которые так неосмотрительно делал немец, потирал руки, и его пшеничные брови щетинились. «Аматер, дилетант, — шептал он про себя, — прав, тысячу раз прав адмирал». С Вальтером Вильгельмом Канарисом Людвиг Оскарович виделся только раз, на вилле на Шлахтензее. Маленький «хитроумный Одиссей», как назвал его Риббентроп, принял его любезно, сказал, что о фон Берендсе слышал от ныне покойного начальника немецкой разведки Штейнхауера, рад с ним познакомиться, потому и пригласил на виллу, а не в «лисью нору». При этом адмирал улыбался, видимо вспоминая хаотическое нагромождение комнат, переходов, закоулков, тупиков, тайников, пристроенных и переоборудованных по его вкусу, в резиденции абвера на Тирпицуфере.

«А сейчас познакомлю вас и с моим другом Зоплем, — продолжал он и, отворив дверь в соседнюю комнату, крикнул: — Зеппи!»

Это была такса необычной окраски. Берендс знал, что ее фотография висит в кабинете рядом с портретом автора фундаментального теоретического труда о разведке Николаи. Тем самым Николаи, который допрашивал его, Берендса, после ареста на Берлинском вокзале и после того, как он дал согласие сотрудничать с немецкой разведкой.

Маленький, щупленький, с коротко остриженными седыми волосами, скромный на вид, адмирал Канарис смотрел на него своими неподвижными белесыми глазами и, словно угадывая его мысли, сказал: «А ведь у нас много общего. Мы кончили кадетские корпуса, вы — в Петербурге, я — в Киле. Вы, как и я, плавали на судах особого назначения. Вы, как и я, бродили по Истамбулу в 1912 году, в шестнадцатом по Истамбулу, кишевшему международными шпионами, и набирались ума-разума. У вас были свои «галoши», у меня свои! И мы с вами крестные дети одного отца. И не будь Николаи, вас повесили бы в Берлине в 1914 году, а меня в 15-м в Риме. — Канарис зябко пожал плечами и подошел к горящему камину. — И у нас одна цель: разделаться с коммунистами. Без сантиментов. Мораль в данном случае противопоказана. — Он зевнул и продолжал ровным, бесцветным голосом: — Усвойте себе раз и навсегда — цель должна достигаться любыми средствами... Не дове-

руйте никому... Я тоже это делаю. Не забывайте, что лишь тот, кто неукоснительно следует этому правилу, гарантирован от провала. В разведке, как вам известно, живет дольше тот, кто живет один. Оглянитесь!»

Берендс оглянулся и увидел в красноватых отсветах на белой стене свою тень.

«За ней тоже следите, она тоже может вас подслушать и понаблюдать за вами...» — И снова зябко поежился.

Из дальнейшего разговора Берендс вынес, что фашистский адмирал носится с мыслью объединения разведок «свободного» мира на базе антикоммунизма, создания единого антибольшевистского фронта государств, профашистски настроенных обществ, союзов, партий и, разумеется, организации «пятых колонн». Абвер, по-разному, но далеко не оригинальному сравнению адмирала, должен напоминать человеческий организм: иметь четкую память, острый ум, зоркие глаза, чуткие уши, сильные руки, быстрые ноги и неболтливый язык.

«Ибо, — сказал он, поднимая палец, — кто не хранит тайну, тот не попадет даже в так восхваляемую моим другом Рейнгардом Гейдрицем Валгаллу *, сей чертог павших за рейх и фюрера воинов, которые сражаются поутру, к обеду залечивают свои раны, чтобы вечером в садах Гласира пировать с Одним и валькириями», — и уставился на него своими белесыми глазами.

Приглашение Канариса, да еще к себе на виллу, его, ничем особым не проявившего себя агента абвера, Берендс расценивал как «смотреть» перед серьезным заданием. И в самом деле, вскоре его вызвали в отдел «Микро-точка» и научили уменьшать страницу машинописного текста до размера точки, которая впечатывалась в письмо самого невинного содержания. А спустя три месяца после прохождения курсов предложили с «женой» выехать в Белград, с тем чтобы: а) связаться с Валерием Александровичем Шатковским (Космайская, 16); в) узнать о связях НТСНП с иностранными разведками; с) мешать возникновению новых; д) приглядеться к деятельности прибывшего из Братиславы инженера-химика Крауса, поселившегося на ул. Балканская, 11; е) постараться обнаружить советского разведчика на съезде...

Людвиг Оскарович понял, что с нацистами шутки

* Дворец убитых — обиталище душ воинов, павших в бою, — по скандинавской мифологии.

плохи, надо быть все время начеку и служить им верой и правдой. В Валгаллу он не верит, не составляет и роскоши, подобно Гитлеру, Гессу, Геббельсу и Кикеру-Канарису*, не ходит к ворожеям, не оккультист, но принимает всерьез телепатию. Он, например, точно знает, что думает Ирен о Хованском, думает о нем, Берендсе.

Алексей в передаче и чтение мыслей на расстоянии и во взрыв иррационального не верил, но тоже отлично понимал, что Ирен и ее супруг (что за «супруг», для него было ясно) будут о нем думать и говорить. Он был уверен, что Берендс — разведчик, но кому служит — ему было еще не ясно. Однако в зале съезда, увидев неприязненные и настороженные взгляды Берендса, которые он бросал на Карла Крауса, Алексей тотчас догадался, в каком ведомстве служит его знакомый по Донскому кадетскому корпусу.

Наблюдая за Карлом Краусом с его пышной блондинкой, за Берендсом и его красавицей супругой, и, наконец, за не спускавшим с них глаз Павским, Алексей вспоминал золотое правило, которому учат английских разведчиков:

«Всегда оценивайте своего противника как равного вам по силе. Не забывайте, что успех зависит от тщательного выполнения намеченного плана. Умейте сдерживать свои чувства, не пытайтесь вести пропаганду. Не следуйте примеру немцев, которые всегда кичливо недооценивали контрразведывательную службу...»

«Вот эти тоже, у меня за спиной, — недооценивают», — подумал Алексей, вспоминая, как Чегодов, пронумеровывая ему билет, шепнул: «Сзади вас будет сидеть матерый шпион Бурев».

Это был небольшого роста, плотный, смуглый, похожий на турка болгарин, на вид лет пятидесяти пяти — шестидесяти. Алексей знал, что Бурев сотрудничает с немецкой разведкой еще со времен первой мировой войны, будучи военным атташе в Женеве, что сейчас под видом богатого коммерсанта работает на «третий рейх», выдает себя за старого революционера, связан с многими белоэмигрантскими организациями, содержит группу македонских террористов, вероятно, работает в контакте с итальянской и венгерской разведками. Сидел

* Кикер — подсматривающий подглядывающий, «зыркун» (нем.). Кличка Вильгельма Канариса в гимназии.

он между двумя своими подручными, двоюродными братьями, председателем Болгарского отдела НТСНП Завжаловым и бывшим председателем Брюссельского отделения НТСНП Мурмураки. Говорили они вполголоса, по-болгарски.

Мурмураки по заданию Бурова организовал, а По-ремский с группой осуществил под Парижем серьезную диверсию, взорвав несколько самолетов, подготавливающих к отправке в республиканскую Испанию.

Алексей время от времени невольно бросал взгляд на ложу, где сидел Шульгин с приехавшим из Любляны сыном Димитрием, членом НТСНП.

Василий Витальевич Шульгин после своей легкомысленной поездки в Советский Союз и выпуска скомпрометировавшей его в глазах эмиграции книги «Три столицы» переехал в Югославию и при содействии одного из покровителей НТСНП, председателя «Союза русских журналистов и писателей в Белграде», был привлечен к работе в НТСНП и читал лекции по земельному вопросу, в которых отстаивал и восхвалял столыпинскую реформу. Свержение Советской власти Шульгин представлял себе не иначе как при помощи немцев и постоянно ратовал за то, что надо действовать в направлении обеспечения себе немецкой поддержки. С этой целью он намеревался протолкнуть в немецкие верхи свою рукопись «Пояс Ориона». В ней шла речь о создании единого целого из трех «звезд» пояса Ориона: Германии, Японии и России, причем России, освобожденной от Советской власти при помощи Германии и Японии.

6

На душе у Хованского было противно. За несколько минут до конца собрания Алексей встал и направился в фойе. Почувствовав на затылке взгляд, он быстро оглянулся и встретился глазами с Берендсом. «Интересно, что он от меня хочет?» — подумал и кивнул ему головой. В фойе толпился народ. Большая группа энтээсовцев, бывших донских кадет, окружила Аркадия Попова.

Его массивная фигура и волевое лицо резко отличали его от других, а может быть, это делала военная форма. До ушей Хованского донеслись слова:

— Мир хотят победить! А все они «г». И Гитлер, и Гесс, и Геббельс, и Гиммлер, и Геринг... Гейдрих...

Смех заглушил его последние слова.

Проходя мимо стоявших в сторонке «трех мушкетеров» — Буйницкого, Бережного и Зимовнова, Алексей кивнул им одобрительно головой, сунул незаметно записку Бережному, который находился ближе, и направился к выходу, подумав: «Надежных ребят подобрал Чегодов, такие не продадут!»

Спускаясь по широким ступеням крыльца, Алексей облегченно вздохнул. «Неужели эта красивая самодовольная девушка, на которую так плотоядно поглядывал вождь русских фашистов Вонсяцкий, нравится Аркаше Попову?» Минуту спустя Попов догнал его на улице:

— Алексей Алексеевич! Можно вас проводить?

— Разумеется, Аркаша! Почему ты бросил свою престелную даму?

— Заметили? Хороша! Но, как поется в песне: «Там, где глупость божественна, — ум ничто!» Она дочь терского атамана. Увязалась со мной на съезд. Усадил сейчас ее в такси и отправил домой. Упиралась! Не хочу, дескать, еще рано!

— Что же Вонсяцкий?..

— И это углядели? Пока я выходил, он успел с ней познакомиться. В ресторан потом нас приглашал. Ха-ха-ха! Я бываю у нее в доме примерно раз в месяц. Атаман и его супруга ко мне благоволят, а люди они интересные, во многом осведомленные, и общество у них собирается хоть и пестрое, но любопытное. Я узнал весьма важную новость. Речь идет о вероятном вторжении в будущем месяце немецких войск в Чехословакию и Мемельскую область. Будто бы Риббентроп уже договорился с правящими кругами Англии, Франции, которые стремятся сколотить единый антисоветский фронт.

— Интересно. Зайдем куда-нибудь и, кстати, поужинаем, — предложил Хованский.

Аркаша тотчас поднял руку проезжавшему такси.

— Алло!

Подхватив своей могучей рукой Алексея, направился к машине.

— Вы рыбу любите? Стерлядку? — весело спрашивал уже в машине Попов.

— Я не знал, что ты гурман! — улыбался и Алексей.

— Не пью, не курю, умеренно ем, много работаю, читаю, учусь и без конца, уже по привычке, тренирую

свое тело, не знаю и сам для чего. Наверно, из тщеславия, — шутя похвалялся Аркадий.

Такси быстро спустилось по кривым улицам и подкатило к речному вокзалу. Они вышли и направились вдоль причала в сторону чернеющего вдали железнодорожного моста. Светила полная луна, слева темнела Сава, впереди серебром отливала могучий спокойный Дунай, справа чернела гора, казалось, нависая над вытянувшимися в длинный ряд железными амбарами, освещенными тусклыми фонарями. На полу стояли лебедки, высились кучи брикета, каких-то тюков, валялись железины, доски, пустые ящики. Кругом было тихо и пустынно.

— Ты куда меня, Аркаша, завел? Мы ноги поломаем, — ухмыльнулся в темноте Хованский.

— Еще сотню шагов. Знаете, Алексей Алексеевич, а у меня для вас сюрприз. Настоящий!

— Что еще выдумал? — останавливаясь, спросил Алексей. — Ну, выкладывай сначала все!

— Нет, мне важно, чтобы вы все оценили без моего «предисловия». А насчет себя не беспокойтесь, здесь свои люди и моя девушка, Драгутина дочка. — Аркаша снова подхватил его под руку.

Вскоре на пригорке среди купы деревьев замелькали огоньки небольшого ресторанчика «Якорь». Они вошли в уютный садик, где стояло несколько мраморных столиков. Над ними свисали подвешенные к деревьям разноцветные фонарики. Посреди сада была танцевальная площадка.

Аркаша на ходу говорил, что сюда полакомиться далматинской кухней под глоток доброго далматинского вина приезжают белградские гурманы.

Аркадий был здесь частым и желанным гостем. Столкнула его судьба со старым знакомым кафанщиком Драгутиным и с его дочерью Зорой в Далмации года два тому назад при весьма драматических обстоятельствах.

Засидевшись однажды допоздна у друзей, он, тогда еще недавно произведенный подпоручик, возвращался по пустынным улицам города. И вдруг до его уха донесся слабый, сдавленный женский крик о помощи. Не раздумывая ни минуты, он кинулся в темную подворотню, вбежал во двор и при свете тусклого фонаря увидел, как двое здоровенных парней держат за руки девушку, почти девчонку, а третий, насильно открыв ей рот, пы-

тается влить ей в горло водку. Первые двое, как сразу понял Аркадий, были бродяги, факины, как их называли в Далмации, третий, молодой, с иголки одетый человек, наверняка принадлежал к высшему сословию или золотой молодежи. Аркадий кинулся вперед. Все кончилось очень быстро, так быстро, что Аркадий даже посмотрел по сторонам, не надо ли хватить еще кого-нибудь, потом поглядел на свои окровавленные белые перчатки, и в этот момент девушка кинулась к нему, и он увидел ее широко открытые от ужаса глаза и совсем юное, почти детское лицо.

— Не бойтесь, куда вас провести? Где вы живете?

— За углом кафана «У островитянина», газда там мой отец, — пролепетала она. — Ой, что это со мной, голова... — Она схватила его за рукав и стала медленно клониться долу. Аркадий бережно взял ее на руки и понес к «Островитянину». По дороге она пришла в себя, Аркадий это почувствовал, но глаза не открыла, а только обняла его одной рукой за шею, доверчиво, как ребенок отца. На пороге кафаны их встретил перепуганный Драгутин и обалдело посмотрел сначала на Аркадия, а потом на дочь.

— Драгутин? — удивленно спросил Попов, пожмая руку кафанщику, — в целости и сохранности принес твою дочь.

— Какая встреча! — произнес Драгутин. — А я вот сюда переехал из Билечи. Что случилось? — Он кинулся вызывать полицию.

Полицейский писарь, завсегдагай «Островитянина», с двумя жандармами и собакой побежали сразу же по горячим следам за преступниками. Взяты они были там же, во дворе, и отведены в довольно плачевном состоянии в участок, а оттуда в тюремную больницу.

Дня через два Аркадия вызвал к себе адмирал.

— Ты что там натворил? Прокурор на тебя жалуется. Изувечил троих каким-то тяжелым предметом.

— Вот этим! — И Аркадий показал кулак и сбитые пальцы. И рассказал все, как было.

— Я так прокурору и сказал: «Зачем ему тяжелый предмет? У него удар сто килограммов». И все-таки перестарался, советую со своими кулаками обращаться осторожней. Неровен час кого убьешь! Говорят, ты одному своротил скулу, порвал какие-то связки, выбил зубы, другому сломал три ребра, но на этих наплевать, это отпетые бандиты, беда с третьим, сыном богатого

торговца, ему ты проломил нос, искалечил, можно сказать, на всю жизнь, и отец грозит подать в суд. Через три дня, как тебе известно, «Галев» выходит в кругосветное плавание. Я зачислил тебя младшим помощником капитана. Уезжай отсюда поскорее.

— Большое спасибо! — сказал Аркадий.

— А девушка твоя тоже в больнице, у нее нервный шок. — Да ты чего переполошился? Понравилась? Выбрось ее из головы, тебе она не пара, — сказал адмирал. У него была дочь на выданье, и Аркадий знал, что он ей нравится.

Перед отплытием Аркадий с букетом белых роз убежал «на минуточку» посетить больную и просидел добрых три часа.

Так Аркадий влюбился. Да и как было не влюбиться, когда она встретила его, вся зардевшись, с сияющими от счастья глазами-звездами и долго не отпустила его руку, и ее пальчики чуть дрожали в его огромной ладони, а он все боялся, как бы не сдавить их по привычке вместо литого мяча, не сделать ей больно.

На другой день он ушел в кругосветное плавание, потом начались маневры, а после маневров, когда Аркадий зашел к «Островитянину», оказалось, что Зорица учится в закрытом пансионате в другом городе, где живут ее тетки. И образ красивой далматки стал блекнуть в его памяти. Вскоре его часть была передислоцирована в Земун, и все-таки он посылал на праздники поздравления и получал старательно написанные нетвердой девичьей рукой ответы.

Так миновало почти два года. И вдруг пришло длинное письмо. Отец Зорицы, Драгутин, пространно писал о том, что выпущенные из тюрьмы хулиганы подожгли его дом, и, не будь страховки, он остался бы нищим. Что проклятые насильники клянутся «позабавиться еще с девчонкой и разделаться с офицером». Что он с дочерью намеревается уехать в Сербию, может быть, даже в Белград. Потом шла приписка от Зорицы, в которой последняя фраза была тщательно вымарана.

Аркадия это письмо взволновало необычайно. Он хотел даже отпроситься у начальства и поехать узнать подробности и, может быть, помочь, но ответа на телеграмму не получил. Оставалось одно — ждать.

Прошло три месяца. И вот однажды в газете его внимание привлекла реклама. В ней господа офицеры приглашались посетить новооткрывшийся ресторан

«Якорь», расположенный неподалеку от их соединения, и отведать отличную далматинскую кухню и доброе вино с Корчулы.

У Аркадия екнуло сердце, и он тотчас после занятий отправился разыскивать «Якорь». И вскоре с сильно бьющимся сердцем ступил через порог еще пахнущего свежей краской ресторана. В зале никого не было, у стойки дремал кельнер. При виде офицера он осклабился, взмахнул салфеткой.

— Мне нужна ваша молодая хозяйка... — начал прерывающимся от волнения голосом Аркадий.

— Госпожа Зора! Вас тут господин офицер спрашивает, — крикнул кельнер, приоткрыв дверь, ведущую, видимо, в мансарду. И в тот же миг дробно застучали по лестнице каблучки.

«Она». Прежде всего он увидел ее глаза, широко открытые, таящие в себе страх и надежду, и вдруг из них брызнула всепобеждающая радость. Лицо чуть побледнело, осветилось улыбкой, потом дрогнули уголки губ, в глазах сверкнули слезы, она остановилась и схватилась рукой за стойку, чтобы не упасть.

Такова была их встреча летом 1938-го. И с тех пор они часто были вместе. Жениться согласно уставу он еще не мог, да и в будущем вряд ли ему разрешили бы жениться на дочери кафанщика. И хотя Драгутин ворчал на дочь и без конца твердил ей: «Пойми, детка, не позволят ему жениться на тебе, ты ему не пара!» — Зорица в ответ только весело смеялась. Ей важно было другое: любит или нет, а он любил!

...Когда Алексей и Аркадий подошли к ресторану, дверь была уже на запоре. В зале шла уборка.

— Кого бог несет? — обернувшись на стук, спросил кафанщик.

— Это я, — сказал Аркадий.

Дверь отворилась, и они вошли.

— Доченька! Твой сокол пришел! — крикнул Драгутин, отворяя дверь. — Да ну тебя, чуть с ног не сбила, и как только услышала, — и ласково шлепнул девушку, которая ласточкой кинулась на шею Аркадию. — Извините, вроде взрослая девка, — обратился кафанщик к стоящему чуть в стороне Алексею, — а такая сумасшедшая уродилась, вся в покойную мать. Тоже, царство ей небесное, бедовая была... Здравствуйте, давненько не заходили. Рад. А у нас новость...

В это время Аркадий подвел девушку к Алексею и с гордой, счастливой улыбкой сказал:

— Алексей Алексеевич пришел посмотреть на тебя. Стоит ли брать тебя замуж или нет?

Зорица постояла какую-то секунду потупившись, потом вдруг порывисто обняла Алексея, поцеловала в щеку и, пытливо глядя ему прямо в глаза, сказала:

— Вы добрый наш друг... запомнила вас еще с детства, когда вы приходили к отцу в караван-сарай из Билечи, и здесь тоже...

— Здесь? — удивился Алексей.

— Отец запрещает мне спускаться в зал. Потому... Но я вас узнала. — И, покраснев, повернулась к Аркадию, а тот улыбался во весь рот, показывая свои крепкие и белые как кипень зубы.

— А сейчас сюрприз! — он подмигнул Драгутину. — А где же ваш гость?

— Ого-го! Чика Васо! — крикнул кафанщик, повернувшись к лестнице, которая вела на второй этаж. — Спускайся! Погляди, кого Аркадий привел!

Стуча железным наконечником трости по деревянным ступеням, медленно сходил высокий, чуть-чуть ссутулившийся старик в черногорской одежде, широко улыбаясь и приветствуя рукой.

— Светог ми Василия! Алекса! Дорогой друг! — Чика Васо крепко обнял Алексея.

За эти годы они виделись лишь раз. Черногорец, казалось, не менялся. Тот же пронзительный взгляд черных молодых глаз, та же улыбка с хитринкой, только волосы совсем поседели да голос стал чуть глуше.

За столом, когда после беспорядочных вопросов завязалась беседа о прошлых днях, вспомнили Билечу, Кучерова.

— Ни за что не угадаете, товарищ Алекса, — сказал Хранич, — кого я встретил в Требинье. Скачкова! Нахал, подошел ко мне и говорит: «Здравствуйте, приехал поглядеть на место своего позора и рассчитаться кое с кем...» А я ему: «Иди ты к чертовой матери, сволочь поганая, какого человека убил!» Тогда он поднял руки и как-то жалобно заскулил: «Эти руки убили, но не эта голова!» — и хватить себя по лбу кулаком. И глаза вытарашил, страшные, сумасшедшие, и пена даже на губах выступила... Весь облезлый какой-то...

— Что говорить, тюрьма человека не красит. Ни тела, ни души. Попадись сейчас ему Берендс или бывшая

жена, несдобровать им. Недаром в Германию уехали, — заметил Драгутин, подливая в стакан чика Васо вина.

— Приехали они! — не выдержал Аркадий, поглядев вопросительно на Алексея.

— О них речь еще впереди. Разговор будет долгим, — заметил Алексей.

Просидели они допоздна и о чем только не говорили.

7

Когда спустя четверть часа Карл Краус покидал Русский дом, к нему во дворе подскочил тот самый молодой человек, который приказал ему встать во время «исполнения гимна» и влепил пощечину. Рослый Краус хотел было ответить на удар ударом, но ловкий молодой человек обрушил на него град оплеух, и «истинный ариец» пустился в бегство.

Следивший за Краусом согласно записке Хованского Зимовнов в тот же вечер рассказал, что побитый Краус сразу же отправился на улицу Добрачину, 32, в собственный дом начальника полиции Драгомира Йовановича.

А на другой день в Русском доме часов в двенадцать дня Чегодова разыскал испуганный швейцар и сказал, что его требует немедленно к телефону начальник полиции.

— Слушайте, Чегодов, я не допущу такого безобразия! Это черт знает что такое! Как смеют ваши люди избивать уважаемых граждан, к тому же они ваши гости! — орал во все горло Йованович.

— Извините, господин министр, — Чегодов знал, что Йованович любит, когда его величают «господин министр», — этого человека мы не знаем, в гости его не приглашали, он оскорбил члена нашего союза, и тот ответил на оскорбление...

— Я требую немедленно закрыть ваше сборище, так Георгиевскому и передайте! — задыхаясь от бешенства, хрипел Йованович.

— Но союз тут ни при чем!

— Через два часа я пошлю отряд полиции! И тогда пеняйте на себя! А ваш хулиган Буйницкий Николай Иеронимович пусть немедленно явится ко мне.

— Его нет, он день и ночь работает, господин министр! Ваше распоряжение я передам Георгиевскому, — сказал Чегодов и подумал про себя: «Вот, черт, уже знает про Буйницкого! Интересно, кто сообщил?»

Георгиевский принял сообщение довольно спокойно и хотя понимал, что Иванович вряд ли пошлет отряд полиции на территорию русского посольства, но не желал портить отношений, поскольку его постоянные поездки за границу частично зависели и от начальника полиции. И потому велел сворачивать заседание съезда. Комиссии проработали до вечера. На другой день они собрались в клубе и на частных квартирах. А на третий делегаты разъехались.

О разгоне съезда «нацмальчиков» мало кто знал. И все-таки шли разговоры, будто в Русском доме избили племянника начальника полиции. Буйницкий отсидел десять суток, и на том, казалось, дело кончилось.

А спустя неделю адмирал Канарис с довольным видом прятал в сейф фотографию закрывающегося от ударов испуганного человека, в котором нетрудно было узнать Карла Крауса.

Глава девятая

В России

1

Георгий Сергеевич Околов, ныне по паспорту Георгий Сергеевич Иванов, рабочий электромашиностроительного завода «Динамо», неторопливо брел по центру Минска, поглядывая по сторонам и отворачиваясь от людей в военной и военизированной одежде. Постоял у киоска, где выстроилась очередь, перешел на другую сторону и, подхваченный людским потоком, вошел в универмаг. Спустя час он шагал уже в сторону вокзала с надвинутой на лоб кепкой, одной рукой прижимая к груди игрушечную лошадку, которая из прорванной бумаги весело скалила зубы, в другой нес новый, оклеенный рыжим дерматином чемодан, из которого по небрежности чуть выглядывала какая-то принадлежность дамского туалета, и авоську с продуктами и бутылкой «белой головки».

Встречные прохожие улыбались веселой лошадиной морде, смотрели на чемодан, на чудную кепку, надвинутую на нос.

На вокзале он занял очередь за молодой, довольно некрасивой женщиной и закидал ее тотчас вопросами. Женщина оказалась словоохотливой, и не прошло двух-трех минут, как они уже непринужденно болтали и

со стороны казались либо добрыми знакомыми, либо супругами. Потому и не удивительно было, что подошедший сержант госбезопасности не обратил внимания на спокойно разговаривающего с женой отца семейства. К тому же сержант устал, его внимание притупилось, он дежурил на вокзале четвертые сутки, провожая все поезда, включая товарные, обходил очереди у касс, вглядывался в лица, которые все больше и больше начинали походить то на Околова, то на Колкова.

Часа через два в общей сутолоке, обычно царящей во время посадки, Околов забрался в вагон и, как только поезд тронулся, полез на верхнюю полку, повернулся к стене и проспал до самого Брянска. На вокзале было шумно илюдно. Все спешили, толкались, никто не обращал ни на кого внимания, и только какой-то подвыпивший гражданин, проходя мимо, заметил: «Знатный конь!»

Сдав вещи в камеру хранения, Околов отправился в город. Моросил мелкий дождь, все казалось ему сереньким, неприглядным: серое небо, серые, обшарпанные, давно не отремонтированные дома, серая безликая толпа и даже транспаранты и плакаты, такие яркालые в Минске, с призывами закончить досрочно пятилетку, тут, под дождем, казалось, побурели, поблекли.

Но чувствовался напряженный ритм промышленного города, недостаток товаров: у продуктового магазина стояла очередь. Околов зашел в столовую и, забывшись, по привычке, повернулся к проходящей официантке и похлопал в ладоши. Официантка резко остановилась, удивленно и сердито окинула его взглядом:

— Чего хлопаете? Не в театре!

— Дайте мне поесть!

— Сидите и ждите.

Все было ново и необычно.

Пообедав, он отправился в находившийся по соседству кинотеатр «Октябрь» на фильм «Иван Грозный» и вышел оттуда потрясенный и недоумевающий: как мог быть создан в этой стране такой великолепный фильм?!

По мостовой проходила, отбивая шаг, воинская часть. Бойцы пели: «Когда нас в бой пошлет товарищ Сталин и первый маршал в бой нас поведет....»

Околов вглядывался в веселые и задорные лица бойцов, смотрел, как они (не кичливо, по-прусски) свободно и широко размахивали руками, и почувствовал — от

них исходила убежденная, присущая только русской армии, непобедимая сила. С завистью осматривал с ног до головы подтянутых, молодцеватых командиров, досадно было сравнивать их с распухшими от вина и пива «престарелыми» корнетами Николаевского училища, которые все еще изредка попадались на улицах Белграда, Парижа или Софии.

Пропустив часть, он направился к универмагу, где была назначена встреча с Колковым. Тщетно прождав часа полтора, понял, что Колков либо не достал билета, либо... с ним что-то случилось. Ведь об их переходе границы в Минске, наверно, известно... На душе стало тоскливо. Оставалось ждать еще скорый поезд. Он уже не надеялся на встречу с Колковым, но все-таки пошел на вокзал.

Постояв в очереди у кассы, он купил два билета на поезд до Орла, где была обусловлена их встреча, если по каким-то обстоятельствам в Брянске она не состоится.

Скорый из Минска прибыл в Брянск вовремя. Околов появился на перроне, когда люди стали выходить из вагонов, и вскоре увидел Колкова. Тот шел медленно, с трудом волоча ноги, его лицо покрывала мертвенная бледность, в глазах стоял испуг. Заметив Околова, он на мгновение приостановился, покосился назад, потом выразительно, с мольбой потащился дальше.

«Что случилось? Неужели хвост?» — подумал Околов, идя вместе с толпой по коридору вокзала шагах в двадцати от Колкова. На привокзальной площади Колков оглянулся еще раз, свернул в ближайшую улицу, перешел на другую сторону, дошел до угла и снова свернул в глухой переулок. Вечерние сумерки сгустились, и Околов все-таки успел заметить, как Колков шмыгнул в ближайшую подворотню. Простояв минут десять на противоположном тротуаре и убедившись, что нет никакой слежки, он направился к подворотне, сунув правую руку во внутренний карман плаща и бормоча себе под нос: «Чертов трус! И зачем я с тобой связался!»

Колков сидел на земле у мусорного ящика.

— К чему вся эта комедия? Кто за тобой гонится? Почему опоздал?

Колков, постанывая, поднялся и опасно выглянул в переулок. Где-то вдалеке зажегся фонарь. Надвигалась ночь.

— Ох как, проклятые, болят! Здравствуй!

Они пожали друг другу руки. Потом Колков шепотом рассказал историю с разносчиком пива, о своем возвращении в Минск, о том, как прятался на вокзале по уборным, как умолил женщину с ребенком купить ему билет и как в последнюю минуту, уже на ходу, вскочил в поезд.

— Представь себе мой ужас, когда в Гомеле вдруг вижу, выходит из пятого вагона (а я ехал в восьмом) этот самый «продавец», здоровается с каким-то высоким мужчиной в сапогах, по виду гепеушником, перекидывается с ним несколькими словами и возвращается обратно. Видел он меня или нет, не знаю. А теперь говори: правильно ли я поступил? И комедия ли это?

— Как он выглядит?

— Выше среднего роста, плотный, светлый шатен. Чуть выпячивает живот. Глаза большие, серые, пронзительные, лоб высокий, чистый, нос вроде бы слегка вздернутый. Когда улыбается, чуть косит влево рот. Ну что еще? Волосы вьются. Голос звонкий, наверно, тенор. В общем, парень хоть куда и по виду решительный. Жаль все-таки, что мы зарыли свои наганы.

— Не жалея, у меня есть маузер 6,35. Не удивляйся и не возмущайся. Ты невыдержанный. Можешь наделать глупостей. Страхи же твои, полагаю, напрасны, сам видишь, за тобой никто не гнался, сомневаюсь и насчет продавца, но береженого бог бережет. О нашем переходе границы властям, пожалуй, известно, и они приняли меры. Но фамилий наших не знают, у них нет наших фотографий.

— А если кто-нибудь из поляков работает на Москву?

— Кто-то, конечно, работает, но не те, с кем мы имеем дело.

— А Зося?

— Все может быть! Она подозрительна, но Незбржицкий уверял, что проверена.

— Какой Незбржицкий? Пан Александр? — воскликнул нервно Колков: «Стоит ли рассказать ему о моей связи с Зосей? Нет, только не сейчас!» — Она-то могла раздобыть и наши фотографии! — выдавил он, словно подумал вслух.

— Нас бы уже взяли. Но на всякий случай, когда осядем, сменим на документах фотографии, отпустим усы и будем брить головы.

— Может, ждут, когда пойдем по явкам?

— Они у тебя есть?

— У меня-то нет, но у тебя уж наверно! Неужто мы и в самом деле идем первыми?

— Дуля у меня есть! — зло отрезал Околов и показал кукиш.

— Ладно, нет так нет! — и сердито подумал: «Как пить дать брешет!»

— А теперь пойдем. Наш поезд отбывает через сорок семь минут. — Он посмотрел на часы. — Я взял два билета до Орла. За десять минут до отправления ты сядешь в вагон, вот тебе билет. Я проскочу пораньше, отнесу на место свой чемодан, выйду из вагона и со стороны буду наблюдать, есть ли хвост.

Неподалеку от вокзала Околов усадил Колкова в скверике на скамейку, а сам пошел в продуктовый магазин, купил колбасы, хлеба и бутылку водки, потом взял в камере хранения вещи.

— Что это у тебя? — спросил Колков.

— Принес тебе лошадку! Отныне ты отец семейства. Надень, кстати, и мою кепку, и мой плащ. Через полчаса, нет, через двадцать пять минут иди не торопясь на поезд. Наш вагон седьмой, но ты дойдешь до девятого и предъявишь билет. Если кондуктор заметит ошибку, возвращайся в седьмой, нет — войди внутрь и, когда тронется поезд, пройди через вагоны. А пока закуси, выпей, чтоб дети дома не журились! — И, кивнув Колкову головой, зашагал с чемоданом к вокзалу.

При посадке и в пути ничего не произошло. В Орел прибыли глубокой ночью. Дул северный ветер и поднимал тучи пыли. После долгих блужданий по городу, уже к утру, отыскали Дом колхозника. Сонный дежурный на их просьбу сердито заявил, что свободных кроватей нет и в ближайшие дни не ожидается.

Они вернулись на вокзал и уже через час спали мертвым сном в мягком вагоне скорого поезда, следовавшего на юг. Так они и ездили, пересаживаясь с поезда на поезд, в течение целой недели, пока от постоянной тряски боли в ногах у Колкова стали невыносимыми и поднялась температура. Случилось это в Астрахани. Тогда они сели на пароход и несколько дней плыли по Волге. Колкову стало лучше. Преодоленный страх, подтачивавший волю и отнимавший силы, возвращался все реже, обретая многоликие формы сомнений, раскаяния и какой-то щемящей тоски.

В Сталинграде людно и шумно. Старый Царицын превращался в могучий индустриальный центр. Какой-то старичок им рассказал, что за первую пятилетку (1929—1932) в городе было построено более пятидесяти новых заводов и фабрик, в том числе гигант тракторостроения завод имени Ф. Э. Дзержинского, металлургический завод «Красный Октябрь», судверфь...

Околов и Колков ходили по улицам, замечая только груды битого кирпича, кучи застывшего цемента, залитые водой котлованы, разбитые дороги, худые кирзовые сапоги и рваные ватники рабочих.

Потом они стали завязывать знакомства, жадно прислушиваясь к разговорам, в кафе вступили в провокационный спор, в ресторане напоили компанию летчиков водкой, старались уловить психику, влезть в их душу, энергично ища среди них единомышленников, но все было тщетно. Летчики, захмелев, хвалили колхозный строй, а один даже рассказывал, как колхоз, из которого он приехал, перевыполняет план по хлебосдаче, а отец летчика подписался на заем и теперь просит у сына денег.

В рабочей столовой Околов стал расспрашивать какую-то женщину о вредительстве, диверсиях врага, шпионах, предателях, троцкистах, бухаринцах... Она прищурилась и строго сказала:

— Ты чо, с луны свалился? Речь Сталина не читал!.. — И, встав из-за стола, подозрительно посмотрела на Околова и Колкова, так что им пришлось поскорее покинуть столовую.

2

В Сталинграде они опять сели на пароход и поплыли в Казань. Неторопливое путешествие по Волге успокоило их, уже не казалось, что за ними следят, на них подозрительно смотрят, подслушивают их разговоры, и, когда боль в ногах у Колкова приутихла, из Казани они отправились на поезде в Москву.

Прибыли утром. Многолюдный Казанский вокзал, шумная суетливая толпа у билетных касс, у киосков, ларьков, оценивающие взгляды милиционеров взвинчивали нервы и сбивали с толку.

Простояв часа полтора в толпе, они взяли билеты до Рязани на вечерний поезд и отправились осматривать Москву. Объехали на «букашке» Садовое кольцо, на «Аннушке» — Бульварное, и пошли пешком к за-

воду «Динамо», где согласно документам работал Георгий Сергеевич Иванов (Околов), изучили окружающие улочки и переулки, номера трамваев и автобусов. Побывали в двух столовых, в пивном баре, в какой-то «забегаловке» распили по кружке пива с несколькими рабочими и собрали, по мнению Колкова, ценный, а по мнению Околова, мизерный материал — имена, отчества и фамилии двух начальников цехов, вахтеров в проходной и нескольких прогульщиков-пьяниц.

Вечером уехали в Рязань. Им удалось устроиться в Доме колхозника на сутки, чтобы не прописываться в милиции. Потом снова в Москву — «обследовать» электрозавод имени Куйбышева, где согласно документам работает Александр Георгиевич Филипенко (Колков).

И снова изучение близлежащих улиц, знакомства в пивных, выпрашивание, вынюхивание, подслушивание в течение дня, чтобы вечером уехать в один из близлежащих от Москвы городов. Через неделю им показалось, что они уже в достаточной мере ознакомились с местом работы, тем более что оба ухитрились побывать на самих заводах. Но у Колкова заболели ноги, и они поехали в Кисловодск.

В Кисловодске деньги помогли устроиться на квартире у простой женщины, вдовы погибшего на гражданской войне красного бойца.

Серные ванны принесли Колкову облегчение. И все-таки он был удручен и подавлен, понимая безумие их предприятия. И даже на курорте, найдя ярого, казалось бы, противника советских порядков, какого-то брюзгу-бухгалтера, они не могли заинтересовать его делами белоэмигрантов. Бухгалтер назвал эмигрантов «беляками, предателями и шкурниками». Эта беседа с бухгалтером показала и Околову и Колкову, что им скоро грозит неминуемый провал.

Колкова стало раздражать снисходительно-покровительственное отношение к нему Околова, его ядовитые замечания и не терпящий возражения тон. Прожив в Кисловодске с десятков дней, побеседовав с вдовой о том о сем, Колков вдруг стал с сочувствием относиться к людям... «Не дуже весело живут, да не горюют. Детвора вон радостная!» — думал он.

— Война на носу, авось не сожрет нас гад Гитле-рюка, подавится, — уверенно говорила вдова. — Власть наша, рабоче-крестьянская, а не панска!

Колков слушал ее и улыбался. Такая уверенность

скромной женщины в стойкости Советской власти ему даже понравилась.

Каждое утро Колков ходил в водолечебницу, где опытный практикант-врач назначил ему серные ванны и вдруг обнаружил у него на ноге экзему и потребовал немедленно лечь в больницу либо возвратиться по месту жительства в Москву.

Колков растерялся. Ему захотелось пойти в сарай и повеситься. Но тут из Ейска приехал Околов.

— Хочешь покончить с собой? — сказал он довольно прозаично и, как всегда, грубо. — Умри героем! Убей ответственного работника, скажем, начальника ростовского НКВД. Отомсти за Ирошникова и Флорского. Зачем попусту лишать себя жизни?

Колков, сидя в полутемной комнате, согласился, но, выйдя в залитый солнцем двор, засомневался в своем решении. Перед глазами встал истерзанный толпою труп убийцы короля Югославии Александра в Марселе. Фильм о покушении запечатлелся в его памяти на всю жизнь. Он представил свой труп с неестественно поднятой рукой, весь окровавленный, и тотчас к горлу подступила тошнота.

— Подумаю! Торопиться некуда. А сейчас махнем на море! — сказал он Околову.

Околов же решил подготовить «друга» к террористическому акту. Они уехали в Феодосию и там, на курорте, где было, как им казалось, не так опасно, почти ежедневно вели разговор, сводившийся к одной теме: как Колкову пожертвовать собой.

— Теракт поднимет наш авторитет за границей и здесь, в Союзе! — уверял Околов.

— Убийство, пусть даже ответственного работника НКВД, это же для Советского Союза комаринный укус, — возражал Колков.

Околов все больше приходил к убеждению, что нужна интервенция. Война, только война! В его воображении возникали «планы», как диверсанты, террористы, подготовленные им, парализуют главные артерии страны, как взлетят в воздух гидростанции, нефтехранилища, пороховые склады, мосты... Ему, Околову, хотелось знать дислокацию войск, мощь транспорта, средства связи, коммуникации... «Нужны люди, надежные, опытные, сильные. Но где их взять? «Офицеры революции» из НТСНП для этого не годятся. Нужны смелые, честолюбивые!» Поразмыслив, он все-таки пришел к

мнению: даже один человек может принести много вреда. А если террористов будет пятьсот, как обещал Георгиевский? Это сто семьдесят боевых троек в разных, жизненно важных для страны точках! Околов опять стал уговаривать Колкова совершить террористический акт, но тот был деморализован и раскис.

В Феодосии они устроились в домике у простодушных стариков, которые так и не собрались прописать их в милиции. Рано утром Околов и Колков уходили далеко за город в облюбованное ими безлюдное местечко, где Околов мастерил печати для увольнительных из воинских частей и одновременно со свойственной ему настойчивостью убеждал Колкова кого-нибудь убить.

День проходил за днем, Колков, как только начинался разговор о террористическом акте, замолкал и уходил в сторону.

В день отъезда они пошли прощаться с морем. Октябрь давал себя знать, и хотя вода была теплой и солнце грело всюду, с моря налетали порывы холодного ветра.

Они долго молча сидели на берегу. Потом, чтобы как-то отвлечься от тяжелых мыслей, принялись разыскивать гладкие камни и заставляли их «плясать» по воде.

Швырнув очередной голыш, Околов прервал наконец молчание и с несвойственной для него флегматичностью произнес:

— Наша задача освободить народ от гипнотического транса, от страха перед вездесущим ГПУ. Необходимо сильная встряска, взрыв, реальный террористический акт, который заинтересует весь народ, воспламенит его, как пистон в патроне с порохом.

Колков улыбнулся:

— Ерунда! Я высказал примерно такую же мысль Чегодову. Тогда он мне рассказал, как во время войны невозможно было достать черного пороха, и он решил свои гильзы охотничьего ружья зарядить бездымными, из винтовочных патронов. И вечером отправился на «засидки» на зайцев в полузанесенный снегом капустник. Хотел сразу двух-трех убить дуплетом, нажал на спуск, а ружье с омерзительным шипением выблевало из дула всю заячью дробь вместе с пыжами в двух шагах от него. Нужно сперва узнать, каков этот порох, воспламенится ли народ от нашего пистона?

— Пистоны у нас с тобой отсырели? — сердито бросил Околов, поднялся и полез в воду.

— Отсырели, — сказал Колков и уставился вдаль, на проходящий пароход. Потом взял голыш и швырнул со злостью в море. Камень глухо шлепнулся в набежавшую волну и сгинул.

А море, то синее, то почти черно-фиолетовое издали и желтовато-зеленое у берега, равнодушно-спокойное, уверенное в своей силе, катило одну за другой пенные волны.

Утром они поехали в Краснодар.

Всю дорогу молчали и недружелюбно поглядывали друг на друга. На другой день они подыскали на самой окраине Краснодара на восточной стороне города, за рекой Корсунем, подходящую комнатуху, вернее, чулан, у немолодой вдовы с громкой фамилией Корнилова, а еще через два дня Колков устроился на работу в кузню, в трех шагах от дома.

В эти дни Околов заметно нервничал, много курил и часто глубоко задумывался. «Наверно, предстоит серьезная операция!» — смекнул Колков.

— Так вот, Александр, — как-то вечером начал Околов, хмуро глядя в окно. — Сядь, поговорим. Помнишь историю убийства Кучерова?

— Как же, настоящий был человек. Убил его и ограбил сволочь Скачков.

— Ошибаешься! Кучеров прятал у себя важные документы. Список разведывательной сети англичан на юге России. Генерал симпатизировал красным.

— Вот это да! Как интересно!

Околов рассказал все, что знал о Блаудисе, и умолк.

— Значит, у нас предстоит с ним встреча? А не думаешь, что этот английский резидент Блаудис подсадная утка? Если Кучеров был красный, то он наверняка дал бы эти документы или их копии большевикам.

— Это, конечно, возможно. У англичан даже есть сведения, что Блаудис отсидел свой срок в тюрьме, выпущен на свободу и проживает в Краснодаре на Заречной, четырнадцать. Англичане предполагают, что либо ему удалось скрыть свое подлинное лицо, или открыть его частично, либо он завербован ГПУ. Но это еще ничего не значит. Блаудис матерый волк, мстительный и жадный. Он знает, что в Лондонском банке на его имя лежит уже круглая сумма, а в досье, хранящемся в сейфе Интеллидженс сервис, записано все его

темное прошлое, за которое, невзирая ни на что, советские власти «поставят его к стенке». Он может быть весьма полезен и нам, следует только предоставить ему возможность время от времени «работать» и войти в доверие органов ГПУ.

— И что же ты хочешь?

— Ну это еще мы обговорим. Мы тоже сами с усами. Мне надо уехать в Ростов, а ты поразведай. Где он работает, когда приходит домой, с кем встречается, женат ли. Одним словом, осторожниенько узнай все, что можно. Ты ведь парень находчивый и смелый.

Колков плохо спал в эту ночь, а под утро ему приснился кошмар. Блаудис, огромный Блаудис (по описанию Околова, он был большим и грузным) водил широким и длинным уткообразным носом, сверлил его маленькими свинными глазками, что-то говорил по-английски и грозил кулачищем.

В то же утро, захватив один лишь портфель, Околов тайком уехал в Ленинград. Колкову он сказал: если 12—14 ноября не вернется или от него не будет письма, значит, с ним стряслась беда. В этом случае Колкову предстояло бросить работу и уходить за границу.

3

В субботу, после работы, Колков направился поглядеть на логово Блаудиса на Заречную, 14. Это была небольшая глинобитная хатенка на каменном фундаменте с двумя сверкающими чистотой окнами на улицу и тремя в вылизанный дворик с палисадником, в котором горели как жар настурции и отливал золотом шафран. Невысокий плетень, отделявший двор от соседнего, зарос вьюнками, или, как там говорят, кручеными панычами, а вдоль плетня выстроилась шеренга подсолнухов, и все они, как по команде «направо равняйся!», уставились на него. Справа в конце двора был сарай-дровяник, посредине — колодезь. Вдоль крашеного забора, со стороны улицы — неизменные вишни.

Во дворе ни души. На небольшом крылечке, утопающем в багрянце, золоте и рыжине виноградных листьев, расстелен чистый, почти белоснежный половик. Во всем чувствуется присутствие женщины.

«Блаудис на месте, — думал Колков. — Наверно, женат. Буду ходить каждый день, и когда вернется Околов, он назначит день встречи с Блаудисом».

Колков, не останавливаясь, прошел мимо. Здесь, на

окраине, прохожие редки, приметен каждый чужой. «Надо примелькаться, не привлекая особого внимания, — думал он, — за домом может быть установлено наблюдение». Миновав два квартала, Колков вышел на широкий выгон, в конце которого серело большое мрачное здание с козырьками на окнах — тюрьма. Сюда в былые времена казаки съезжались на ярмарку. Тут, наверно, когда-то устраивались скачки, делали смотры, собирались на сходку...

На углу серел старый дом с облупившейся штукатуркой, давно не крашенными окнами, с покосившимся крыльцом, крытой железом, проржавевшей крышей, над дверью красовалась вывеска: «Пивной барь», причем последние две буквы резко отличались от других. Приглядевшись, Колков прочитал упорно выступающее сквозь краску слово «Трактирь». «До чего живуче все старое! — подумал он. — Кто знает, что тут было? Постоялый двор или загородный ресторан? А может быть, публичный дом? Чайная? Пойду-ка выпью».

Он зашел внутрь, заказал кружку пива, «чего-нибудь закусить» и уселся в углу за свободный столик. Сонный официант, здоровенный детина, небрежно поставил ему под нос кружку пива и тарелку с несколькими ломтиками колбасы, кусочек брынзы и хлеба, спросил:

— Водки не хотите?

Колков сделал неопределенный жест и хотел было отказаться, но официант уже направлялся к стойке и через минуту принес графинчик с водкой.

— И вобла есть, если желаете! — наклонился официант к самому уху.

«Кельнеры, бои, гарсоны, половые всех наций и всех категорий, вы прежде всего великие физиономисты, безошибочно определяете, кто выпивоха и у кого в кармане водятся деньжата», — подумал Колков. Народу в баре было немного. За столиками сидели по одному, по два человека и только в углу неподалеку от небольшого помоста, где по вечерам, видимо, играл оркестр, соединив несколько столиков, сидела шумная компания молодых людей.

Прошел час. От выпитого пива, перемешанного с водкой, шумело в голове. Мысль о болезни неустанно сверлила мозг, на душе было тяжело, все существо охватывала какая-то глубокая подавленность, растерянность, он чувствовал себя опустошенным и безвольным, ничтожным винтиком пушенной в ход машины. И где-

то глубоко в подсознании понимал, что будет плыть по течению до уже близкого конца, что вместе с Околовым станет уверять, будто советские люди ненавидят власть и условия для работы НТСНП благоприятны, будет собирать шпионские сведения для врагов своего Отечества, горячо любимой России, и погибнет, расстрелянный в подвале или растерзанный толпой при попытке совершить террористический акт. «Будьте вы все прокляты! Не проще ли кончить все сразу, забраться куда-нибудь в сад или лесок и на первом суку... Смерть по собственному желанию... капитуляция, сдача без боя... Не воевать же против самого себя?! И против людей, речь которых ты впитал с молоком матери?!»

Вывела Колкова из задумчивости подошедшая к его столику пара. Парень ему понравился сразу: и его открытый взгляд голубых глаз, и густая копна вьющихся волос цвета спелой ржи, и большие руки хлебороба — спокойные, уверенные, самоутверждающие руки, и весь его облик, ладный и цельный.

— Свободно? — спросил он, отодвигая стул. — Садись! — предложил подруге и ласково-влюбленно улыбнулся.

Девушка ответила ему кокетливой согласной улыбкой:

— Товарищ так задумался, что тебя и не слышал. Вы, наверно, ждете кого-нибудь, не помешаем? — обратилась она к Колкову.

— Пожалуйста, садитесь! — пробормотал Колков.

Она была прелестна: кареглазая, с соболиными бровями, с пунцовыми, как спелая вишня, пухлыми губками, с чуть вздернутым носиком и темно-каштановыми шелковистыми волосами, заплетенными в две толстых косы.

Парень представился Колкову как Василий Терпигора, девушка как Анна Денисенко.

«Не родственница ли Лесику Денисенко? Он ведь тоже из Краснодара», — подумал Колков и представился:

— Александр Филипенко.

О чем же мог беседовать он, Колков, «человек из прошлого», с этими симпатичными молодыми людьми?

Словоохотливая и смешливая Аня Денисенко весело болтала о разных пустяках и заразила и Василя и Колкова своей жизнерадостностью.

Вдруг с треском распахнулась входная дверь, на по-

роге бара появилась женщина с испуганным лицом и крикнула истощенным голосом:

— Пожар! Горит тюрьма!

Все вскочили с мест и бросились, перегоняя друг друга, к двери. Не прошло и минуты, как зал опустел. Колков одним из последних вышел за порог, увидев официанта, заикнулся о счете, но тот, махнув рукой, бросил: «Потом!» — и, быстро заперев дверь, сломя голову побежал через выгон к трехэтажному мрачному строению, обнесенному высокими стенами. Левоё крыло здания было охвачено густым черным дымом, огненные языки лизали крашеную жечь крыши, и казалось, какая-то невидимая рука отрывает листы, и они, вспыхивая зеленовато-желтым пламенем, с шипением и треском падают во двор.

Со всех сторон сбегались люди. У многих в руках были ведра, топоры, лопаты, кирки. «Бегут спасти горящую тюрьму», — подумал Колков и тоже побежал. Он подоспел как раз в тот момент, когда часовые открывали тяжелые железные ворота для пожарной команды. Толпа хлынула в тюремный двор. И в этот миг стены здания потряс взрыв. Огненный столб взвился в небо. Люди попятились было, но не побежали. И тут же отозвался в подвале второй и, казалось, распахнул створки окованных железом дверей. Сначала появились тюремные надзиратели, за ними сотни полторы заключенных и пять-шесть бойцов с винтовками в руках. Стриженных наголо, небритых людей повели в дальний угол двора, цепочка стрелков отгородила их от толпы.

Тем временем пожарники наладили подачу воды, и две сильные струи обрушились на крышу. Но огонь, словно в него подливали масла, разгорался все больше. Духота в маленьком тюремном дворе сгушалась. Плотная и тяжелая, она висела в воздухе. Было трудно дышать. Трое молодых пожарных возились с подъемной лестницей. Что-то заедало, они нервничали, вертели какие-то ручки, дергали трос, старались вдеть какой-то штырь, но ничего не получалось.

И вдруг в той стороне, где стояли заключенные, на третьем этаже единственного незарешеченного окна распахнулись створки. Из окна в клубах дыма выглянула женщина в белом халате с ребенком на руках и хрипло крикнула:

— Спасите! Огонь!

И в тот же миг с людьми в тюремном дворе что-то

произошло. Словно женщина включила какой-то ток. Древний как мир извечный стимул, тысячелетний закон морали — спасти женщину и ребенка — стер грани сложности взаимоотношений, связанных с общественным долгом, службой, принципами. Растерянная, разношерстная толпа внезапно превратилась в боевую группу. Одни кинулись откатывать подальше от огня машины, другие с топорами и кирками побежали внутрь, а за ними вскоре по выстроившейся цепочке поплыли ведра с водой. Часть людей кинулась к пожарникам, чтобы подкатить машину к окну и помочь поскорее раздвинуть лестницу. Струя воды из пожарной кишки, дробя над головой женщины стекла, устремилась в комнату. Один из заключенных что-то крикнул надзирателям, подбежал к водосточной трубе и, как кошка, полез наверх. Огромный, обросший рыжей щетиной мужчина со свирепой физиономией добрался до карниза третьего этажа, стал на него спиной к стене, сделал шаг, другой, третий, схватился за оконную раму, выдавил локтем стекло, что-то сказал женщине, сделал рывок и очутился на подоконнике.

Тем временем человек двадцать содрали с грузовика брезент, подбежали к окну, где стояла женщина и растянули его, крича:

— Отдай Захару ребенка, а сама прыгай.

Но женщина задыхалась, уже ничего не понимала. Тогда Захар выхватил у нее из рук ребенка, а она дико вскрикнула и рухнула как подкошенная на пол.

Захар прыгнул с ребенком на подоконник, посмотрел вниз, сказал что-то подлезавшему по трубе светловолосому парню, в котором Колков узнал Василия Терпигору. Тот переплел ногами трубу и расширил руки.

Внизу все замерли.

И в тот же миг ребенок под звонкое «оп-па!» очутился в его объятиях. А еще через минуту они были на земле.

— Молодец! — встретили его люди внизу, одобрительно кричали и заключенные.

— Ничего, ничего, — ухмылялся смельчак, ища глазами свою Аннушку. В лице его не было ни кровинки, руки дрожали. — Кто даст закурить?

А наверху дело осложнилось, женщина не приходила в себя. Бросать ее, такую грузную, с третьего этажа Захар не решался. А пламя бушевало все яростней, уже горело левое крыло чердака. С минуты на минуту мог-

ла рухнуть крыша. Струя воды, разбиваясь порой о верхний косяк оконной рамы, обдавала брызгами стоявшего у окна зэка и женщину, которую он держал на руках. Женщина уронила голову ему на грудь и, казалося, спала.

— Эй! — крикнул кто-то снизу. — Держи конец! — И, свитая по всем правилам морского искусства веревка, брошенная сильной рукой пожарника, влетела прямо в окно.

Зэк подхватил веревку, сделал петлю, поддел ее женщине под мышки, тихонько ее подтолкнул, она начала медленно спускаться вниз.

Толпа, затаив дыхание, смотрела, как опускалась женщина, чиркая то спиной, то боком и рукой, то головой о стену, как-то неестественно свесив, точно плети, руки и ноги.

В это время пронзительно завывла сирена, и во двор въехали еще две пожарные машины. Толпа шарахнулась и потеснила на какое-то мгновение натягивающих брезент людей. В этот же миг на брезент тяжело опустилось тело женщины.

Женщину быстро отнесли в сторонку. И вдруг Колкову почудилось, что пожарники и люди внизу сейчас оставят в беде того смельчака Захара, который один остался наверху. Но внизу уже снова натянули брезент и закричали:

— Прыгай!

И под дружное «ура» Захар легко, как кошка, спрыгнул вниз. Надзиратели с металлическим блеском в глазах решительно потеснили толпу к воротам, в которые медленно въезжала «Скорая помощь».

«Сто чертей ему в душу! — недоумевал Колков. — Как могло такое произойти? Почему зэк спасает жену и ребенка своего тюремщика? Он ведь понимал, что, кроме него, никто не может это сделать? Отрабатывал срок? Вряд ли. Какие пружины, какие импульсы заставили его это сделать? Если грянет война, они все встанут, как один! И мое убийство какого-то советского чина ничего тут не изменит!»

...Приближались Октябрьские праздники. Колков решил съездить на родину в Ставрополь. Хотелось разыскать родных, верней, узнать, живут ли еще на старой квартире мать и сестра.

Он приехал в город и сразу же пошел на знакомую улицу и долго стоял у ворот дома; словно вчера он,

опаздывая в школу, выбегал из этих ворот (они казались тогда такими большими!) или, заигравшись с ребятами в «казаки-разбойники», с опаской возвращался. В памяти всплыл дровяник за домом и его, Шуркин, клад, зарытый под изъеденной шашелем балкой в жестяной коробке: отборные, точно отшлифованные, тяжелые айданчики — бабки. И его неодолимо потянуло во двор. В этот миг в воротах показался какой-то мужчина, вопросительно посмотрел на него, хотел что-то спросить, но молча прошел мимо. Потом выскочила девочка лет двенадцати.

— Скажи, девочка, в вашем доме не проживают Колковы? — спросил он хриплым голосом.

Она удивленно на него посмотрела, пожала плечами:

— Нет, не проживают! — и вприпрыжку побежала вниз по улице.

Он повернул в другую сторону и кто знает сколько времени бродил по городу с щемящей болью в груди, глубоко задумавшись над сутью и смыслом своей жизни на родине и там, в Белграде, над своими собственными делами и поступками, и в первый раз, может быть, до глубины души понял, отчего она в ссадинах, синяках и ранах и как изломано все его существо.

Вечером он выехал обратно в Краснодар.

11 ноября должен был приехать Околов, но прошло 12-е, 13-е, а его все не было — значит, либо арестован, либо стряслась другая беда. От хозяев узнал — краевой военкомат объявил нечто вроде пробной мобилизации, а у него не было воинского билета.

4

В то время как Колков ждал Околова в Краснодаре, Алексей Хованский в Белграде провел операцию, раскрывшую «закрытую работу» НТСНП.

«Среда» в клубе НТСНП закончилась, как обычно, в 22 часа. Немногочисленная публика сразу же разошлась, один за другим покинули прокуренное помещение и «нацмальчики». Едва ли не последним ушел в сопровождении охранника, молодого студента, член исполбюро НТСНП Кирилл Вергун.

Внизу, у выхода, к ним присоединились попутчики, верные друзья Чегодова — Зимовнов и Буйницкий, им, дескать, по дороге.

Миновав отель «Москва», они пересекли Теразию и свернули на Краля Александра.

Свирепая ноябрьская кошава забиралась в рукава, под подола пальто, пронизывала до костей и не давала идти. Редкие прохожие, уткнувшись носами в поднятые воротники, спешили изо всех сил, хватаясь то и дело за шапки. Было темно, сыро и промозгло. И только уставленные закусками витрины кафан светились ярко и манили.

А Вергуну хотелось есть. Пришел он в клуб рано и засел за финансовый отчет к завтрашнему заседанию исполнительного бюро. Не сходились концы с концами. Ускользали полученные Георгиевским от японцев суммы, неясны были расходы Байдалакова, и только все в порядке было у начальника разведшколы Околова, который сейчас находился где-то в Советском Союзе.

Шли молча. И вдруг у Ташмайдана, словно подслушав его мысли, Буйницкий остановился у кафаны «Код Далматинца», подхватил его под руку и сказал:

— Зайдемте на минутку, угощу вас такой штукой... Пальчики оближете!

Вергун нерешительно потоптался на месте, но, увидев, что Зимовнов уже схватился за ручку двери, жестом приглашает войти, последовал за ним.

Хозяин встретил Буйницкого как старого знакомого, провел гостей к свободному столу, жестом указал на стоящую тут же вешалку и спросил:

— Что будем есть, господа?

— «Димлене мурине» и белого вина, того самого! — заказал Буйницкий.

Усевшись, Вергун огляделся. Посетителей было немало. Видимо, все завсегда. За соседним столиком сидела, как ему показалось, необычная пара: высокий, смуглый, черноволосый мужчина с пронзительными серыми глазами, острым подбородком и тяжелыми рабочими руками и миниатюрная девушка с красивым профилем и необычно бледным лицом. Она время от времени прикладывала к глазам платок. «Выясняют отношения», — заключил он.

Не прошло и десяти минут, как стол был накрыт, поданы вино и рыба, и все принялись за еду.

Отведав блюдо, Вергун восторженно заметил:

— Ничего подобного в жизни не ел! — И переложил портфель с колен на соседний стул.

— Деликатес «Специалитет» острова Корчулы. Очищенную мурину разрезают вдоль хребта, натирают чес-

ноком, лавровым листом, петрушкой, растягивают при помощи прутьев и коптят в ароматном дыму мирта и лавра. Две недели! А потом уже варят в капустных листьях, сдабривают оливковым маслом, винным уксусом, репчатым луком и еще какими-то специями, — объяснил весело Буйницкий.

— Дорогое блюдо! Чудесное! А вино какое? — заметил Зимовнов, держа в одной руке вилку, в другой — стакан. — По какому случаю пир?

— Именинник я! — улыбнулся Буйницкий.

— Ымынынык! На четыре «ы»! Будь здоров! — поднимаясь с бокалом, крикнул Зимовнов. Его глаза весело поблескивали.

Все встали и подняли бокалы. И в этот миг Вергун услышал тихий стон и оглянулся. Сидевшая рядом за столиком девушка оперлась о стол, голова ее бессильно повисла, лицо, казалось, побледнело еще больше. Пошатнувшись, она медленно повалилась прямо на него.

Он подхватил ее. В миг подскочил Зимовнов и крикнул:

— Обморок! Скорей на воздух! — И они потащили ее к выходу.

Вергун вспомнил о портфеле только на улице, когда девушка уже пришла в себя.

— Портфель мой не взяли? — спросил он товарищей чуть не плачущим голосом. — Там документы! — И кинулся в кафану.

Стулья, где сидел он и куда положил портфель, были опрокинуты. С замиранием в сердце он заглянул под стол и уже со вздохом облегчения поднял портфель. И тотчас с ужасом убедился, что это не его портфель. Такой же точно, но не его!

— Все в порядке, — сказал Буйницкий, удивленно поглядывая на Вергуна, — ее хахаль посадил в машину, и они уехали. А что с вами, Кирилл Дмитриевич? На вас лица нет!

— Мой портфель! Пропал портфель! — прошептал Вергун одним губами.

— А это чей? — спросил Зимовнов, указывая глазами на портфель, который Вергун все еще держал в руках.

— Вроде бы у того серба был такой портфель. Перепутал, наверно. Да вы не волнуйтесь, выпейте! — и Буйницкий обратился к подошедшему хозяину: — Газда! Вы знаете эту пару?

— Они у меня первый раз.

— Взяли, наверно, по ошибке портфель господина, а свой оставили!

— Завтра, уверен, привезут. Впрочем, давайте откроем этот, может, установим личность. Или позвать полицию? Денег в вашем портфеле было много?

— Нет, нет! Не надо полицию! — всполошился Вергун.

— Сами разберемся! — заметил Зимовнов и, взяв из рук Вергуна портфель, раскрыл его и поглядел внутрь. — Здесь и деньги — две тысячи. Вот! Приедет он за ними. Никуда не денется! Посидим подождем его.

— К сожалению, господа, я обязан через полчаса закрывать, — глядя на часы, сказал хозяин, — на этот счет у нас строго. Полиция штрафует. — И обратившись к гостям, громко провозгласил: — Файрант!

Машина рванулась вперед, резко свернула на перекрестке и, все увеличивая скорость, помчалась вниз. Девушка тем временем стерла носовым платком с лица белила, погляделась в зеркало, подкрасила губы и, подарив «товарищу» ослепительную улыбку, спросила:

— Ну как, Олег? Хорошо?

— Здорово, Зорица, ты настоящая актриса! — Чегодов с восхищением посмотрел на девушку. Помощником в операции у Зорицы был молодой серб, скромный парень, которого Чегодов, знакомя неделю тому назад, предупредил: «Смотри, друг, не влюбись! Она занята! И ее кавалер такой, что может убить на месте!» Но не назвал парню Аркадия Попова. Олег тогда засмеялся.

— Отлично! На пять с плюсом сыграли!

На углу Кнеза Милоша и Дурмиторской машина остановилась. Девушка попрощалась, каблучки ее торопливо застучали по асфальту в сторону Сараевской улицы. А спустя пять минут из темноты к машине подошел Хованский.

— Ваше поручение выполнил, — небрежно прошептал Олег. — Вот она, вся филькина бухгалтерия. — И протянул Хованскому портфель.

— Эх ты! Не понимаешь, тут вся энтээсовская кухня, — сдержанно сказал Алексей.

— Да какая у этой шляпы Вергуна кухня! — засмеялся Чегодов.

— Это же элементарно. Во-первых, здесь все денеж-

ные поступления: чья разведка и сколько дает. Вторых, куда и по каким каналам уходят эти деньги. Уже этого достаточно. Сегодня ночью мы все это отрабатываем, чтобы завтра утром вернуть. А то беднягу кондрашка хватит.

...На другой день, когда Вергун зашел в кафану «Код Далматинца» и открыл только рот, хозяин, широко улыбаясь, протянул ему портфель.

— Уж извинялся, извинялся. «Впопыхах, — говорит, — схватил потфель и только утром заметил, что чужой». А у него там деньги. Не такие большие, но все-таки. Ну вот, а вы волновались! И не стоит благодарности. Заходите! Угощу вас в другой раз макрелью с грибами! Вот это блюдо! — И он поднял высоко руку и погрозил кому-то пальцем.

«Слава тебе господи! — подумал Вергун, убедившись, что все в портфеле на месте. — Шутка сказать — вся подноготная союза! Попади это врагам — мне лучше не жить!..»

5

Околов прибыл в Ленинград рано утром. Побродив по городу, он только к вечеру с тяжелой душой направился на квартиру к сестре. Предстоял трудный разговор начистоту, без обиняков; он понимал, что ему неведомы сложившиеся у людей за последние двадцать лет взгляды, взаимоотношения между мужчинами и женщинами, отцами и детьми, начальниками и подчиненными, братьями и сестрами... Изменился даже язык, толковый словарь Ушакова помечал такие слова, как «генерал», «господин», «гусар», устаревшими. Резко отличалась и русская речь, в нее вошло взамен старых множество новых слов, выражений, оборотов. Изменилось и само произношение. Культурный, классический язык старого чопорного Петербурга сменился на московский акающий говорок.

«Неужели, — думал он, — и Ксения, умная, справедливая сестра, тоже обольшевичилась? Нет! Не может быть!»

Натыкаясь на суетливых, как ему казалось, бестолковых уличных прохожих, он подошел к ее дому и стал дожидаться возле ворот.

«Какой стала Ксения — родная кровь, какой? — билась в его разгоряченном мозгу неотвязная мысль. Встреча с сестрой и память о прошлом была и радост-

ной, как весенний день, и тяжелой, как головная боль. — Узнает ли?»

Околов увидел сестру издали, когда она быстро переходила улицу. Она узнала его сразу и, словно споткнувшись, замедлила шаги. Он увидел, как взметнулись ее брови, испуганно расширились лучистые по-молодевские глаза.

— Жорж! Господи! — Она кинулась к нему и обняла тем теплым порывистым материнским объятием, как когда-то давно-давно в далеком детстве, и он почувствовал на своей щеке слезы матери.

— Вернулся, наконец-то... — Ей хотелось спросить: «Значит, ты все понял?» Но вместо этого лишь однозвучно шептала: — Я рада, рада!..

— Я здесь, Ксюша, нелегально, — освобождаясь от ее объятий, прошептал он сурово. — Нам поговорить надо...

— Поговорить... Да, да! — Она торопливо вытаскивала из сумочки носовой платок и, вытирая раскрасневшееся лицо, продолжала: — Конечно, Жорж, конечно... Ну так говори, говори же!

— Если ты думаешь, что я приехал мириться с Советской властью...

— Ты приехал бороться с этой властью? — перебила его сестра, и в ее голосе зазвучала горечь.

— Я всегда был откровенен с тобой... Вопрос стоит: быть ли Советской власти или не быть нам?

Ксения отшатнулась от брата. Глаза ее померкли, похолодели, губы плотно сжались.

— Я тоже буду откровенна.

— Ни капельки в этом не сомневался.

— Погоди, погоди... — Она потерла лоб тыльной стороной ладони и, не глядя на брата, произнесла: — Ты ошибался... И сейчас ошибаешься...

По тому, как она склонила голову и отвернула от него внезапно постаревшее лицо, он догадался, что намеревается сказать ему родная сестра, и все еще не верил своей догадке.

— Говори, Ксюша, говори.

— Союзницы во мне не ищи. Не по пути нам с тобой, — твердо заключила она.

— Ксения! Послушай, сестра! — Околов схватил ее за руку и крепко сжал локоть.

Чувствуя, как дрожит рука брата, она решительно разжала его цепкие, жесткие пальцы и, направившись к скверу, проговорила тихим, вымученным голосом:

— Пойдем отсюда.

Околов молча последовал за сестрой. А она шла, задумчиво опустив голову, и время от времени смахивала набегавшие на глаза слезы. В сквере одиноко горели редкие фонари, под ногами шуршали листья, все тонуло в густых сумерках надвигающейся ночи. Увидев стоящую в стороне скамью, перед клумбой, где еще белели астры, они уселись. Чужие, неприемлимые.

— Мне очень тяжело, — сказала она, скользнув затуманенным от слез взглядом по ряду редких фонарей, которые показались ей какими-то оборотнями, бредущими куда-то среди полного мрака. — С детства ты был упрям и бессердечен. Тебя не трогали ни материнские, ни мои слезы. Ты всегда добивался своего, но на этот раз...

— Ксения! Что случилось? Мы в разных лагерях?.. Давай поговорим спокойно. Как ты живешь, что вообще делаешь? — Он был явно обескуражен.

— Не будет у нас спокойного разговора. «Что случилось?» Ты плюнул мне в душу. Да как ты посмел ко мне явиться таким? Ты бы на моем месте предал меня цемедля властям, но меня удерживает клятва перед умирающей матерью. Ты ведь, наверно, пришел с пистолетами, с бомбами... Как мне теперь глядеть в глаза товарищам?

Околов сидел, опустив голову, и время от времени бросал исподлобья на сестру недобрые взгляды.

— Смотреть в глаза товарищам, — гортанно, нажимая на букву «р», протянул Околов, схватив сестру за руку. — А какие песни ты пела двадцать лет тому назад?

— Пусти! Ты делаешь мне больно! — Она с силой вырвала руку. — Двадцать лет!.. За это время во всем мире народилось много, много миллионов людей, в том числе и я, заново. Ты можешь понять, что такое второе рождение?

— Стараюсь, сестрица, стараюсь, да не хочу поверить... Не могу. — Он судорожно перевел дух.

— А ты поверь и не прячься от правды.

— От какой правды?

— Правда одна на земле...

— Тебя что, окрестили заново! Обольшевичили! И ты запела: «Мы на горе всем буржуям мировой пожар раздуем»? А когда кричали: «Даешь Европу!» —

ты тоже поверила? Да? — Околов сжимал кулаки, ему хотелось ударить сестру.

— Погоди. Речь ведь не о том. И к чему споры? Вот тебе мой совет, совет сестры, которая любила тебя как сестра и мать. Оглянись по сторонам. Открой глаза, замечай плохое, но замечай и хорошее, слушай плохое, но слушай и хорошее и щупай все руками и пойми, за какой срок это сделано и какими неумелыми еще руками. Задумайся над тем, что принес ты, что можешь дать ты этому народу? Новое учение? Более совершенную форму правления? Счастливую жизнь? Нет, нет и нет! Тобой руководит психология побежденных, вы ослеплены ненавистью, любовь ваша эгоистична, вы патриоты другой, несуществующей России. Пойми, старое мертво, его не воскресить...

— Мы и не хотим его воскрешать. Наша задача освободить народ от чуждого ему коммунистического строя...

— Почему чуждого? Вы задумали навязать народу нечто подобное тому, что он недавно сверг, и снова залить родную землю кровью? Опомнись! — Она посмотрела на брата, глубоко вздохнула и упавшим голосом, словно про себя, продолжала: — Кажется, я попусту трачу слова, вижу, как ты даешь понять, что неустрашим, хладнокровен и крепок, как гвоздь, и готов терпеливо выслушать что угодно, но выдают тебя глаза, хоть ты и стараешься их отвести, они горят по-волчьи. Гнев плохой советчик, негоже мне далее с тобой оставаться. Прощай! — И она встала и пошла, вся как-то согнувшись и волоча ноги, словно ждала выстрела в спину. Чтобы провести бессонную ночь в мучительных угрызениях совести.

Околов смотрел ей вслед, и в нем боролись противоречивые чувства — и злость, и жалость утраты, и разочарование от несбывшейся надежды, и, наконец, досада на себя, своих учителей там, на Западе, и на этот непонятный уже ему русский народ, ради свободы которого он пришел, рискуя жизнью, сюда. «Не протянула руки, не оглянулась, обозвала волком, а я-то старался ее оберечь и даже Георгиевскому сказал, что ее зовут Ольгой», — думал он, глядя на тонущую во мраке фигуру, и щемящая тоска, как старая наболевшая рана, наполнила все его существо. Вспомнились эвакуация из Керчи в 20-м году, прощание с родиной, слезы на глазах у мужчин, рыдания женщин, и вот снова прощание

и та же щемящая тоска. «Побеги, останови ее, откажись, еще не поздно, ступи на другой путь!» — шептало ему сердце. — «И тебя расстреляют или сошлют заживо гнить в лагере!» — возражал рассудок.

6

Переночевав на вокзале, Околов уехал в Царское Село и долго бродил по аллеям парка, такого красивого в эту осеннюю пору. Кругом было полно багряно-золотистого света, листья громко, как сучья, хрустели под ногами, пахло прелью и землей. Нигде ни души. Казалось, только он да осень гуляют по тихому парку.

«Характер человека — его судьба», — говорили древние греки. Что ж, будем ее ковать! И будьте все вы прокляты! — думал Околов. — Ясно, что ни о какой пропагандистской работе по распространению идей НТСНП в Советском Союзе не может быть и речи, не говоря уже об организации восстания или «пятой колонны». Остается одно — создать хотя бы какую-нибудь разведывательную сеть и по возможности самостоятельную, чтобы за хорошие деньги давать сведения разным разведкам. И обязательно связаться с немцами!! Рано или поздно они завоюют эту проклятую страну». Разговор с сестрой озлобил Околова. Если раньше он ненавидел большевиков, то теперь он готов был ненавидеть всех. Он знал, что, несмотря на закон, по которому «За разглашение военными сведениями военного характера, составляющих государственную тайну, если они не квалифицируются как измена родине и шпионаж — карается заключением в исправительно-трудовой лагерь на срок от десяти до двадцати лет», было немало ротозеев, болтунов, хвастунов и просто невоздержанных людей, желавших показать свою политическую, экономическую и военную осведомленность о жизни в СССР. Но где они? Как их найти? В вагоне поезда он услышал от солдата фамилию командира воинской части и записал ее, проводница проговорила о запасном железнодорожном пути на станции — он и это пометил в книжке шифром; симпатичный рабочий из Киева, подвыпив, точил с ним язык о своем номерном заводе. «Ага, — засек Околов. — Это человек «проверенный». И записал адрес рабочего. Но таким образом сведений он собрал маловато.

Аллея привела его к Пушкинской беседке. В тихой глади пруда отражались деревья, небо, белые облачка.

Он опустился на одиноко стоящую скамью и долго смотрел, как с высокого клена слетали в воду, точно какие-то золотистые бабочки, разлапистые листья. Опавшие листья...

Прошел добрый час. Он задремал. Разбудили его негромкие голоса и шуршание листья. К скамейке приближалась парочка. Остановившись в десяти шагах, молодой человек взял девушку за руку и продекламировал:

В те дни, когда в садах Лицея...

«Наверно, студенты, интересно», — подумал Околов. И все-таки на всякий случай огляделся и полез в карман, и рука его легла на пистолет.

Они постояли какую-то минуту, глядя на пруд, повернулись и направились к скамейке, на которой он сидел.

— Вы разрешите? — спросила девушка, и они уселись на краешке.

«Видимо, это их насиженное местечко, и они приходят сюда часто», — подумал Околов.

Жизнерадостные и веселые, они легко перебрасывались словами, порой острыми и даже колкими, порой ласковыми и сердечными, легко меняли темы или вдруг начинали горячий спор. Особенно сильное впечатление на Околова произвел их разговор о Циолковском, о последнем его труде.

— А общая перспектива роста тяжелой промышленности при имеющейся у нас сырьевой базе и плюс ракета Циолковского выдвинут нашу страну на *первое* место! — закончил молодой парень громогласным басом.

— А на Луну в ближайшие годы не полетите? — не выдержал Околов.

Молодой человек удивленно посмотрел на него:

— Это вопрос одного-двух десятилетий. Наука движется скачкообразно. Мы, физики, это понимаем...

— Физики, а увлекаетесь стишками? — удивился Околов.

— Это не «стишки», а Пушкин!

— Пушкин — дворянский поэт.

— Который, кстати, писал: «Теперь мила мне бала-лайка да пьяный топот трепака перед порогом кабака...» Нет, он наш, народный!!

— Вроде, значит, Демьяна Бедного? — съязвил Околов и, не желая больше ничего слушать, поднялся и

ушел. «Вот тебе и лапотная Русь! И антикоммунистически настроенная молодежь! Неужели наша ставка бита? Нет, все дело в личности. Не хитроумное марксистское колесо истории, а личность и только личность. И никаких большевиков на свете не было бы, если бы вместо безвольного Николая II на престоле сидел бы его отец или тезка Николай I. А народ? Народ же, как в «Борисе Годунове» у Пушкина, «безмолвствует!»»

«Личность в истории» — конспект НТСНП, напечатанный на плохой бумаге ротатором, оставался сейчас единственным якорем спасения. Личность в истории. Будет ли он, Околов, такой личностью? Хотя бы в истории разведки? Будет! Будет во что бы то ни стало!

Он прожил в Ленинграде еще три дня. Растерянный и подавленный бродил по улицам, заходил в музеи и подолгу простаивал перед дворцами, памятниками, мостами, соборами, смотрел, слушал объяснения экскурсоводов. 1 ноября выехал в Москву. Ему хотелось побывать на Красной площади во время демонстрации, чтобы убедиться, можно ли изыскать возможность для организации террористического акта на принимающих парад и приветствия вождей партии и правительства.

Первой задачей было попытаться обосновать прочное пристанище — нечто вроде конспиративной квартиры. Он понимал, что это очень непросто. И все-таки не терял надежды. «Александр мне только мешал, — думал он, вспоминая, как они тщетно рыскали по Москве в прошлый приезд. — Хорошо бы проникнуть в преступный мир, но как? Да и враги Советской власти сидят глубоко в подполье. Не дали ему явочной квартиры ни японский разведчик в Берлине полковник Монаки, ни генерал Савада, ни поляки».

Почти полдня провел он на Комсомольской площади, приглядывался к приезжим и местным, начал отличать бегающие (пожалуй, он впервые оценил меткое русское выражение «вороватые») глаза жуликов, обнаружил их хорошо организованную связь и «железное» руководство в лице матерого «вора в законе». Благодаря им запомнил привокзальных переодетых наблюдателей за порядком, впрочем, он узнал бы их и без предупредительных сигналов урок, на то он и разведчик...

Среди разноликой торопливой толпы он отличил спекулянтов и, может быть, скупщиков краденого, готовых за гроши купить все, что попадется под руку. Ему нуж-

ны были люди, предлагающие ночлег, по высоким ценам, конечно. Наконец, разглядел двух женщин, которые соглашались сдать на ночь угол. По испитому лицу одной сразу определил — пьяница; другая, опрятная старушка с маленькими хитрыми глазками под реденькими кустистыми бровями, со шелкой вместо рта и птичьим клювом вместо носа, оценивающе посмотрела на Околова:

— На ночь аль дольше?

— Как дела сложатся.

— До праздников чтоб управился. У нас на праздники строго, милиция шурует.

— Я не вор, мне нечего бояться, — уверенно ответил он.

— Девок не водить, насчет пьянства чтобы тихо, мирно, денежки наперед. Не ровен час... Нынче второе, до пятого живи на здоровье, а далее ни. Часто в Москве бываешь? Сам-то откуда?

— Раза два-три в году бываю, а сегодня в гостиницу не попал. Хочется парад посмотреть, — закинул удочку Околов, — демонстрацию.

— Хи-хи-хи! «Демонстрацию»? Без прописки? А вещички твои где? — спросила она, косясь на его портфель.

Так они и дошли, играя в кошки и мышки, до ворот ее дома, который находился совсем близко в узком, грязном переулке, миновали арку и оказались в маленьком дворе.

— Вон, — ткнула она пальцем вверх, — мои два окна. С дочкой я живу. Нету ее сейчас, уехали ее по двести семьдесят второй на два года. Одиннадцатый месяц пошел, скоро, писала, вернется.

— Почему, вернется, если на два года?

— Да ты что! Все придуриваешься аль с неба свалился? Да откуда ты? Не наш, что ли? — И она опасливо посмотрела на Околова.

— Старая вы, а глупая, — рассердился Околов. — Или думаете, только и свету в окошке ваш закуток! — Они вошли в квартиру, он внимательно осмотрел комнату. — Вот вам, мамаша, десять червонцев в задаток, и проживу я здесь все праздники. Ясно?

— Ясно, — приняла деньги сбитая с толку старуха.

Явочной или конспиративной квартирой служить эта комнатуха не могла, поскольку привокзальный район, несомненно, находился под пристальным наблюдением

милиции. Лучше всего было уехать отсюда, отыскать бы себе другое пристанище, но хозяйка сказала, что почти каждое утро, когда выносит мусор в стоящий у ворот ящик, находит в нем документы.

— Воровская работа. Карманники. Деньги возьмут, бумажник, сумку бросят. На землю нельзя — след. Так они в мусорный ящик кидают, — рассуждала старушка. — А то еще документ в почтовый ящик опустят. А почта в милицию, а милиция — пострадавшему. Вот, как найду документ — в почтовый ящик опускаю.

— Неужто каждое утро? — едва сдержал удивление Околов.

— Не каждое, но частенько. Вот на той неделе теть Маня женскую сумочку с пашпортом нашла.

«Настоящие документы! Паспорта, военные билеты, удостоверения, справки, печати, штампы, необходимые для разведки как воздух. Идут праздники, будет много пьяных. Может, и я соберу богатую жатву!»

Подожли праздники. Околов решил побывать на Красной площади, но это было не так просто. В колоннах шли коллективы заводов, фабрик, предприятий, учреждений. Все знали друг друга. Но ему таки удалось, как отставшему, пристроиться к небольшому коллективу ремонтной мастерской.

Он очутился на Красной площади, ликующей, радостной, освещенной солнцем и улыбками людей, затянутой алым кумачом, с громом музыки, криками «ура!» и множеством искусственных цветов, разноцветных шаров, транспарантов, знамен, портретов и с тысячами глаз, устремленных на Мавзолей, где стоял Сталин.

К своему удивлению, Околов поддался общему гипнозу, пожирал глазами стоявшего в простой солдатской шинели и фуражке усатого человека и тоже что-то кричал.

Вернулся домой он поздно и очень расстроенный. Чтобы встать рано утром, «отнести мусор» и снова бродить весь день, заводит знакомства в столовых и шашлычных, увя, как оказалось, бесплодные и бесперспективные. И даже урки не воровали, видимо, из уважения к Октябрю. Никто не бросал документы ни в почтовый ящик, ни тем более в мусорный.

Покинул Москву только 13 ноября, злой и обескураженный.

Околов приехал в Краснодар с твердо сложившимся решением уйти до снега в Польшу. Щедрый, солнечный юг встретил его ласковым теплом, обилием фруктов, овощей, вина и... неожиданностями. В Краснодаре шла пробная мобилизация.

Колков был спокойнее, в глазах не горели недобрые огоньки. Он ушел с работы, получил увольнительную и готовился уезжать с тем, чтобы к двадцатым числам, когда наступят безлунные ночи, быть в Минске. Не надеясь больше на встречу с Околовым, он решил податься в Польшу.

— Что можем мы сделать? Мы не виноваты, что нам не дали военных билетов! Ну их к черту! — И нехорошо выругался.

— Ты не прав. Тебя кормили, поили, учили уму-разуму, потом снабдили деньгами и документами, предоставили возможность жить на родине и заниматься чем хочешь, пообещали помогать и впредь тебе и твоим товарищам, а что ты сделал для них? Ничего! Да будет тебе известно, что разведчики всех мастей должны знать, где в Советском Союзе есть успехи, а где хвастовство. Я уверен, что многие успехи — туфта. И начальство большей частью влюблено в собственную мудрость.

— Что ты предлагаешь? Давать ложные сведения? — засмеялся Колков и сердито рубанул рукою воздух. — В Германии сейчас действуют несколько конкурирующих между собой разведок. Там с туфтой далеко не уедешь.

Околов снисходительно улыбнулся углами губ, хлопал Колкова по плечу:

— Запомни, выигрывает умнейший и у немцев, и тот, чье мнение будет совпадать с желанием божественного фюрера.

«Готовность к насилию, лжесвидетельству и доносу — залог быстрого выдвижения и «сладкой жизни». Подлость тщеславна и более чем что-либо другое мечтает о сытости и удовольствиях», — вспомнил Колков слова Кучерова. — Впрочем, — заключил он, — это относится и ко мне, и к Жоржу Околову. Жоржу — этому лицемерному аскету».

— Вот посмотри, — продолжал Околов, вынимая из кармана записную книжку, — она полна заметок, и очень ценных. Ты возьмешь кое-что у меня и этим под-

твердишь мои сведения, и напишешь о Краснодаре... Умей действовать, дорогой мой разведчик. Что ты узнал о Блаудисе?

— Ежедневно ходил на Заречную, видел Блаудиса. Он обычно уходит с работы около семи. Был пекарем, сейчас заведует складом.

— Нам надо встретиться с Блаудисом вечером, — сказал Околов. — Поезд на Москву отбывает в двадцать два часа пять минут.

— Неподдалеку от склада футбольная площадка, небольшой детский городок и беседка, — заговорил Колков. — Сейчас там по вечерам мрачно и пустынно. Там можно и поговорить.

Операцию они разработали подробнейшим образом. Она заключалась в следующем: Околов должен был ждать Блаудиса на скамейке, примерно в двадцати шагах от беседки, у стены которой в тени должен был притаиться Колков с пистолетом наготове. По знаку он обязан был, в зависимости от ситуации, либо сразу стрелять в Блаудиса, либо бесшумно подойти и приставить к его затылку дуло пистолета. Расчет был на темноту и дождь, который лил уже второй день. У Блаудиса следовало выяснить: когда и при каких обстоятельствах был он арестован; в каких лагерях и тюрьмах побывал, с какими иностранными разведчиками встречался, связан ли с советской разведкой, в какой мере и с кем именно? Околову предстояло допросить Блаудиса, пользуясь посулами, обещаниями и открытой угрозой. Вопросник, подготовленный англичанами, Околову казался устарелым. Он знал его наизусть.

На все это, по расчетам Околова, должно было пойти два — два с половиной часа. Был предусмотрен и заход на квартиру к Блаудису, если потребуются дополнительные материалы. Взята для камуфляжа бутылка водки и колечко колбасы.

На другой день вечером Околов и Колков, расплатившись с хозяйкой дома, собрав вещи и имея в карманах билеты на поезд, поехали трамваем на окраину города и остановились у футбольной площадки, через которую вела тропинка в сторону Заречной улицы.

Они уселись на скамейку возле беседки. Моросил дождь. Было темно. Когда стрелка часов приближалась к семи, Околов послал Александра наблюдать за тропинкой. И тут же Колков махнул рукой, что означало «идет».

Едва высокая фигура Блаудиса показалась возле беседки, Околов неслышно подкрался к нему сзади и негромко произнес пароль, который дала ему английская разведка и которым так неудачно воспользовался чуть не двадцать лет назад Кучеров:

— Пётёр Янович! Я от Гаврила Петровича, сына вашего...

— А сами кто будете?

— Товарищ его, Лука... Пройдемте в беседку. Привет вам от Джона Блейка.

Тот хмуро с высоты своего роста посмотрел на Околова и буркнул:

— Пойдемте... Я ведь уже старик. — И грузно сел на мокрую скамью.

— Нам о вас все известно, — жестко заговорил Околов. — Поэтому отвечайте начистоту, это в ваших интересах. Почему вас так быстро выпустили из тюрьмы?

— Вы сами виноваты в том, что меня посадили, — неопределенно произнес Блаудис.

— Ну ладно, ладно. Говори: кто остался у тебя верный из людей? Только не скажи случайно, что у тебя верный Николаев.

После недолгих препирательств Блаудис на клочке бумаги записал адреса и фамилии двух человек, сказав при этом, что эти люди верные и надежные, но очень старые и, может быть, уже умерли.

— В английском банке у тебя вырос немалый счет, — многозначительно заметил Околов. — За вранье его могут ликвидировать. Подумай, не найдется ли кто помоложе из людей.

Услышав о фунтах стерлингов, Блаудис даже выпрямился, икнул, и Околову показалось, что глаза его блеснули.

— Я сам бы помог, но за мной наблюдают. Мне придется доложить, что встречался с вами.

— Вот завтра вечером и доложишь, — засмеялся Околов.

— Ну хорошо, — прошептал Блаудис. — А денег вы мне привезли?

— Пусть вам Кучеров носит золото, — фыркнул Околов. — А вы уж, Петер Янович, сперва дело делайте, а потом будем расплачиваться. К вам придут люди, старайтесь устраивать их. Как у вас дома? Все благополучно?

— Домик отдельный. Жена. Но заходят... У меня

останавливаться нельзя, — неопределенно тянул Блаудис.

— Как люди на вашем складе настроены? — поинтересовался Околов.

— План по реализации выполняем, — с достоинством ответил собеседник.

— А как же готовитесь к войне? — перебил его Околов.

— Вот пробная мобилизация идет. Проверка боевой готовности молодежи.

— И что же, все надеются немцев победить?

— Нам чужой земли не надо, а своей и пяди не дадим, — тихо пропел Блаудис.

Так они проговорили еще с полчаса; на прощание Блаудис попросил Околова запомнить для английской разведки несколько бессмысленных слов. Околов сразу понял, что это какой-то код.

На том они и расстались. И менее чем через час «два туриста» уже сидели в купе пассажирского поезда, который вез их в сторону Москвы. Лежа на верхней полке, Околов старался заснуть и в сотый раз ставил себе вопросы: «Обманул ли Блаудис? Можно ли на него положиться в дальнейшем?» И, не придя ни к какому выводу, успокаивал себя: «Ответы на вопросы и код покажут. А мужик он умный и волевой. И все-таки надо послушать его совета, сойти с этого поезда и пересесть на другой».

Он, конечно, не знал, что Блаудис в ту же ночь сидел в отделении ГПУ и рассказывал о своей встрече с каким-то человеком и описал его портрет. Он высказал предположение, что этот неизвестный был одет по-дорожному и, вероятно, уехал на поезде. А ближайший поезд отходил на Москву. На Курском вокзале Околова и Колкова поджидали чекисты. Но и на этот раз им не удалось обнаружить «пассажиров». В Воронеже Околов вдруг разбудил Колкова, и они сошли, чтобы посмотреть места, где родился Околов и служил жандармским офицером его отец.

Москва встретила путешественников неласково, промозглой сыростью и холодом. Сдав ненужные вещи в камеру хранения Курского вокзала и закупив продукты, в тот же день они выехали в Минск.

Поезд прибыл вечером. Решили идти тем же путем, по которому пришли из Польши. Не без труда отыскали место, где было спрятано оружие, и двинулись даль-

ше уже по лесу. Идти было трудно и страшно, очень страшно! Шли как на смерть. Шли молча, под дождем, по ночам, как побитые собаки, не глядя друг на друга, каждый думал о своем. Границу пересекли в районе Ракова на пятые сутки, но вздохнули свободно лишь тогда, когда наткнулись на табличку с польской надписью на заборе околицы какой-то деревеньки.

Так бесславно закончился их вояж на родину, поход «честного и неподкупного аскета» и дерзновенного «казака-правдолюбя».

Глава десятая

Провал

1

На одном из заседаний в белградском клубе НТСНП исполбюро с унынием слушало доклад прибывшего из Берлина генсека Георгиевского. Надежды приобщиться к берлинской кухне, где варилось будущее Европы, таяли.

— Мы разработали хитроумный план воздействовать через третье лицо на самого фюрера. Назначенный по его личному распоряжению управляющим по делам русских беженцев царский свитский полковник Бискупский, произведенный «императором» Кириллом Владимировичем в генералы от кавалерии, в свое время был известен лишь тем, что женился на Вяльцевой. Модная певица сделала его желанным в гостиных большого света. В 1918 году Бискупский стал приближенным гетмана Скоропадского и вместе с ним бежал в Кобург, где в силу родственных связей Романовых с владетельным домом герцогов Саксен-Кобургских проживал со своей супругой «его императорское величество» Кирилл Владимирович. Бискупский устроился при дворе в качестве воспитателя наследника Владимира.

Георгиевский оглядел, щерясь, присутствующих и продолжал:

— Герцогиня Елизавета Саксен-Кобургская-Готская-Романова презирает своего легкомысленного мужа, его окружение и всю белую эмиграцию, полагая, что не они, а только ее земляки смогут восстановить в России монархию и возвести их на престол. «Не впервой-де им сажать в этой дикой стране царя». Это по силам лишь истинным немцам, которые возглавляют зарождающую-

ся в Мюнхене национал-социалистскую партию. И секретно передает весьма крупную сумму денег, которые получила от продажи своих бриллиантов, через Бискупского и баронессу Граббе-Мюфлинг, «Ауфбау» («Костяку») партии в лице Штрассера, Гитлера, Розенберга и Гесса...

— Штрассера или Шлейхера? Ведь Граббе... — переспросил кто-то из присутствующих на заседании.

— Тише, не перебивайте.

— Елизавета Михайловна Граббе, дочь наказного донского атамана при Николае Втором, придворная дама Марии Федоровны, вовремя бежала из Петрограда и поселилась в Мюнхене, где уже в пожилом возрасте вышла замуж за редактора преуспевающего журнала, некоего Мюфлинга. Ее немецкое происхождение и связи с кругами, поддерживающими «Ауфбау», переписка с вдовствующей императрицей и какие-то секретные дела с супругой блюстителя престола, к которой благоволил Гитлер, обратили на себя внимание нашего председателя германского отдела.

Георгиевский с укором посмотрел на закуривавшего Кирилла Вергуна, откашлялся.

— Подобрать к ней ключи было не так уж трудно. Из Варшавы я заехал в Мюнхен, и мне удалось уговорить баронессу передать «меморандум» ее доброй знакомой старушке, которая, в свою очередь, передаст его Гитлеру из рук в руки, поскольку «божественный фюрер», бывая в Мюнхене, запросто к ней заходит, помня добро.

— Она его прятала какое-то время после неудавшегося «пивного путча»! — сверкнув глазами, воодушевленно заметил Байдалаков.

— И в самом деле, — продолжал генсек, — «меморандум» попал в руки Гитлера. Он, рассказывала старушка, взглянул на него мельком, чуть нахмурился и сунул в карман. — Георгиевский сделал паузу. — Оставалось ждать. Я уехал в Берлин. И вот, наконец, меня пригласили на переговоры к Риббентропу. Однако вместо министра со мной беседовала глубоко осведомленная в делах российской эмиграции и, судя по вопросам, весьма бестактная дама в присутствии прилизанного господина, по-видимому, из ведомства Гимmlера. Наша встреча не дала ничего конкретного, и я счел за благо уехать. Немцы явно стараются показать, что подписанный с Советским Союзом пакт вполне искренен. Этим объясняется и требование свернуть работу нашей типографии.

Он изобразил на лице возмущение, вызванное таким приемом в Берлине, но на самом деле профессор неизменно выступал против сотрудничества с немцами.

Зато на лицах Байдалакова и Вергуна, истинных поклонников «великого фюрера», можно было прочесть искреннюю досаду и разочарование.

«Немцы нам не верят, — горестно думал Байдалаков, — кроме того, у Риббентропа, как у бывшего посла в Лондоне, накопился обширный материал о твоих, дорогой генсек, связях с Интеллидженс сервис, да и этот дурак гестаповец, получивший на съезде пощечину от идиота Буйницкого, уж наверно, постарался дать нам соответствующую характеристику! И конечно, большевики напортили нам с этим пактом!»

После Георгиевского выступали вернувшиеся из Германии авторы и наборщики листовок и так называемого «подлистка», предназначенных для распространения в СССР. Они жаловались на то, что трудились напрасно, что листовки в количестве двадцати-тридцати тысяч экземпляров, которые отвозили в Берлин на улицу Ландхутерштрассе, японскому разведчику полковнику Манаки, а тот, в свою очередь, переправлял их в Польшу, валялись в погребах генштаба и большей частью потом сжигались. Поляки не считали целесообразным рисковать своими агентами ради этой пустой затеи. Правда, делались попытки подсовывать листовки в вагоны идущих в Россию поездов или переправлять по воздуху попутным ветром при помощи наполненных газом шаров. Но проводники и пограничники тщательно проверяют прибывшие составы, а летучие баллоны опускаются где-нибудь на болотных топях, в лесных чащах либо их сбивают пограничники.

— Таким образом, — резюмировал один из выступавших, — надо с глубоким прискорбием признать, что в Советском Союзе никто не имеет понятия о том, что где-то существует и действует НТСНП.

Услыхав это заявление, непосвященные члены организации разинули рты. Вергун покраснел как рак. Георгиевский вертел в руках лупу и щерился. Байдалаков откашлялся и, снисходительно поглядывая на окружающих, сказал:

— Мы сделали все, что могли. Информация у вас не совсем точная. К этому вопросу мы вернемся. А сейчас уже поздно.

На том заседание кончилось.

Байдалаков и Георгиевский, разумеется, знали о неудачах с распространением антисоветских листовок, но тщательно оберегали тайну этих неудач. Не являлись эти неудачи секретом для английской и немецкой разведок. Но члены союза, не говоря уже о простом русском обывателе-беженце, не имели о том никакого понятия. Они были уверены, что НТСНП ведет «колоссальную пропагандистскую работу в Советском Союзе».

И вот теперь фокус не удался. В связи с эвакуацией «Льдины» стоял под угрозой выход очередного номера газеты. А самое страшное — интерес к НТСНП заслонили грозные события: 1 сентября 1939 года началась война...

Рвалась связь с переброшенными Околовым в СССР эмиссарами. И Байдалакову по средам, в «клубный день», когда собиралась посторонняя публика, все труднее становилось высасывать из пальца материал, чтобы с таинственным видом читать письма «из стран, где союзная деятельность запрещена».

В германском плане нападения на Польшу предусматривалось полное и быстрое уничтожение польской разведывательной системы. Выполнение этого мероприятия Канарис возложил на капитана Фабиана. По его заданию три моторизованные группы под командой лейтенантов Булана, Шнейдера и Енша захватили в начале военных действий определенные участки и парализовали польские разведывательные центры.

В результате абверу удалось раскрыть всю польскую зарубежную разведывательную сеть, насчитывающую около четырех тысяч агентов. Все они, за исключением бежавших и тех, кто действовал против рейха, были перевербованы и переключены на работу в пользу Германии.

Румыния в ту пору еще стояла на распутье, оставаться ли с Антантой или примкнуть к Гитлеру. Вот почему, когда Околов, вернувшись из СССР, был назначен начальником закрытого сектора НТСНП, ему удалось установить контакт с начальником контрразведывательного отдела румынского генштаба подполковником Манулеску и его сотрудником майором Тройлеску и добиться согласия на организацию в Бухаресте «школы» и переброску членов НТСНП на советскую территорию, он стал героем дня. Правда, согласие было дано на известных условиях, да и то после настоящего вмешательства сотрудника японского посольства Нумира.

Следовало спешно переправить в Бухарест (по не-

официальному разрешению) прибывавшую из Фалькензее «Льдину» (таков был код нелегальной типографии и радиостанции НТСНП), которой предстояло «стать на якорь» в Кишиневе. А также устроить на постоянное жительство экипаж «Льдины».

Не приходилось мешкать и с подбором и подготовкой толковых людей для работы в типографии и на радиостанции. Руководство НТСНП давно уже носилось с мыслью установить неподалеку от границы СССР радиопередатчик, но все попытки наталкивались на сопротивление румынских властей. Околов надеялся, что румын ему удастся уломать.

И вот спустя месяц после доклада Георгиевского на заседании исполбюро из Румынии с хорошими вестями приехал Околов. Самоуверенный, жесткий, он оценивающе, свысока смотрел на рядовых членов союза, обращался на «вы» и, здороваясь, небрежно совал два пальца. «Идеология» его больше не интересовала. Главное — завербовать как можно больше людей, не считаясь с их духовным багажом, натаскать их за два-три месяца, придумать «легенду» и перебросить через границу в Советский Союз. Чтобы потом, «сидя на равных» в дорогом ресторане с малыми шефами японской, польской, румынской или югославской разведок, подсовывать им очередную туфту.

Такой Околов импонировал Байдалакову и Георгиевскому и даже тем рядовым членам НТСНП, которые давно хотели видеть хотя бы маленького, но своего фюрера.

2

В ночь с 11 на 12 августа 1939 года польско-советскую границу в районе городка Лунинец перешли три группы диверсантов, каждую группу сопровождали по три вооруженных до зубов проводника. В первой двойке шли Колков и Ольшевский, во второй Бережной и Бржестовский, в третьей Чепурнов и Дурново. Шесть суток пробирались они разными путями по глухому лесу и подсыхающим болотам. Группа Колкова остановилась неподалеку от полотна железной дороги. Утром проводники показали Колкову и Ольшевскому ориентиры: слева — дорога, справа — река Припять, идите, мол, между ними и доберетесь до Мозыря.

Оставшись вдвоем, они еще шли несколько километров по лесной просеке, пока к пяти часам утра не остано-

вились у реки Птичь. Тут решили отдохнуть. Забрались в густой ивняк, закусили, выкурили по папиросе и улеглись под брезент спать. Но сквозь сон Колков услышал, как хрустнула ветка: то ли под чьим-то сапогом, то ли под копытом. Александр нащупал у пояса пистолет, осторожно приподнял голову и прислушался. Потом вышел из-под куста и, добравшись до старой ивы, осмотрелся.

Высокий правый берег Птичи был пустыней, сзади в лучах солнца зеленел лес. Всюду царили покой и беззаботность, только утренний ветерок едва перебирал листву деревьев. Но Колков не доверял этой тишине, он ждал затаив дыхание: треск сучьев должен повториться!

Наконец справа за кустами послышался шорох, Колков рванул пистолет. На поляну вышел огромный, почти двухметровой длины вепрь. Он шел осторожно, прислушиваясь и прииживаясь, щетиня гребень загривка, вытягивая морду, по-видимому, чуя человека. Колков вскинул пистолет, прицелился, готовый в любой момент нажать на спуск. Блеск стали напугал зверя, и он кинулся в кусты.

Переведа от волнения и страха дух, Колков подошел к спящему Ольшевскому. А Кацо, родом из Тифлиса, похрапывал под брезентом.

Колков шел с Ольшевским, которого знал по кадетскому корпусу. Это горячий кавказец, смелый; однажды они даже подрались. Но с той поры стали друзьями. Поэтому в товарище своем Колков уверен. Ему вспомнился первый переход через границу в августе 1938 года, когда он шел вместе с Околовым. Тогда он трусился больше, чем сейчас, но верил в правоту дела, на которое шел в Советский Союз, а сейчас к своему походу он был почти равнодушен. Околов теперь стал начальником разведки НТСНП, одновременно возглавляет разведшколу. А Колкову вновь досталась роль рядового исполнителя чужих замыслов. Впрочем, на сей раз он идет старшим; в Мозыре ему предстоит встретить две другие двойки и руководить ими по выполнению намеченных операций.

«Ты зрело смотришь на вещи, на тебя возлагает надежды наше исполбюро», — уверял его перед забросом в СССР Околов. Но Колков ему не верил. Он не верил больше и Байдалакову, который еще в Югославии твердил ему, что русский народ в СССР очень сочувствует идеям НТСНП, уверял его, Колкова, который сам побы-

вал в России и убедился: людям наплевать на белую идею!

Вера Колкова в замыслы главарей НТСНП особенно надломилась после возвращения его из СССР. Они вернулись с Околовым в Польшу, неся какую-никакую истинную информацию о Советском Союзе для заграничного белого движения, а их сразу же на территории Польши арестовали и направили в полицейский комиссариат, допросили и отвезли в Вильно. Возмущало Колкова, что на их сведения накинута польская разведка. Но он, Колков, никогда не продавался ни полякам, ни англичанам, ни японцам. Значит, верхушка НТСНП продана? И немцам продана тоже?

Околова совершенно не мучили угрызения совести, он, ухмыляясь, провожал Колкова в Вильно на вокзале, когда Александр уезжал в Варшаву. А Александр чувствовал себя больным и хотел лечь в больницу. Гостиницу в Варшаве ему заказали опять ту же, где он пребывал перед забросом в СССР. Колков увидел сонного портье, того же плутоватого бармена за стойкой, почувствовал тот же запах, присущий всем второклассным отелям.

Будто бы с ним ничего не случилось, будто бы он не побывал в СССР, не пережил встречи с родным домом, с родным городом. Колков ходил по коридорам отеля, надеясь увидеться с Зосей, но она уже уволилась и куда-то уехала. Это его совсем расстроило.

На другой день Колков пошел в угнетенном состоянии на прием к врачу. Но вышел от врача взбодренный: экземы, которой его напугали в Краснодаре, не было. Как же так? Не мог же врач его там обмануть?..

Уже повеселевший, прошелся он по улицам Варшавы, заглянул в свой любимый кабачок у храма св. Анны, пропустил рюмочку-другую и вскоре трезвонил у двери квартиры Вюрглера. И тут, в квартире, неожиданно-негаданно встретил бесшабашного «гусара» Сашу Чепурнова, похудевшего и озлобленного, с нехорошим блеском в глазах. Оказалось, что его группа при переходе границы где-то под Львовом наткнулась на засаду. Бабкин и Спица были убиты, а он, Чепурнов, после трехдневного блуждания по болотам, совершенно измотанный и больной, вернулся на польскую сторону. Его положили в больницу, где он и пролежал около месяца. А потом его еще дважды заставляли переходить границу для сбора шпионских сведений и потом отправили сюда, в Варшаву.

Чепурнов был пьян, он все порывался рассказать о своих страданиях там, в СССР, и Колков заразился от него злобой. Вюрглер слушал их молча, уставясь куда-то в сторону, и лишь изредка устремлял на Колкова испытующий взгляд.

— В польской разведке сволочи! — кипел Колков. — Меня по-хамски допрашивали, разъединили с Жоржем...

— Все утрясется. Скоро придет Байдалаков и поговорит с кем надо, — успокоительно мямлил Вюрглер. — Не надо расстраиваться, ведь обошлось благополучно!

— Благополучно? Из шести человек, заброшенных в Советский Союз, остался только один Гурский. Да, может быть, и он убит или пойман, — кричал возмущенно Колков.

— Да, о Гурском никаких сведений нет, — поддержал Чепурнов и порывисто поднялся с дивана. — Да что там! — Он махнул рукой, уселся за пианино, хлопнул крышкой, взял аккорд и запел приятным баритоном:

Шутя ты дуга жизнь погубишь,
Шутя подставишь свою грудь,
Гусаг беспутный, кого ты любишь?
И любишь ли кого-нибудь...

Вюрглер опасливо посмотрел на потолок, хотел что-то сказать, но промолчал. А Чепурнов так же порывисто встал, обнял Колкова и с наигранной веселостью прокартавил:

— Пойдем, Шугка, скоготаем вечегок! Денег у меня хоть пгуд пгуди!

И вот теперь, находясь второй раз на территории Советского Союза, на берегу реки Птичь, смотря на высокий раскидистый дуб, Александр Колков думал о том, что он уже совсем потерял совесть, что вовлечен в шпионскую сеть польской и японской разведок и не принадлежит сам себе, он действительно враг своего народа. Ему было горько это осознавать, потому что когда-то он искренне хотел освободить свой народ от большевиков, а теперь оказывалось, что он помогает это делать японцам и полякам, а может быть, и немцам. Как же так? Его родную мать, которая живет здесь, он хочет «освободить» с помощью японцев? Он уже плохо понимал, что с ним стало. Ему бы пойти сейчас к матери и попросить у нее прощения и признаться, что он страшно заблуждался. Перед ним был пустынный луг, над которым

кружился коршун, а могучий дуб сверху протягивал ему ветви-руки и о чем-то шелестел. А Ольшевский все еще спал в кустах.

3

Во второй двойке, которая перешла польско-советскую границу, были Петр Антонович Бережной (по новому паспорту Вихров, а еще по одному паспорту — Карпов) и Бржестовский.

Бережной родился в 1910 году в семье крестьянина-переселенца Каменец-Подольской губернии. Отец его Антон Варфоломеевич поселился в деревне Занадворовке Приморской области, самоучкой дошел до народного учителя, в 14-м году был призван в армию, кончил школу прапорщиков, ушел на фронт и пропал без вести.

Мать с детьми приехала в Раздольное, долго мыкалась в поисках работы и нанялась прачкой к генералу, который и устроил в 1920 году маленького Петю в первый класс Хабаровского кадетского корпуса. В 1922 году корпус был эвакуирован во Владивосток, потом в Шанхай, а в 1926-м перевезен в Югославию и объединен с Донским.

Как-то, будучи дежурным по корпусу, Олег Чегодов заступился за кадета 2-й сотни, которому устраивали темную невзлюбившие его почему-то донцы, и удачно примирил его с классом. Петр Бережной, который имел кличку Бага, через Чегодова невзначай подружился с Хованским. Далеко-далеко, в Приморском крае, жили мать, сестра и брат Петра Бережного. Кружок Чегодова был тайным, в нем изучали труды Ленина. И Петр, окончив корпус, просил Хованского отправить его куда-нибудь в Советский Союз. Но Хованский предложил ему поработать сначала на пользу родины против ее врагов. В 1936 году Бережной по совету Хованского вступил в ряды НТСНП. Прошло три года, трудных, напряженных. И вот он перешел польско-советскую границу, он на родине. Бага послан сюда как «бесстрашный и ярый энтээсовец», как и вся шестерка. После разговора с Байдалаковым он выехал из Белграда в Варшаву, жил в отеле «Виктория», потом занимался в «Торговой фирме Даковского», потом оказался в городе Луинец с его грязной гостиницей «Варшавская», где ему подгоняли одежду, тренировался в стрельбе из пистолета, изучал специальную брошюру «Переход границы», запоминая легенду. 13 августа в 9 вечера он вместе с Бржестовским

и с тремя проводниками углубился в территорию Советского Союза. Шли всю ночь. Утром по просьбе Бржестовского, который очень устал, решили передохнуть, а спустя два часа случайно наткнулись на пограничный патруль во главе с начальником заставы. Началась перестрелка. Бережной кинулся в кусты и лег на землю, чтобы, чего доброго, не подстрелили. Впрочем, опасался он напрасно, пограничники действовали согласно приказу: «По нарушителям не стрелять, а брать их живыми либо гнать к границе». Бржестовский с тремя проводниками, отстреливаясь, вернулся на территорию Польши, а Бережного доставили в Мозырь и в тот же день самолетом привезли в Москву.

Он, Петр, такому обороту дела был очень рад. О прибытии всех трех двоек из-за границы советские контрразведчики знали. Они очень тактично обошлись с Бережным, после разговора ему показали столицу, с ним обсудили подробно судьбу каждого из засланных на советскую территорию диверсантов, их планы и всю операцию по обезвреживанию этой группы. Бережному предстояло продолжать «игру», помочь советским чекистам разоружить людей Колкова, выявить их связи, явки, если таковые имеются. Операцию возглавлял понаправившийся Бережному молодой лейтенант госбезопасности Николай Николаевич Романчук.

...Вечером Колков и Ольшевский закопали под дубом у реки Птичь походную утварь, гранаты и парабеллумы, утром они были уже в Мозыре, а спустя два дня расхаживали по Москве.

Теперь им предстояло в условленное время встретиться с группами, которым удастся перейти границу, а потом уже осесть в заранее намеченных пунктах и устраиваться на постоянную работу.

Но это было еще далеко не все. Польская Двуйка, снабдив их шифрами и кодами, требовала постоянной дачи сведений. Следовало обратить особое внимание на технику, новое оружие и, конечно, возможную мобилизацию. Предстояло провести небезопасную операцию под кодовым названием «Райзефибер» — встретиться с английским резидентом Блаудисом и выяснить окончательно, может ли он быть полезен разведке НТСНП.

В Москве Колков и Ольшевский не задержались. Колков знал, что жить надо на колесах. Но, купив све-

жий номер газеты «Труд», вдруг прочитал о том, что Германия 1 сентября напала на Польшу. В поезде, который вез Колкова и Ольшевского из Москвы в Воронеж, они узнали, что 3 сентября Англия и Франция объявили Германии войну. Международная обстановка резко обострилась. Советская Армия вступила на территорию Западной Украины и Западной Белоруссии.

Колков и Ольшевский видели, как советские люди встревожились, как горячо обсуждали они международные события. Предчувствие какой-то мировой катастрофы не сходило с уст собеседников, где бы их ни встречали Колков и Ольшевский.

В Воронеже Колков встретился с ранее перешедшим границу Авчинниковым и взял его с собой.

В конце сентября Колков с Ольшевским и с Авчинниковым поехали на условленную встречу с Чепурновым, Дурново и Бережным. Колков снял большую комнату на шесть кроватей, но его удивило, как все были насторожены, испуганы, малоразговорчивы, не доверялись друг другу. Особенно изменился Чепурнов. Всегда веселый, с вечной улыбкой на лице, беззаботный, Саша превратился в мрачного, со злыми, бегающими глазами загнанного зверя. Он с утра заряжался водкой и грозил всем и вся. «Бойтся собственной тени», — жаловался на него Колкову напарник Василий Дурново, племянник небезызвестного министра внутренних дел Российской империи. — Не хочу иметь с ним дела! Не выношу его морды».

Всем предстояло вжиться, привыкнуть к городу и к советским людям. Обедали в столовых, а ужинали часто в ресторане. Однажды поздней ночью Колков и Авчинников возвращались из ресторана, где изрядно выпили. Пьяному Авчинникову пришло в голову пострелять из пистолета. Его стали отговаривать, но он вытащил маузер и выстрелил в воздух. Колков вспылил и сказал, что если это повторится, то он прикончит его на месте.

— Трус! Заячья душа! Чего испугался? Ха-ха! — пряча пистолет, зло захохотал Авчинников.

Придя домой, Авчинников разбудил Ольшевского и Бережного и с издевкой начал рассказывать, как перепугался «наш учитель, вождь и герой» Колков, и что он, Авчинников, просто испробовал в пустынной, глухой улице, как работает его маузер. Распалясь, он в лицо оскорблял Колкова.

Колков молча разделся, улегся в постель и с кажущимся спокойствием бросил:

— Заткнись! Не то худо будет...

Пьяный Авчинников, расхаживая по комнате, изливался площадной бранью. Колков вскочил с постели и ударом кулака в лицо сбил Авчинникова с ног и тут же, ни на кого не глядя, снова улегся в постель, отвернулся к стене и вскоре забылся тяжелым сном.

Утром все проснулись поздно. Погода еще с вечера испортилась. В окна бился ветер. Молча подымались с кроватей, не глядя друг на друга, позавтракали.

— Ну, я пошел, — буркнул Авчинников и зло захлопнул за собою дверь.

— Зна-а-ешь, — обращаясь к Колкову, начал Ольшевский, — этот сумасшедший ночью чуть тебя не за-а-а-стрелил. Я вырвал у н-н-него из рук пи-столет, тогда он кинулся к чемодану, сорвал крышку и до-о-стал бомбу, чтобы «взорвать всех ко всем чертям»! Идиот! Пора с нашим съездом кончать... — Он хотел еще что-то добавить и только махнул безнадежно рукой.

Колков хотел бежать на улицу и догонять Авчинникова, но был остановлен внимательным взглядом Бережного.

«Почему он так всегда на меня смотрит? — подумал Колков. — Самый из нас спокойный. Уверен в себе. А ему ведь пришлось тяжелее всех, пришел с боем».

Сев верхом на стул, он обратился к Ольшевскому:

— Ты прав, Кацо, нечего тут сидеть, сегодня все обсудим, а завтра разъедемся. У меня Бережному особое предложение. Бага, ты согласен проделать со мной одну операцию?

— Не знаю, сначала расскажи, — неторопливо заметил Петр и сел напротив него на кровать.

— Центр поручил мне важное дело, — начал многозначительно Колков и рассказал в общих чертах историю Блаудиса и о существующей, по словам Колкова, в Ейске тайной организации.

После долгих обсуждений решили в ближайшие дни выехать в Ейск и на месте отработать операцию досконально.

Потом заговорили о поведении Авчинникова.

— Он может выкинуть любой фортель, — заметил Ольшевский. — Предлагаю его обезоружить либо по-орвать с ним всякую связь. Пусть живет как хочет.

— Все мы связаны одной ниточкой, которую не обо-

рвешь. Он слабовольный, может не выдержать, поставить под удар себя и нас. Бросать его нельзя, — сказал Бережной.

Колков удивленно посмотрел на Багу и подумал: «А ведь он толковый мужик!»

— Черт меня дернул встретиться с ним в Воронеже! Но он просил меня об этом в Варшаве. Сердце чуяло, просто шептало: «Подальше от этих «жоржиков».

После обеда все шестеро собрались в этой же комнате. Последним явился Чепурнов. Он был навеселе. Подойдя к столу, постучал карандашом по графину, окинул взглядом присутствующих и с пьяной улыбкой начал:

— Господа! Единомышленники! Объявляю заседание «Торговой фирмы Даковского» открытым!.. — На него зацыкали, и он плюхнулся на кровать.

— Ребята! — Колков сел на председательское место. — Прошлый раз мы обсуждали, каково должно быть содержание наших листовок к гражданам Советского Союза. Мы пришли к заключению, что название НТСНП здесь не звучит и не может привлечь широкие массы...

— Хе-хе! Широчайшие... — пьяно из кровати вставил Чепурнов.

— Наша организация по предложению Александра Георгиевича, — Авчинников насмешливо покосился в сторону Колкова, — впредь будет называться не НТСНП, а ВТС, то бишь Всероссийским трудовым союзом, к нам хлынут прежде всего большевики и чекисты.

Все фыркнули.

Колков набычился и стиснул зубы.

— Да ты не сердись, — пьяно мычал из постели Чепурнов. — Какие уж там широкие массы? Одного человека до сих пор не сумели залучить! Как бы выпустить хоть одну листовку, так сказать, наш манифест. А от кого сей манифест, неизвестно.

— Почему неизвестно? — вступил в разговор Ольшевский, — Всероссийский т-т-тру-у-удовой.

— Бред какой-то! Мы пришли бороться с большевиками, а не союз с ними заключать. Надо пускать в ход оружие. Война началась, — сказал Чепурнов.

Авчинников, сердито чиркнув спичкой, начал прикуривать. Бережной и Дурново молчали.

— Надо же все-таки как-то заявить о себе, — продолжал Колков, обращаясь к Ольшевскому, Бережному и Дурново.

— Кому заявить? Как заявить? Широким массам? Выпустив сотню или две сотни листовок? У нас нет даже пишущей машинки, ротатора, шапирографа! — кипятился Авчинников.

— Война, друзья однополчане, только начинается... Скоро запахнет порохом и здесь. Черт побери! — Чепурнов пьяно встал с постели, поднял к носу палец и, стараясь изобразить Околова, заговорил поучительно: — Война заставляет пересмотреть тактические установки. Мы будем действовать заодно с Гитлером. Предлагаю послать на ту сторону связного. Лучше всего Васю, у него призывной возраст, больным его не назовешь, тютелька в тютельку борец за свободу, равенство и братство времен семнадцатого года... Ха-ха!

Дурново вспыхнул, окинул злым взглядом Чепурнова, хотел что-то сказать, но только презрительно улыбнулся.

— Нам как воздух нужна связь, — продолжал болтать Чепурнов, делая вид, что ничего не заметил, — рация и деньги, крупные деньги...

— Чтобы пьянствовать! — бросил, не выдержав, Дурново.

— Пьян да умен — два угодья в нем, мон шер! — парировал развеселившийся Чепурнов. — Пьяному легче заниматься пропагандой!

— Сперва надо трудоустроиться, — серьезно заговорил Колков, — и распространять листовки.

— Нет, в ближайшее же время мы засыплемся либо окажемся мобилизованными, и скорее всего первое. А я вовсе не желаю, мон шер, попасть в лапы ГПУ, — не давал по-серьезному обсуждать вопрос Чепурнов.

— Живым попадаться не рекомендуется, у них заговорит и мертвый, — заметил Ольшевский, глядя куда-то в окно, — лучше умереть, чем сдаться.

— Съездим на праздники в Москву, кто знает, может, что и получится, — сказал, поднимаясь, Авчинников. — Кто за?

— Я согласен! — поднял руку Дурново.

— Можно проехаться, — согласился Чепурнов и затянул:

Стою, тобой замороженный,
Когда летишь как ураган.
Лучами солнца озаренный,
Блестит твой алый долюман.

Колков растерянно посмотрел на Ольшевского, потом на Бережного, но те только беспомощно пожалы плечами. Никакого единства взглядов не получалось, дисциплины не чувствовалось. На том собрание «Торговой фирмы Даковского» и закончилось.

4

Море штормило. Пароход, переваливаясь с волны на волну, причалил около трех часов дня у Ейской пристани. Бора рвала в клочья свинцовые тучи и прижимала их все ниже к земле. Ситник под ее шквалистыми порывами то и дело превращался в косохлест. На пристани, казалось, все вымерло.

Колков решил сходить к завербованному ранее Околовым некоему Сидельникову один. Страховать его будет Ольшевский. Бережной поедет на вокзал, купит билеты до Краснодара и подождет их в привокзальном буфете: если они не придут до отхода поезда, он поедет в Краснодар, где встретится в условленном месте с Чепурновым и Дурново.

— Если через два дня мы не приедем, то, значит, конец! Живым я не дамся! — пообещал Колков. — Сидельников и Блаудис предатели. Наши должны об этом знать.

С парохода Колков, Бережной и Ольшевский сошли порознь. Подняв воротник плаща и надвинув на глаза кепку, с фанерным чемоданом в руке Бережной вышел на небольшую площадь, вскочил в трамвай и поехал через весь город на вокзал.

Он проехал почти через весь Ейск и, сойдя на остановке, пробежал густую пелену дождя до вокзала, носом к носу столкнулся с вездесущим Николаем Николаевичем Романчуком.

— Здравствуйте, Петр Антонович! Пойдемте! — сказал тот и направился к двери с табличкой «Начальник вокзала».

По соседству с кабинетом, в небольшой комнатке, ждал накрытый стол.

— Ешьте, пока горячее, и рассказывайте.

— Колков и Ольшевский отправились к Сидельникову. Адреса не знаю.

— Так, так. А потом что собираются делать?

— Сегодня уезжаем в Краснодар, меня послали за билетами, буду дожидаться их в буфете. А не придут — уеду один в Краснодар.

— Так, так. Значит, операция «Райзефибер»? Патроны у Авчинникова вам не удалось обменять?

— Нет, спит он чутко. Прячет пистолет под подушку. И днем не расстается с ним ни на минуту. А запасные я все обменял. И бомбы тоже.

— Колков писем за границу не пишет?

— По-моему, нет... Не видел. Если напишет, то после встречи с Сидельниковым и Блаудисом.

— Он не намерен Блаудиса убить?

— Блаудису не верят, ему готовят какую-то ловушку. Колков только сказал: «Если он предатель, мы его подцепим на крючок».

— Ясно. Знайте, что Чепурнов и Дурново сейчас уже в Новороссийске. — Николай Николаевич улыбнулся и продолжал: — Они взяли билеты до Краснодара, а Авчинников уехал в Воронеж.

— Колков мне сказал, что если он не придет, то мне его надо в течение трех дней ждать на краснодарском вокзале, а по вечерам у кинотеатра «Октябрь».

— Готовит что-то серьезное. Интересно, почему Колков разговаривал с вами и Ольшевским об операции «Райзефибер» по отдельности?

— Чепурнову и Дурново не доверяет.

Вдруг зазвонил телефон. Николай Николаевич снял трубку.

— Кто это? А! Докладывайте!

В трубке послышался взволнованный голос.

— И сильно ударили? Так, так. — Он закрыл трубку рукой и спросил Бережного: — Вы уверены, что Колков пошел к Сидельникову с Ольшевским?

— Ольшевский будет его страховать.

— Ага. Высокий его страховал, — сказал Николай Николаевич в трубку. — Не он? Ну ладно, что делать! Ни в коем случае, никаких машин. Пусть уходят. — И опустил трубку на рычаг.

— Что-нибудь случилось? — взволновался Бережной.

— Дело в том, что Колков пошел пешком, а Ольшевский совершенно неожиданно вскочил в автобус и, видимо, сошел на первой же остановке, и его проморгали. Как в воду канул.

— Ольшевский смекалистый, — отметил Бережной. — Что-то заподозрил.

— А Колков на центральной площади купил в гастрономе две бутылки водки, какую-то снедь и спокойно вышел на улицу, но почему-то заторopilся, свернул в пер-

вый же переулоч, пересек проходной двор и чуть ли не бегом пустился по Буденновской. Сейчас она раскопана. Наш оперативник не успел предупредить напарника, двинулся за ним, соблюдая, конечно, нужную дистанцию, и погорел. Огрели его чем-то по голове!

— Наверное, это Ольшевский!

— Кажется, не он. Какой-то человек в темном плаще. Оперативник довольно быстро пришел в себя.

— У Ольшевского плащ выворачивается наизнанку, становится шоколадного цвета.

— Ах вот что!

— Они насторожились, — озабоченно заметил Бережной.

— Может, простая случайность. Наши люди осторожны. А может, их милиционеры чем-то насторожили. Вы минутку посидите здесь, вам принесут билеты, ваш поезд отходит в двадцать два ноль-ноль. В Тихорецкой пересадка. Не проспите. Утром будете в Краснодаре. Запомните номер телефона. — Он сунул ему бумажку и, крепко пожимая ему руку, добавил: — Не проворонить бы операцию «Райзефибер». Вы ж нам помогите.

— Постараюсь, — сказал Петр.

— Трудно вам, Петр Антонович, все-таки они бывшие товарищи. — Николай Николаевич вздохнул. — Но они враги, и опасные.

Он ушел. Скоро Бережному принесли три билета до Краснодара. Он направился в зал ожидания. У кассы толпился народ. На деревянных скамьях сидели, лежали, полужалялись мужчины, женщины, дети. Одни читали, другие тихо разговаривали, третьи спали или дремали, четвертые бессмысленно глядели куда-то в пространство. У буфета, за столом, уставленным батареей пустых и полных пивных бутылок, сидело двое пьянчуг. Стрелки больших часов вытянулись в одну линию. До отхода поезда оставалось четыре часа. Бережной вышел на привокзальную площадь. Темнело. Ветер утих. Дождь перестал. «Пойду-ка я пройдуся», — решил он и энергично зашагал в сторону центра.

Он не любил копаться в себе, подобно многим интеллигентам, не считал себя ренегатом, ему не нужно было «создавать себя вторично», к нему не пристала накипь эмигрантщины, он легко отрекся от «белой идеи», которой его настойчиво пичкали в течение ряда лет наставники кадетского корпуса, товарищи и знакомые. Унаследованная от отца сметка указала ему, по какому пути

идти. Он легко доверился Хованскому, а тот, в свою очередь, сразу как-то поверил в Петра. И когда Николай Николаевич произнес, что ему, Бережному, «трудно выдавать бывших товарищей», он вздрогнул, но подумал о тех страшных замыслах, которые могут исполнить Колков и другие. На Западе началась война, и пробил час делать выбор, на какую сторону баррикады вставать. Он помнил гражданскую войну, он понял, что новая война предстоит еще более жестокая и колебаться нельзя.

5

Ольшевский заметил слезку за Колковым совсем не случайно, когда вскакивал, уже на ходу, в переполненный автобус, его внимание привлек человек, кинувшийся чуть ли не бегом к стоявшей машине. У Ольшевского была цепкая зрительная память и склонность к анализу. Он заметил машину, которая стояла не там, где положено, и человека, поспешившего к машине; он был в хромовых сапогах. Человек быстро сделал кому-то знак, указав на уходивший автобус. Ольшевскому все это не понравилось. «За кем-то наблюдают, уж не за нами ли?» — подумал он и сошел на первой же остановке, шмыгнув за афишную тумбу. Автобус отошел, а несколько секунд спустя проехала знакомая машина. Ольшевский успел даже запомнить ее номер. Она не перегоняла старенький автобус, а это было уже совсем подозрительно. «Если они следят за мной, то следят и за Шуркой и за Багой. Меня уже потеряли. Меня ли? Проверим!» Он юркнул в подворотню, снял плащ, стряхнул дождевые капли и вывернул его наизнанку (впрочем, изнанки не было, а был второй верх), и натянул на себя. Заняв удобную позицию за воротами, принял на всякий случай соответствующую позу — человек забежал по малой нужде. Дождь не переставал. Прошла женщина в кирзовых сапогах, потом мужчина с высоко поднятым воротом, за ними шагал и Колков. Следом за Колковым плелись две женщины с корзинами. И тут Ольшевский заметил человека в хромовых сапогах, в плаще, в кепке. Это и есть наблюдатель. Еще через минуту проползла легковая машина со знакомым номером. Мороз пробежал у Ольшевского по спине. «Нас засекли!» — и он потрогал чуть оттопырившийся карман с пистолетом.

В центральном гастрономе, где они условились встретиться, Ольшевский очутился раньше Колкова. Став в самую длинную очередь, начал расспрашивать стоявшую

перед ним старушку, как попасть на улицу Кухаренко (она была по соседству с нужной ему улицей).

— Як выйдешь, сынок, повернешь наливо, дойдэш до першого проулка, потим наливо, мынуешь два будынка, буде справа прохидный двир. Через двир выйдешь на Буденовку, а дали...

— Маркивна, — перебила старуху стоявшая рядом женщина, — Буденовка уся розрыта, там грязюка, не пройты, не пройхаты...

Ольшевского больше ничего не интересовало, но он дослушал, поблагодарил и, дождавшись Колкова, подал ему предупреждающий об опасности знак. Потом выскользнул из магазина через двор, юркнул в переулок и вскоре очутился на улице Буденного. Тут он вооружился обрезком водопроводной трубы, выбрал у глухого забора за строительной будкой местечко, где должны были пройти Колков и человек в хромовых сапогах, и стал ждать. Минут через десять случилось то, о чем Николай Николаевич рассказал Бережному.

Возбужденные и запыхавшиеся Колков с Ольшевским добежали, так никого и не встретив, до нужной им улицы и уже не торопясь отыскивали дом № 37, вошли через калитку в садик и постучали в дверь. Дождь опять сбивал с вишен листву и барабанил по стеклам двух небольших окон.

— Хто там? — спросил грудной женский голос.

— Откройте, мы от Георгия Сергеевича. В прошлом году, если помните, у вас проживал.

Щелкнула задвижка, отворилась дверь, и на порог вышла статная чернобровая женщина лет тридцати. Ее карие глаза смотрели настороженно.

— Чого це Жора надумав мене згадаты? Дружков посылае, чи що? Ох и дождюка! — И она посмотрела на небо.

— Не, Анна Терентьевна, гостинца вам прислал. Белел кланяться! А если заночевать пустите, в обиде не останетесь. Вот от него, возьмите! — и Колков протянул увесистый сверток.

Женщина нерешительно приняла сверток, еще раз окинула их оценивающим взглядом, остановилась на высокой фигуре Ольшевского, который улыбался во весь рот и с восхищением на нее смотрел, рассмеялась, отступила на шаг:

— Якы ж вы мокрисинькы. И сама не знаю, що з вамы, хлопци, робыты?

— А ничего! — Ольшевский весело вошел в сени.

— Ну, добре, заходьтэ. Тильке нэ булуваты!

— Ни, ни, красавица! — закрывая за собой дверь, облегченно произнес Колков и стал стягивать с себя мокрый плащ. — Наследим мы у вас.

— Ничого!

Умывшись, сели за стол, а через час уже распевали втроем песни.

Околов не ошибся, когда давал Анне Терентьевне характеристику: «Любит выпить, погулять, не прочь побаловать с женщиной. Настроена антисоветски (муж осужден и сидит в лагерях), но ухо с ней надо держать востро, жох-баба. И еще: жадна до подарков и денег».

После того как они распили две бутылки водки, Анна призналась, что «Жорин дружок» прожил у нее не больше недели и уехал в Армавир к родичам и с тех пор: «Помьянай как звалы!»

Бутылки с запиской у телеграфного столба в огороде Анны Терентьевны Колков тоже не нашел, хоть и изрыл кругом все. Было ясно, что Сидельников не хотел иметь с ними дела.

«Ну и завербовал! — зло подумал Колков об Околове. — Какого-то пройдоху...»

На другую ночь они ушли из Ейска, к утру добрались до Старо-Минской станицы, оттуда на товарном поезде доехали до Тихорецкой и, чтобы окончательно запутать следы и повидать мать Ольшевского, укатили на попутной машине в Ставрополь.

— Хочу узнать, что с братом. Только надо ее как-то подготовить к встрече со мной. Сам по-о-о-нимаешь, каково матери увидеть сына спустя чуть ли не двадцать лет... которого травят как волка... — И Колков вдруг увидел, к своему удивлению, что Ольшевский утирает непрошеную слезу.

Мать Ольшевского работала в детдоме. Ольшевский остался на улице, а Колков зашел в большой двор. Был тихий час, кругом безлюдно, у крыльца стайка воробьев клевала брошенные чьей-то доброй рукой хлебные крошки. Колков поднялся по ступеням, толкнул крашеную дверь и вошел в коридор. За столом, на табуретке сидела в белом халате няня и, видимо, дремала, она подняла голову, только когда он подошел вплотную.

— Чего вам? — встревожилась она. — Сюда нельзя!

— Позовите срочно Настасью Петровну. Я подожду ее во дворе, — сказал он безапелляционно и вышел.

Увидев незнакомого мужчину, Ольшевская испугалась.

— Вы меня спрашивали?

— Анастасия Петровна, я работал с вашим сыном Петром, пришел узнать, где он, я вербовщик, хочу предложить...

Старая женщина схватилась руками за лицо и с трудом одними губами прошептала:

— Взяли его, давно взяли, нет от него весточки. — И заплакала.

— А я получил письмо от Жени, и вам записка, — Колков сунул ей пакетик с деньгами, запиской Ольшевского и адрес до востребования в Краснодар на свое имя. Потом пожал пораженной матери руку, поспешно отвернулся и, глядя в землю, быстро зашагал к калитке.

Она протянула ему вслед руки, что-то спрашивала, потом развернула пакетик, удивленно посмотрела на деньги, машинально сунула их в карман халата и принялась читать записку, смахивая набегавшие на веки слезы. Потом медленно повернулась и, шаркая по земле истоптанными туфлями, вернулась к крыльцу.

Сын все это видел сквозь щель забора.

6

В условленное время Бережной встретил у кинотеатра «Октябрь» Чепурнова и Дурново.

Чепурнов был опять навеселе.

— А где же Колков и Ольшевский? — раздраженно бросал взгляды по сторонам Чепурнов.

Бережной рассказал, что они расстались в Ейске на пристани, договорившись вечером уехать вместе, но он их с того времени не видел.

Чепурнов помрачнел и процедил сквозь зубы:

— Идиоты! Жаль, что я дал согласие на их дурацкую операцию «Райзефибер». К черту! Завалимся. Надо сматывать удочки, и чем быстрее, тем лучше.

— Вот и сматывай, никто тебя не держит, — зло сверкнув глазами, сказал Дурново. — А мы подождем.

— Не могу я идти без оружия. Поедем в Киев, — в голосе Чепурнова прозвучали просительные нотки. — Не помню, где мы закопали наши парабеллумы. Поедем! Жалко ведь, заржавеют...

— Нет! — упрямо бросил Дурново. — Будем ждать.

Бережной понял, что они ненавидят друг друга. Он хорошо знал сестру Василия Дурново, Машуту, жену

Евгения Давнича, председателя белградского отделения НТСНП, знал их мать Варвару Николаевну Дурново, старшего брата Никиту, капитана военно-воздушных сил Югославии, и, глядя сейчас на Василия, думал о роковой обреченности дворянства и о том, что дядя Василия — Иван Николаевич Дурново, всеильный председатель совета министров, автор «черты оседлости», применения «ограничительных законов» к раскольникам и иноверам, а племянник диверсант...

Постояв с полчаса у входа, они пошли в кинотеатр. Фильм назывался «Петр Шахов». Образ простого советского гражданина вызывал симпатию и восхищение зрителей. Бережному фильм понравился. А лица Чепурнова и Дурново помрачнели, стали жалкими. В зале зажгли свет, и они встали и вышли на улицу.

Отсутствие Колкова и Ольшевского все более тревожило.

— Их взяли! — сказал Чепурнов. — Надо, братцы, утекать, выловят. Шурка будет молчать, а Кацо расколется.

— Не продадут, — убежденно сказал Дурново. — Но собраться здесь больше нельзя.

— А где же они нас найдут? — сказал Бережной. — Будем приходить по одному. Я почему-то уверен, что они еще явятся.

Чепурнов согласился:

— Завтра ты, Бага, потом Василий, а потом уже я. Ждем еще три дня.

Шел пятый день. Напряжение достигло предела. Нервничали Чепурнов и Дурново, расстраивался Бережной. Тревожился и Николай Николаевич, он опасался, что упустил опасных преступников.

К шести часам вечера Василий Дурново стоял уже у кинотеатра «Октябрь». Моросил мелкий дождь. Темнело. Мысли его были далеко, в Югославии, где прошли его сознательное детство и юность, в Югославии, которая, как он сейчас понимает, ближе его сердцу, чем эта чужая, непонятная мужичья страна. И зачем только он согласился сюда ехать? Оттуда, из Югославии, все представлялось романтичным, заманчивым. «Захотелось походить в героях! А кто он есть? Недоучка, балбес, слесарь! Дурново — слесарь! Нет, нельзя было оставаться в Югославии. А здесь ты совсем не нужен. У сестренки Машутки в голове тоже романтика, ей хочется пойти в Советский Союз ради белой идеи...»

Загорелись фонари и словно подчеркнули наступление темноты. Раздался второй звонок, публика повалила в зрительный зал.

Дурново огляделся по сторонам и неторопливо направился вниз к мосту. И вдруг почувствовал, что за ним следят, кто-то идет за ним от самого кинематографа. «Пропал!» — мелькнуло в мозгу. Шаги приближались.

— Здравствуй, Вася! — послышался знакомый голос Ольшевского. — Да-авай-ка спустимся к реке, — он взял его за руку, — вот сю-юда!

Они спрыгнули, словно в какую черную пропасть, под откос и спустились к воде.

— Что с Багой? — спросил Ольшевский, когда они отошли шагов на двадцать от моста.

— Ничего. Сегодня вместе обедали. А что?

— В Ейске мы обнаружили за собой слежку, и я, кажется, при-истукнул шпика. Уходили из города ночью. Представляю, какой там тарарам! Побывали в Ст-а-а-врополе... — Ольшевский внезапно умолк.

— Ну и что?

— Па-а-а-том ра-ас-скажу. — Ольшевский прислушался: — Шурка и-и-дет.

К ним подошел Колков. Поздоровавшись, он задал тот же вопрос о Бережном. Потом сказал, что они долго следили за Дурново, следили, боялись, что за ним идет слежка чекистов.

— Ты будешь нашим связным, — сказал Колков Василию. — Завтра мы придем в кино на последний сеанс. Если нас не будет, вы все придете после фильма сюда, но об этом ты скажешь им, когда выйдете из кино, не раньше. Понятно?

На другой день Дурново выполнил распоряжение Колкова с пунктуальной точностью — привел Чепурнова и Бережного. Ольшевский встретил их у моста. Он был в сапогах и форменной фуражке, Бережной увидел под козырьком красную звезду и спросил:

— Что это?

— Потом! — отрезал Ольшевский. — За мной! — И прыгнул под откос.

Молча дождались Колкова. Он был тоже в фуражке и сапогах. Пожав всем руку, бросил:

— Пошли! — И двинулся первым.

Было темно, Кубань несла свои мутные после обильных дождей, полые воды, берега заволокло туманом, белые стрелы кос вонзались в речную ширь, а на том

берегу чернели, словно причудливо-сказочные замки, сады, и, казалось, слышались невнятные голоса. Сырой песок скрипел под ногами. Чуть всплескивали волны. Кругом было тихо, и только где-то справа на высокой круче, за глухим забором, лаяла собака, хрипло, безнадежно. Шли молча, каждый погрузился в свои мысли, у каждого на сердце было беспокойно. Наконец Колков остановился:

— Вот тут и поговорим! Усаживайтесь, времени у нас много, — указал рукой на лежавшую у покосившегося плетня перевернутую лодку.

— Итак, операция «Райзефибер» началась! — сказал, посмеиваясь, Чепурнов. — Кто-то придумал дурацкое название!

— Жорж Околов придумал. Мы очень спешили! Хотели до снега уйти в Польшу, — заметил Колков.

Обсуждали операцию подробно, тщательно. План Колкова, кому что делать и говорить, прорепетировали несколько раз.

Около двух часов ночи тихо вошли во двор к Блаудису. Бережной и Дурново подкрались к окнам, остальные поднялись на крылечко и забарабанили в дверь.

— Кто там? — донесся из-за двери испуганный женский голос.

— Милиция! Немедленно откройте! — громко крикнул Чепурнов.

За дверью зашептались, потом щелкнул засов, и дверь чуть приоткрылась. Блеснул лучик карманного фонаря, и грубый мужской голос как из бочки пробубнил:

— Фаши удостоверений!

Ольшевский молча протянул ему в щель красную книжечку. Дверь тотчас отворилась, и они вошли внутрь. Бережной стал у двери, а Дурново остался во дворе.

— Сержант Вахромеев, — сказал Колков, — вы посмотрите... — и сделал неопределенный жест, — а мы потолкуем. Садитесь, господин Петер...

Блаудис предостерегающе поднял руку, указывая глазами на стоящую неподалеку женщину.

— Садитесь и руки на стол. И вы тоже.

Блаудис тяжело опустился на стул. Он плохо выглядел, щеки отвисли еще больше, пронзительные свиные глазки потускнели, нос превратился в бесформенную лепешку, веснушки расплзлись темными пятнами. Все тело его обрюзгло, расплылось, огромный живот выпи-

рал из-под, видимо, наспех натянутых штанов, которые каким-то чудом держались на одной пуговице. Он был усталым, старым и несчастным. Но он изредка бросал взгляд то на Колкова, то на Чепурнова, то на стоящего в дверях Бережного.

Женщина замерла у стола. Она была намного моложе Блаудиса. Рассыпчатая, белотелая, русоволосая, синеглазая и в отличие от мужа какая-то вся чистая, еще весьма привлекательная.

— Я постою, — грудным голосом пропела она.

— По-окажите мне вашу кухню! — обратился к ней Ольшевский и направился к двери. Женщина последовала за ним.

— Почему вы не сообщили нам, Ласкус, что к вам приходил шпион?

— Ко мне никто не приходил!

— Я говорю о человеке, который вас встретил на футбольной площадке у беседки в ноябре прошлого года.

— А-а-а! — протянул Блаудис, глядя в окно. — Об этом я докладывал Ивану Николаевичу в ту же ночь. А после того никаких встреч не имел.

— Значит, «в ту же ночь». А почему не в тот же вечер? Какая каналья!

Блаудис вздрогнул и бросил, словно ввинтил, пристальный взгляд на Чепурнова.

— Я докладывал Ивану Николаевичу, раньше не мог. Встреча была шестнадцатого ноября, — пробубнил он и устался на Колкова. — Шестнадцатого в девять вечера!

«Ловко выкручивается, разговаривал он с Жоржем в семь! Работает, значит, нашим и вашим. Верить ему можно только наполовину. Продаст!» — решил Колков, поднимаясь.

— Ну что ж, — сказал Колков, — пойдёмте, поговорим более конкретно, одевайтесь. И, кстати, подпишите вот, — он протянул ему «протокол допроса».

Блаудис молча прочитал, подписал бумагу и начал одеваться. Тем временем Ольшевский довольно громко и весело разговаривал с хозяйкой дома. Время от времени из кухни был слышен их смех.

— Я готов! А вещи с собой брать? Белье и прочее?

— Ну зачем, мы сейчас же вас отпустим, — зло засмеялся Чепурнов. — А впрочем, как хотите!

— Ну идите, — сказал Колков, — а я на минутку

задержусь, — и направился в кухню. — Скажите, — закрыв за собою дверь, спросил он улыбающуюся ему хозяйку. — В ноябре прошлого года у вашего мужа была встреча с агентом английской разведки, какого это было числа?

— Разве муж скажет! Чурбан какой-то, слова из него не вытянешь. Пришел он домой в тот день поздно, после полуночи, и говорит: «Встретил одного вражину!» — «Что ж, — говорю, — звонил?» — «Звонил, — говорит, — долго никто не отвечал». И на другой день пошел, семнадцатого, значит, к Ивану Николаевичу.

«Хитер! Мог и «дозвониться». И нас бы, рабов божьих, сцапали, хотя и времени осталось им немного. Интересно! И бабе не сказал! Не шлепнуть ли ее для страховки?»

— Вечером вы ничего подозрительного не заметили? Может, муж был взволнован?

— Пятнадцатого пришел поздно и подвыпимши! Все пивом наливается.

— Ну ладно, на днях повидаемся, а его скоро отпустим, надо, чтобы он помог нам установить личность одного человека! До свидания!

Женщина открыла было рот, чтобы что-то спросить, но передумала. И только улыбнулась:

— Всего добренького!

Они вышли на улицу.

— Поверила или нет? Как ты думаешь? — спросил Ольшевского Колков. — О чем ты с ней разговаривал? Нигде не сорвался?

— Кажется, все в порядке. Я ей вскользь бросил, будто я работник органов безопасности Ростова, что мы поймали крупную птицу. Конечно, к-к-комплименты сыпал. Аппетитная баба, н-ничего не скажешь!

Пройдя до угла, они свернули в переулок и вскоре очутились на футбольной площадке, где около беседки их поджидали Чепурнов, Бережной, Дурново и Блаудис.

— Ян Кришевич, дорогой, — взяв Блаудиса под руку, сказал Колков, — в ту дождливую ноябрьскую ночь разговор в этой беседке происходил в моем присутствии. Я стоял у задней стены и слышал все от слова до слова. Не вздрагивайте! Мы не работники ГПУ. Мы ваши друзья. Не верите? — Колков шепнул на ухо Блаудису пароль, потом привел несколько подробностей: первые произнесенные Околовым фразы, где стояла бутылка с водкой, какой колбасой они закусывали.

— У меня безвыходное положение. Делаю что могу. Дозвонился, когда ваш поезд уже отбыл. Я ведь советовал вашему другу сделать пересадку. Жена секретный осведомитель... — он безнадежно развел руками.

— Была, — сказал Ольшевский.

Блаудис отшатнулся от него и вытаращил недоуменно глаза.

— Таков приказ центра. Вы сегодня же уедете вместе с нами, чтобы вам больше не дозваниваться.

— У меня тайник, надо взять оттуда документы и...

— Надеюсь, не в доме?

— Нет, конечно.

— Тогда успеете. Утихнет все, приедете и возьмете, что нужно. Поселитесь в Армении, неподалеку от границы. Вот паспорт, деньги и все такое прочее, — и сунул ему в руку толстый бумажник. — Придется только краситься и сбрить усы. Все это просто, а сегодня в семь двенадцать покатым в Орджоникидзе. Молочница к вам утром ходит?

— Мы берем молоко в магазине.

— А соседи утром заглядывают?

— Как будто нет, я ведь рано ухожу на работу, — механически, как автомат, отвечал явно потрясенный и сбитый с толку Блаудис. — Вы жену убили?

— Да, вам туда ходу нет! За все будете в ответе, — сказал Колков и подумал: «Если она нам поверила, то дня три звонить и поднимать тревогу не станет. А в НКВД решат, что Блаудиса утопили в реке, после того как найдут его шапку у моста». — Вам надо бросить пить пиво. Похудеете килограммов на десять-пятнадцать и все будет хай лайф!

Блаудис опустил голову, потом поднял ее, окинул всех взглядом и с какой-то тоской в голосе сказал:

— Молодые вы все, зеленые, не знаете, что такое советская разведка. Делать нишиво нельзя, трудно!

— Не ковегайте язык! Вы можете говорить правильно, — заметил Чепурнов. — Кое-что все-таки мы сделаем как-нибудь! Четг!..

Вечером они были в Орджоникидзе, на следующий день любовались красотами Военно-Грузинской дороги, бурным Терекком, древними развалинами и красавцем Казбеком. А еще через день были в Ленинакане. Тут Блаудису и предстояло снять квартиру.

Послonyaвшись по городу и убедившись в том, что

Блаудис устроен на местожительство, можно было ехать в Тбилиси.

Но едва они оставили Блаудиса на квартире, как за ним пришли два милиционера и повезли в Краснодар.

7

Колков шел по улице Мачабели и, заглянув в духан, встретился глазами с Авчинниковым. А спустя минуту тот пожимал ему руку, просил прощения за историю в Феодосии и чуть не со слезами на глазах рассказывал, что у него в вагоне вытащили деньги и пистолет.

— Я был в Воронеже, потом хотел попытать счастья в Тифлисе и вот на тебе! По пути обворовали, уехать не на что! Помоги! А где ребята? Где Кацо?

Что оставалось делать? Колков согласился выручить товарища.

Вскоре все шестеро сидели на берегу Куры и под журчание ее вод обсуждали, как жить дальше. Обсуждение перешло в спор. Колков советовал разъехаться и порознь устраиваться на работу. Чепурнов настаивал, чтобы уехать всем в Турцию.

— Вася съездит за оружием, — предложил он, не глядя на Дурново, — имея одиннадцатимиллиметровые пагабеллумы, бомбы — пробьемся силой! Чегт! Иначе нас ского пегеловят как кугопатов! Мы достаточно уже наследили. ГПУ наступает нам на пятки... а до границы гукой подать...

— Делать тут, конечно, нечего, но, уходя, следует хлопнуть дверь. Мы же ради диверсии ехали. Ты, Вася, поезжай за оружием, а мы покуда махнем в Москву. И дай мне свой пистолетик, — шурясь на Дурново, сказал Авчинников.

— Если дверь хлопнете, то попадем прямо в рай, — засмеялся Дурново. — Но я поеду с вами в Москву.

— А у меня брат в лагере, — губы Ольшевского продолжали что-то шептать, он побледнел, потом начал наливаться кровью. — Старуха мать уборщицей работает за кусок хлеба... Ненавижу!

Колков хотел что-то возразить, но счел удобным помолчать и подумал про себя: «Как я раньше не замечал? Ольшевский настоящий псих! Чепурнов — пьяница. Авчинников — неврастеник». Потом поглядел на Бережного, который спокойно смотрел на Мцхетский замок:

— Каждому из нас дали по восемьдесят тысяч рублей, и мы за два месяца ухитрились почти все рас-

транжирить! — вдруг жестко заговорил Колков. — А что мы сделали? Да ничего! Одно пьянство.

— Мы хотели заявить о себе широчайшим массам, — многозначительно произнес Чепурнов. — Какого черта ты, Шура, отвалил столько деньжищ этой рыжей сволочи, Блаудису? Надо было экспроприировать его «тайник», а самого шлепнуть там же под мостом и пустить по реке. А то вон друг в беде, — он указал рукой на Авчинникова, — а ты, мон шер, хоть бы хны!

— Где же я возьму? Нет у меня денег! Пусть каждый на себя рассчитывает! Я не вор, чужих денег присваивать не буду. Ясно? — Колков свирепо оглядел товарищей и продолжал: — Кто за то, чтобы разъехаться и устраиваться на работу?

— Я еду в Москву, а вы как хотите! — упрямо заявил Ольшевский.

— И я, — ощерился Авчинников. — На последние!

— Я тоже поеду с вами, — подал голос Дурново. — Надо действовать! Стрелять! Взрывать!

— Хе-хе! Была не была! Руку, друзья! — воскликнул Чепурнов. — Поеду с вами!

Бережной молчал.

— О чем задумался, детина? — толкнул его локтем Ольшевский. — Страшновато? Ты в «благоразумных» не ходил в ка-а-а-детском корпусе?

— Нет, не ходил! — сказал спокойно Бережной и улыбнулся. — Но зима на носу, а мы без денег, без жилья...

— Ладно, черт с вами! — вдруг сказал Колков. — Поедем в Москву, погибать, так с музыкой!

7 ноября утром с Павелецкого вокзала они направились по Новокузнецкой к центру и вышли к Устинскому мосту. Дальше не пускали. По Раушской набережной они дошли до Москворецкого моста.

Военный парад заканчивался. Шли с грохотом танки, с гулом пронеслись над крышами домов самолеты.

С раскрытыми ртами смотрели они на могучую боевую технику и ничего не понимали. Еще недавно поляки утверждали, что советские танки сделаны из фанеры.

— Показуха! — выдавил наконец неуверенно Авчинников. — Откуда взялись танки?

— Для иностранцев, — вздохнул Чепурнов.

— Согласен с вами, — поддержал их Бережной, — это большевики бывшим интервентам зубы показывают. Все пятеро удивленно взглянули на него, но промол-

чали. Площадь заполнялась колоннами демонстрантов. Доносились отдельные возгласы, приветствия, где-то впереди играл оркестр.

— Потопали, — сказал Авчинников, — там дальше возьмемся в колонну.

○ Переулками, проходными дворами они добрались до Большой Бронной. Тут стояла длинная колонна.

— К вам можно присоединиться? Отстали мы, — подойдя к хвосту, спросил Чепурнов.

Один из демонстрантов, бойко разговаривавший с соседом, удивленно пожал плечами и ухмыльнулся. Другой что-то крикнул идущим впереди, а третий, окинув их внимательным взглядом, сердито бросил:

— Посторонних пускать в колонну строго запрещено. Ступайте-ка лучше домой, пока вас не забрали. Совесть надо иметь!

— Да они вроде бы и не пьяные, — заметил кто-то из колонны.

— Мы приезжие, не знали, что такие строгости, — сказал Бережной, — пойдете, ребята!

Они быстро отошли, провожаемые настороженными взглядами притихшей колонны. Потом свернули за угол и вскоре очутились на Палашевском рынке. Побродив по рядам, вернулись на Москворецкий мост.

— Сейчас я все у-у-уст-трою, п-п-покажу к-к-красную книжечку и нас пропустят, — сказал Ольшевский, ощупывая карманы, — где же она, черрт!

Книжки он так и не нашел.

— Сматываемся, и побыстрей! Кажется, за нами шпик увязался. Влипнем не за понюх табаку! — прошипел Авчинников и быстро зашагал прочь. Остальные, изредка опасливо озираясь, последовали за ним.

Через час они сидели на скамейке в парке Горького и, не глядя друг другу в глаза, обменивались короткими фразами. Обескураженные, не веря больше в себя и товарищей, подавленные мощью боевой техники. Они были полностью деморализованы, но еще представляли опасную террористическую банду. «Дальнейшее пребывание на свободе эмиссаров НТСНП считаю нецелесообразным», — докладывал Николай Николаевич.

...Первыми были арестованы Авчинников и Дурново. На следствии они показали, что в Днепропетровске проживают Волков-Войнов-Колков Александр Георгиевич и Андросов-Молодцов-Ольшевский, что Чепурнов уехал в Одессу, а Вихрев-Карпов-Бережной на Дальний Восток.

На первом допросе Волков-Войнов-Колков пытался покончить жизнь самоубийством, бросившись головой на отопительную батарею, получил тяжелое повреждение. Был отправлен в Москву и помещен в больницу Бутырской тюрьмы, где он пробыл до февраля 1941 года.

23 мая 1941 года он был приговорен к высшей мере наказания. Та же участь постигла и его террористов-сообщников.

Через месяц началась Великая Отечественная война.

Глава одиннадцатая

Железо и окалина

1

В годовщину столь шумевшей операции «Кристалл — нахт» десятого ноября 1938 года, когда во всех городах Германии и Австрии запылали синагоги, а в витрины магазинов полетели камни и тысячи еврейских семей лишились своих кормильцев, барон Людвиг фон Берендс в Белграде на Крунской улице в особняке принимал комиссара гестапо при немецком посольстве Ганса Гельма.

Когда обильный завтрак с возлияниями близился к завершению и затылок майора достаточно покраснел, уши стали пунцовыми, язык болтливым, а глазки маслеными, Берендс завел разговор на скользкую тему, начав с анекдота о толстом Геринге. Ему хотелось спровоцировать Гельма на какую-то болтовню, чтобы можно было потом держать сына мюнхенского извозчика в руках. Тем более что Берендс прошел «школу» Канариса по разным уловкам.

А спустя пять минут, когда Гельм сам стал подшучивать над Герингом, Берендс заулыбался, защелкал каблуками, закланялся и, приложив руки к груди, залепетал:

— Тысяча извинений, но у меня неотложное дело. Не прощаюсь с вами, дорогой и многоуважаемый Ганс, надеюсь скоро вернуться. Ирен, позаботьтесь, чтобы наш гость не скучал. Я приеду часа через полтора. Прощайте, мой ангел, и берегитесь этого ловеласа!

Оставшись наедине с Ирен, и без того пьяный от вина и близости красивой женщины, сластолюбивый немец раскис окончательно и выболтал, неожиданно для себя, свое самое сокровенное. Поглаживая ей колени и все больше возбуждаясь, он, бахвалясь и пыжась, расска-

зал, что в свое время не раз захаживал с фюрером в «Парадиз», и «девочки», хихикая, шептались, будто Адольф страдает особой формой мазохизма. И пустился в такие подробности, что даже далеко не брезгливая Ирен заткнула уши и заставила его замолчать. Вся эта сцена, как и почти все разговоры, которые велись в этом особняке, записывались на магнитофонную ленту.

Прошло несколько дней. И вот, возвращаясь с Ирен поздно вечером из гостей, войдя в дом, Берендс почувствовал неладное.

— Майн гот! Выемка! — взвизгнул он не своим голосом, поднимая с пола оборванную нитку. И ринулся в фотолабораторию, где находилось записывающее устройство и был сейф с магнитофонными лентами.

Ирен последовала за ним.

— Стойте! — приказал он. — Зажгите всюду свет и обойдите комнаты.

Когда спустя минуту Ирен пришла обратно, он обернулся на ее шаги и простонал:

— Нет ящика с лентами! Доннерветтер! — и ударил кулаком по столу.

— Может, позвонить в полицию?! — неуверенно пробормотала Ирен.

— Дура! Безнадежная дура! Какого черта ты сегодня потащила меня в гости?! Будто чувствовал... Майн гот! — Он начал креститься мелким крестом. — Неужто и тайник обнаружили? — и как-то нерешительно протянул руку к задней стенке сейфа и нажал на незаметную пружину. Тайник был пуст. — Так и есть... Все пропало... — безнадежно прошептал он и весь обмяк.

— Разве я вам не говорила, что такую вещь, как магнитофонная лента с дурацкими высказываниями этого идиота Гельма, не следует держать дома! А теперь, оказывается, я виновата, я дура! — разъяренно накинулась на него Ирен.

— Кто мог это сделать? Кто? — не слушая жены, спрашивал самого себя Берендс, бегая по маленькой комнатушке, предназначенной, вероятно, для прислуги, где стол с записывающим устройством и фотоувеличителем занимал добрую ее половину. — Сам Гельм? Или югославские фашисты? Или Губарев? Нет! Но кто?..

— Хованский! И виноваты в этом вы, мой мудрый повелитель! Помните, когда пришел Алексей Алексеевич, вы включили магнитофон? В гостиной щелкнуло так, что только дурак мог не догадаться! Это он!

— А может, Павский решил взять реванш за прошлое?

— Ван Ваныч спелся со Скородумовым, а тот со-трудничает с нами. И уж конечно, не Ганс. Он ничего не помнит, что говорил.

— Проклятье! — простонал Берендс, ударившись ногой о стул и со злостью отшвырнув его в угол. — Дрек! — И вышел из комнаты, захлопнув за собой дверь.

Поглядев с каким-то мистическим ужасом на сейф, Ирен последовала за мужем. Он стоял у буфета в столовой и наливал коньяк в чайный стакан, руки его дрожали, лицо было искажено страхом, в уголках губ пузырилась пена. Осушив залпом стакан, он подошел к креслу и тяжело опустил в него грузное тело.

— Вы правы, только Хованский мог это сделать! Типичная работа американской Си-ай-си. — Он с силой сжал кулаки. — Надо действовать! И как можно скорее... пока тот не успел передать...

— Не надо было с ним связываться, — закричала Ирен. — К тому же он, наверно, заметил за собой наблюдение. Вот и хочет держать нас под прицелом.

— Чепуха, за ним сейчас никто не следит. Ребята только выяснили, что он раз в неделю бывает в Калеменгдане, обычно после работы. И раз в неделю, тоже вечером, посещает ресторанчик «Якорь», где столуются офицеры-летчики. Живет аскетом, у него нет постоянной женщины, нет близкого друга. Впрочем, этих болванов он мог обвести вокруг пальца. Но я не позволю держать себя под прицелом! — Его голос перешел в визг, глаза налились кровью. — Не позволю!..

— Они не болваны. Это прожженные бестии, и я заплатила этим бандитам немалые деньги. — Ирен невольно поежилась, вспомнив «верных людей» Берендса: гориллоподобного вожака по кличке Вихрастый и его дружков, из которых один, Доска, с приплюснутой головой и птичьей грудью, с ничего не выражающими водянистыми глазами убийцы и руками-клешнями воскрешал в ней воспоминания о той страшной ночи, когда убили семью и маленького брата.

— Что ж, пусть они встретят Хованского на пристани. Там вечером темно и безлюдно. И концы в воду. У него, наверно, связь с кафанщиком, которого тоже следует пощупать. Я пойду с ними.

— Вы сошли с ума!

— В качестве режиссера, только режиссера! А когда

будет все кончено, мы с вами поедem к нему на квартиру...

— Ни за что! Ни за что! Не могу, не могу, не могу! — истерически закричала Ирен, и в ее глазах стоял ужас. — Какой кошмар! — И она разрыдалась.

2

После жаркого лета и теплой осени сезон дождей в 1939 году затянулся. Реки взбухли, заливая тысячи гектаров, Сава поднялась до восьмиметрового уровня, а Дунай перешагнул десять. Свирепая кошава срывала с домов крыши, валила деревья и телеграфные столбы и пронизывала холодом все живое до костей. В Белграде было неуютно и промозгло.

После съезда «нацмальчиков» Алексей каждую субботу бывал в салоне Берендсов и включился в игру, напоминавшую дипломатическую, где каждое сказанное и несказанное слово таило уловку, а каждый жест — скрытый намек. Публика собиралась здесь пестрая. В небольшом особняке на Крунской улице, то ярко освещенном и шумном, то темном и глухом, можно было встретить разных людей. Захаживал сюда и вождь югославских фашистов Летич, и какие-то сотрудники посольств, и начальник русского отдела тайной белградской полиции Губарев, и терский атаман Вдовенко, и пресловутый Шкуро, и вождь югославских фольксдейчей Йанко Сеп, и полковник Павский, и женоподобный испанский шпион Чертков, и будущий начальник «Русского охранного корпуса» генерал Скородумов, и какие-то подозрительные типы. Этих молодчиков люди Хованского видели поздно ночью за два дня до выемки, когда велось круглосуточное наблюдение за домом и четой Берендсов.

После удавшейся выемки Алексей понимал, что опасность придвинулась и подстерегает его, где-то таится. Учитывая и то, что Берендса интересует его окружение и его связи, приходилось проявлять максимальную осторожность, особенно когда ходил на встречу с Иваном Абросимовичем. Усложнялась и работа с новыми группами людей. Научить их «властвовать собой», уметь сосредоточиваться на одном, запоминать нужное и отбрасывать шелуху, отгонять от себя сон и засыпать по желанию, смешиваться с толпой или в ней выделяться, распоряжаться психическими и физическими взлетами своего организма.

Надо было обезопасить встречи с людьми таким образом, чтобы они оставались вне подозрения в случае слежки. С другой стороны, ввиду активизации «Закрытого сектора НТСНП» и перевода его в Румынию следовало обратить пристальное внимание на исчезающих под предлогом отпуска, болезни, переезда и т. п. лиц из поля зрения. Приходилось на случай ухода в подполье раздобывать документы, разрабатывать правдивые легенды, давать клички, обуславливать пароли и, наконец, налаживать бесперебойную связь с Центром.

Напряженная работа велась и по оценке поступающих, зачастую противоречивых, сведений. Кроме того, надо было ходить на службу, в гости, вести светский образ жизни. Недаром говорится, что разведчик должен работать сорок восемь часов в сутки. Алексей на это не жаловался, беспокоило другое: неблагоприятно было у Хозяина, провалился, как он сказал, «наш хороший человек». И теперь окно на третьем этаже все чаще остается темным, его, Алексея, «окно на родину». Трудно Ивану Абросимовичу.

Ноябрь 1939 года перевалил за половину. Преодолевая томившее его с утра тяжелое чувство, Алексей тотчас после работы уехал на конспиративную квартиру и занялся прослушиванием магнитофонных лент. Наконец, замаскировав тайник и попрощавшись с хозяевами, он вышел на улицу и поспешил к стоявшему в ожидании встречного трамваю. Надо было доехать до центра, пересечь на «двойку» и прийти вовремя на встречу с Аркадием Поповым в ресторанчик «Якорь».

На причалах не видно ни души. Моросил мелкий, как из пульверизатора, унылый дождик. Редкие, подслеповатые фонари, не в силах побороть мрак, бросали тусклые полосы желтого света всего на несколько метров.

Подняв ворот плаща, Алексей двинулся вперед, в темноту, словно нырнул в бездну. Идти по булыжной мостовой было трудно. «Жаль, не взял фонарик!» — подумал Алексей, налетев на туго натянутые швартовые разгруженной баржи, черный контур которой виднелся шагах в двадцати-тридцати и почти сливался с окутывающим землю мраком. Оттуда же несло какое-то чмокание, шипение, слышался плеск, словно какое-то огромное чудовище с силой всасывало воду. И в этот миг, преграждая путь, перед ним выросла фигура рослого мужчины.

— Спичек не найдется? — раздался пропитой, блеющий голос.

«Конечно, не один, — молнией пронеслось в мозгу, — надо бежать, где-то тут груды железного лома...» Он бросился в сторону и в тот же миг почувствовал сильный толчок в спину и понял, что летит в воду. Гнев и страх охватили Алексея, и он тут же ощутил сильную боль в плече. «Вовремя отклонился! — подумал он, — хотели оглушить! Кто? Конечно, молодчики Берендса!» И погрузился с головой. Когда он вынырнул, баржа, точно какое-то голодное, посаженное на цепь чудовище, высоко задрав тупое рыло, уже поджидала его в нескольких метрах. Течение вздувшейся реки, увеличиваясь с каждым мгновением, стремительно несло его в пасть. Только тут он до конца осознал всю опасность быть затянутым под баржу и поплыл изо всех сил в сторону, но было поздно. Его завертело и, казалось, чьи-то сильные руки потащили вниз. Он успел лишь набрать полные легкие воздуха.

Алексей был опытным пловцом и понимал, что выплыть из-под баржи в плаще, в ботинках, в зимнем костюме, да еще в ледяной воде, почти невозможно. Ужас был в том, что, попав под плоское дно, он окажется в мертвой зоне, а его уже не несло стремительно вперед, а под страшным давлением медленно волочило под дном баржи, чтобы потом выбросить утопленником.

Давление воды было так велико, что Алексею показалось, будто у него лопаются барабанные перепонки и он не может шевельнуть пальцем. Жить оставалось около минуты. Скоро, скоро сдаст воля, он не выдержит и глотнет воды, тогда все будет кончено. Плыть вдоль баржи нечего и думать. Первая и вторая его попытки выбраться наверх сбоку ни к чему не привели. Он хватался за скользкий, покрытый мохом борт, его снова затягивало под днище. На третью попытку не хватало сил и воздуха. Мучительно хотелось вздохнуть, в голове стоял туман, и какой-то другой Хованский все настойчивей и властнее требовал: «Брось! Все кончено, зачем себя дальше истязать!» Но упрямая тренированная воля помогла превозмочь себя, и, почти теряя сознание, он схватился рукою за борт, и вдруг пальцы, нащупав болт, вцепились в него. Рывок — и он наверху. Легкие наполнились воздухом. До чего хорошо дышать!

Опасность, кажется, уже позади. Сердце ликует. Не рано ли? Он ооченел, вот-вот ноги сведет судорога.

Проходит минута, растянувшаяся в бесконечность, и непослушные руки хватаются за железное кольцо, вделанное в каменную стену мола. Уровень воды в Саве высокий, но до края бетонной стены около метра, и у Алексея нет сил преодолеть этот рубеж. После нескольких жалких и безуспешных попыток пальцы выпускают кольцо. Алексей, подхваченный течением, не помнил, как проплыл, хлебая воду, еще метров пятьдесят, не видел, что мол кончился, не слышал звука собственного голоса, призывающего о помощи. Сознание вернулось к нему, когда ноги почувствовали под собой твердое дно. Его несло мимо отмели. Сделав нечеловеческое усилие, он рванулся к берегу. Река, казалось, не хотела расставаться со своей жертвой, и течение тянуло его назад. Но Алексей выбрался из воды и совсем уже обессиленный свалился у дороги, на повороте, откуда приветливо светили огни «Якоря».

Его мутило, перед глазами плыли желтые и оранжевые круги, он лежал пластом на животе, и все его усилия были направлены к тому, чтоб не лишиться сознания и выбросить из легких воду.

Потом до его слуха донесся топот бегущих ног. «Они! — пронзила мозг тревожная мысль. — Поняли, что я выплыл. Надо спрятаться в кустах, скорей уползти, чтобы не заметили!» И ему казалось, будто он ползет, ползет долго и проваливается в черную бездну.

Алексей не знал, что его слабый крик долетел, подхваченный ветром, до баржи, где охотившиеся за ним бандиты уже потеряли надежду подцепить его багром из-под кормы. Не видел карбидной лампы, не слышал, как кто-то, остановившись над ним, проблеял:

— Так вот ты где, мой голубок! — и осветил ему лицо. — Он здесь, шеф!

3

Аркадий Попов сидел в «офицерском зале» за чашкой кофе и нетерпеливо поглядывал на часы. «Уже на семь минут опаздывает, не случилось ли что?» — И тотчас себя успокоил: — Темень, непогода, может, срочное дело, вот и задержался». Но душу уже глодал червячок тревоги. В комнате тихо, слышно тиканье стенных часов. Он один, офицеры, поужинав, разошлись час тому назад. Зорица готовит «что-то вкусненькое для господина Алексы». Время, словно в мертвом царстве, остановилось.

— Ты бы, милый, пошел с фонариком к нему навстречу, на дворе хоть глаз выколи, — сказала, входя, Зорица и, остановившись у окна, прижалась лбом к стеклу, напряженно всматриваясь в темноту. — Там, у дороги, какие-то люди с лампой! — взволнованно воскликнула она. — Посмотри... что-то ищут... их трое...

Аркадий, не говоря ни слова, быстро вскочил, накинул плащ и устремился к выходу

— Постой, возьми на всякий случай. — Зорица снимала с вешалки резиновую дубинку, забытую не в меру упившимся жандармом. — Чтобы кого не убил. — Зорица уверена, что «пендрек» не так опасен, как кулак Аркаши, которым «он запросто зашибет быка».

Миновав садик, Аркадий быстро зашагал по песчаной дороге. Сверху можно отчетливо различить людей. Их пятеро. Один держит лампу, а четверо склонились над распластанной на белом песке темной фигурой.

— А ведь он живой, матери его черт, выплыл из-под баржи, чуть не прозевали, — донесся до уха Аркадия чей-то грубый бас.

— Разденьте и в воду на «мертвый якорь!» — приказал чей-то знакомый голос.

«Это они Алексея Алексеевича топят!» — догадывается в тот же миг Аркадий и бросает вперед тренированное тело.

Делая огромные прыжки, он сбегает с пригорка, легко, тихо, как барс. И все-таки они его услышали.

— Стой! Не то... — прорычал и осекся грубый голос. Кто знает, чем грозил этот здоровенный самоуверенный молодчик, за душой которого насчитывалось, наверно, не одно убийство.

Тупой удар, хруст, всхлипывающий храп и глухое падение тела. Потом страшный удар ногой сбивает сразу двоих. Лампа летит с шипением в сторону. Внезапно Аркадия ослепляет направленный в лицо фонарь. Он бьет в невидимого врага резиновой дубинкой и чувствует, как ему в бок вонзается нож...

Лампа лежит на песке и продолжает гореть. Двое из бандитов распластались, как мертвые, третий держится руками за пах, корчится от боли и тихо стонет, четвертый с трудом поднимается с земли и убегает. Пятый? Пятого нет. «А может, и не было?» — спрашивает себя Аркадий, зажимая рукой рану на боку. И слышит вдруг за спиной шаги. «Неужто пятый?» — и оглядывается.

— Стой, стрелять буду! — доносится в тот же миг голос Драгутина, вспыхивает фонарик и одновременно раздается оглушительный выстрел.

— Только меня не убейте, Драгутин, — говорит Аркадий, подходит к распластанному телу Хованского и невольно снова хватается за бок.

— Ты ранен, милый? — слышит он голос Зорицы и чувствует ласковое прикосновение ее теплой ладони на щеке. Потом она быстро наклоняется и тихо восклицает:

— О, господи! Он без сознания! Бедняжка, они его топили! Папа, надо сейчас же его откачивать!

...Алексей открыл глаза — небольшая уютная комната, диван, два кресла, стол, шкаф, трюмо, в ногах китайская ширма с вышитыми на шелку фламинго, хризантемами и цветом яблони, он лежит раздетый в постели, под одеялом. В зеркале видна Зорица, она сидит у горящего камина, склонив голову, закусив кончик платка, и беззвучно плачет. Желтовато-красные отблески огня освещают нижнюю часть ее лица, озабоченного, напряженного, набегающие на щеки слезинки сверкают, как капли росы на экзотическом цветке.

«Почему она плачет? Неужели что-то случилось с Аркадием?» — подумал Алексей и тихо позвал:

— Зорица!

Девушка встrepенулась, досадливо смахнула со щек слезинки и подбежала к нему.

— Ну, слава богу, вы наконец пришли в себя, — прошептала она, прикладывая к губам пальчик. — Тсс! Говорите потише! Там внизу сидит жандарм, может нас услышать. Никто не знает, что вы здесь. Папа уехал в полицейский участок, дает показания, а Аркадий... — Она залилась слезами. — Аркашу ранили. Пырнули ножом.

— И тяжело ранили? Где он? — шепотом спросил Алексей.

— Не знаю. Он говорит «пустяки». Хороши «пустяки»! «Скорая» увезла. Зашивать бу-у-удут, — жалобно прошептала Зорица, всхлипывая и утирая слезы.

— Успокойся, Зорица, ничего с Аркашей не случится. Организм у него железный. Все будет хорошо. Возьмите себя в руки, вы ведь сильная девушка. Вытрите глазки, улыбнитесь и расскажите мне все по порядку.

— Дура я, сама не знаю, чего плачу. Аркаша тоже говорил, что русские коммунисты железные... — Она встала, решительно трянула головкой, посмотрела на

висевший на стене портрет Аркадия в офицерской форме, улыбнулась, и вскоре ее горячий шепоток зажурчал, точно какой горный ручеек.

Из ее рассказа Алексей понял, что Аркадий спас его в последнюю минуту и был ранен, что Драгутин и Зорица принесли его, Алексея, в эту комнату и ничего не сказали о нем полиции, которая вскоре прибыла по их вызову. Аркадий показал, что, выходя из ресторана, услышал крик о помощи. Подумав, что грабят или насилуют кого-то, не имея при себе оружия, он схватил резиновую дубинку и кинулся вниз на берег. И после непродолжительной схватки был ранен ножом в бок. Полиция на берегу никого не обнаружила. Нашли только карбидную лампу. Утром они опять придут.

Внизу послышался шум автомобиля. Хлопнула дверь, донеслись какие-то возгласы, разговор, снова шум мотора и шаги поднимающегося по лестнице человека. Настороженное лицо Зорицы вдруг посветлело, глаза засияли радостью, она вскрикнула, опрометью кинулась к двери и распахнула ее. На пороге стоял Аркадий и широко улыбался.

— Ну вот и все. Зашили, заклеили пластырем и отпустили на все четыре стороны. Как Алексей Алексеевич? — И, увидев, что Хованский смотрит на него и тоже улыбается, спросил: — Как себя чувствуете?

Чувствовал Алексей себя так, словно его били, мочалили, трепали. Он с трудом шевелил языком, а поднять руку стоило уже невероятных усилий.

— Мне нужно с часик полежать, — сказал он.

— И рюмку доброго коньяка! Зорица, притащи-ка нам, пожалуйста, бутылочку «Мартеля». Я тоже хвачу рюмаху.

...В десять утра Алексей, как обычно, был уже у себя на работе в кабинете фирмы, хотя это стоило ему невероятных усилий. Около двенадцати позвонила Ирен.

— Алексей Алексеевич, миленький, вы не очень заняты сегодня вечером?

— Не очень, Ирина Львовна, и если ваш субботник состоится, я с удовольствием, если, конечно, Людвиг Оскарович здоров и не будет, как вчера вечером, занят.

Наступила пауза. Не предвидя такого оборота, Ирен, видимо, растерялась.

— Ах, миленький Алешенька, простите, но Людвиг ушибся... одну минуточку...

— Здравствуйте, Алексей Алексеевич! — услышался голос Берендса, — честь имею, мое почтение.

— Здравствуйте, Людвиг Оскарович! Как же вы так неосторожно?

— День добрый, день добрый! Вот, на правах сильного отобрал у проказницы трубку. Хе-хе-хе! Отправляйся в путь с сатаной, но хвоста его не выпускай, — говорит народная мудрость. Хе-хе! Мне придется на недельку-другую уехать, ничего не попишешь, дела...

— Как не понять, — с иронией в голосе заметил Алексей и подумал: «А ты, братец, здорово раздражен и напуган и не умеешь скрывать своих чувств».

— Ну а мадам сердится, ушибленным меня обзывает. Все шутит! Хе-хе! Красив попугай, да косноязычен... Приятно было с вами поговорить, надеюсь, скоро увидимся.

— Обязательно. В прошлый раз у нас была такая приятная встреча, до свидания! — и повесил трубку, представив себе, как Берендс накинется на Ирен, понимая, что провалился окончательно. Канарис за такой промах не погладит по головке.

Мысли Алексея тоже путались, начался озноб, видимо, «купание» не прошло даром.

Ночью в тяжелом состоянии его увезли в больницу. Врачи обнаружили пневмонию, потом начался процесс в легких, и его отослали надолго в санаторий. В санатории Алексей читал газету «Политика», в отделе происшествий нашел заметку.

«12 января неизвестными преступниками убит тремя выстрелами в спину господин Г... полиции пока еще ничего не удалось обнаружить...»

Погиб Иван Абросимович, добрый товарищ, опытный руководитель. Регулярная связь с Центром оборвалась. Восстанавливать ее в сложившейся напряженной обстановке было не только сложно, но и чрезвычайно опасно.

Работать становилось все труднее. Пакт о ненападении между СССР и Германией спутал на Западе все карты. Алексей понимал, что это оттяжка для подготовки отпора нападению агрессора, и досадовал лишь на то, что приходилось, согласно распоряжению, «не предпринимать радикальных мер против немецкой разведки».

Таким образом между Хованским и супругами Берендс установился некий вооруженный нейтралитет.

В одной из пленок, которую Алексей добыл в квар-

тире Берендса, обнаружился очень важный разговор между югославским «фюрером» Летичем, генералом Скородумовым и немецким послом. Речь шла об организации белоэмигрантского военного корпуса, который должен был действовать на территории Югославии в качестве полицейской силы. Это требовало от Хованского немедленно связаться с коммунистами Югославии, чтобы передать им информацию. Не найдя контактов с руководством Союза коммунистов, Хованский проинформировал Москву.

Но самой ценной была пленка с высказываниями комиссара гестапо Ганса Гельма.

4

В ту ночь Людвиг Оскарович вернулся домой со сломанной рукой и расцарапанным лицом.

Ирен только всплеснула руками и кинулась вызывать врача. Потом пришлось ехать в больницу, где мужу наложили гипс и заклеили пластырем щеку и лоб.

— Когда операция была уже закончена, — рассказывал он жене, морщась от боли, — на нас вдруг напал какой-то монстр, какое-то чудовище и раскидал нас как щенков. Я еще легко отделался. Жаль Вихрастого — пришлось пустить по течению. А что делать? Полиция, следствие! Только этого не хватало! Досталось и Доске. Уверял, будто пырнул нападающего ножом, но я не верю. Когда после удара я отлетел в кусты — слава богу глаза целые, — то видел, как богатырь помогал нести Хованского в тот ресторан... Доннерветтер!

— А ты прятался в кустах? — спросила Ирен.

— Что делать? «Жизнь наша пир: с приветной лаской фортуна отворяет зал, Амур распоряжает пляской, приходит смерть, и кончен бал». Умирать я, мадам, еще не собираюсь. Вот так-то, мой друг! — и глубоко задумался.

Ирен поднялась, как-то странно посмотрела на него и вышла из комнаты. А он, проводив ее равнодушным взглядом, с циничным безразличием констатировал: «Опять неудача».

Способный мальчик, оболваненный психологической муштрой морского кадетского корпуса, подавлявшей всякую попытку к самостоятельному мышлению, он уже в тринадцать лет утратил веру в справедливость. Позднее, уже как разведчик, Берендс понял, что живет в мире, где люди следят друг за другом по принуждению или

добровольно, где донос перестал быть пороком, а является актом патриотизма. Все то, что передала ему мать, с годами в нем погасло. Поблекло чувство прекрасного, злого и доброго. Он презирал книги и человеческую мудрость и не знал, когда нужно смеяться, а когда плакать. Став слугою «великого рейха», он научился воспевать их фальшивое, бездушное сектантство, хотя отлично видел тупость и невежество фюреров, больших и малых, которые за несколько лет своего владычества превратились в карьеристов, демагогов, преступников, коварных и жестоких изуверов и палачей.

После его «женитьбы» дети отошли от него, и последний теплящийся в тайниках души светильник погас. Жить было скучно и противно, умирать — страшно. Он понимал, что истина всегда конкретна, что сегодняшнее добро может завтра оказаться злом. Он понимал, что народы уже добираются до сути нацизма, и если немцы еще находятся под его гипнозом, то надолго ли? Молох требовал жертв. «Аншлюссы» и «лебенсраум», и «блицкриги» — только они могли еще удержать подобный режим, только они могли держать в трансе народ, приучать его к запаху крови, сладости насилия, торжеству темных инстинктов, к зверству и жестокости. Но Берендсу было еще неясно: кто победит в грядущей большой войне? Ему хотелось, чтобы войну выиграли фашисты.

«Что делать, если Хованский заставит работать на американскую разведку?» — спрашивал он себя, предполагая, что Алексей служит американцам.

Шли дни, слагаясь в недели и месяцы. Алексей по-прежнему захаживал изредка к ним на субботники-рауты и как ни в чем не бывало разговаривал о разных пустяках.

«Пустозвоны действуют на эмоции, а молчалники на сознание», — замечал Берендс про себя после встречи с Хованским. И спрашивал Ирен:

— Когда же он наконец заговорит? Должно же это рано или поздно случиться! — И, взвесив все «за» и «против», уже который раз приходил к заключению:

«Такова, знать, моя судьба — быть разведчиком с двойным дном! Доннерветтер!»

5

Деятельность Олега Чегодова как начальника контрразведки НТСНП свелась с началом войны к минимуму. Повсюду вводилась цензура, письма подвергались пер-

люстрации. Началась шпиономания. В союзе наметился раскол. Если вчера, чувствуя никчемность собственного существования и неуверенность в завтрашнем дне, молодые русские люди за рубежом, мучаясь извечным вопросом: «Чем жить?», бежали от самих себя в НТСНП, в Имперский союз, к младороссам или еще в какую-нибудь организацию, то сегодня все усложнилось. Грянула война. Все понимали, что она перерастет в мировую, что на карту поставлены судьбы государств, в том числе и Советского Союза. И все больше убеждались, что «бредовые» идеи нацизма не «увлечение незрелого ума», не «детская корь», а весьма последовательный и очень страшный план, который скрупулезно, по рецепту «Майн кампф», будет доведен с немецким педантизмом до конца.

«Кто победит в грядущей схватке?» — вопрос, который задавали себе неоднократно и вожаки НТСНП. «Капиталистический строй изжил себя, его слабость проявляется во всем! — утверждал Байдалаков. — Фашизм и только фашизм освободит Россию от большевиков!» — «Англия никогда еще не проигрывала кампании, — возражал ему Георгиевский, — у нее сильные союзники. Если понадобится, Рузвельт найдет повод начать войну». — «Гитлер не круглый идиот. Не сомневаюсь, что, когда начнется война немцев с большевиками, Гитлер победит СССР, а затем примирится с Англией и США, и мы, белоэмигранты, в любом случае окажемся в выигрыше», — уверял Кирилл Вергун.

В 1939 году в НТСНП еще колебались.

Из тех же соображений: «Кто победит?» — «Сектор закрытой работы» перешел в ведение Околова, властного, самоуверенного, понюхавшего порохи, связанного с разведками ряда стран. Деятельность секретных филиалов теперь сводилась только к вербовке возможно большего количества людей для переброски в СССР.

Хованскому оставалось одно: найти пути к проникновению в «Закрытый сектор» НТСНП, в его «святая святых», и узнать истинных его хозяев. Вот почему в первой же партии перебрасываемых из Белграда в Бухарест «офицеров революции» выехал Олег Чегодов.

Алексей дал согласие на его отъезд скрепя сердце. Вынуждали обстоятельства, прежде всего нужно было наладить бесперебойную связь с Центром, которая стала весьма нерегулярна после убийства Ивана Абросимовича, потом ввести в курс дел недавно прибывшего из

Москвы в Бухарест товарища, своего бывшего подчиненного, честного, но, пожалуй, несколько примитивного парня, который делил людей на две категории: овец и козлиц, и одних возносил в царство небесное, а других ввергал в геенну огненную. И наконец, следовало удовлетворить просьбу самого Чегодова.

Жизнь его по многим причинам сложилась неудачно. Олег был в отличие от многих сверстников сравнительно обеспечен; здоров, неглуп, пользовался авторитетом у товарищей, успехом у девушек и молодых женщин, благосклонностью старших, но временами его охватывало острое чувство внутренней неудовлетворенности, доходившей до отчаяния. Под внешним благополучием таилось какое-то отвратительное ощущение постоянного, где-то под спудом, душевного разлада и досады на себя и свои нередко безрассудные поступки.

Разладу этому способствовали и вечное чувство неполноценности, присущее каждому изгнаннику на чужбине; и некоторая двойственность во взглядах на Советский Союз и события, которые в нем происходили (ведь Олег не бывал в новой России); и несвойственное его возрасту болезненно-острое реагирование на ложь, грубость и несправедливость; и, наконец, неудачная женитьба, потом развод и досада на себя, собственное недомыслие, на то, что жизненный бой, первый бой, так неразумно проигран.

Он тянулся к Алексею Хованскому. И вскоре под его влиянием обрел себя и задался целью начать все сначала там, в России! По его же совету Чегодов вступил в ряды НТСНП, а спустя немного времени возглавил так называемую контрразведку союза. Он окреп душой, бесила только слепота товарищей да смущали порой ошеломляющие блицкриги нацизма, кажущаяся уступчивость Советского Союза немцам, заключение с Германией пакта о ненападении; растерянность Антанты, смятение на Балканах и торжество злобствующей белой эмиграции, которая, точно воронье перед снегом, каркала во все горло, предвещая скорую гибель коммунизма.

Но теперь Олег уже все яростней ненавидел самоуверенных пустозвонов НТСНП. Ему удалось сколотить небольшой костяк из товарищей, которые согласились помогать Советскому Союзу.

29 февраля 1940 года с группой, возглавляемой Околовым, Олег Чегодов выехал из Белграда в Румынию, на что всегда распростились со всем, чем жил до сих пор

столько лет: со страной, которая так радушно приютила его, с красотами, чудесным, мужественным народом, благополучным старым укладом, с добрым учителем и другом Алексеем Хованским, с родными, близкими и товарищами, со всем, что было мило некогда сердцу... Распрощался мысленно, с затаенной грустью.

Никто не должен был знать, когда и куда он уезжает.

Эпилог

1

Шел 1940 год. Война в Западной Европе полыхала вовсю. Гитлеровские орды захватили Данию и Норвегию, Нидерланды, Бельгию и Люксембург, сбросили в море у Дюнкерка английскую армию. 22 июня капитулировала Франция.

На Востоке, после разгрома Красной Армией финляндских войск Маннергейма, 12 марта 1940 года был заключен мирный договор. В июле народы Латвии, Литвы и Эстонии провозгласили Советскую власть. 28 июня в состав СССР вошли Бессарабия и Северная Буковина.

«Что будет дальше? Куда повернет военная машина «третьего рейха»? На Великобританию, на Балканы или на огромную непонятную страну социализма, Россию? — спрашивали себя российские эмигранты, одни с затаенным страхом, другие с откровенным злорадством, третьи с опасением: — Что принесет народам фашизм?»

Требование Советского правительства о возвращении Бессарабии застало Околова и его хозяев врасплох. Срывался уже полностью подготовленный план установки в Кишиневе радиостанции, которая должна была вещать на пограничные районы Советского Союза, и перебазировки туда же типографий («Льдины») из виллы сотрудника японского посольства в Бухаресте.

Но, узнав, что румынским властям приходится в течение сорока восьми часов вывести из Бессарабии и Северной Буковины войска и эвакуировать учреждения, разведки Германии, Англии, Японии, Румынии постарались этим воспользоваться. Начальник закрытого сектора НТСНП Околов тоже не хотел ударить в грязь лицом и заслал в Бессарабию группу своих «офицеров революции».

Каждому члену группы, состоящей из пяти человек, было спешно выдано по шесть тысяч рублей и по десять тысяч румынских лей и дана явка. Но с документами

получился конфуз. Легенды к каждому документу были состряпаны наспех, да и сами документы, выданные польским посольством в Бухаресте и даже не заверенные румынскими властями, не внушали доверия. И вскоре все «офицеры революции» были выловлены органами госбезопасности на территории Советского Союза.

Разве не трагический фарс придуманная Околовым легенда для Марии Дурново, бывшей жены его близкого друга, председателя белградского отделения НТСНП Давнича? Она была заслана Околовым в составе третьей группы на территорию Северной Буковины и задержана нашими пограничниками в декабре 1940 года.

В кабинет старшего сержанта госбезопасности ввели маленькую голубоглазую блондинку, с мальчишески вздернутой головой и злой улыбкой на губах, но уже после нескольких вопросов Мария запуталась в ответах, побледнела, замолчала, а потом безнадежно махнула рукой:

— Да, я запуталась. Моя настоящая фамилия Дурново, по первому мужу Давнич, по второму — Мальцева. Переброшена сюда как эмиссар НТСНП.

— Какие цели и задачи ставит перед собой НТСНП?

— Путем террора, диверсий, антисоветской пропаганды, шпионажа добиться свержения советского строя. Для осуществления этих задач нас и засылают на территорию Советского Союза.

— Расскажите вашу биографию, Михайлова-Савич-Давнич-Мальцева.

— Я родилась в тысяча девятьсот двенадцатом году в Москве. Мой отец, Сергей Николаевич, ушел вместе с белыми. Умер в тысяча девятьсот тридцать восьмом году в Белграде. Мать, Варвара Николаевна, живет в Югославии, на пенсии. Старший брат, Никита, летчик, капитан югославской армии, дядя...

— Погодите, — останавливает ее следователь. У него хорошая память. Он помнит, что в декабре тридцать девятого года был арестован в Краснодаре энтээсовец Василий Дурново. И тут же на следствии он показал, что в Днепропетровске проживает Волков-Войнов-Колков Александр Георгиевич. Что Колков второй уже раз перешел границу, что он — главный эмиссар НТСНП. И, глядя в испуганные глаза Марии Дурново, спрашивает: — А где ваш младший брат?

— Не знаю, где-то на территории Советского Союза.

И она начинает рассказывать, ей хочется выложить все, что у нее тяжелым камнем лежит на душе. И, роняя слезы, она говорит, говорит, говорит. А перед глазами проходят картины далекого чудного детства, веселой юности, первых увлечений, «роковой любви». «Но как прошла жизнь, да и была ли она вообще? — мелькает в возбужденном мозгу неудачливой Шарлотты Кордэ. — И разве я жила? Будьте вы все прокляты, созданные мной кумиры, с вашей напыщенностью и глупым самомнением, вы, байдалаковы, георгиевские, вергуны, околовы! Дура, ах, какая я дура!» — И она все говорит, и по ее измученному скуластому лицу текут слезы.

Следователь слушает ее и думает: «Москва слезам не верит! Вчера раскололся и продал тебя твой муженек Мальцев, сынок войскового старшины Николая Александровича Мальцева, который имел какое-то отношение к делу Блаудиса и убийству генерала Кучерова. Под стать липовым легендам и ваша идейная убежденность, и вдолбленный вам в головы ваш «национально-трудовой солидаризм», это «мировоззрение» наиболее реакционной части русской буржуазии, родившееся в 1905 году из-под пера Петра Бернгардовича Струве. Вот ты, молодая террористка и шпионка, разоблачена. Но этого мало, надо до конца тебя раскусить, и кто знает, может быть, дать «путевку в жизнь», превратить со временем в полезного члена советского общества. А последнее вовсе не просто, как не просто обратить куклу в человека».

Следователь нажимает на кнопку звонка, чтобы пришли за арестованной, и говорит:

— Завтра я вас, Мария Сергеевна, вызову, а вы подумайте и расскажите все, что знаете об Околове.

Сейчас, в декабре 1940 года, следователь еще не мог знать, что год спустя, в декабре 1941 года, его, пленного партизана, судьба сведет с Околовым в кабинете гестапо.

Глядя вслед уходящей, сгорбившейся и постаревшей Марии Дурново, он думал, как глупо и бесцельно тратятся жизни молодых, полных сил людей. И ради чего? Такая сволочь, как Околов, увлекает их романтикой сладкой (ох, далеко не сладкой!) жизни рыцаря плаща и кинжала, ослепляет и без того близоруких классовою ненавистью, сколачивает в отряды заманчивой ложью: «Вы спасители Отечества!» Чтобы потом они мучились в одиночках тюрем.

В июне 1940 года в Москве, на Лубянке, в кабинете, который некогда занимал Артузов, обсуждался вопрос о назначении работающего в Югославии сотрудника контрразведки майора А. А. Хованского на пост безвременно погибшего Ивана Абросимовича.

О Хованском было высказано немало хвалебных отзывов. С сомнениями выступил лишь начальник румынского отдела. Он ссылаясь на пришедшие из Бухареста сведения.

— Наш новичок, младший лейтенант Сергеев, вышел на связь с приехавшим из Белграда человеком, помощником Хованского, членом НТСНП Чегодовым Олегом, и тотчас после свидания обнаружил за собой наблюдение. Связь оборвалась. Боюсь, что майор Хованский либо слабо разбирается в людях, либо за эти годы потерял бдительность.

— А может, младший лейтенант Сергеев сам привел за собою хвост? — возразил, поднимаясь со стула, красивый майор с вьющейся, чуть тронутой сединой гривой. — Иди ему просто показалось? До сих пор Хованский в людях не ошибался. Благодаря ему, его людям мы обезвредили целую банду энтээсовцев во главе с самим Колковым, дружкой Околова. А ведь Колкова и Околова, помните, мы разыскивали и в тридцать восьмом году? И второй раз удалось ему неприметно перейти границу!

— И все-таки майору Хованскому следует указать, чтобы внимательней приглядывался к людям. А Чегодова мы проверим. Он ведь должен перейти с группой энтээсовцев через нашу границу, — не сдавался начальник отдела.

Кандидатура Хованского была утверждена, и дано задание в первую очередь обнаружить инициаторов и непосредственных убийц Ивана Абросимовича, и указывалось, что нити этого дела тянутся к штабу генерала Скородумова. Далее предписывалось усиливать всячески работу в белоэмигрантских организациях, активно действующих против Советского Союза; искать каналы проникновения в штабы белоэмигрантских антифашистов, содействовать их объединению в товарищества, а настроенных просоветски — в «Союз советских патриотов». Рекомендовалось постараться проникнуть в штаб генерала Скородумова, чтобы контролировать хоть

в какой-то мере его деятельность. В связи с тем, что, по имеющимся данным, фон Берендс — резидент Канариса, после изъятия из сейфа компрометирующего материала рекомендовалось завербовать Берендса, разумеется, соблюдая крайнюю осторожность.

3

Разведшкола НТСНП находилась в квартире многоэтажного здания недалеко от центра Бухареста на улице Извор, 12. Здесь же был и кабинет начальника школы и закрытого сектора НТСНП Георгия Сергеевича Околова. Но в кресле за столом сегодня восседал крупный лысоватый мужчина в сером штатском костюме, с великолепным галстуком-бабочкой на шее. Он самоуверенно поглаживал маленькие усики и мягким баском бросал через стол вопросы скромно сидящему на стуле, как бы виноватому Околову. Виктор Михайлович Байдалаков, который сейчас беседовал с Георгием Сергеевичем, был напыщен и самоуверен, как никогда. С важным видом он рассказывал о том, что неделю тому назад к нему в Белград приезжал редактор издаваемой министерством Розенберга русской газеты «Новое слово» Владимир Михайлович Деспотули. Нынешний министр «третьего рейха» Альфред Розенберг, уроженец Таллина и, кажется, однополчанин Деспотули по белой армии, предложил переехать исполнительному бюро НТСНП в Берлин и поставить работу союза на широкую ногу.

— Но сам понимаешь, Георгий Сергеевич, — сделал стальные глаза, продолжал Байдалаков, — нам надо показать товар лицом. Удачно ли у нас идет заброска людей в Советский Союз?

— В общем неплохо, — быстро ответил Околов. — Мы перебросили три группы, радиопередатчик, но связи пока нет. И неудивительно...

— А как, на каких данных составляете легенды?

— Ну, если кто к чекистам попадет, то никакая «легенда» не спасет, — криво усмехнулся Околов. — Опытный следователь любого на чистую воду выведет. К счастью, вода сейчас в Бессарабии и на Буковине мутна и мы можем там плавать. Пока власти разберутся, пройдет немало времени. Немцы стягивают к бессарабской границе войска. К войне, видимо, готовятся. А как нам быть, Виктор Михайлович, с немцами идти? Или...

— Против большевиков — хоть с чертом! — сдвигая брови, жестко изрек Байдалаков.

— С чертом можно и в ад угодить, — пошутил Околов. — Кто нам луковку подаст?

— Какую луковку? — не понял Байдалаков.

— Помните, у Достоевского, как ангел-хранитель протянул луковку грешнице, чтобы вытащить ее из огненного озера?

— Про ту злущую бабу, которая за всю свою жизнь сделала единственное доброе дело — выдернула из огорода луковку и подала нищенке?

— Вот, вот, уже всю было ее ангел вытащил, да прочие грешники стали за нее хвататься, чтобы их тоже вытащили. А баба давай брыкать ногами, и луковка оборвалась...

— Не бойся, я брыкаться не стану, — криво усмехнулся Байдалаков. Потом, нахмурившись, продолжал: — Вот потому мы и решили уехать в Берлин не в полном составе. В Белграде останется Михаил Александрович с надежной группой. Сам знаешь, наш генсек Георгиевский крепко связан с англичанами. Если победят немцы, мы протянем ему луковку, победят англичане — генсек нам ее протянет! Тебе же, Георгий Сергеевич, придется ехать со мной со всем своим хозяйством в Германию. Хоть ты с англичанами тоже сети плетешь.

— С кем я только их не плету, — хмыкнул Околов. — Приходится дружить и с поляками, и с японцами, и с румынами, и с югославами.

— Судя по всему, немцы все-таки нападут на Советский Союз и нам придется находить с ними общий язык, — заключил Байдалаков. — И еще: мы решили — пока не узнаем о судьбе засланных в Бессарабию и Буковину людей, от дальнейшей переброски новых групп воздержаться.

Околов промолчал, но про себя подумал: «Вы решили, а группа у меня готова, и я все-таки ее пошлю. И с Гансом Гельмом еще в Белграде это обговорено. У комиссара в Берлине высокие связи, сам Генрих Миллер, шеф гестапо, ему протезирует, так что у меня будут свои контакты с Германией. И мы еще посмотрим, кто из нас будет занимать это кресло». И он искоса бросил недобрый взгляд на развалившегося в кресле председателя НТСНП Виктора Михайловича Байдалакова.

4

Когда началась война и встал вопрос: быть или не быть России, часть российской эмиграции в Югославии,

да и во всей Европе, уже в первые месяцы войны включилась в борьбу с фашизмом.

22 июня 1941 года в Белграде состоялось заседание Политбюро Центрального Комитета Союза коммунистов Югославии. Набатов прозвучали слова, обращенные к населению страны:

«Пробил решающий час. Начался решающий бой против злейших врагов рабочего класса, бой, который фашистские преступники сами навязали вероломным нападением на Советский Союз — надежду трудящихся всего мира. Драгоценная кровь героического советского народа проливается не только во имя защиты страны социализма, но и во имя окончательного социального и национального освобождения всего трудового человечества. Поэтому это и наша борьба, и мы должны поддерживать ее всеми силами, вплоть до наших жизней»*.

Немало русских эмигрантов — кадет, солдат, казаков, офицеров и генералов, мужчин и женщин — вступило в «Союз советских патриотов», поставив перед собой задачу бороться с оккупантами, оказывать помощь пленным красноармейцам и вести пропаганду в пользу Советского Союза. Одни сотрудничали с антифашистским подпольем и партизанами, собирая для югославского командования нужные сведения, другие воевали в частях Народно-освободительной армии Югославии, третьи сражались на самом страшном, тайном фронте. Среди последних были Аркадий Попов, Зорица, Драгутин, Иван Зимовнов, Николай Буйницкий...

Немало их пало смертью храбрых в борьбе. Облили бензином и сожгли смелую студентку Ирину Бердяеву. Замучили медсестру Пятницкую, врачей Чернозубова и Елену Шеремет. Отважно погиб в бою Николай Немирович-Данченко. Мужественно отдали свою жизнь Яковенко, Герсдорф, Минахорян, Дуропов, Рябов, Тимченко, Гаврилова...

Разве их перечтешь?

Истинные ордена носят не на груди, а в сердце. Алексей Хованский носил эти ордена. Из множества побудительных причин, толкающих человека к действию, к подвигу, порой одно упавшее в сердце слово, подобно искре, разжигает костер. Алексей Хованский был человеком, который обладал даром бросать такие искры.

* См.: История Югославии. М., 1963, т. 2, с. 193.

И он зажег своей убежденностью в правоте большевистского дела многих российских эмигрантов.

В Далмации, неподалеку от древнего городка Стон, на горе, среди небольшой рощи, на нетесаной гранитной глыбе стоит деревянная скульптура — памятник пилоту-герою, командиру звена «Б» первой эскадрильи Народно-освободительной армии Югославии майору Аркадию Ивановичу Попову.

Он вылетел на свое последнее, двадцать четвертое, боевое задание 16 октября 1944 года. На бортах его «спитфайера» было написано: «МСТИТЕЛ ЗА 5 ОФАН-ЗИВУ» (мститель за пятое вражеское наступление на югославских партизан).

В три часа дня «Мститель» во главе четверки «спитфайеров» появился над полуостровом Пелешау. Впереди по шоссе ползли танки, самоходные орудия, пешие колонны.

— За мной, соколы! — скомандовал звену Аркадий. Бомбы полетели вниз, и он увидел, как перевернулся огромный танк и тотчас его охватило пламя.

Пехота, беспорядочно стреляя, кидалась по укрытиям, а Аркадий, пикируя, строчил по ней из пулемета. Пролетев над морем, звено свернуло к Дубровнику и, сделав небольшой крюк — на базу, для заправки, направилось к Билече. Аркадию вдруг захотелось повидать старую крепость. Вспомнились товарищи, названный отец генерал Кучеров, добрый друг Алексей Хованский, давший ему «путевку в жизнь». Помахав над крепостью крыльями, свернул к городу Метковичи.

Небо темнело. Тучи сгущались. С гор ползли туманы. Напрягая зрение, летчики опустили на высоту трехсот метров. И вот в стороне городка Слане они увидели серую ленту танков, самоходных орудий, грузовиков...

— За мной! — Сделав мертвую петлю, майор Попов устремился вниз. Навстречу со страшной быстротой летела земля. Аркадий видел, как поднимались дула орудий и вылетало пламя из черных жерл зениток.

— К морю! — подал команду майор.

Это была его последняя команда. Звено свернуло в сторону и ушло из зоны огня немецких пушек. А ведущий «спитфайер» Аркадия устремился на батарею сквозь заградительный огонь. Девять шрапнелей, девять смертоносных картечин впились в его тело, и каждая несла смерть! На какое-то мгновение он выпустил штурвал из рук, еще какая-то доля секунды, и самолет вре-

жется в землю. «Нет! Так большевики не делают! Так Хованский бы не поступил!» — молниеносно пронеслось в мозгу Аркадия, и ему показалось вдруг, что Алексей Алексеевич Хованский крепко сжимает ему руку, а в тайниках души ярким пламенем горит радость подлинного мужества и самоотверженности.

С нечеловеческой силой воли, преодолевая предсмертную агонию, Аркаша вывел самолет из пике и, описав в небе странную параболу, «Мститель» устремился на врага в свою последнюю смертельную атаку.

Но даже и после войны Алексей Хованский носил в сердце такой орден, который не был ему утехой, а причинял глубокую боль. Он никогда не мог забыть начала своего пути в Югославии, встречи с генералом Кучеровым. Алексей понимал, что только из-за своей малоопытности не сумел уберечь Петра Михайловича от гибели. После смерти генерала все его вещи были переданы названому сыну Аркадию Попову. Среди них была и начатая рукопись. Они не раз читали ее вместе с Аркадием, и Алексею навсегда врезались в память ее начальные строки:

«Милое моему сердцу далекое российское поколение, тебе, советская молодежь, я посвящаю эту книгу, потому что ты издаека, непредвзято разглядишь своими зоркими глазами, в какую мрачную бездну вторг злой рок твоих дедов. Верю, ты будешь лучше нас и, наверно, поймешь, что мы, вставшие против народа, несмотря на все свои ошибки и преступления, по-своему искренно любим его и свою Святую Русь, и она казалась нам прекрасней майского солнечного утра, первой юношеской любви. Разбросанные по всему белому свету, живя порой в райских уголках земного шара, мы ели лучшие в мире калифорнийские яблоки, сидели на берегах Ганга и Конго, плыли по Амазонке, Дунаю и Рейну, но, отдыхая в тени секвой, цветущих рододендронов или могучих баобабов, все-таки были глубоко убеждены, что ничто не ласкает так слух, как русская песня и русская речь, что нет ничего великолепней сибирской зимы, ничего вкуснее антоновки, крымского меда и белого подмосковного гриба; что красивейшая река — Волга, лучшее дерево — береза, а самые необъятные просторы — российские...»

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вместо предисловия. С. Сартаков	5
Пролог	7

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава первая. «Рука Москвы»	16
Глава вторая. Донской императора Александра III кадетский корпус	34
Глава третья. На мертвом якоре	61
Глава четвертая. «За единую, великую, недели- мую»	93
Глава пятая. Змен выползают из нор	128
Глава шестая. Под опущенным забралом	167

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава седьмая. «Россия № 2»	192
Глава восьмая. Пустозвоны	219
Глава девятая. В России	249
Глава десятая. Провал	282
Глава одиннадцатая. Железо и окалина	312
Эпилог	327

ИБ № 2229

Иван Васильевич Дорба

БЕЛЫЕ ТЕНИ

Редактор **В. Фалеев**
Художник **А. Евдокимов**
Художественный редактор **Б. Федотов**
Технический редактор **Т. Кулагина**
Корректоры **В. Назарова, И. Гарасова**

Сдано в набор 31.07.80. Подписано к печати 08.01.81. А00602.
Формат 84×108^{1/32}. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Усл. печ. л. 17,64. Уч.-изд. л. 18,9. Тираж 100 000 экз. Цена 1 р. 40 к. Заказ 1111.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, Суцеская, 21.

1 р. 40 к.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

ИВАН ДОРБА • БЕЛЫЕ ТЕНИ

